

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2025 Том 27 № 3

Цифровая политика

Приглашенный редактор *А.С. Ахременко*

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Николя — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Параишар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНРИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор И.Л. Панкратова
Редактор англоязычных текстов Д.Б. Казаринова
Компьютерная верстка И.А. Черновой

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 24.09.2025. Выход в свет 29.09.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 24,68. Тираж 500 экз. Заказ № 1262. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2025 VOLUME 27 NO. 3

Digital policies

Guest editor A.S. Akhremenko

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of HSE University, Moscow, Russian Federation

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University)

ISSN 2313-1438 (Print); ISSN 2313-1446 (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English.

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Literary Editor *Irina L. Pankratova*
English Text Editor *Daria B. Kazarinova*
Computer Design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10, bldg 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28; e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА В СЕТИ

- Сморгунов Л.В.** Трансверсальность сетевых коммуникаций и выбор стратегии поведения: концептуальное измерение 417
- Стукал Д.К., Шилина А.Н., Ахременко А.С.** Социальные медиа как альтер эго реальности: о чем говорит аффективная политическая поляризация? 430
- Синицина А.В., Соловьев В.А., Тяпкин Д.И.** Эмоциональная динамика в русскоязычных Telegram-каналах: между сплочением и аффективной поляризацией 444
- Кручинская Е.В.** Анализ аффективной поляризации в российском онлайн-пространстве в условиях политической мобилизации: подход машинного обучения 459
- Koncha V.** ‘Not With Us — Against Us’: ‘We’ vs. ‘They’ in the Transformation of Black Lives Matter Participants’ Collective Identities in Online Interactions with All Lives Matter, 2013–2014 («Не с нами значит против нас»: «Мы» vs «Они» в трансформации коллективной идентичности участников движения Black Lives Matter в онлайн-взаимодействиях с All Lives Matter, 2013–2014 гг.) 479
- Козлова Н.Н., Рассадин С.В.** Сетевой дискурс патриотических онлайн-сообществ в современной России: проблемное поле и аксиологические модусы 494
- Бабкин А.А.** Политические категории в обсуждениях соседских онлайн-сообществ: методика эмпирического исследования на примере г. Волгограда 507

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ

- Володенков С.В., Федорченко С.Н.** Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования 520
- Кочетков А.П., Мамычев А.Ю.** Институт государства и публично-властное управление в цифровую эпоху: уходящая реальность или действительность? 543
- Давтян В.С.** Цифровой суверенитет на Южном Кавказе: вызовы интеграции в международные цифровые коридоры 560
- Аватков В.А., Мишин Л.Д.** Подходы Турецкой Республики к обеспечению цифровой безопасности и регуляции СМИ 579

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

- Стребкова К.Е., Мальцева Д.А., Федотов Д.А.** Технологии искусственного интеллекта как инновационный инструмент реализации государственной молодежной политики РФ: стратегии, механизмы и практики 590
- Баранов Н.А.** Искусственный интеллект в избирательном процессе: возможности и новации 606
- Соколов А.В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А.** Применение технологий искусственного интеллекта в политике: угрозы и возможности 622

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

- Морозова С.С.** Концептуальная модель оптимизации взаимодействия государства и граждан в условиях цифровой трансформации современной России 638
- Гнедаш А.А., Бирючева Е.И.** Цифровой имидж и социально-политическая деятельность губернаторов российских регионов в условиях специальной военной операции 654
- Лагутин О.В., Шентякова А.В.** Ценностные основания цифрового политического участия современной российской молодежи: результаты эмпирического исследования... 673

CONTENTS

POLITICS ONLINE

- Smorgunov L.V.** Transversality of Network Communications and the Choice of Behavior Strategy: Conceptual Dimension..... 417
- Stukal D.K., Shilina A.N., Akhremenko A.S.** Social Media as an Alter Ego of Reality: What Does Affective Political Polarization Teach Us?..... 430
- Sinitsina A.V., Soloviev V.A., Tiapkin D.I.** Emotional Dynamics in Russian-Language Telegram Channels: Between Cohesion and Affective Polarization..... 444
- Kruchinskaia E.V.** Affective Polarization in the Russian Social Media Within the Political Mobilization: A Machine Learning Approach 459
- Koncha V.** ‘Not With Us — Against Us’: ‘We’ vs. ‘They’ in the Transformation of Black Lives Matter Participants’ Collective Identities in Online Interactions with All Lives Matter, 2013–2014 479
- Kozlova N.N., Rassadin S.V.** Network Discourse of Patriotic Online Communities in Modern Russia: Problematic Field and Axiological Modes 494
- Babkin A.A.** Political Categories in Discussions Within Local Online Communities: Empirical Research Methodology Employing Volgograd Case Analysis..... 507

DIGITAL SOVEREIGNTY

- Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N.** The Sovereignty of the Digital Space of Socio-Political Communications in Contemporary Russia and its Key Components: Evidence from Expert Research..... 520
- Kochetkov A.P., Mamychev A.Yu.** The Institution of the State and Public Administration in the Digital Age: Disappearing Phenomenon or Reality?..... 543
- Davtyan V.S.** Digital Sovereignty in the South Caucasus: Navigating Challenges Towards Integration within Global Digital Corridors..... 560
- Avatkov V.A., Mishin L.D.** Turkey’s Strategies for Ensuring Digital Security and Regulating Media Landscape..... 579

ARTIFICIAL INTELLIGENCE

- Strebkova K.E., Maltseva D.A., Fedotov D.A.** AI-Driven Innovation in Russian Youth Policy: Strategies, Mechanisms, and Practices 590
- Baranov N.A.** Harnessing Artificial Intelligence in Electoral Processes: Emerging Opportunities and Innovations..... 606
- Sokolov A.V., Frolov A.A., Babajanyan P.A.** Leveraging AI Technologies in Politics: Navigating Threats and Unveiling Opportunities 622

DIGITAL TRANSFORMATION

- Morozova S.S.** Conceptual Framework for Enhancing Government-Citizen Engagement Amid Digital Transformation in Contemporary Russia..... 638
- Gnedash A.A., Birucheva E.I.** Digital Image and Socio-Political Activities of the Russian Governors in the Context of a Special Military Operation 654
- Lagutin O.V., Shentyakova A.V.** The Value Bases of Digital Political Participation of Modern Russian Youth: Results of Empirical Research..... 673

ПОЛИТИКА В СЕТИ POLITICS ONLINE

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-417-429

EDN: JFKCLB

Научная статья / Research article

Трансверсальность сетевых коммуникаций и выбор стратегии поведения: концептуальное измерение

Л.В. Сморгун

Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

✉ lvsmorgunov@gmail.com

Аннотация. В центре внимания современных исследований — особенности сетевой коммуникации и ее признаки, обеспечивающие трансверсальность коммуникационного взаимодействия. Подчеркивается значение двух возникающих в процессе сетевой коммуникации феноменов — индивидуации и сетевой солидарности. Последние формируются в пространстве таких характеристик общественного пространства коммуникации, как сотрудничество, инструментальность, принадлежность, визуализация, персонификация, стимулирование и др. Особое внимание уделено трансверсальности сетевой коммуникации, основанной на политике пересечения различий. Трансверсальность сетевой коммуникации выражается в динамике контекстуальности коммуникационных процессов, их многомерности, манипулятивной множественности, критической открытости, самореферентности, коммуникационной прагматике и институциональной открытости. Все это создает условия для изменения моделей выбора стратегий поведения. В противоположность теории публичного выбора трансверсальность коммуникации ориентирует принципы стратегического выбора на предосторожность, воздействия на эффекты, а не причины, управление доверием на основе сотрудничества и ориентации на раскрытие потенциалов взаимодействия.

Ключевые слова: социальные сети, сетевая коммуникация, индивидуация, сетевое сообщество, трансверсальность, трансверсальная политика, трансдукция, стратегия выбора, логика связанного действия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сморгун Л.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Сморгунов Л.В. Трансверсальность сетевых коммуникаций и выбор стратегии поведения: концептуальное измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 417–429. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-417-429>

Transversality of Network Communications and the Choice of Behavior Strategy: Conceptual Dimension

Leonid V. Smorgunov

Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the RAS, *St Petersburg, Russian Federation*

✉ lvsmorgunov@gmail.com

Abstract. The academic discourse examines how the specific features and attributes of network communication facilitate transversality in interactive exchanges. Scholars particularly emphasize two key phenomena emerging from networked communication: individuation (the personalization of participation) and network solidarity (collective identity formation). These dual phenomena develop within a communicative space characterized by cooperation, instrumental functionality, shared belonging, visual representation, personalization, and motivational stimulation. A central focus lies in how network communication achieves transversality through what we might term a “politics of difference” — the strategic intersection of diverse perspectives. This transversality manifests through several dynamic qualities: the contextual fluidity of communication processes, their inherent multidimensionality, the strategic adaptability of messages, critical receptiveness to opposing views, self-referential meaning-making, pragmatic interaction patterns, and permeability to institutional influences. Together, these characteristics fundamentally reshape behavioral strategy selection models. Where traditional public choice theory operates on causal logic, communicative transversality shifts strategic priorities toward: precautionary approaches (focusing on effects rather than root causes), trust-building through cooperation, and maximizing latent interaction potential.

Keywords: social network, network communication, individuation, network community, transversality, transversal politics, transduction, choice strategy, logic of connective action

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Smorgunov, L.V. (2025). Transversality of network communications and choice of behavior strategy: Conceptual dimension. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 417–429. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-417-429>

Введение

В современных условиях, когда сетевое пространство активно используется человеком как источник информации и коммуникации, взаимодействие онлайн выступает мощным средством формирования политических ценностей и идентичностей, влияющих на политическое позиционирование и деятельность. В процессе сетевого взаимодействия проявляются механизмы управляемой и неуправляемой убеждающей коммуникации. Важным свойством

такого взаимодействия выступает *политика трансверсальности, т.е. стратегия взаимосогласования и взаимопересечения социальных, культурных, поколенческих, территориальных и других различий*. Трансверсальность можно рассмотреть в двух связанных смыслах. Первый — модель медиапотребления (переход от монологических моделей СМИ к приложениям или новостным ресурсам (агрегаторам), организованным по принципам фрактализации (ТикТок) или потоков с возможностью быстрого подключения / переключения (телеграм-каналы, подкасты). Второй — модель групп (виртуальных площадок, локальных медиа) организованных как коллаборативные проекты (с точки зрения финансирования, редакционной политики). Для данных сообществ трансверсальное (горизонтальное) взаимодействие является самоценным, они действуют в миноритарной логике и зачастую не стремятся выходить на широкую аудиторию. Поэтому научно значимым является анализ подобных площадок, локальных коллаборативных медиа и телеграм-каналов как сетевых дизайнов коммуникационного действия с соотношением управляемых и неуправляемых механизмов. Важным является поиск такого сетевого механизма коммуникации, который был бы направлен на формирование общегражданской идентичности в условиях трансверсальной политики пересечения различий в социальных сетях.

Сетевая коммуникация как пространство индивидуации

Современные коммуникации становятся центральным фактором, определяющим не только наше отношение к миру, но часто рассматриваются в аспекте пространства формирования мира. Опосредованные влиянием цифровых технологий, коммуникационные потоки становятся соизмеримыми с потоками самой жизни в рамках сложных ассамбляжей человеческих и нечеловеческих агентов. В этом отношении коммуникация распространяется на многосоставное сетевое общество своеобразно, пытаясь интегрировать разрозненные части в нечто одновременно устойчивое и динамичное, разнообразное и объединенное, конфликтное и кооперативное. Определенным ответом на сетевую самоорганизацию выступило концептуальное движение за трансверсальную политику солидарности, в которой коммуникационный компонент выходит на первый план [Semetsky 2008; Jung 2009; Kanngieser 2012].

Пользовательские сети последнего поколения на основе связанных данных и консолидированного контента позволяют изменить процесс коммуникации в направлении потокового вещания и прямых трансляций. Важным выступает то, что в процессе сетевого участия все более выявленным становится значение индивидуации, когда сети накапливают в своем пространстве потенциальную энергию коллектива, готовую к действию под влиянием индивидуальной атаки. Здесь начинает проявляться та идея Жильбера Симондона, которая связывает процессы индивидуации и формирования коллектива посредством трансдукции в пространство индивидуализирующихся коллективов. То, к чему предназначен развивающийся индивид, составляет его сущее в коллективе.

Коллектив — не коллективистское обобщение индивидов посредством индукции, а результат размыкания (трансдукции) индивидуации в «соответствии с коллективом». «Коллектив» — не субстанция или форма, предшествующая индивидулируемому сущим, которая могла бы их сдерживать, проникать в них или обуславливать их: коллектив — это коммуникация, охватывающая и разрешающая индивидуальные диспарантности в форме присутствия и являющаяся синергией действия, совпадением будущего и прошлого в форме внутреннего резонанса коллектива» [Симондон 2022: 374].

Изначально трансдукция приходит из биологии и генетики как процесс переноса ДНК между клетками при помощи вирусов, однако в дальнейшем она понимается как любой процесс переноса кибернетической информации между элементами системы посредством закодированных сигналов. При анализе сетей, в том числе социальных, трансдукция означает перенос аналогичных информационно-коммуникационных сигналов по связям между узлами, или вершинами. Трансдуктивные переходы также используются в машинном обучении в концепции преобразования графов. Иногда трансдукцию понимают не просто как процесс переноса информации, а как процесс преобразования контекста и элемента при перенесенной информации. Трансдукция носит процессуальный характер. С ее помощью можно охарактеризовать переходы из одного состояния в другое. Ж. Симондон рассматривает это явление на примере перехода жидкостей из жидкого в твердое или парообразное состояние. Мы рассматриваем трансдуктивные переходы применительно к работе с информацией, так как именно она определяет степень индивидуальности, а индивид характеризует способность сохранять или увеличивать информационное содержание [Симондон 2022: 326, 328].

В ходе исследования выделяются шесть режимов информации:

- 1) режим функциональной автономии индивида вырабатывать и распространять информацию;
- 2) режим центрирования информации, посредством которого индивид управляет информацией, модулирует среду ее распространения и определяет индивидуацию;
- 3) режим изменения формы информации, ее перехода от звучания к тексту, от текстов к визуализации, от одной формы к интеграции форм: так, например, переход этого рода предполагает изменение формы текстовой коммуникации (от печатного текста к заглавным буквам и визуализации) в результате нагнетания эмоциональной напряженности в ходе дискуссии и использования затравки;
- 4) режим тематического наслаивания информации, когда, например, происходит изменение темы и смысла коммуникации внутри одной дискуссии на основании предполагаемых связей между старой и новой темами, возникающих в воображении комментатора (пользователя);
- 5) режим центростремительной информации, определяющий движение коммуникационных потоков к индивиду, потребление и переработку им информационных сигналов, их индивидуальное принятие;

- б) режим центробежной информации, ее рассеивание и распределение в сети. Трансдуктивные переходы являются важными механизмами в формировании структурных связей в социальных сетях в ходе формирования и использования различных информационных режимов. Именно такие переходы как процедуры трансдукции в режимах информации составляют сигнификацию и смысл индивидуации в социальных сетях.

В этом отношении современный этап коммуникации становится трансстабилизационным, предполагающим состояние, наполненное потенциалом новых образований в процессе движения индивидуации к солидарным коллективам. В определенном смысле такие сети противостоят машинизации, о которой мечтают представители идеи семантической паутины, способной на основе вычисления представлять определенный логический вывод. Уже сегодня сетевая коммуникация — это не столько процесс, направляемый машинно-читаемыми элементами, сколько открытая система трансгуманистического проекта, в котором индивид остается центральным звеном управления потоками информации посредством научения тому, как взаимодействовать в человеко-машинном ассамбляже с другими людьми. Как писал Корнелиус Касториадис, «создание учреждающего общества как установленного общества есть каждый раз общий мир — *kosmos koinos*: полагание индивидов, их типов, отношений и деятельности; но также и постулирование вещей, их типов, отношений и значений — все это каждый раз попадает в сосуды и системы отсчета, установленные как общие, которые заставляют их существовать вместе» [Castoriadis 1998: 370].

Следует подчеркнуть, что сетевая коммуникация возникает не просто вокруг определенных тем или ценностей, которые интересны многим или исповедуются многими. Она возникает в сетевом пространстве, которое создает условия и формирует потенциал для коммуникации в действии, т.е. является со-общественным местом для нее. Такое совместное место-пространство коммуникации обладает возможностью объединять различия без тоталитаризации [Eriksson 2005: 309]. Отсюда социальные сети создают общественное пространство коммуникации.

Сообщественное пространство коммуникации

Сегодня сетевизация составляет существенную характеристику общества, не только связывая акторов и меняя характер отношений между ними, но и создавая другое пространство осуществления жизненных целей. Формирующиеся коллективы создают общественное пространство коммуникации для умножающихся социальных проектов [Михайленок, Назаренко 2020]. В этом отношении их жизнедеятельность опирается на новые формы кооперации, определяемые многообразием сетевой организации взаимодействий. На этой основе возникает эффективное и активное сотрудничество людей в политике, которое должно быть признано и поддержано. И наконец, преимущество плюральных демократических сетей как пространств для экспериментов и обновлений может быть объединено с локальной жизнью и научением так, чтобы

местные традиции были лучше поняты и включены в действие, но не как ретроспективные практики, а в качестве инструмента поиска продвижения вперед. Политическая принадлежность выступает новым словом для политического позиционирования, а точнее, фиксирует современный характер определения человеком себя как политического существа [Hall 2013]. Сегодня нет необходимости в тотальном тождестве с коллективом, принадлежность к роду-племени фиксируется практикой политического действия вместе с другими членами коммуны, не подверженными исключению. Политическая принадлежность в сетевом обществе вообще не знает исключений [Christensen 2005: 553–554].

Сети интенсифицируют рост нового коммуникационного знания за счет интенсивного обмена, деконцентрации и смешивания информационных потоков. В сетях происходит интенсивное взаимодействие ее участников, позволяющее каждому из них наблюдать иную качественную практику общения на основе открытости границ коммуникации. В этом отношении сети способствуют прямой передаче этого опыта и выполняют важную функцию демонстрационного эффекта распространения сетевой коммуникации. Сети возникают, как правило, вокруг инновативных центров коммуникации. Такой центр обеспечивает жизненный цикл сетевой организации, а значит, и возможность распространения коммуникационных нововведений. Сети по своей структуре подвижны и обеспечивают свободный поток информации и знания за счет различных структур коммуникации — вертикальных, латеральных, трансверсальных. Именно последние обеспечивают свободу коммуникации и дают возможность для соединения различных потоков знания, что повышает вероятность возникновения коммуникационных потенциалов. Возникающая ситуация множественности интерпретируется здесь как возможность *трансверсальной коммуникации*, которая создает пространство взаимодействий, лишенное прежних (капиталистических, либеральных, колониальных) практик дисциплинирования, доминирования, вытеснения и маргинализации. «С этой точки зрения понятия солидарности как универсализма или солидарности, основанные на сходстве, являются проблематичными. Актуальность трансверсальной политики заключается в охвате различий посредством равенства» [Agustín, Bak 2021: 859].

Основные признаки сетевой коммуникации:

1. Визуализация (базируется на кризисе репрезентации, когда визуальный знак отрывается от того, что он представляет, и начинает жить своей жизнью; множество знаков, подверженных различной интерпретации). Что такое знак? Это — реальность, представленная в отношении между коммуникантами.
2. Персонификация (базируется на кризисе идентичности; представляет собой процесс протоиндивидуации, по мысли Симондона).
3. Коммуникационное стимулирование (вовлечение в сетевую коммуникацию как процесс виртуальной реальности мира).
4. Трансграничность (представляющая собой кризис локальной привязки коммуникации и нарушения суверенитета места).

5. Гипертекстуальность (взаимосвязанность множества текстов, разрушающих господствующие нарративы).

Результат развития сетевой коммуникации выражается в нарушении линейного принципа коммуникационного процесса, предполагающего кибернетический принцип передачи сигналов для организации взаимодействия от источника к получателю; переносе политического в коммуникационную сферу, часто сопровождающуюся аффективной поляризацией [Стукал, Ахременко, Петров 2022] и информационными (гибридными) войнами; потере оснований для доказательной коммуникации посредством твердого обоснования (реальность, факты, логика, научное доказательство).

Можно ли считать это развитие процессом дестабилизации порядка коммуникации и надеяться на новый порядок, основанный на прежних правилах (открытость, делиберативность, репрезентации, медиация, значение и объективность)? Не является ли современный этап коммуникации трансстабилизационным, предполагающим состояние, наполненное потенциалом новых становлений в процессе движения индивидуации к новым коллективам, основной чертой которых выступает множественность различий?

Трансверсальность сетевой коммуникации

Возникшая ситуация множественности интерпретируется как возможность трансверсальной коммуникации. Феликс Гваттари впервые предложил данный термин в 1960-е гг. и дальше развивал его в направлении постмодернистской стратегии преодоления различий. В 1990-е гг. феминистское движение в Италии стало использовать понятие «пересечение различий», которое Нира Юваль-Дэвис стала использовать как «трансверсальная политика» в своей книге «Гендер и нация», опубликованной в 1997 г. Можно отметить несколько характеристик трансверсальной политики вообще: трансверсальность не равна политике преодоления различий; последние признаются, если они не мешают равенству; трансверсальность признает границы и различия, но борется с угнетением в пределах границ вместе с угнетенными (а не на их благо); трансверсальность пронизывает границы, устанавливая не угнетаемые и не отчуждаемые соотношения различий; трансверсальная политика — это политика больших и малых групп, основанная на солидарных действиях; трансверсальная политика — воинственная политика активности групп, стремящихся к равенству положения различного. При этом трансверсальная политика основана на ряде предпосылок [Yuval-Davis 2011: 12]. Во-первых, эпистемология точки зрения, которая признает, что при каждом позиционировании мир видится по-разному и, таким образом, любое знание, основанное только на одном позиционировании, является «незавершенным» — что не то же самое, что сказать, что оно «недействительно». В этой эпистемологии единственный способ приблизиться к «истине» — это диалог между людьми разного позиционирования. Во-вторых, важной концепцией трансверсальной политики является охват различия равенством. Это означает признание, с одной стороны, важности

различий, а с другой стороны, того, что понятия различия должны охватывать, а не заменять понятия равенства. Такие представления о различиях не являются иерархическими. Они предполагают априорное уважение к позициям других, что включает в себя признание их отличительной социальной, экономической и политической власти.

В-третьих, трансверсальная политика основана на концептуальной — и политической — дифференциации между позиционированием, идентичностью и ценностями. Люди, которые идентифицируют себя как принадлежащие к одному и тому же коллективу или категории, могут иметь очень разное положение по отношению к целому ряду социальных разделений (например, классу, полу, способностям, сексуальности, этапу жизненного цикла и т. д.). В то же время люди со схожим позиционированием и/или идентичностью могут иметь очень разные социальные и политические ценности. Суть трансверсальной политики сводится к объединению взаимно пересекающихся различий на основе равенства без подавления.

В этом смысле трансверсальная коммуникация характеризуется рядом характерных условий современной конструкции взаимодействия. Прежде всего следует отметить *контекстуальность* современных коммуникационных процессов, которая динамична и порождает необходимость в постоянной мобильности содержания и формы его выражения, т.е. смыслы, значения и обоснования возникают и утверждаются в изменяющихся контекстах, они подвижны и привязаны к ним. «Поэтому, — как справедливо подчеркивается исследователями, — практика дискурсивной коммуникации не ограничивается поиском научно обоснованного, объективно доказуемого способа мышления, присущего тому или иному сообществу, она непременно принимает во внимание контекст отношений и жизненные миры, ускользающие из внимания научной объективизации» [Алексеева, Верховская 2023: 805–806]. Важным фактором выступает *многомерность* коммуникации, которая предполагает различные области, сферы, уровни, темы, последовательность событий. Рядом в коммуникативном пространстве существуют информационные потоки, описывающие на первый взгляд значимые и незначимые факты, интерпретация которых в едином потоке создает созвучие и резонанс.

Манипулятивная множественность, т.е. изменение позиций, мнений, суждений и верований на основе турбулентной текучести, детерриториализации положений, создает возможность встраивания измененных верований и убеждений в стратегию поиска новых обоснований и построения единства картины мира. Проникновение официальной пропаганды в современное коммуникационное пространство породило феномен политической корректности. В этом отношении трансверсальная коммуникация противостоит последней посредством формирования условий *критической открытости*, основанной на принятии содержательных различий и поиске убежденности на основе множественности, а не тотальности. Как писал Джеймс Боман, «пространство, открытое коммуникации посредством компьютера, поддерживает новый сорт распределительной, а не унифицированной публичной

сферы с новыми формами взаимодействия. Под распределительной [формой] я подразумеваю то, что компьютерное средство в виде Интернета децентрализует публичную сферу; она становится множественным обществом, а не отчетливо унифицированной и всеохватной публичной сферой, в которой участвуют все собеседники» [Bohman 2004: 153]. Таким образом, *самореферентность* как способность участников коммуникации обосновывать суждения ссылками на собственный опыт и соотносить мир с внутренним убеждением обеспечивается возможностью многообразного сравнения с опытом равных других.

Хотя *голографический принцип*, говорящий о том, что мир, состоящий из процессов и событий, можно воспринимать только через представление, часто противопоставляется прагматическому повороту в когнитивной науке, утверждающей, что познание есть практика, тем не менее он может быть вписан в трансверсальную характеристику коммуникации, если понимать последнюю не как подготовку к прагматике действия, а в качестве самого практического действия. В этом смысле мир как отношение, представленное в информации, можно трактовать с антропологической позиции, когда объективность является лишь информационным условием отношения к миру, а не характеристикой мира. И наконец, *институциональная открытость* выступает условием трансверсальной политики коммуникации, когда правила общения вырабатываются в его процессе. Стив Фуллер справедливо указывал, что в таком неопределенном обществе «вам всегда придется получать еще один шанс, чтобы сыграть в игру, правила которой всегда могут быть оспорены» [Фуллер 2021: 336]. Здесь и возникает вопрос о стратегиях поведения человека в новой сетевой коллективности.

Какова же стратегия поведения в условиях сетевой трансверсальности?

Теория рационального выбора стратегии поведения основывалась на принципах индивидуализма, рациональности и оптимальности. Наличие информации считалось основным условием выбора стратегии взаимодействия, которое, например, в дилемме «заключенного» выражалось либо в сотрудничестве, либо в конфликте. Стратегия «наджинга» строилась на стремлении заставить оппонента действовать в нужном направлении с использованием механизма рационального прогноза на основе обратной индукции. Принципы стратегического выбора в трансверсальных сетях коммуникации строятся на условиях возможности формирования трансверсального сообщества, которое действует на основе принципа предосторожности, а не отказа (см. подробнее: [Latour 2005: 128–129]). Часто непредвиденные обстоятельства (контингентность) рассматриваются в качестве условий, ставящих под удар управляемость и сетевую ее организацию. Отсюда следовал принцип воздержания от действия, сопряженного с риском и неясными последствиями. Однако этот подход является выражением прежнего взгляда на управление по принципу причина — следствие, предоставляемого

наукой. В этом отношении план работы по преодолению этих обстоятельств является неотъемлемой частью управления сетью и ее безопасностью. Здесь управление полностью полагается на принцип предосторожности, который противопоставляется принципу воздержания.

В противоположность линейной направленности предыдущей системы управления, когда в центре стояли процессы принятия решений как способов реагирования на возникающие причинные зависимости, современная система сетевого действия ориентируется скорее на управление эффектами, которые возникают под влиянием непредвиденных обстоятельств [Сморгунов 2021]. В сложном обществе невозможно установить причинную последовательность происходящего из-за большого числа возникающих связей и взаимных влияний. Но можно определить сами связи и отношения и попытаться отрегулировать их возможные эффекты. В этом отношении цифровизация является как базой для возникновения связей и отношений, так и возможностью их устройства и регулирования.

Важным выступает также управление доверием, а не дисциплинирование. В современном сетевом обществе взаимодействие опирается на взаимное принятие условий открытой и доверительной коммуникации. Следовательно, проблемой является не встраивание дисциплинарных норм в процесс коммуникации, а формирование доверительного пространства взаимодействия, когда нормы являются результатом коммуникации. Управление доверием здесь означает создание условий, надежно обеспечивающих взаимодействие людей на основе доверия друг к другу. Особенно важно это в ситуации конфликта или риска, когда повышается возможность проявления контингентных событий и факторов взаимодействия. Управление доверием возможно на основе сотрудничества, а не простого договора о взаимных обязательствах. Именно оно значимо для раскрытия потенциала возможных действий.

В современных исследованиях [Bennett, Segerberg 2012; Caraway 2016] была предложена новая концепция системы развития коммуникаций в социальных сетях — логика связанного действия, построенная на приоритете индивидуализированных отношений. Развита в различных исследованиях сетевого поведения, логика связанного действия в целом характеризуется рядом черт, говорящих о стратегии поведения пользователей социальных сетей. Так, индивид строит свои взаимоотношения в сетях на основе персонализированного контента, используя биографический подход к предложению и оценке сетевой информации. При этом коммуникационное действие становится самомотивирующим актом на основе признания равенства и значимости разнообразия и различия в сетевых контекстах.

Совместное коммуникационное производство и обмен происходят на основе персонализированного выражения, могущего принимать формы трансдуктивного перехода между речевыми, образными, звуковыми и другими модулями передачи информации. Важно заметить, что принятие публичных мер или вклад в общее благо становятся актом личного выражения и признания или самоутверждения.

Технологические сети персонализированной коммуникации включают в себя больше, чем просто обмен информацией или сообщениями; они сами по себе становятся организационными структурами, осуществляющими управление и стимулирование коммуникационным действием: коммуникационное действие становится самонаправляющим. Мануэль Кастельс, характеризуя виртуальные сообщества, писал, что они представляют собой интерактивные коммуникации вокруг совместных интересов и целей, но иногда коммуникация становится целью самой по себе [Castells 2010: 386]. Конечно, если самонаправляемое коммуникационное действие в начале сетевого развития общества можно было отмечать в качестве случайного факта, то спустя десятилетия о нем можно говорить как об определенном способе жизни. Заметим также, что сами общественные блага могут получить новое теоретическое определение, поскольку в сетях так называемым безбилетникам (из прежней логики коллективного действия) легче становиться участниками политических сетей, которые стирают границы между публичным и частным. Действия в социальных сетях самоорганизуются в значительной степени без внешних центральных или «ведущих» организационных субъектов и их ресурсов.

Заключение

Таким образом, были рассмотрены свойства сетевой организации коммуникации в контексте трансверсальной политики коммуникационного взаимодействия. В цифровом сетевом контексте (или исходя из действия сетевой организации коммуникации) можно говорить об индивидуации человека в гибридной социотехнической среде или о процессах субъективации в гетерогенных сетевых ассамбляжах, что усложняет процессы формирования базовых ценностей и общегражданской идентичности. Индивидуация в процессе социализации в трансверсальных сетевых сообществах возникает на основе трансверсальных взаимодействий и убеждающей коммуникации за счет гибкой системы ролей и функциональной дифференциации.

Трансформация механизмов убеждающей коммуникации связана не только с подвижностью содержания коммуникационных сообщений (факторы морали, психики, логики и политической ситуации), но и активным использованием сложного сетевого дизайна коммуникации (вирулентность, диффузия, центральность, открытость, управляемость). В современных условиях, когда сетевое пространство активно используется человеком как источник информации и коммуникации, взаимодействие онлайн выступает мощным средством формирования политических ценностей и идентичностей, влияющих на политическое позиционирование и активность.

Важным свойством здесь выступает политика трансверсальности, т.е. стратегия взаимосогласования и пересечения социальных, культурных, поколенческих, территориальных и других различий. Для сообществ трансверсальное взаимодействие является самоценным, они действуют

в миноритарной логике и зачастую не стремятся выходить на широкую аудиторию. Отсюда и новые стратегии поведения пользователей социальных сетей, основанные на логике совместных действий: управление эффектами, предосторожность, управление доверием, самомотивация, стимулирование коммуникационным действием.

Поступила в редакцию / Received: 10.01.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 18.02.2025

Принята к публикации / Accepted: 19.02.2025

Библиографический список

- Алексеева Т.А., Верховская Ж.А. Конструктивизм «третьего поколения»: фрейминг и коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 801–816. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-801-816> EDN: QKUFPR
- Михайленок О.М., Назаренко А.В. Сетевые сообщества: прошлое и будущее // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 274–284. <http://doi.org/10.17223/1998863X/56/24> EDN: OQJLGI
- Симондон Ж. Индивид и его физико-биологический генезис. Москва : ИОИ, 2022.
- Сморгунов Л.В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. 2021. № 3. С. 13–36. <http://doi.org/10.31249/poln/2021.03.01> EDN: KHMUCH
- Стукал Д.К., Ахременко А.С., Петров А.П. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 480–498. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498> EDN: JFKCLB
- Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики. 2021.
- Agustín Ó.G., Bak J.M. On Transversal Solidarity: An Approach to Migration and Multi-Scalar Solidarities // Critical Sociology. 2021. Vol. 47, no. 6. P. 857–873. <http://doi.org/10.1177/0896920520980053> EDN: MZYDAA
- Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15, no. 5. P. 739–768. <http://doi.org/10.1017/CBO9781139198752>.
- Bohman J. Expanding Dialogue: The Internet, the Public Sphere and Prospects for Transnational Democracy // Sociological Review. 2004. Vol. 52, no. 1. P. 131–155. <http://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2004.00477.x> EDN: FLMUXH
- Caraway B. OUR Walmart: a Case Study of Connective Action // Information, Communication & Society. 2016. Vol. 19, no. 7. P. 907–920. <http://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1064464>.
- Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Malden: Blackwell Publishing. 2010.
- Castoriadis C. The Imaginary Institution of Society / trans. by K. Blamey. Cambridge, Mass.: The MIT Press. 1998.
- Christensen P.V. Until Further Notice: Post-Modernity and Socio-territorial Belonging // International Review of Sociology. 2005. Vol. 15, no. 3. P. 553–554. <http://doi.org/10.1080/03906700500272566>.
- Eriksson K. On the Ontology of Networks // Communication and Critical Cultural Studies. 2005. Vol. 2, no. 4. P. 305–323. <http://doi.org/10.1080/14791420500332451>.

- Hall S.* The Politics of Belonging // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2013. Vol. 20, no. 1. P. 46–53. <http://doi.org/10.1080/1070289X.2012.752371>.
- Jung Y.* Transversality and the Philosophical Politics of Multicultural-ism in the Age of Globalization // *Research in Phenomenology*. 2009. Vol. 39, no. 3. P. 416–437. <http://doi.org/10.1163/008555509X12472022364208>.
- Kanngieser A.* And ... and ... and ... The Transversal Politics of Performative Encounters // *Deleuze Studies*. 2012. Vol. 6, no. 2. P. 265–291. <http://doi.org/10.3366/dls.2012.0062>.
- Latour B.* Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. NY: Oxford University Press. 2005. <http://doi.org/10.1093/oso/9780199256044.001.0001>.
- Semetsky I.* The Transversal Communication, or: Reconciling Science and Magic // *Cybernetics And Human Knowing*. 2008. Vol. 15, no. 2. P. 33–48.
- Yuval-Davis N.* Power, Intersectionality and the Politics of Belonging // *FREIA Working Paper Series*. 2011. No. 75. P. 1–22. <http://doi.org/10.5278/freia.58024502>.

Сведения об авторе:

Сморгунов Леонид Владимирович — доктор философских наук, главный научный сотрудник СИ РАН филиала ФНИСЦ РАН (e-mail: l.smorgunov@spbu.ru) (ORCID: 0000-0002-2581-2975)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-430-443

EDN: JIGGWO

Научная статья / Research article

Социальные медиа как альтер эго реальности: о чем говорит аффективная политическая поляризация?

Д.К. Стукал , А.Н. Шилина , А.С. Ахременко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация

 aakhremenko@hse.ru

Аннотация. Аффективная политическая поляризация комплексно рассматривается в сочетании ее эмоциональных, поведенческих и когнитивных аспектов. Все они проявляются в различиях между отношением индивида к политическим единомышленникам (ингруппе) и оппонентам (аутгруппе): в испытываемых эмоциях, готовности к сотрудничеству, склонности приписывать положительные или отрицательные качества. Особое внимание уделено проблеме различий между интенсивностью проявлений аффективной политической поляризации в онлайн-среде по сравнению с традиционными формами коммуникации. Большинство современных исследователей склоняются к гипотезе о более высоком уровне поляризации в рамках онлайн-взаимодействий. Данная гипотеза опирается на свойства интернет-общения, которые облегчают пользователю управление сетью контактов и источников информации и порождают феномены «эхо-камер» и «пузырей фильтров». Последние способствуют психологическому восприятию точки зрения единомышленников как единственно «нормальной» и увеличению эмоциональной дистанции по отношению к политическим оппонентам. При этом эмпирические свидетельства в пользу этого механизма довольно ограничены; крайне мало исследований, которые ставили бы задачу прямого сравнения аффективной поляризации в цифровой и традиционной средах. Эта задача решается авторами на основе опросных данных, собранных в 2025 г. среди российских респондентов. Все ключевые индикаторы аффективной поляризации измеряются для двух ситуаций — онлайн и офлайн, что обеспечивает возможность их непосредственного сопоставления. С опорой на предыдущие исследования в качестве ключевого поляризующего признака рассматривается отношение к руководству страны. Данные проанализированы с помощью корреляционного и регрессионного анализа, а также методом главных компонент. Анализ показывает, что аффективная поляризация демонстрирует в целом высокую согласованность в физическом мире и в социальных сетях. Результаты регрессии не позволяют выявить существенные расхождения в уровнях и факторах, влияющих на аффективную поляризацию, в двух средах.

© Стукал Д.К., Шилина А.Н., Ахременко А.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: поляризация, аффективная поляризация, ВКонтакте, социальные сети

Благодарности. Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Стукал Д.К., Шилина А.Н., Ахременко А.С. Социальные медиа как альтер эго реальности: о чем говорит аффективная политическая поляризация? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 430–443. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-430-443>

Social Media as an Alter Ego of Reality: What Does Affective Political Polarization Teach Us?

Denis K. Stukal , Anna N. Shilina , Andrei S. Akhremenko

HSE University, Moscow, Russian Federation

 aakhremenko@hse.ru

Abstract. Affective political polarization is comprehensively considered in combination of its emotional, behavioral and cognitive aspects. They manifest themselves in the differences between an individual's attitude towards politically like-minded people (the in-group) and opponents (the out-group), including emotions experienced, willingness to cooperate, and a tendency to attribute positive or negative qualities. Particular attention is paid to the problem of differences between the intensity of manifestations of affective political polarization in the online environment compared to traditional forms of communication. Most contemporary researchers predict a higher level of polarization within online interactions. This hypothesis is based on the properties of Internet communication, which make it easier for the user to manage the network of contacts and sources of information and lead to the emergence of “echo chambers” and “filter bubbles”. The empirical evidence in favor of this mechanism, however, is rather limited. Indeed, there is very scarce research that would directly compare the levels of affective polarization in the digital and traditional environments. This problem is addressed by the authors based on survey data collected in 2025 among Russian respondents. We measure all key indicators of affective polarization for both online and offline environments, thereby making it possible to compare them directly. We build on previous research and use the attitude towards the country's leadership as a key polarizing dimension. We analyzed data using correlation, regression and principal component analyses. Our results show that affective polarization demonstrates overall high consistency in the physical world and on social media. Regression analysis does not reveal any significant differences in levels or factors of affective polarization in the two environments.

Keywords: polarization, affective polarization, VK, social media

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Stukal, D.K., Shilina, A.N., & Akhremenko, A.S. (2025). Social media as an alter ego of reality: What does affective political polarization teach us? *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 430–443. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-430-443>

Введение

Полноценная научная дискуссия о влиянии социальных медиа на политические отношения в обществе не насчитывает и тридцати лет, а в ее развитии уже вполне различаются контуры двух «эпох» со своими определяющими настроениями и представлениями. Для 2000-х гг. характерен оптимистический взгляд на Интернет как на коммуникационную среду, стимулирующую плодотворный гражданский диалог, свободный обмен мнениями и, в конечном итоге, способствующую развитию демократических институтов [Papacharissi 2002; Diamond, Plattner 2012]. В 2010-х все четче проявляется, а в текущем десятилетии претендует на господствующие позиции представление о социальных медиа как о поляризующей силе, способствующей радикализации индивидуальных политических взглядов и росту недоверия и предубежденности по отношению к оппонентам [Kubin, Sikorski 2021; Beam, Hutchens, Hmielowski 2018].

Эти противоположные позиции — явно или имплицитно — объединяет представление об онлайн-коммуникации как некоторой «самостоятельной реальности», лежащей в параллельной плоскости по отношению к миру традиционных, нецифровых взаимодействий. Действительно ли оценки и реакции людей в рамках онлайн- и офлайн-контекстов столь значимо различаются? Этот большой и пока еще очень общий вопрос стал отправной точкой для того исследования, о котором пойдет речь в этой статье. Более конкретно, мы сосредоточимся на аффективной политической поляризации — явлении, которое в современной научной литературе бывает принято не просто ассоциировать с социальными медиа; их развитие нередко характеризуется как прямая причина, основной «драйвер» этого процесса [Sunstein 2018].

Аффективную поляризацию иногда понимают узко и «буквально» — как проявление негативных эмоций по отношению к носителям иных политических взглядов и на основании этих взглядов. Характерным эмпирическим инструментом для такого подхода являются шкалы с полюсами от «нравится» (или «тепло») до «не нравится» («холодно»), (например, в масштабной серии исследований Comparative Study of Electoral Systems, www.cses.org). Мы будем придерживаться более комплексной и широкой трактовки этого понятия, более свойственной социальной и политической психологии [Гулевич, Косимова 2024]. В ней эмоциональная реакция — лишь одно из трех ключевых измерений; двумя другими компонентами являются когнитивная и поведенческая. Первая предполагает склонность приписывать политическим единомышленникам положительные черты и свойства, такие, как ум или доброта, а политическим

оппонентам — противоположные. Вторая отражает различия в готовности к сотрудничеству или склонности к соперничеству, а также величину социальной дистанции. Все три аспекта аффективной поляризации — эмоциональный, когнитивный и поведенческий — являются проявлениями более общего феномена межгрупповой дифференциации, когда индивиды идентифицируют себя со «своей» группой (ингруппой), которая в их восприятии противопоставляется «чужой» группе (аутгруппе)¹ [Tajfel, Turner 1979]. Такой объемный взгляд на аффективную политическую поляризацию позволяет получить более надежное и нюансированное понимание различий в ее проявлении в онлайн- и офлайн-контекстах.

Вкратце реконструируем логику сторонников преобладающей сейчас точки зрения на цифровую коммуникацию как фактор (возможно, центральный) аффективной политической поляризации. Основная линия аргументации связана с влиянием онлайн-среды — как в части получения информации, так и обмена ею — на баланс контактов индивида с представителями своей / чужой группы. С одной стороны, интернет-формат коммуникации радикально снижает издержки (в самом широком смысле «приложения усилий») изоляции от тех контрагентов, общение с которыми вызывает дискомфорт. Для этого, как правило, достаточно нажатия одной кнопки, что трудно представить по отношению к родственникам, коллегам и друзьям в физическом мире. Легкость управления сетью контактов стимулирует ее построение по принципу гомофилии [McPherson, Smith-Lovin 2001], когда баланс политических позиций резко смещается в сторону представителей ингруппы. Возникает «эхо-камера» — феномен, при котором общение в кругу единомышленников консервирует или даже усиливает сложившиеся представления [Barbera et al. 2015]; при этом коммуникация с носителями противоположной точки (crosscutting communication) сводится до минимума [Settle 2018]. Это способствует психологическому восприятию точки зрения «своих» — нередко в ее радикальной форме для увеличения контраста с «чужими» — как привычной и единственно «нормальной» — и обуславливает увеличение эмоциональной дистанции по отношению к политическим оппонентам.

Аналогичный эффект оказывает и механизм «пузырей фильтров» (filter bubbles). Алгоритмы социальных медиа и поисковых систем устроены таким образом, что предлагают пользователю еще больше контента того же типа, что тот и так склонен потреблять. Применительно к политическому контенту этот эффект достигает своего пика в периоды избирательных кампаний, когда склонность пользователей к селективному восприятию (selective exposure) [Bode 2016;] подкрепляется целенаправленными усилиями противоборствующих сторон в рамках политической рекламы [Sood, Iyengar 2016], в которой алгоритмы социальных медиа играют на сегодняшний день все более важную роль. Таким образом, близкие и взаимно дополняющие эффекты «эхо-камер»

¹ Более детально о теоретических основах исследования аффективной поляризации, прежде всего — теории социальной идентичности см. [Стукал, Ахременко, Петров 2022].

и «пузырей фильтров» способствуют формированию негативных стереотипов о представителях противоположного политического лагеря в условиях сокращения прямых взаимодействий с последними.

Описанный механизм дополняется еще одним фактором, считающимся характерным для общения в Интернете, а именно снижением планки социальных норм коммуникации по сравнению с офлайн-средой [Bail et al. 2018; Rowe 2015]. Проявления неуважительного отношения к оппонентам, вплоть до языка вражды, способствуют усилению эмоциональной компоненты аффективной поляризации и блокируют делиберационные — основанные на заинтересованном обмене мнениями — механизмы сближения.

Аргументация выше выглядит вполне логичной и подкрепленной эмпирическими исследованиями. Но, как это очень часто бывает в политической науке, она сталкивается с вполне весомыми аргументами и сомнениями тех авторов, которые отнюдь не склонны драматизировать роль Интернета в росте поляризации. Их соображения можно суммировать следующим образом.

Во-первых, ставится под сомнение прямая связь между открытостью чужой точке зрения и толерантностью к ней — краеугольный камень всей конструкции выше. Показано, что информация, противоречащая мнению индивида, может усиливать приверженность этому мнению и вызывать негативную реакцию в отношении лица или источника, бросающего ему вызов [Nordbrandt 2022; Wojcieszak, Mutz 2009].

Во-вторых, считается преувеличенным взгляд на интернет-пространство как фрагментированное на замкнутые гомогенные сообщества, эхо-камеры. Некоторые авторы показывают, что пользователи — преднамеренно или нет — гораздо чаще сталкиваются с альтернативными точками зрения, чем принято думать [Eveland, Appiah, Beck 2018; Dubois, Blank 2018], и здесь нет значимых различий по сравнению с офлайн-средой [Nordbrandt 2022].

Наконец, сами эмпирические свидетельства в пользу более высокого уровня аффективной поляризации в онлайн-коммуникациях по сравнению с офлайн-общением очень ограничены. Подавляющее большинство работ концентрируется только на одном из этих форматов, и в последние годы явно доминирует фокус на исследованиях онлайн-взаимодействий и контента социальных медиа. Авторы ищут эхо-камеры, пузыри фильтров, проявления аффективной поляризации в онлайн-коммуникации — и находят их. Исследований, которые ставили бы задачу прямого сравнения аффективной поляризации в цифровой и традиционной средах, практически нет (из немногих исключений — [Baek, Wojcieszak, Delli, Carpini 2012; Nordbrandt 2022]).

Мы попытаемся заполнить эту лакуну с помощью опросных данных, собранных нами в 2025 г. среди российских респондентов. Все ключевые индикаторы аффективной поляризации измеряются нами для двух ситуаций — онлайн и офлайн, что обеспечивает возможность их непосредственного сопоставления с точки зрения интересующего нас признака.

Опросная стратегия исследования аффективной поляризации с неизбежностью предполагает исходное представление о том, вдоль какой

ключевой линии она формируется, какие ингруппы и соответствующие им аутгруппы генерируют этот процесс. Практически все исследования политической структуры российского общества в XXI в. — в ее электроном, ценностном, поведенческом измерениях — указывают на отношение к власти как на основной «расколообразующий» признак и на ее сторонников и противников как на важнейшие полярные группы [Лапкин, Пантин 2009; Коргунюк 2012]. Это подтверждают и наши собственные предыдущие исследования языка ненависти в русскоязычном онлайн-пространстве [Стукал, Ахременко, Петров 2022]: группы, связанные с властью / оппозицией, являются ключевыми объектами языка вражды. Следуя этому подходу и сейчас, мы выстраиваем дизайн исследования вокруг соотношения собственной позиции респондентов по отношению к руководству страны и их реакций — аффективных, когнитивных и поведенческих — на оппонентов и сторонников власти.

Российские исследования собственно аффективной поляризации очень немногочисленны. А. Лебедев и О. Гордякова [2023] используют метод скрытых ассоциаций для измерения реакции граждан на такие политические события, как проведение СВО и частичная военная мобилизация. Они приходят к выводу, что ценностная поляризация в России еще не трансформировалась в аффективную, но такая опасность существует. О. Гулевич и С. Косимова [2024] на данных онлайн-опроса демонстрируют, что российская идентичность усиливает политическую поляризацию между людьми, которые поддерживают и не поддерживают происходящее в стране. Е. Кручинская [2025] показывает возрастание аффективной поляризации, измеренной посредством количественного анализа языка вражды в онлайн-сообщениях, в период массовых протестов.

Ни одна из этих работ, при всей их несомненной ценности, не помещает в фокус проблему различий между проявлениями политической поляризации в онлайн и офлайн-контекстах; в этом отечественная традиция находится полностью в русле общемировой. Мы надеемся, что представленные в нашей работе результаты позволят не только пролить некоторый свет на эти различия, но и обогатят представления о современном состоянии российского общества и его конфликтном потенциале.

Данные и методы исследования

Эмпирическая часть нашего исследования опирается на анализ данных, собранных авторами в ходе социологического опроса, который проводился по онлайн-панели платформы компании «Анкетолог» среди совершеннолетних респондентов, проживающих на территории России ($N = 200$). Опросная анкета включала в себя несколько смысловых блоков. Во-первых, это базовая социально-демографическая информация о респондентах (пол, возраст, образование, доход, тип населенного пункта, частота использования социальных сетей и мессенджеров). Во-вторых, блок вопросов об интересе к политике

и политических предпочтениях респондента (интерес к политике, частота обсуждения политики в личном общении и в социальных сетях, степень поддержки руководства страны, отнесение себя к числу сторонников руководства страны и оппозиции). Наконец, в-третьих, анкета содержала большой блок вопросов, измеряющих различные аспекты аффективной поляризации в личной коммуникации и в интернет-пространстве.

Как отмечалось выше, при измерении аффективной поляризации мы руководствуемся ранее предложенным в социальной и политической психологии подходом, в соответствии с которым выделяются три основных компонента аффективной поляризации — эмоциональный, когнитивный и поведенческий [Гулевич, Косимова 2024]. При этом методическая новизна нашего исследования по сравнению с предшествующими работами состоит в явном выделении и обеспечении сопоставимости онлайн и офлайн-проявлений аффективной поляризации. Мы достигаем этого за счет включения в анкету «зеркальных» формулировок вопросов о различных проявлениях аффективной поляризации в личном общении, с одной стороны, и в социальных сетях — с другой. Такие зеркальные вопросы предлагались респондентам по всем трем компонентам аффективной поляризации.

Эмоциональный компонент аффективной поляризации измерялся через вопрос-термометр: «Как бы Вы оценили свое отношение к людям, которые (поддерживают / НЕ поддерживают) руководство страны (в постах в социальных сетях / в разговорах при личной встрече)?» Возможные ответы варьировались от 1 («отношение очень холодное, отрицательное») до 7 («отношение очень теплое, положительное»). Разность ответов респондента на вопрос об отношении к тем, кто поддерживает, и кто не поддерживает руководство, выступала мерой аффективной поляризации либо в физическом мире, либо в интернет-пространстве.

Для измерения когнитивного компонента аффективной поляризации респондентам предлагалось охарактеризовать тех, кто поддерживает или не поддерживает руководство страны в разговорах при личной встрече или в постах в социальных сетях, по набору полярных пар признаков: умный — неумный, открытый к новым идеям — ограниченный, добрый — злой, честный — нечестный, бескорыстный — эгоистичный. Разница в оценках поддерживающих и не поддерживающих руководство выступает в качестве меры когнитивного компонента аффективной поляризации.

Наконец, поведенческий компонент измерялся с помощью набора вопросов о том, насколько комфортно чувствовал бы себя респондент при личном или онлайн-общении с человеком, поддерживающим или не поддерживающим руководство страны, если бы этот человек был а) другом, б) коллегой респондента. Как и в случае других компонентов аффективной поляризации, мерой поляризации в данном случае выступает разность ответов про поддерживающих и не поддерживающих руководство страны.

В целом для различных аспектов аффективной поляризации было получено 16 числовых измерителей (табл. 1).

Таблица 1

**Количество вопросов опросной анкеты
для измерения различных аспектов аффективной поляризации**

Компоненты поляризации	Офлайн-поляризация, количество вопросов	Онлайн-поляризация, количество вопросов
Эмоциональный	1	1
Когнитивный	5	5
Поведенческий	2	2

Источник: составлено Д.К. Стукалом, А.Н. Шилиной, А.С. Ахременко по результатам исследования.

Данные табл.1 свидетельствуют о том, что для когнитивного и поведенческого компонентов каждого вида аффективной поляризации (офлайн и онлайн) было получено несколько разных значений. В целях проведения дальнейшего анализа эти значения были агрегированы путем усреднения. Таким образом, для каждого респондента было получено среднее значение когнитивного и среднее значение поведенческого компонентов аффективной поляризации в интернет-пространстве и в физическом мире. Методическим основанием для простого усреднения ответов респондентов являются результаты примененного метода главных компонент: в случае когнитивного компонента онлайн-поляризации первая компонента объясняет 79 % суммарной дисперсии признаков, а весовые коэффициенты при разных ответах близки друг к другу, принимая значения от 0.434 до 0.455; в случае офлайн-поляризации первая главная компонента для когнитивного аспекта объясняет 84 % суммарной вариации, а весовые коэффициенты варьируют от 0.433 до 0.456; в случае поведенческого аспекта, измеряемого двумя величинами, результаты метода главных компонент будут тождественны результатам усреднения по сугубо алгебраическим причинам [Rencher, Christensen 2012: 422].

Социальные сети как альтер эго физической реальности

Прежде чем перейти к ответу на главный вопрос нашего исследования — о соотношении и сходстве аффективной политической поляризации в физическом и интернет-пространстве, обратимся к более общему вопросу: в какой мере аффективная поляризация, понимаемая как совокупность трех компонент, оказывается целостным явлением в эмпирическом исследовании? В какой мере эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты аффективной поляризации согласованы между собой?

В табл. 2 представлены коэффициенты корреляции К. Пирсона. Все компоненты аффективной поляризации — как в физическом мире, так и в онлайн — демонстрируют либо умеренную, либо сильную взаимосвязь (табл. 2). Особенно выраженной оказывается взаимосвязь эмоционального и поведенческого

компонентов, в то время как когнитивный компонент демонстрирует умеренную связь с другими аспектами аффективной поляризации. Обратим внимание, что данная закономерность проявляется как в социальных сетях, так и при личной коммуникации.

Таблица 2

Корреляции между компонентами аффективной поляризации, коэффициенты корреляции К. Пирсона между различными компонентами аффективной поляризации в онлайн и офлайн

Корреляция компонентов	Эмоциональная офлайн	Когнитивная офлайн	Поведенческая офлайн	Эмоц. онлайн	Ког. онлайн	Повед. онлайн
Эмо. офл.	1	0,53	0,70	0,89	0,49	0,64
Ког. офл.	0,53	1	0,55	0,52	0,63	0,51
Повед. офл.	0,70	0,55	1	0,71	0,46	0,80
Эмо. онл.	0,89	0,52	0,71	1	0,50	0,65
Ког. онл.	0,49	0,63	0,46	0,50	1	0,46
Повед. онл.	0,64	0,51	0,80	0,65	0,46	1

Источник: составлено Д.К. Стукалом, А.Н. Шилиной, А.С. Ахременко по результатам исследования.

Зафиксированные корреляции компонентов аффективной поляризации, однако, недостаточно высоки для их обоснованного объединения в единый индекс аффективной поляризации. В частности, при переходе от трех обсуждавшихся выше агрегированных показателей компонентов аффективной поляризации к единому индексу с помощью метода главных компонент, первая компонента учитывает лишь 73 и 69 % суммарной дисперсии (в случае офлайн и онлайн-поляризации соответственно), что сложно признать существенным сжатием информации при переходе от трех числовых характеристик к одной. Иными словами, покомпонентное измерение аффективной поляризации оказывается эмпирически оправданным. Примечательно при этом, что и паттерны корреляций между компонентами, и — как следствие — результаты применения метода главных компонент указывают на структурное сходство аффективной поляризации в онлайн и офлайне. Достаточно ли сильное это сходство, чтобы можно было поставить знак равенства между онлайн и офлайн-поляризацией? Далее мы отвечаем на этот вопрос, сравнивая связи компонент аффективной поляризации с ее факторами в физической и интернет-реальности.

Для решения этой задачи мы оцениваем серию множественных регрессий, зависимой переменной в которых выступают шесть компонент аффективной поляризации (по три для офлайн и онлайн-поляризации), а объясняющими переменными — набор характеристик респондентов, включая

уровень поддержки руководства страны, уровень интереса к политике, а также социально-демографические характеристики респондентов (пол, возраст, уровень образования и дохода). Поскольку мы предполагаем, что респонденты с более выраженной позицией в отношении руководства страны могут характеризоваться более высоким уровнем аффективной поляризации, чем респонденты с умеренной позицией, в регрессионную модель включены не только уровень поддержки руководства страны, но и квадрат этого уровня. Таким образом, методом наименьших квадратов оценивалась регрессионная модель следующего вида:

$$\hat{y}_i = b_0 + b_1 support_i + b_2 support_i^2 + b_3 interest_i + \sum_j a_j x_i^{(j)},$$

где i — номер респондента; $\hat{y}_i$ — предсказанное значение зависимой переменной (компонент аффективной поляризации) для i -го респондента; $b_0, \dots, b_3$ — оценки коэффициентов регрессии при ключевых объясняющих переменных; $support$ и $support^2$ — уровень поддержки руководства страны и квадрат этого уровня; $interest$ — интерес респондента к политике; $x_i^{(j)}$ — значение j -й контрольной переменной у i -го респондента (в качестве контрольных выступают социально-демографические переменные); a_j — оценка коэффициента регрессии при j -й контрольной переменной.

Полученные результаты регрессионного анализа приведены в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа компонент аффективной поляризации (офлайн)

Объясняющие переменные	Зависимые переменные		
	Эмоциональный компонент	Поведенческий компонент	Когнитивный компонент
Поддержка руководства	−0,827 (0,022)	−0,975 (0,009)	−0,694 (0,029)
Квадрат поддержки руководства	0,134 (<0,001)	0,159 (<0,001)	0,121 (<0,001)
Интерес к политике	0,200 (0,015)	0,182 (0,030)	0,075 (0,299)
Соц.-дем. контрольные переменные	Да	Да	Да
Число наблюдений	200	200	200
R^2	0,233	0,267	0,242

Примечание: значения МНК-оценок коэффициентов регрессии приведены в ячейках возле соответствующих переменных; в скобках указаны p -значения, вычисленные с помощью обычных стандартных ошибок. Статистические выводы остаются неизменными при использовании состоятельных при гетероскедастичности HC2 стандартных ошибок.

Источник: составлено Д.К. Стукалом, А.Н. Шилиной, А.С. Ахременко по результатам исследования.

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа компонент аффективной поляризации (онлайн)

Объясняющие переменные	Зависимые переменные		
	Эмоциональный компонент	Поведенческий компонент	Когнитивный компонент
Поддержка руководства	–0,794 (0,035)	–1,062 (0,004)	–1,407 (<0,001)
Квадрат поддержки руководства	0,130 (0,002)	0,159 (<0,001)	0,188 (<0,001)
Интерес к политике	0,177 (0,038)	0,139 (0,099)	0,164 (0,022)
Соц.-дем. контрольные переменные	Да	Да	Да
Число наблюдений	200	200	200
R^2	0,207	0,225	0,270

Примечание: значения МНК-оценок коэффициентов регрессии приведены в ячейках возле соответствующих переменных; в скобках указаны *p*-значения, вычисленные с помощью обычных стандартных ошибок. Статистические выводы остаются неизменными при использовании состоятельных при гетероскедастичности HC2 стандартных ошибок.

Источник: составлено Д.К. Стукалом, А.Н. Шилиной, А.С. Ахременко по результатам исследования.

Сравнение оценок коэффициентов при объясняющих переменных в разных столбцах (см. табл. 3 и 4) подтверждает изначальное предположение о том, что уровень аффективной поляризации квадратично связан с политической позицией: респонденты на краях шкалы (т.е. наиболее сильно поддерживающие либо не поддерживающие руководство страны) демонстрируют значимо более высокий уровень аффективной поляризации, чем респонденты, занимающие умеренную позицию. Эта закономерность проявляется в случае всех компонентов аффективной поляризации — как в онлайн, так и в офлайн.

Обращает на себя внимание также сходство коэффициентов при одних и тех же переменных в моделях для эмоционального и поведенческого компонентов как онлайн, так и офлайн-поляризации. Единственный компонент поляризации, демонстрирующий несколько отличную систему взаимосвязей с объясняющими факторами, — это когнитивный компонент. Действительно, оценка коэффициента при интересе к политике в случае офлайн-поляризации оказывается незначимой, хотя она значима (и существенно выше по абсолютному значению) в случае аффективной поляризации в онлайн. Кроме того, для когнитивного компонента существенно различаются величины коэффициентов при поддержке руководства.

Резюмируя полученные результаты, можно отметить, что аффективная поляризация демонстрирует в целом высокую согласованность в физическом мире и в социальных сетях. Результаты регрессионного анализа не позволяют выявить существенные расхождения в уровнях и факторах, влияющих на аффективную поляризацию, в двух средах. Некоторым исключением является когнитивный компонент; однако и в его случае отличия не носят фундаментального характера: респонденты на краях политического спектра все так же оказываются более поляризованными, чем умеренные респонденты.

Заключение

В работе было показано, во-первых, что раскол по отношению к власти в России обладает силой, поляризующей респондентов во всех трех аффективных измерениях: когнитивном, эмоциональном и поведенческом. С одной стороны, это не удивительно: после 1990-х, когда ключевым размежеванием было идеологическое (лево-консервативное — праволиберальное), действующая власть все в большей мере сосредоточивала на себе фокус политических отношений. С другой стороны, примечательно, что и в начале 2025 г. — после трех лет специальной военной операции и связанного с ней переноса многих ключевых акцентов на международную повестку — этот раскол очень заметен даже на небольшой выборке.

Основной же и, с нашей точки зрения, наиболее интересный результат исследования заключается в отсутствии по-настоящему значимых различий между проявлениями аффективной поляризации в онлайн- и офлайн- средах коммуникации. Стал ли он неожиданным? Для нас скорее нет. В предыдущих работах, посвященных сравнению протестной динамики в Интернете и в «физическом» мире (см., напр., [Ахременко, Бродовская 2021]), мы обращали внимание на серьезное преувеличение «фундаментально нового качества» цифровой среды по сравнению с традиционной. Склонность видеть в Интернете «иную реальность», действующую по своим законам, кажется глубоко эмпирически обоснованной ровно до того момента, пока ученые фокусируются *только* на этой реальности. Когда анализ становится по-настоящему сравнительным и вовлекает в себя традиционную сеть коммуникаций, различия во многом блекнут. При всех особенностях цифровая среда остается средой, в которой действуют люди с их установками и представлениями.

Есть ли уверенность в генерализуемости — возможности обобщения на более широкие классы стран и контекстов — вывода о схожести проявлений аффективной поляризации онлайн и офлайн, полученного на ограниченном опросном материале в России? Здесь проявим осторожность: влияние эффектов информационно-коммуникационных технологий на политические процессы демонстрирует в целом сильную зависимость от контекстуальных факторов. Необходимы новые исследования, в том

числе экспериментальные, объектом которых будет восприятие людьми политических сторонников и оппонентов в онлайн- и офлайн-средах взаимодействия.

Поступила в редакцию / Received: 16.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 13.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.05.2025

Библиографический список

- Ахременко А.С., Бродовская Е.В.* Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 4–27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2111> EDN: EPFRSY
- Гулевич О.А., Косимова С.С.* Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 4. С. 123–139. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150409> EDN: ZXNPSO
- Коргунюк Ю.Г.* Структура электоральных размежеваний в избирательном цикле 2011–2012 годов и возможные сценарии развития ситуации // Полития. 2012. № 3. С. 84–99. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2012-66-3-84-99> EDN: SLCEJZ
- Кручинская Е.В.* Язык ненависти как индикатор аффективной политической поляризации в условиях мобилизации: от измерения к прогнозированию // Политическая наука. 2025. № 1. С. 156–180. <http://doi.org/10.31249/poln/2025.01.07> EDN: KQHSEK
- Лапкин В.В., Пантин В.И.* Россия и Украина: факторы социально-политической поляризации в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 96–107. EDN: KYGVEJ
- Лебедев А.Н., Гордякова О.В.* Ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп в условиях информационной неопределенности // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 4 С. 38–54. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2023140403>
- Стукал Д.К., Ахременко А.С., Петров А.П.* Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 3. С. 480–498. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498> EDN: VLTQRN
- Baek Y.M., Wojcieszak M., Delli Carpini M.X.* Online versus face-to-face deliberation: Who? Why? What? With what effects? // *New Media and Society*. 2012. No. 14. P. 363–383. <http://doi.org/10.1177/1461444811413191>.
- Bail C.A., Argyle L.P., Brown T.W., Bumpus J.P., Chen H., Hunzaker M.B.F., et al.* Exposure to opposing views on social media can increase political polarization // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018. No. 115. P. 9216–9221. <https://doi.org/10.1073/pnas.1804840115>
- Barberá P., Jost J.T., Nagler J., Tucker J.A., Bonneau R.* Tweeting from left to right: Is online political communication more than an echo chamber? // *Psychological Science*. 2015. Vol. 26. No. 10. P. 1531–1542. <https://doi.org/10.1177/0956797615594620>
- Beam M.A., Hutchens M.J., Hmielowski J.D.* Facebook news and (de) polarization: Reinforcing spirals in the 2016 election // *Information, Communication, & Society*. 2018. Vol. 21. No. 7. P. 940–958. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1444783>
- Bode L.* Pruning the news feed: Unfriending and unfollowing political content on social media // *Research & Politics*. 2016. Vol. 3. P. 1–8. <https://doi.org/10.1177/2053168016661873>

- Diamond L., Plattner M.F.* Liberation technology: social media and the struggle for democracy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2012.
- Dubois E., Blank G.* The echo chamber is overstated: the moderating effect of political interest and diverse media // *Information, Communication & Society*. 2018. Vol. 21. P. 729–745. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1428656>
- Eveland W.P., Appiah O., Beck P.A.* Americans are more exposed to difference than we think: capturing hidden exposure to political and racial difference // *Social Networks* 2018. Vol. 52. P. 192–200. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2017.08.002>
- Kubin E., Sikorski Ch.* The role of (social) media in political polarization: a systematic review // *Annals of the International Communication Association*. 2021. Vol. 45. No. 3. P. 188–206. <https://doi.org/10.1080/23808985.2021.1976070>
- McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.* Birds of a feather: homophily in social networks // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27. P. 415–444. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415> EDN: HEYQYJ
- Nordbrandt M.* Affective polarization in crosscutting communication networks: Offline and online evidence from Spain // *Frontiers in Political Science*. 2022. Vol. 4. <https://doi.org/10.3389/fpos.2022.921188> EDN: TPMALD
- Papacharissi Z.* The virtual sphere: The Internet as a public sphere // *New Media and Society*. 2002. Vol. 4. No. 1. P. 9–27. <https://doi.org/10.1177/14614440222226244>
- Pariser E.* The filter bubble: What the Internet is hiding from you. Penguin UK, 2011.
- Rencher A., Christensen W.* Methods of Multivariate Analysis. 3rd ed. John Wiley and Sons, 2012.
- Rowe I.* Civility 2.0: a comparative analysis of incivility in online political discussion // *Information, Communication & Society*. 2015. Vol. 18. P. 121–138. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2014.940365>
- Settle J.* Frenemies: How social media polarizes America. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- Sood G., Iyengar S.* Coming to dislike your opponents: the polarizing impact of political campaigns // *SSRN Electronic Journal*. 2016. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2840225>
- Sunstein C.R.* Republic: Divided democracy in the age of social media. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018.
- Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict // *The social psychology of intergroup relations* / W.G. Austin, S. Worchel (eds.). Monterey, CA : Brooks/Cole, 1979. P. 33–37.
- Wojcieszak M.E., Mutz D.C.* Online groups and political discourse: do online discussion spaces facilitate exposure to political disagreement? // *Journal of Communication*. 2009. Vol. 59. No. 1. P. 40–56. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2008.01403.x>

Сведения об авторах:

Стукал Денис Константинович — кандидат политических наук, декан, факультет социальных наук, НИУ «Высшая школа экономики» (e-mail: dstukal@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-6240-5714)

Шилина Анна Николаевна — аспирант, Аспирантская школа по политическим наукам, НИУ «Высшая школа экономики» (e-mail: ashilina@hse.ru) (ORCID: 0000-0002-6667-0686)

Ахременко Андрей Сергеевич — доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Научно-учебная лаборатория политико-психологических исследований, НИУ «Высшая школа экономики» (e-mail: aakhremenko@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-8002-7307)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-444-458

EDN: OMXHHJ

Научная статья / Research article

Эмоциональная динамика в русскоязычных Telegram-каналах: между сплочением и аффективной поляризацией

А.В. Синицина , В.А. Соловьев , Д.И. Тяпкин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация

 a.sinitzina2018@yandex.ru

Аннотация. Исследование предлагает новую методологическую основу для анализа ключевых социально-психологических процессов — внутригруппового сплочения и аффективной поляризации — в цифровых медиа в периоды кризисов. На примере эмоциональной динамики в русскоязычных Telegram-каналах (2.5 тыс. каналов, 1.2 млн сообщений) за месяц до и после начала Специальной военной операции (СВО) демонстрируется асимметричная трансформация: усиление позитивной консолидации внутри идеологически близких сообществ на фоне роста межгрупповой поляризации, особенно во внешних связях. Используя методы машинного обучения, обработки текстовых данных и сетевого анализа, работа не только фиксирует специфику реакции на конкретное событие — триггер, но и вносит вклад в теорию социальной идентичности, подчеркивая фундаментальную роль эмоциональных границ в формировании цифровых сообществ, что сохраняет актуальность для понимания динамики социальных сетей в условиях современных конфликтов и расколов.

Ключевые слова: сплочение, поляризация, Telegram, тематическое моделирование, сентимент анализ, LLM (большие языковые модели), большие данные

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Синицина А.В., Соловьев В.А., Тяпкин Д.И. Эмоциональная динамика в русскоязычных Telegram-каналах: между сплочением и аффективной поляризацией // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 444–458. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-444-458>

© Синицина А.В., Соловьев В.А., Тяпкин Д.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Emotional Dynamics in Russian-Language Telegram Channels: Between Cohesion and Affective Polarization

Arina V. Sinitsina , Valerii A. Soloviev , Danila I. Tyapkin

HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ a.sinitzina2018@yandex.ru

Abstract. This study proposes a novel methodological framework for analyzing key socio-psychological processes, namely in-group cohesion and affective polarization, within digital media during crises. By examining emotional dynamics in Russian-language Telegram channels (2.5k channels, 1.2M messages) across month preceding and following the onset of the Special Military Operation (SMO), we demonstrate an asymmetric transformation: intensified positive consolidation within ideologically aligned communities alongside heightened intergroup polarization, particularly in external engagements. Employing machine learning, text analytics, and network analysis, our work not only captures the specific reaction to the triggering event but also advances social identity theory by highlighting the fundamental role of emotional boundaries in shaping digital communities. These insights retain critical relevance for understanding social media dynamics in contemporary conflicts and societal divisions.

Keywords: cohesion, polarization, Telegram, topic modeling, sentiment analysis, LLM (large language models), Big Data

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Sinitsina, A.V., Soloviev, V.A., & Tyapkin, D.I. (2025). Emotional dynamics in Russian-language Telegram channels: Between cohesion and affective polarization. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 444–458. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-444-458>

Введение

В современном политологическом дискурсе значительное внимание уделяется изучению восприятия угроз и их воздействия на политическое поведение. Ингрупповая идентичность, формируемая через социальные роли, обуславливает трансляцию коллективных рисков на личностный уровень, инициируя механизмы психологической и поведенческой защиты.

Одной из таких реакций, согласно теории «сплочения вокруг флага» («rally round the flag») [Gustavsson, Taghizadeh 2024; Johansson et al. 2021], является консолидация социальных групп вокруг политического лидера или общенационального курса. Данный феномен обусловлен поиском индивидами безопасности в условиях экзистенциальной угрозы через присоединение к крупным институциональным структурам, воспринимаемым как более стабильные. В контексте политической угрозы ключевым объектом солидаризации выступает государство.

Альтернативный подход к анализу реакций на кризисные явления представлен в рамках теории межгрупповой угрозы, основанной на концепции социальной идентичности [Tajfel, Turner 1979]. Согласно данной теории, идентификация индивида с определенной группой способствует формированию положительных эмоциональных установок в отношении членов этой группы и отрицательных — по отношению к представителям внешних групп. Экзогенные угрозы усиливают социальную идентификацию и межгрупповую дифференциацию, что способствует аффективной поляризации — феномену, при котором эмоциональные реакции на межгрупповые взаимодействия становятся доминирующими, подавляя рациональную критику оппонентов [Iyengar, Sood, Lelkes 2012].

Настоящее исследование предлагает новую модель анализа динамики процессов консолидации и аффективного размежевания в рамках тематики специальной военной операции на основе эмоционального контекста публикаций в Telegram-каналах за месяц до и после начала СВО. Используя методы автоматизированной обработки естественного языка (NLP), выяснено, как эмоционально окрашенные нарративы способствуют формированию внутригрупповой сплоченности и одновременному усилению межгрупповых границ.

Результаты исследования свидетельствуют, что, вопреки устоявшимся теоретическим предположениям, предполагающим бинарную динамику социальной консолидации или поляризации в условиях кризиса, в онлайн-среде наблюдается более сложная структурная модель. Анализ выявил парадоксальное сочетание внутригрупповой сплоченности с усилением межгрупповой дистанции, обусловленной преобладанием негативных нарративов в дискуссиях, связанных с кризисной тематикой. При этом вне данного контекста дистанция между сообществами демонстрирует лишь незначительные флуктуации.

Работа вносит вклад в теорию социальной идентичности, расширяя понимание механизмов поляризации в условиях медиатизированных конфликтов, и подчеркивает необходимость учета эмоционального контекста при прогнозировании трансформаций общественного дискурса.

Динамика сплочения и аффективной поляризации в условиях экзогенных шоков

В политической науке аффективная поляризация определяется как феномен, при котором противостояние между социальными или политическими группами опосредовано не столько различиями в идеологиях или ценностях, сколько эмоциональной неприязнью, включающей враждебность, страх или презрение к «другим» [Iyengar et al. 2019].

В отличие от классической идеологической поляризации, где разделение основано на когнитивных расхождениях (например, в партийных программах), аффективная поляризация акцентирует эмоциональную составляющую

межгрупповых отношений, формируя идентичность через противопоставление «Мы vs. Они» [Rogowski, Sutherland 2016]. Однако если базовые исследования этого феномена традиционно фокусируются на дистанцировании от аут-групп, то процессы *внутригрупповой динамики*, особенно в условиях кризисов, остаются недостаточно изученными.

Политические экзогенные шоки, такие как военные конфликты, экономические коллапсы или пандемии, способны выступать катализаторами как межгрупповой, так и внутригрупповой поляризации. С одной стороны, внешние угрозы могут усиливать *сплоченность внутри сообществ* через мобилизацию коллективной идентичности (например, «патриотический подъем» во время войны). С другой — кризисы обнажают и углубляют внутренние противоречия, переводя латентные разногласия в открытые конфликты. Например, исследование [Bail et al. 2018] показало, что террористические атаки в США усилили не только неприязнь к внешним «врагам», но и расколы внутри американского общества по вопросам безопасности и гражданских свобод.

Механизмы аффективной поляризации внутри групп часто связаны с *эмоциональной гиперболизацией* даже незначительных расхождений. В условиях неопределенности, вызванной кризисом, члены группы начинают воспринимать умеренные взгляды как предательство «общего дела», что ведет к маргинализации центристов и радикализации дискурса [Suhay et al. 2021]. Так, во время политических потрясений в Турции (2016–2017 гг.) сторонники правящей партии стали демонстрировать большую враждебность к внутригрупповым «диссидентам», чем к оппозиции, что объяснялось страхом перед «пятой колонной» [Kalaycıoğlu, Çarkoğlu 2009]. Эти процессы подчеркивают необходимость переосмысления аффективной поляризации не только как межгруппового, но и как внутригруппового феномена. Кризисы, разрушая привычные социальные рамки, делают эмоциональные реакции ключевым драйвером политического поведения. Это требует разработки новых теоретических моделей, учитывающих, как экзогенные шоки трансформируют структуру коллективных эмоций, усиливая или ослабляя сплоченность внутри групп. Подобные исследования особенно актуальны в эпоху цифровых коммуникаций, где эмоциональный резонанс и виральность контента ускоряют поляризационные процессы, создавая замкнутые информационные экосистемы с высокой степенью аффективной поляризации [Tucker et al. 2018].

На основании существующей литературы [Ахременко, Синицина, Соловьев 2024; Kazun 2016] мы можем выделить несколько вариантов, как может развиваться групповая динамика в период кризиса. Первый сценарий мы назовем *консенсусно-интегративный*, он характеризуется общегрупповым сплочением. Данный кейс отражает теорию «сплочения вокруг флага», согласно которой различные политические группы преодолевают конфликты на время кризиса и достигают согласия через общие цели обеспечения безопасности для их участников. Такой процесс отражает гомогенизацию общества и снижение межгрупповых барьеров.

Мы видим некоторые ограничения, в условиях которых данный сценарий может быть действительно релевантным. Во-первых, данная парадигма фокусируется на краткосрочных эффектах, игнорируя долгосрочные последствия сплочения. Во-вторых, теория не учитывает роль внутренних кризисов (экономических, социальных и иных), которые могут как усиливать, так и ослаблять эффект. В-третьих, она не объясняет, почему в одних обществах групповая консолидация проявляется сильнее, чем в других. Эти пробелы стимулировали интеграцию такой парадигмы с иными теориями, которые бы объясняли истоки сплочения групп [Синицина 2025].

Мы предполагаем учесть эти соображения, используя иной сценарий межгрупповой динамики в период кризиса, который может быть именован как *партикулярно-конфликтный*. При таком развитии событий сплочение происходит только внутри узких групп, которые изначально близки на основе политических ценностей или мнений, сопровождаясь усилением аффективного противостояния с более далекими группами [Tajfel, Turner 1979; Iyengar et al. 2019].

Такой сценарий адаптивен к трансформации бинарности восприятия множественной идентичности людей в современном обществе. Сплочение воспринимается не как нечто самодостаточное и основанное только на внешней угрозе, а на позитивной самоидентификации индивидов к определенной группе и одновременном обострении враждебности по отношению к иным группам, учитывая роль аффективных факторов (страх, гнев).

Следуя вышеописанной логике, мы выдвигаем гипотезы для проверки:

H1: Контекст обсуждения темы СВО вызвал асимметричную трансформацию цифровой динамики, которая выразилась в усилении позитивной внутригрупповой консолидации и одновременно межгрупповой аффективной поляризации между сообществами на основе негативных сообщений.

H2: Вне обсуждения кризисного контекста СВО наблюдается сохранение конфигурации исходной сети.

Мы считаем, что эмоционально заряженные нарративы, распространяемые через социальные медиа, ускоряют формирование «эмоциональных границ» между группами [Mason 2018; Petrov, Akhremenko, Zeglov 2023]. Коммуникация в онлайн-среде часто создает «эхо-камеры» [Pariser 2011], где пользователи преимущественно сталкиваются с контентом, подтверждающим их предубеждения. Это приводит к гиперболизации внутригрупповой сплоченности и аутгрупповой дискриминации, что особенно характерно для закрытых медийных экосистем, например, Telegram-каналов [Тоерф, Piwoni 2018].

Именно краткосрочный период после триггерного события представляет наибольшую ценность для изучения механизмов аффективной поляризации и сплочения в «чистом виде», когда социально-психологические реакции еще не опосредованы долгосрочными факторами (адаптацией, информационной усталостью, институциональным ответом).

Эмпирическая база и методологические основы исследования

Эмпирическая база исследования была сформирована на основе публичных данных русскоязычных политических Telegram-каналов. Источники отбирались с использованием классификации каталога TGStat¹, который распределяет каналы по категориям, включая новости, политику, экономику и другие. В категорию «политические» включены каналы политических деятелей, партий России, а также журналистов и обозревателей, специализирующихся на политической повестке. Для обеспечения релевантности выборки из исследования были исключены каналы министерств и ведомств, поскольку их контент носит преимущественно официально-новостной характер и не отражает дискуссионные аспекты политической жизни. Дополнительным критерием фильтрации стал размер аудитории: в финальную выборку вошли каналы с числом подписчиков более 10 тысяч по состоянию на декабрь 2023 г.

Это позволило исключить малозначимые ресурсы, которые могли исказить данные за счет низкой вовлеченности аудитории или узкой локализации контента, нерепрезентативной для общего политического ландшафта. Таким образом, фокус исследования сместился на каналы с широким охватом, способные отражать ключевые тренды и массовые настроения в рамках выбранной тематики.

Анализ Telegram-каналов охватывает два ключевых периода: месяц до начала СВО (27 января — 23 февраля 2022 г.) и месяц после (24 февраля — 24 марта 2022 г.). Этот период позволяет отследить динамику чистого аффекта в информационной повестке. Данные собирались через инструмент Snsrape², который обеспечивает парсинг публикаций из веб-версии Telegram, и изначально включили более 2,5 тыс. каналов, опубликовавших в совокупности 1,2 млн сообщений за указанный период. Для выявления сетевых взаимодействий между каналами в качестве ключевого индикатора связи использовались гиперссылки, включая репосты. После фильтрации сообщений, не содержащих таких ссылок, объем данных сократился до 800 тыс. публикаций, при этом число анализируемых каналов осталось практически неизменным.

Социальные сети усиливают влияние эмоций через механизмы вирусного распространения контента [Berger, Milkman 2012]. Анализ сетевых структур позволяет выявить узлы (аккаунты), играющие ключевую роль в эмоциональной динамике — от генераторов контента до его модераторов и ретрансляторов [Granovetter 1973]. Чем плотнее сеть и чем больше узлов выражают схожие эмоции, тем выше уровень сплочения. При этом группы с высокой степенью поляризации характеризуются кластерами с однородными эмоциями и слабой связностью между ними [Conover et al. 2021].

Для анализа сетевых взаимодействий между Telegram-каналами использовалась библиотека NetworkX, предназначенная для создания, манипулирования

¹ Telegram-каналы / Россия / Политика // TGstat: официальный сайт. URL: <https://tgstat.ru/politics> (дата обращения: 2025.03.16).

² Свободное программное обеспечение: A social networking service scraper in Python. URL: <https://github.com/JustAnotherArchivist/snsrape> (дата обращения: 06.01.2025).

и изучения структуры сложных сетей. Ключевым методом стал расчет меры модулярности — метрики, оценивающей качество разделения сети на кластеры путем сравнения плотности связей внутри сообществ с ожидаемой плотностью в случайно сгенерированной сети с аналогичной структурой. Значения модулярности варьируются от -1 (полное отсутствие кластерной структуры) до 1 (идеально изолированные сообщества), что позволяет количественно оценить степень группировки каналов вокруг общих нарративов. Для оптимизации этого показателя на больших сетях был применен алгоритм Лувена [Blondel et al. 2008], Алгоритм Лувена представляет собой «жадный» (greedy) метод оптимизации для обнаружения сообществ в больших сетях путем максимизации модулярности. Модулярность — это мера плотности связей внутри сообществ по сравнению со связями между сообществами.

Анализ эмоциональной окраски текстов проводился с использованием предобученной нейросетевой модели RuBERT³, адаптированной для русского языка. Модель продемонстрировала эффективность с метрикой macro F1-score выше 70 % на валидационных выборках, что подтверждает ее применимость для задач сентимент-анализа в условиях несбалансированных данных.

Тематическое моделирование происходило с помощью библиотеки BERTopic⁴, которая объединяет современные методы обработки естественного языка и машинного обучения для выявления скрытых тем в текстовых данных, а также корректно интерпретирует иронию, сарказм и иные многозначные выражения. На первом этапе тексты преобразуются в векторные представления с помощью нейросетевых моделей.

В дальнейшем применяется алгоритм UMAP для снижения размерности данных, чтобы изменить длину вектора. На этом этапе данные готовы для кластеризации с помощью алгоритма HDBSCAN, который автоматически определяет число тематических групп.

После проведения соответствующих процедур над данными, мы получили результаты, представленные на графиках (рис. 1), где отражена динамика эмоциональной окраски сообщений в Telegram-каналах до и после начала СВО. Анализ показывает, что *нейтральный тон доминировал* в обоих периодах. При этом *доля позитивно окрашенных сообщений осталась практически неизменной*, демонстрируя устойчивость к внешним событиям и отсутствие значимых колебаний. В то же время отмечается заметный рост количества негативных сообщений, что может быть связано с усилением социальной напряженности. Одновременно наблюдается *рост общего числа публикаций* после начала СВО, что свидетельствует об активизации в каналах. Такая картина может указывать на смещение фокуса обсуждений в сторону фактологических новостей и аналитики (нейтральный тон) при сохранении стабильного уровня

³ Языковая модель для определения тональности текста: Rubert Tiny // Hugging Face: официальный сайт. URL: <https://huggingface.co/cointegrated/rubert-tiny-sentiment-balanced> (дата обращения: 01.06.2025).

⁴ Свободное программное обеспечение: BERTopic. Официальная документация. URL: <https://maartengr.github.io/BERTopic/index.html> (дата обращения: 03.02.2025).

позитивных нарративов, которые, вероятно, связаны с поддержкой действий властей. При этом увеличение объема контента подчеркивает усиление роли Telegram как ключевой платформы для оперативного распространения информации в условиях кризиса.

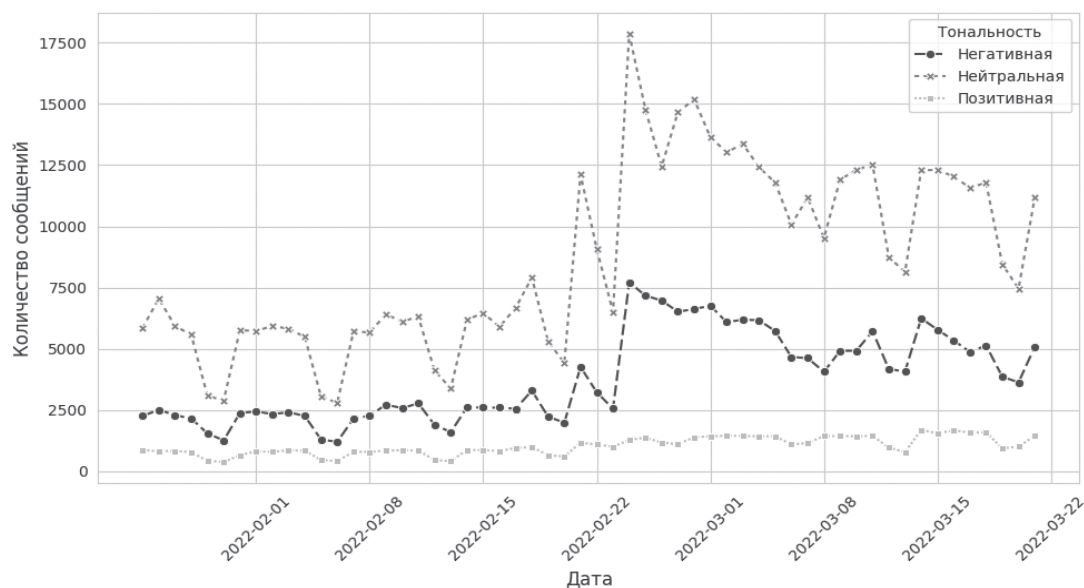

Рис. 1. Динамика тональности сообщений по дням

Источник: составлено А.В. Синициной, В.А. Соловьевым, Д.И. Тяпкиным по результатам исследования.

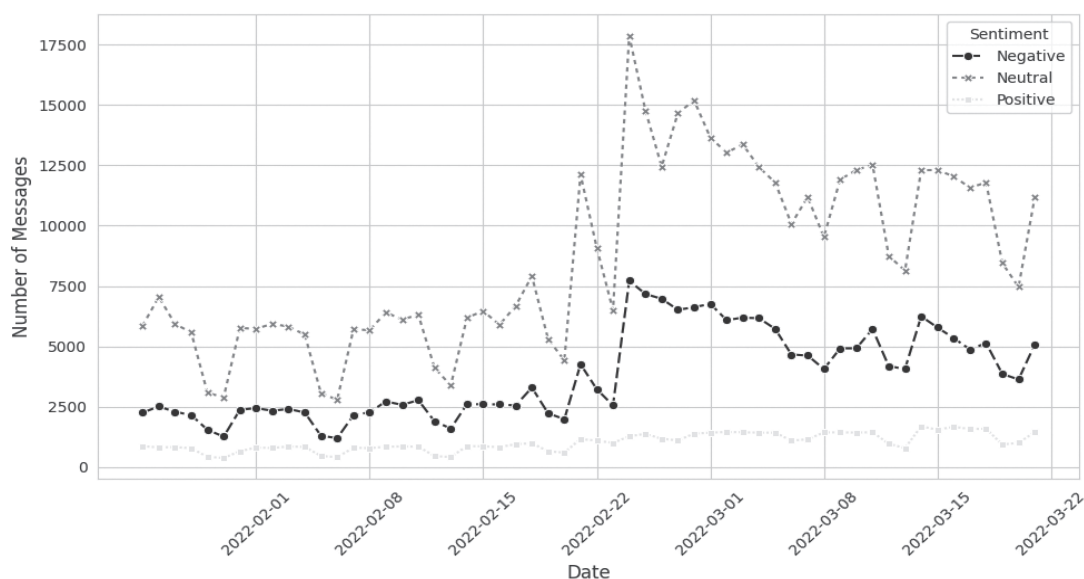

Figure 1. Sentiment Dynamics by Day

Source: compiled by A.V. Sinitsina, V.A. Soloviev, D.I. Tiapkin, based on the results of the study.

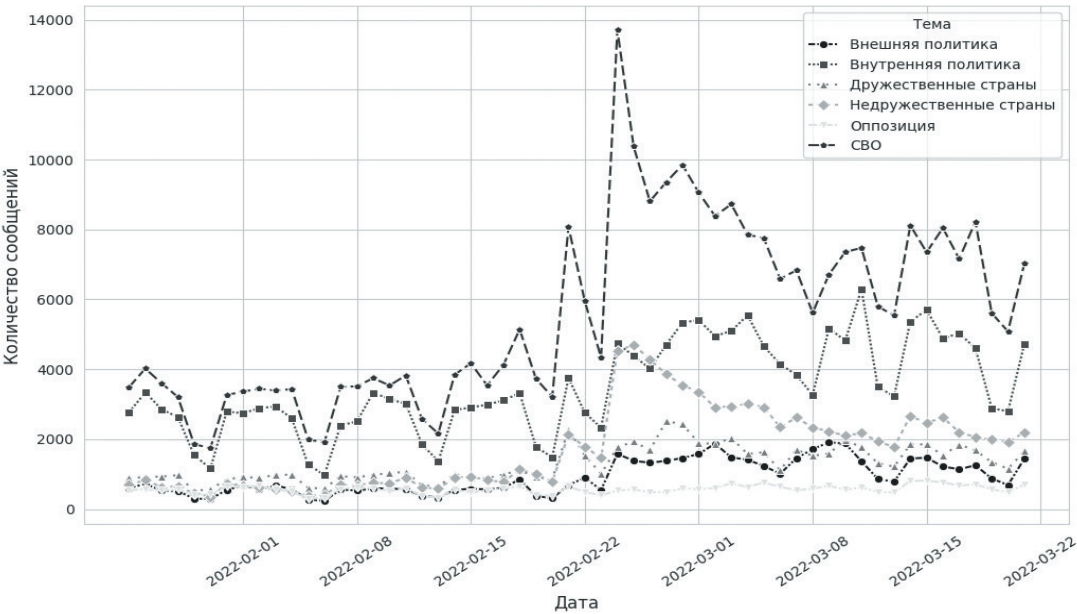

Рис. 2. Динамика тематических сообщений по дням
Источник: составлено А.В. Синициной, В.А. Соловьевым, Д.И. Тяпкиным по результатам исследования.

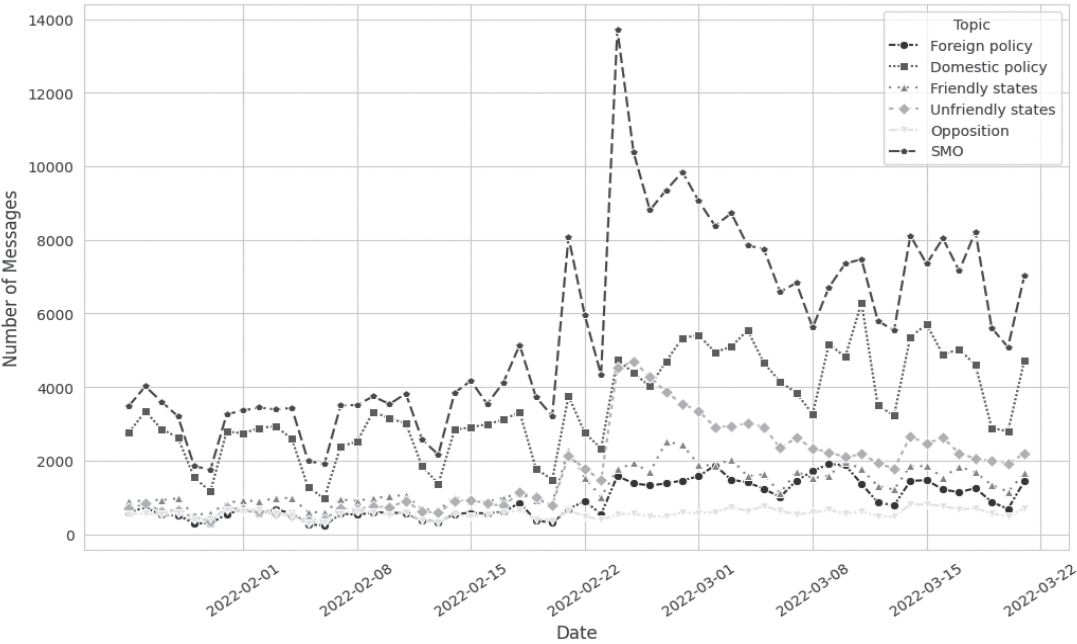

Figure 2. Topic Dynamics by Day
Source: compiled by A.V. Sinitsina, V.A. Soloviev, D.I. Tiapkin, based on the results of the study.

Анализ тематической структуры сообщений в Telegram-каналах демонстрирует значительную трансформацию информационной повестки до и после начала СВО (рис. 2). В предшествующий период тема *отношений с Украиной* занимала центральное место в дискурсе, фокусируясь на вопросах дипломатии, экономического сотрудничества и культурных связей. Однако после февраля 2022 г. она эволюционировала в категорию «СВО», став доминирующей и поглотив значительную часть контента — от военных сводок до идеологических нарративов.

Внутренняя политика, включая социальные проблемы (пенсии, миграция, доступ к медицине) и вопросы государственного управления, сохранила высокую значимость в обоих периодах. Это указывает на ее роль как «фоновой» повестки, устойчивой к внешним шокам, но приобретающей новые акценты в условиях кризиса (например, обсуждение мобилизации или санкционного давления на население).

Напротив, *внешнеполитическая тематика* (без учета категорий «дружественные/недружественные страны») практически исчезла из активного обсуждения, переместившись в маргинальное поле. Ее замещение темой СВО отражает переориентацию информационной стратегии: вместо абстрактных геополитических концепций акцент сместился на оперативную повестку, связанную с непосредственными действиями России.

Такая динамика подчеркивает, что СВО стало не только военно-политическим событием, но и ключевым смысловым каркасом, реорганизуя информационное пространство. Внешние угрозы (ранее обсуждаемые в контексте «недружественных стран») были персонифицированы через конфликт, а внутренняя политика стала инструментом консолидации вокруг «общих вызовов». Это подтверждает гипотезу о том, что кризисы выступают катализатором перестройки коммуникационных приоритетов, где ранее периферийные темы обретают статус системообразующих.

Для ответа на ключевой вопрос данного исследования о динамике процессов сплочения и размежевания до и после начала СВО был также построен индекс эмоциональной динамики. Предложенный авторами индекс сплочения и поляризации (*IPC*), рассчитываемый как нормализованная разность между долей позитивных и негативных взаимодействий служит инструментом для анализа сетевой динамики в Telegram-сообществах:

$$IPC = (POSITIVE - NEGATIVE) / (POSITIVE + NEGATIVE).$$

Расчет данного индекса производился на двух периодах — до и после СВО соответственно, а также для связей между участниками внутри сообществ и внешних между сообществами. Такой расчет может демонстрировать одновременно динамику уровня сплочения и аффективной поляризации в Telegram-каналах. Нормализация к диапазону $[-1; 1]$ обеспечивает сопоставимость данных для сообществ разного масштаба, где крайние значения отражают следующие качественные сдвиги.

При значении -1 во внутригрупповых связях фиксируется доминирование негативного сентимента, что указывает на фрагментацию сообщества — слабые внутренние связи и преобладание враждебного дискурса. Для межгрупповых связей этот же показатель (-1) соответствует пику аффективной поляризации, когда гнев участников направлен вовне, а коммуникация между сообществами носит конфронтационный характер.

Напротив, значение 1 во внутригрупповых связях свидетельствует о гомофильном сплочении — формировании «эхо-камер» с плотными позитивными взаимодействиями. Для межгрупповых связей 1 отражает идеализированный сценарий общесетевой солидарности, редкий в условиях нестабильности.

Так, мы считаем, что такой расчетный показатель на основе сетевых метрик является новым инструментом для количественной оценки двух взаимосвязанных процессов — сплочения, основанного на гомогенности взаимодействий, и поляризации, возникающей из баланса противоположных тональностей, что делает его релевантным для исследований цифровой социодинамики в условиях нестабильности (табл. 1).

Таблица 1

Результаты расчета индекса поляризации и сплочения
(index of affective polarization and cohesion)

Связи в графе	Период	Тема постов: Внешняя политика	Тема постов: Внутренняя политика	Тема постов: СВО
Внутригрупповые связи	До СВО	$-0,47$	$-0,73$	$-0,43$
Внешнегрупповые связи	До СВО	$-0,37$	$-0,70$	$-0,39$
Внутригрупповые связи	После СВО	$-0,51$	$-0,78$	$-0,27$
Внешнегрупповые связи	После СВО	$-0,56$	$-0,70$	$-0,66$

Источник: составлено А.В. Синициной, В.А. Соловьевым, Д.И. Тяпкиным по результатам исследования.

Table 1

Results of calculation of the index of polarization and cohesion
(index of affective polarization and cohesion)

Graph connections	Period	Post topic: Foreign policy	Post topic: Domestic policy	Post topic: SMO
Intragroup connection	Before SMO	-0.47	-0.73	-0.43
Out-group connection	Before SMO	-0.37	-0.70	-0.39
Intragroup connection	After SMO	-0.51	-0.78	-0.27
Out-group connection	After SMO	-0.56	-0.70	-0.66

Source: compiled by A.V. Sinitsina, V.A. Soloviev, D.I. Tiapkin, based on the results of the study.

Результаты исследования демонстрируют неоднозначное влияние тематики СВО на социальную динамику сетевых сообществ. Статистически значимое повышение индекса внутригруппового сплочения (повысился с $-0,43$ до $-0,27$) подтверждает гипотезу о мобилизационном эффекте кризисных нарративов, что коррелирует с теорией «сплочения вокруг флага» [Mueller 1970], однако выявленные паттерны носят избирательный характер. Напротив, внешние связи сообществ демонстрируют усиление аффективной поляризации (индекс снизился с $-0,39$ до $-0,66$), что противоречит классическим представлениям о консолидации общества перед лицом внешних угроз [Druckman et al. 2013].

Данный диссонанс позволяет предположить, что кризисные события не нивелируют, а реконфигурируют существующие идеологические разломы, усиливая антагонизм между ранее дистанцированными группами [Iyengar et al. 2019]. Полученные результаты подтверждают первую гипотезу данного исследования о росте уровня внутригруппового сплочения и одновременном усилении межгруппового размежевания между участниками сообществ.

Анализ смежных тематических кластеров показал неоднозначные результаты в соответствии со сделанным предположением во второй гипотезе данного исследования. Измерение индекса позволило выявить устойчивые паттерны размежевания. В сфере внутренней политики зафиксирован рост аффективной поляризации внутри сообществ (индекс снизился с $-0,73$ до $-0,78$), что согласуется с концепцией «эмоциональной сортировки» [Mason 2018], когда гомогенизация внутренних связей сопровождается радикализацией риторики. Во внешнеполитическом дискурсе усиление поляризации как внутри сообществ (с $-0,47$ до $-0,51$), так и между ними (с $-0,37$ до $-0,56$) указывает на формирование бинарных оппозиций. Эти данные ставят под сомнение универсальность мобилизационного эффекта кризисов, ограничивая его действие рамками изначально идеологически близких сообществ, что подтверждает гипотезу о роли реконфигурации сетевых структур. Таким образом, мы можем опровергнуть выдвинутую ранее гипотезу о сохранении исходной конфигурации сети и заключить, что аффективная поляризация усилилась во внешних и внутренних связях в темах, не связанных с контекстом СВО.

Интересно также, что на полученных результатах мы видим *парадокс гомофилии в условиях кризиса*. Усиление внутригрупповой сплоченности при одновременной поляризации внешних связей свидетельствует о двойственной роли гомофилии [McPherson et al. 2001]: если в стабильных условиях она способствует формированию устойчивых сообществ, то в кризисных — действует как механизм социальной изоляции, усугубляя межгрупповые границы.

Заключение

Таким образом, исследование выявляет необходимость пересмотра классических предположений о динамике сплочения и аффективной поляризации в контексте цифровых медиа, где кризисы не столько объединяют общество, сколько перенаправляют конфликты в плоскость сетевой топологии, делая

поляризацию не побочным эффектом, а системным свойством идеологизированных экосистем.

На основе проведенного исследования очевидно, что кризисные события усиливают существующие векторы поляризации, придавая им эмоциональный характер. Ограниченность применимости выводов теории «сплочения вокруг флага» в российском контексте лишь близкими сообществами указывает на то, что кризисы не создают новые социальные связи, а активируют латентные сетевые структуры, усиливая ранее существовавшие линии размежевания.

Отсутствие явного внутригруппового сплочения и преобладание негативных взаимодействий во внешних связях при умеренной позитивной динамике внутри групп вне контекста обсуждения темы СВО может объясняться асимметрией эмоционального заражения, где негативные нарративы распространяются быстрее и шире, особенно в условиях межгрупповой конкуренции.

В проведенном исследовании сделан акцент на изучение динамики сплочения и аффективной поляризации в краткосрочной перспективе, что позволяет выявить эмоциональную динамику в контексте острой фазы информационного фона. Однако такая узкая хронологическая фокусировка не дает возможности проследить долгосрочные тренды сплочения и поляризации, которые могут варьироваться в зависимости от изменений внешнеполитической обстановки, медийной повестки или адаптации аудитории к текущим политическим реалиям. Перспективным направлением для будущих исследований могло бы стать изучение эмоциональных паттернов на расширенном временном отрезке, уже на основе продемонстрированной в данном исследовании методологии. Это позволило бы оценить устойчивость выявленных механизмов, влияние сезонных факторов, а также динамику переходов между сплочением и поляризацией в условиях эволюции публичного дискурса.

Поступила в редакцию / Received: 11.02.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 07.03.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2025

Библиографический список / References

- Ахременко А.С., Сеницина А.В., Соловьев В.А. Размежевание или сплочение? Динамика сетевой структуры политических телеграм-каналов: моделирование и эмпирический анализ // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2024. № 3. С. 59–81. <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2024-114-3-59-81>; EDN: VLMIWE
- Akhremenko, A.S., Sinitsina, A.V., & Solovlev, V.A. (2024). Separation or cohesion? Dynamics of the network structure of political telegram channels: modeling and empirical analysis. *Politeia*. 3. 59–81. <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2024-114-3-59-81> EDN: VLMIWE
- Сеницина А.В. Измерение и моделирование эффекта сплочения в русскоязычных социальных медиа после начала СВО: анализ социальных мотиваций // *Политическая наука*. 2025. № 1. С. 203–218. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.01.09>; EDN: CQVNAE

- Sinitsina A.V. (2025). Measuring and modeling the cohesion effect in Russian-language social media after the start of the special military operation: an analysis of social motivations. *Political science (RU)*, (1), 203–218. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.01.09> EDN: CQVNAE
- Соловьев В.А. Динамика идеологической поляризации в пространстве русскоязычных Telegram-каналов: моделирование методами машинного обучения // Политическая наука. 2025. № 1. С. 240–259. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.01.11> EDN: MXKGQO
- Solovev, V.A. (2025). The dynamics of ideological polarization in Russian-language telegram channels: modelling with machine learning methods. *Political science (RU)*, (1), 240–259. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.01.11> EDN: MXKGQO
- Bail, C.A., Brown, T.W., & Mann, M. (2017). Channeling hearts and minds: Advocacy organizations, cognitive-emotional currents, and public conversation. *American Sociological Review*, 82(5), 1188–1213. <https://doi.org/10.1177/0003122417733673>
- Berger, J., & Milkman, K.L. (2012). What makes online content viral? *Journal of marketing research*, 49(3), 192–205. <https://doi.org/10.1509/jmr.10.0353>
- Blondel, V.D. et al. (2008). Fast unfolding of communities in large networks. *Journal of statistical mechanics: theory and experiment*, 10(4), 201–220. <http://dx.doi.org/10.1088/1742-5468/2008/10/P10008>.
- Carkoglu, A., & Kalaycioglu, E. (2009). *The Rising Tide of Conservatism in Turkey*. New York: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230621534>
- Chmiel, A., Sienkiewicz, J., Thelwall, M., Paltoglou, G., Buckley, K., Kappas, A., & Hołyst, J.A. (2011). Collective emotions online and their influence on community life. *PloS one*, 6(7), 222–240. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0022207>
- Conover, M., Ratkiewicz, J., Francisco, M., Goncalves, B., Menczer, F., & Flammini, A. (2021). Political Polarization on Twitter. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 5(2), 89–96. <https://doi.org/10.1609/icwsm.v5i1.14126>
- Druckman, J.N., Peterson, E., & Slothuus, R. (2013). How elite partisan polarization affects public opinion formation. *American political science review*, 107(1), 57–79. <https://doi.org/10.1017/S0003055412000500>
- Fredrickson, B.L. (2001). The role of positive emotions in positive psychology: The broaden-and-build theory of positive emotions. *American psychologist*, 56(3), 218. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.56.3.218>
- Granovetter, M.S. (1973). The strength of weak ties. *American journal of sociology*, 78(3), 1360–1380. <http://dx.doi.org/10.1086/225469>.
- Gustavsson, G., & Taghizadeh, J.L. (2023). Rallying around the unwaved flag: national identity and Sweden's controversial Covid strategy. *West European Politics*, 46(6), 1063–1088. <https://doi.org/10.1080/01402382.2023.2186027>
- Iyengar, S., Lelkes, Y., Levendusky, M., Malhotra, N., & Westwood, S.J. (2019). The origins and consequences of affective polarization in the United States. *Annual review of political science*, 22(1), 129–146. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051117-073034>
- Iyengar, S., Sood, G., & Lelkes, Y. (2012). Affect, not ideology: A social identity perspective on polarization. *Public opinion quarterly*, 76(3), 405–431. <https://doi.org/10.1093/poq/nfs038>
- Johansson, B., Hopmann, D.N., & Shehata, A. (2021). When the rally-around-the-flag effect disappears, or: when the COVID-19 pandemic becomes “normalized”. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. 31, 321–334. <https://doi.org/10.1080/17457289.2021.1924742>
- Kazun, A. (2016). Framing sanctions in the Russian media: The rally effect and Putin's enduring popularity. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 24(3), 327–350. EDN: YVKVYT
- Mason, L. (2018). *Uncivil agreement: How politics became our identity*. Chicago: University of Chicago Press.

- McPherson, M., Smith-Lovin, L., & Cook, J.M. (2001). Birds of a feather: Homophily in social networks. *Annual review of sociology*, 27(1), 415–444. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>
- Mueller, J.E. (1970). Presidential popularity from Truman to Johnson. *American political science review*. 64(1), 18–34. <https://doi.org/10.2307/1955610>
- Pariser, E. (2011). *The filter bubble: How the new personalized web is changing what we read and how we think*. New York: Penguin Books.
- Petrov, A., Akhremenko, A., & Zheglov, S. (2023). Dual identity in repressive contexts: an agent-based model of protest dynamics. *Social Science Computer Review*, 41(6), 2249–2273. <https://doi.org/10.1177/08944393231159953>
- Rogowski, J.C., & Sutherland, J.L. (2016). How ideology fuels affective polarization. *Political behavior*, 38(4), 485–508. <https://doi.org/10.1007/s11109-015-9323-7>
- Suhay, E., Klasina, M., & Rivero, G. (2021). Ideology of affluence: Explanations for inequality and economic policy preferences among rich Americans. *The Journal of Politics*, 83(1), 367–380. <https://doi.org/10.1086/709672>
- Tajfel, H., & Turner, J.C. (1979). *An integrative theory of intergroup conflict. The social psychology of intergroup relations*. Monterey: Brooks/Cole.
- Toepfl, F., & Piwoni, E. (2018). Targeting dominant publics: How counterpublic commenters align their efforts with mainstream news. *New Media & Society*, 20, 2011–2027. <https://doi.org/10.1177/1461444817712085>
- Tucker, J.A., Guess, A., Barberá, P., Vaccari, C., Siegel, A., Sanovich, S., Nyhan, B. (2018). *Social media, political polarization, and political disinformation: A review of the scientific literature*. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3144139>

Сведения об авторах:

Синицина Арина Викторовна — аспирант аспирантской школы по политическим наукам, преподаватель департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: a.sinitzina2018@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-1755-2528)

Соловьев Валерий Александрович — аспирант аспирантской школы по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: valerasolovev13951@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-3590-8567)

Тяпкин Данила Игоревич — магистр, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: danilati20@gmail.com) (ORCID: 0009-0000-0249-4591)

About the authors:

Arina V. Sinitsina — Postgraduate of Doctoral School of Political Science, Lecturer, HSE University (e-mail: a.sinitzina2018@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-1755-2528)

Valerii V. Soloviev — Postgraduate of Doctoral School of Political Science, HSE University (e-mail: valerasolovev13951@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-3590-8567)

Danila I. Tiapkin — M.A., HSE University (e-mail: danilati20@gmail.com) (ORCID: 0009-0000-0249-4591)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-459-478

EDN: OMICAY

Научная статья / Research article

Анализ аффективной поляризации в российском онлайн-пространстве в условиях политической мобилизации: подход машинного обучения

Е.В. Кручинская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация

✉ ekruchinskaya@hse.ru

Аннотация. В условиях глобального роста политической напряженности и повсеместного учащения протестных выступлений изучение динамики аффективной поляризации становится все более актуальным. Этот феномен, ранее доминировавший в политическом ландшафте США и изучавшийся сквозь призму партийной принадлежности, приобретает значение и в других странах. Распространение аффективной поляризации фиксируется и для России, имеющей богатую историю политических размежеваний. Несмотря на актуальность темы, исследования аффективной поляризации сталкиваются с проблемой разработки объективных и нереактивных методов анализа, свободных от предвзятости традиционных опросов. Кроме того, открытым остается вопрос о связи аффективной поляризации и политической мобилизации — действительно ли эти явления, развивающиеся схожими трендами, усиливают друг друга? Этот вопрос является основной гипотезой исследования. Для ее тестирования предложена методология, основанная на машинном обучении: спектральной кластеризации, тематическом моделировании BERTopic и энтропии Шеннона. В качестве эмпирической базы использованы первичные данные сообщений социальной сети «ВКонтакте», собранные в период летних протестов 2019 г. в Москве и представляющие собой сообщения пользователей, в которых выражен язык ненависти (как основной индикатор аффективной поляризации). Результаты подтвердили выдвинутую гипотезу: обнаружено статистически значимое увеличение энтропии Шеннона и выявление поляризованных тематик в период протестной мобилизации. Это свидетельствует о том, что политическая мобилизация действительно положительно связана с распространением аффективной поляризации. Разработанная методология позволяет проводить объективный анализ политических процессов и может быть использована для мониторинга и оценки рисков, связанных с эскалацией социальной напряженности.

Ключевые слова: политическая мобилизация, аффективная поляризация, язык ненависти, онлайн-коммуникация, машинное обучение, тематическое моделирование

© Кручинская Е.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности. Автор выражает искреннюю благодарность научному руководителю, Ахременко Андрею Сергеевичу, за ценные рекомендации и подход к работе, а также Татьяне Викторовне Тимковой и Валерии Евгеньевне Якуткиной за редакционные замечания.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Кручинская Е.В.* Анализ аффективной поляризации в российском онлайн-пространстве в условиях политической мобилизации: подход машинного обучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 459–478. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-459-478>

Affective Polarization in the Russian Social Media Within the Political Mobilization: A Machine Learning Approach

Ekaterina V. Kruchinskaia

HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ ekruchinskaya@hse.ru

Abstract. In the context of the current rise in global political tensions and widespread protests, the examination of affective polarization dynamics has become increasingly significant. This phenomenon, which previously dominated the American political scene and was studied through the lens of party affiliation, is now gaining attention in other countries as well. Affective polarization has been observed in Russia, a nation with a long history of political cleavages. Despite the significance of this problem, research on affective polarization presents challenges in developing unbiased and objective methods for analysis that are free from traditional survey biases. Additionally, it remains an open question whether affective polarization and political activism reinforce each other, which is the central hypothesis of my research. To evaluate the proposed methodology, a study based on machine learning techniques is conducted. Specifically, the following methods are employed: spectral clustering, thematic modeling using BERTopic, and Shannon entropy analysis. As a basis for the empirical analysis, primary data from the VKontakte social media platform during the summer protests in Moscow in 2019 is utilized. These data consist of user-generated messages containing instances of hate speech, which serve as a primary indication of affective polarization among participants. The findings support the hypothesis that there was a statistically significant increase in the level of Shannon entropy, as well as the emergence of polarized themes associated with protest mobilization. These results suggest that political mobilization may be linked to the propagation of affective polarization within society. Through the application of the developed methodology, an objective assessment of political processes can be achieved. Furthermore, this approach provides a means for monitoring and evaluating risks associated with escalating social tensions.

Keywords: political mobilization, affective polarization, hate speech, online communication, machine learning, topic modeling

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the scientific supervisor, Andrey S. Akhremenko, for valuable recommendations and approach to the work, as well as to Tatyana V. Timkova and Valeria E. Yakutkina for editorial comments.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Kruchinskaia, E.V. (2025). Affective polarization in the Russian social media within the political mobilization: A machine learning approach. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 459–478. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-459-478>

Введение

Глобальная социально-политическая нестабильность, характеризующаяся ростом гражданских беспорядков [Коротаев и др. 2021], эрозией демократических институтов [Мельвиль 2024], фрагментацией политической культуры [Гаман-Голутвина, Малинова 2020] и распространением цифровых технологий [Mamyshev et al. 2020], затрудняет коммуникацию между властью и обществом, подрывая стабильность политических систем. Одним из ключевых дестабилизирующих факторов выступает поляризация — процесс нарастания противоречий и враждебности в обществе.

В современных политических конфликтах возрастает роль эмоций, что делает аффективную политическую поляризацию значимым феноменом для изучения. Аффективная поляризация — это процесс усиления эмоциональной неприязни и враждебности между людьми, придерживающимися разных политических взглядов, характеризующийся усилением идентификации с ингруппой («моя» группа) и одновременным ростом ненависти к аутгруппе («чужая» группа) [Iyengar et al. 2012]. Современные исследования показывают, что политическая поляризация, особенно в своей аффективной форме, является не только индикатором, но и катализатором социальной нестабильности [Enders 2021; McCoy, Rahman, Somer 2018]. Эмоциональная укорененность аффективной поляризации способствует дестабилизации политических систем, приводя к обострению враждебности и снижению восприимчивости к рациональной аргументации [Druckman, Green, Iyengar 2024; Lauka, McCoy, Firat 2018; Reiljan 2020; Sides, Tesler, Vavreck 2018]. Наряду с этим она может приводить к ограничению межличностного общения, дискриминации и другим негативным практикам в отношении политических оппонентов [Druckman et al. 2019], что является фактором риска социальной стабильности и одним из механизмов эрозии демократии [Мельвиль 2024]. В связи с этим особую значимость приобретает оценка взаимосвязи аффективной поляризации и политической мобилизации, а также выявление механизмов их взаимного усиления.

Несмотря на изучение влияния политической поляризации на протестную активность [Hobolt, Leeper, Tilley 2021], обратное влияние протеста на аффективную поляризацию остается малоизученным. Существующие работы в основном рассматривают, как поляризация приводит к протестам, упуская из виду, что протест сам может быть катализатором поляризации. Эта лакуна ограничивает понимание процессов дестабилизации политических систем и недооценивает роль протестов в эскалации социальной неприязни. В соответствии с исследованиями о роли протеста в формировании

коллективной идентичности [Klandermans 2015; Snow et al. 1986] можно предположить, что укрепление чувства общности среди участников протеста и формирование негативного отношения к тем, кто не разделяет их взгляды, усиливает аффективную поляризацию. Указанные пробелы подчеркивают актуальность изучения взаимосвязи аффективной поляризации и политической мобилизации.

При этом опасность экстраполяции теорий и методов, разработанных в контексте США, на другие страны явно иллюстрируется противоречивыми результатами исследований. Например, исследование М. Торкала и Дж. Комелласа [Torcal, Comellas 2022] демонстрирует низкий уровень поляризации в России (по состоянию на 2016 год), что противоречит выводам российских исследований [Гулевич, Косимова 2024; Лебедев, Гордякова 2023; Лебедев 2022; Стукал, Ахременко, Петров 2022; Лапкин, Пантин 2009], подчеркивающих наличие аффективной поляризации, не связанной с партийной идентификацией. Это указывает на высокую актуальность учета специфических факторов формирования политической идентичности и структуры социальных расколов в странах без четко выраженной партийной структуры, что подтверждается выводами наиболее современных исследований поляризации и идентичности [Smith et al. 2024]. В особенности это важно учитывать при анализе аффективной поляризации современной России: как показывают исследования Е.Б. Шестопал [Шестопал, Рогач 2025; Шестопал 2005], динамично меняющийся в современной России политический контекст не всегда может быть адекватно описан с использованием общепринятых теоретических моделей, объясняющих процессы идентификации и поляризации. Это указывает на необходимость учета специфических факторов, определяющих процессы социализации и формирования идентичности в российском обществе.

Это явно подчеркивает, что для изучения аффективной поляризации в российском контексте важно использовать новые подходы. При этом важно отметить, что эти подходы должны носить не только теоретический, но и методологический характер. Актуальность поиска нового инструментария для анализа динамичных политических процессов подчеркивается О.В. Гаман-Голутвиной [Гаман-Голутвина 2019], отмечающей необходимость разработки методологического алгоритма, соответствующего сложности современной политики, и эффективного применения существующих методов. В контексте аффективной поляризации особую методологическую проблему представляет прямое использование западных методик, например шкал для измерения партийной идентичности, разработанных для бипартизма, например в США, и не учитывающих особенности российской партийной системы. Следовательно, требуется адаптация существующих и разработка новых, более релевантных для российского контекста, методов исследования аффективной поляризации.

Вышесказанное явно демонстрирует существование комплексной лакуны, связанной с ограниченной изученностью аффективной поляризации вне партийного контекста, а также подчеркивает ограничения методов эмпирической

оценки аффективной поляризации». При этом современные российские исследования показывают нарастающий интерес к аффективной поляризации и фиксацию этого феномена в российском контексте. Это в комплексе объясняет актуальность изучения аффективной поляризации и социальной идентичности в российском контексте, в том числе с учетом рассмотрения аффективной поляризации в контексте политической мобилизации и протеста, используя новые методы и модели.

Как изучают и измеряют аффективную поляризацию в мире: от опросов к машинному обучению

Каковы современные методы оценки аффективной политической поляризации? Наиболее распространены опросные, реже — экспериментальные методики [Mason 2013; Iyengar et al. 2012]. К популярным индикаторам относятся рейтинги качеств партийных представителей (от патриотизма до эгоизма) [Garrett et al. 2014], шкалы «теплоты» отношения к партиям [Lelkes, Westwood 2017] и индексы доверия к политическим силам [Levendusky 2013].

Однако эти индикаторы разрабатывались для США с ее двухпартийной системой, в то время как аффективная поляризация наблюдается и в других странах и обусловлена иными факторами [Hobolt et al. 2021]. Возникает вопрос: какие критерии применять при опросах, если не ясны принципы формирования ингрупп и аутгрупп? Следовательно, актуальна разработка методологического подхода, преодолевающего недостатки опросных методов и адекватно анализирующего поляризацию вне двухпартийной модели США. Это требует выявления ключевых социальных факторов, определяющих структуру ингрупп и аутгрупп и разработки новых индикаторов аффективной поляризации.

При использовании опросов и экспериментов важна проблема предвзятости респондентов и эффекта социальной желательности. Вопросы о политической неприязни могут искажаться из-за социальных норм, влияющих на выражение чувств. Хотя некоторые исследователи используют Implicit Association Test [Iyengar, Westwood 2015], надежность неявных измерений остается дискуссионной [Fazio, Olson 2003].

Таким образом, существующие методики изучения аффективной поляризации, основанные на опросах и экспериментах, демонстрируют ограниченную применимость к российскому контексту, поскольку не позволяют адекватно выявить существующие ингруппы и аутгруппы, а также могут приводить к искаженным результатам при изучении негативной идентичности, актуальной для России [Лебедев, Гордякова 2023].

При этом наиболее современные исследования аффективной поляризации предлагают решение этой проблемы: изучения аффективной поляризации в онлайн-коммуникации. Например, Фалькенберг и др. [Falkenberg et al. 2024], анализируя политическую поляризацию в разных странах (Канада, Франция, Германия и др.), выявили связь токсичного языка, направленного

на аутгруппы, с вовлеченностью пользователей. Ключевой вывод: взаимодействия между политическими группами (аутгруппами) более токсичны, чем внутригрупповые, что указывает на роль ненависти к аутгруппе в формировании аффективной поляризации. Авторы обнаружили структуру «союзник — враг» в политических взаимодействиях и подчеркнули важность выхода за рамки партийной принадлежности при определении групп, что согласуется с гипотезой настоящего исследования [Falkenberg et al. 2024].

Лерман и др. [Lerman et al. 2024] фокусируются на аффективной поляризации и распространении информации в онлайн-сетях США. Авторы показали, что внутригрупповые ответы более позитивны, а аутгрупповые — негативны и токсичны. Аффективная поляризация — структурное свойство социальных медиа, где эмоции зависят от сетевой дистанции. Исследование также рассматривает влияние внешних шоков (COVID-19) на динамику аффективной поляризации, что важно для настоящего исследования, изучающего влияние протестов.

Оба исследования, таким образом, подчеркивают сложность поляризации в онлайн-среде и необходимость учета структуры социальных медиа, эмоционального фона и динамики распространения информации.

В этой связи методика оценки аффективной поляризации, рассматриваемая в данной работе, опирается на анализ текстовых данных (первичных), то есть сообщений, оставленных пользователями социальной сети ВКонтакте. Анализ этих текстовых данных позволяет избежать ограничений, присущих традиционным методам исследования, таким как опросы, которые могут быть подвержены влиянию социальной желательности и не всегда отражают реальные настроения [Tourangeau et al. 2000]. Минимизация эффекта социальной желательности является важным условием обеспечения достоверности, внешней и внутренней валидности социологических данных [DeMaio 1984].

При этом в рамках данного подхода предлагается операционализация аффективной поляризации, предполагающая измерение языка ненависти в онлайн-коммуникации [Стукал, Ахременко, Петров 2022; Кручинская 2023]. Язык ненависти, определяемый как высказывания, направленные на дискриминацию, унижение или разжигание вражды по отношению к определенной социальной группе [Кручинская 2023; Brown 2017], является выражением аутгрупповой неприязни и способствует обострению межгрупповых отношений [Waldron 2012].

Исследовательский дизайн также предполагает использование методов тематического моделирования и анализа лексики, ориентированных на выявление языка ненависти в онлайн-коммуникации. Данный подход позволяет изучить структуру и динамику аффективной поляризации, а также определить факторы, влияющие на распространение языка ненависти в российском обществе.

Смысл данного исследовательского подхода заключается в том, что с его помощью становится возможной идентификация структуры социальных групп в российском обществе на основе анализа дискурсивных практик, связанных

с проявлением социальной и политической идентичности в социальных медиа. В данном контексте язык ненависти служит свидетельством о разделении общества по конкретным, остро дискутируемым тематикам. Рассматриваемая методика позволяет не только идентифицировать ключевые тематики, формирующие группы, но и оценить степень аффективной поляризации между политическими оппонентами в периоды политического протеста. Ко всему прочему, переход от анализа партийной привязки к исследованию динамики социальных идентичностей и протестной активности позволяет получить более глубокое понимание природы аффективной поляризации.

Для эмпирической проверки гипотез об усилении аффективной поляризации в периоды протестной активности был проведен анализ первичных текстовых данных из «ВКонтакте». Данные охватывают контрольный период (отсутствие масштабных протестов, 14.03.2019–14.05.2019) и (квази)экспериментальный период (активная фаза протестов, 14.07.2019–14.09.2019).

Сбор данных осуществлялся посредством запросов к API «ВКонтакте» с использованием ключевых слов: «протест», «навальнист¹», «прокремлевский», «пропагандист», «диктатура». Выбор обусловлен их индикаторной способностью и эмоциональной окраской, отражающей аффективные аспекты поляризации.

Полученный корпус данных составил 49 649 уникальных сообщений (в среднем 800 в день со стандартным отклонением 242) для контрольного периода и 89 601 (среднее — 1422, стандартное отклонение — 468) для экспериментального. Отметим, что увеличение объема политической коммуникации в экспериментальный период (рост общего числа сообщений, среднего количества сообщений в день и стандартного отклонения) указывает на усиление интенсивности политических дискуссий и поляризации мнений в период протестной активности.

Оценка уровня поляризации в период протестной мобилизации методом энтропии Шеннона: есть ли связь?

В исследованиях политической мобилизации отмечается тенденция к интенсификации публичного дискурса и радикализации риторики в периоды протестной активности [Klandermans 2015; Snow et al. 1986]. В частности, протестная мобилизация может приводить к резкому увеличению объема политической коммуникации, при этом значительная часть сообщений содержит эмоционально окрашенные оценки и негативные стереотипы в отношении аут-групп. Усиление аффективной поляризации проявляется в эскалации конфликтов и распространении дезинформации, что способствует формированию враждебного отношения к политическим оппонентам [Huddy 2001; Boxell, Gentzkow, Shapiro 2017].

¹ Навальный А. был внесен в список организаций и физлиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к терроризму и экстремистской деятельности.

Учитывая данные положения, можно предположить, что протестные события в России летом 2019 г. стали катализатором для интенсификации политической дискуссии и распространения языка вражды, что выразилось в резком увеличении частоты использования негативно окрашенных ключевых слов.

Количество сообщений в контрольный период (по датам)

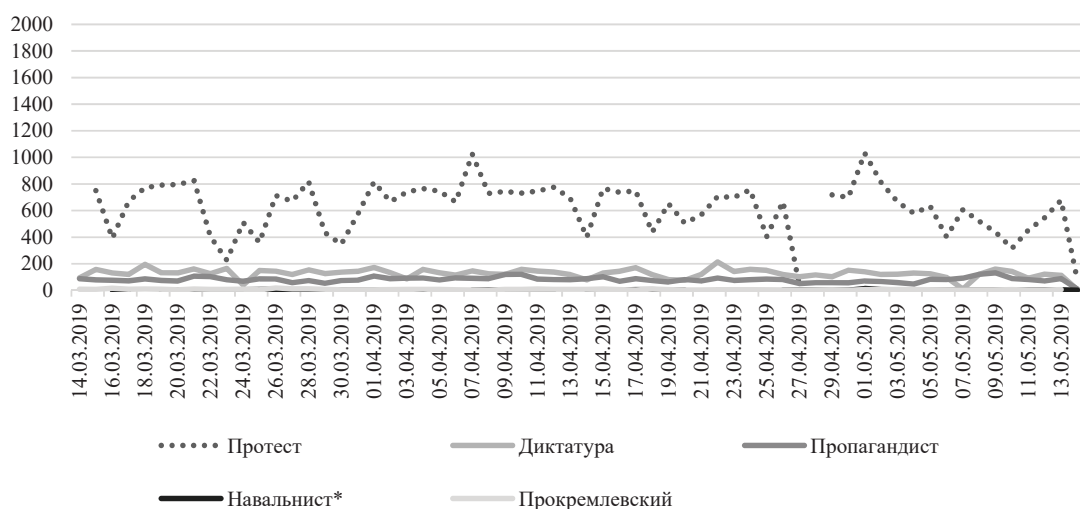

Рис. 1. Количество сообщений в контрольный период (по датам)

*Навальный А. был внесен в список организаций и физлиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к терроризму и экстремистской деятельности.

Источник: составлено Е.В. Кручинской по результатам исследования.

Number of messages in the control period (by date)

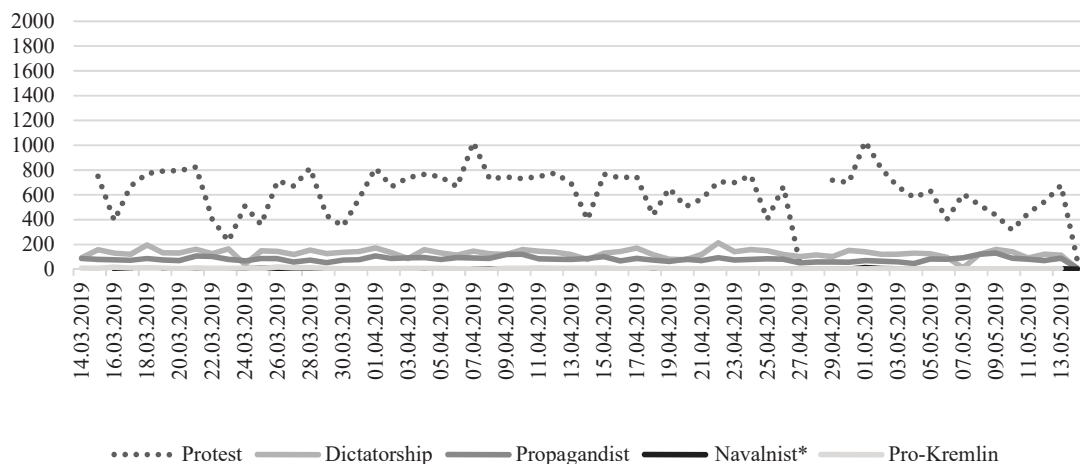

Figure 1. Number of messages in the control period (by date)

*Alexei Navalny was included in the list of organizations and individuals involved in terrorism and extremist activities.

Source: compiled by E. Kruchinskaia based on the results of the study.

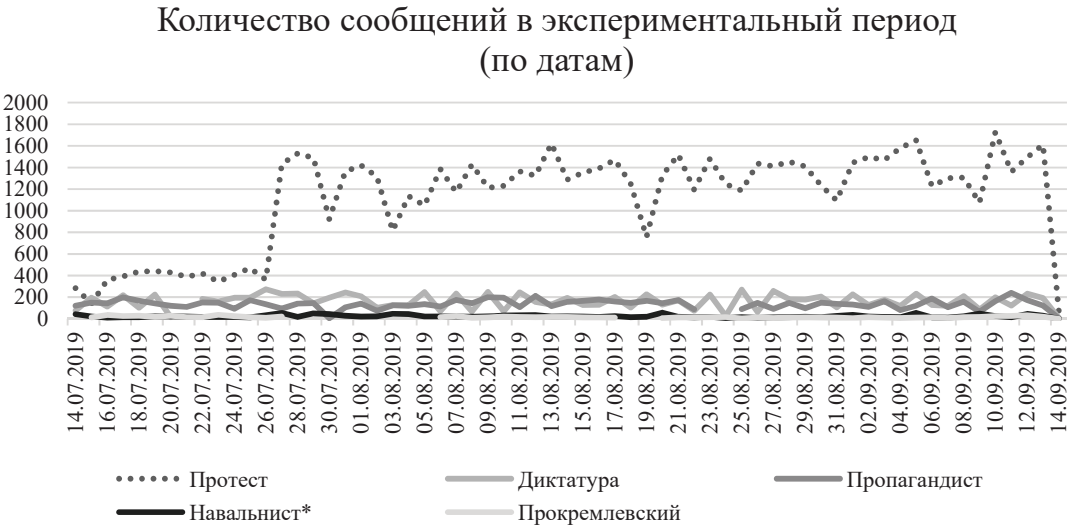

Рис. 2. Количество сообщений в экспериментальный период (по датам)

*Навальный А. был внесен в список организаций и физлиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к терроризму и экстремистской деятельности.
Источник: составлено Е.В. Кручинской по результатам исследования.

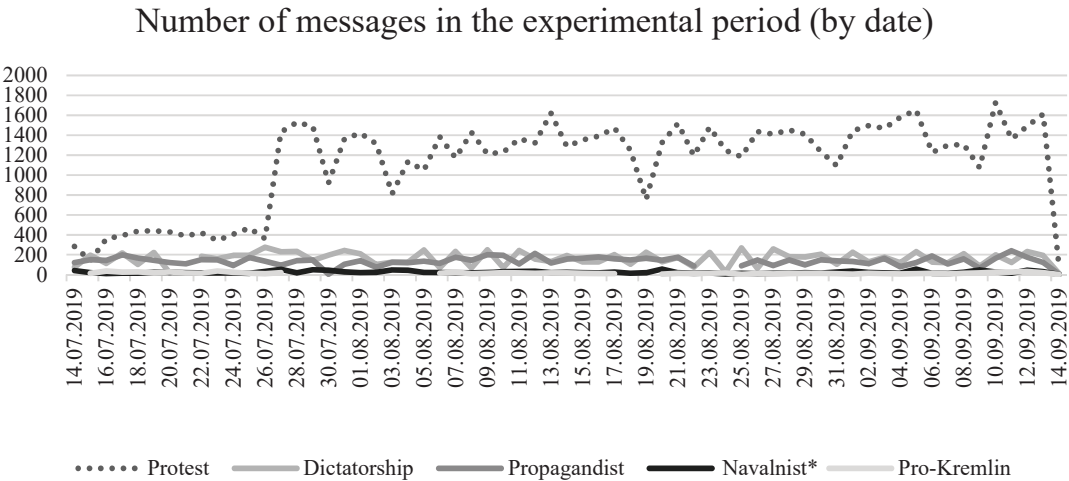

Figure 2. Number of messages in the experimental period (by date)

*Alexei Navalny was included in the list of organizations and individuals involved in terrorism and extremist activities.
Source: compiled by E. Kruchinskaja based on the results of the study.

Обратимся к некоторым визуальным описательным статистикам. Диаграммы (рис. 1–2) показывают, что в экспериментальном (протестном) и контрольном периодах наблюдается одинаковая структура частоты использования ключевых слов, но в период мобилизации интенсивность их использования значительно возрастает. Таким образом, на основе собранных эмпирических данных можно заключить, что протестная мобилизация способствует распространению языка вражды.

После оценки общего количества сообщений была проведена процедура тематического моделирования текстов, зафиксированных в периоды протестной мобилизации и в контрольный период. Для решения этой задачи был применен алгоритм BERTopic, представляющий собой метод тематического моделирования, основанный на трансформерах (Transformers) и позволяющий выявлять когерентные темы в больших текстовых корпусах [Grootendorst 2022]. В частности, BERTopic позволяет не только выявлять основные темы, но и оценивать их распространенность и семантическую близость.

Результаты тематического моделирования, полученные с помощью BERTopic, показали, что в контрольный период выявляется 10 топиков, в то время как в период протестной мобилизации — только 2 (табл. 2). Данный факт позволяет выдвинуть гипотезу об усилении поляризации дискурса, однако требует статистического подтверждения.

Для количественной оценки степени тематического разнообразия и упорядоченности была применена энтропия Шеннона. Энтропия Шеннона, широко используемая в теории информации и других областях, позволяет оценить степень неопределенности и разнообразия в распределении вероятностей. В контексте тематического моделирования энтропия Шеннона отражает, насколько равномерно распределены сообщения между различными темами. Высокая энтропия свидетельствует о тематическом разнообразии и отсутствии доминирующих тем, в то время как низкая энтропия указывает на концентрацию внимания вокруг ограниченного числа тем.

Энтропия Шеннона (H) рассчитывается по следующей формуле:

$$H(x) = - \sum_{i=1}^n p_i \log_2 p_i,$$

где H — энтропия Шеннона; n — количество топиков; p_i — доля сообщений, относящихся к i -му топик.

В контексте данного исследования энтропия Шеннона позволяет оценить, насколько равномерно распределено внимание аудитории между различными темами и дискурсивными позициями. Снижение энтропии Шеннона в период политической мобилизации может свидетельствовать об уменьшении тематического разнообразия и концентрации вокруг ограниченного числа доминирующих тем, что может интерпретироваться как проявление усиления аффективной поляризации. В условиях политического конфликта происходит консолидация мнений и убеждений вокруг противоположных полюсов, что приводит к сокращению спектра тематик и увеличению степени гомогенности внутри каждой из них. Таким образом, данная метрика позволяет количественно измерить степень концентрации внимания и тематической гомогенности в условиях политической мобилизации, что предоставляет возможность оценить связь данного фактора с аффективной поляризацией.

Для оценки статистической значимости полученных результатов применяется пермутационный тест, что обусловлено рядом его преимуществ по сравнению с традиционными статистическими методами. Суть теста заключается в создании случайных перестановок (пермутаций) имеющихся данных и вычислении статистики (в данном случае, разницы в энтропии) для каждой перестановки. Это позволяет получить эмпирическое распределение статистики при условии отсутствия связи между переменными.

Таблица 1

Результаты пермутационного теста

Группа	Энтропия	Средний коэффициент сжатия	Среднее лексическое разнообразие	Р-значение пермутационного теста
Контрольная	0,84	0,43	0,81	0
Экспериментальная	0,37	0,50	0,84	0

Table 1

Permutation test results

Group	Entropy	Avg Compression Ratio	Avg Lexical Diversity	Permutation Test P-value
Control	0.84	0.43	0.81	0
Exper	0.37	0.50	0.84	0

Результаты статистической проверки представлены в табл. 1 и демонстрируют следующее. В экспериментальной группе энтропия (0,39) значительно ниже, чем в контрольной группе (0,84). В данном контексте более низкая энтропия указывает на то, что распределение тем и лексических единиц в текстах экспериментальной группы является более предсказуемым и менее разнообразным, что свидетельствует о более высокой степени концентрации вокруг определенных тем и идеологических позиций.

В экспериментальной группе (0,50) средний коэффициент сжатия выше, чем в контрольной группе (0,43). Коэффициент сжатия отражает степень избыточности информации в тексте. Более высокий коэффициент сжатия означает, что текст содержит больше повторяющихся паттернов и является более предсказуемым, что также подтверждает вывод о большей концентрации и унификации контента в экспериментальной группе. В экспериментальной группе (0,84) среднее лексическое разнообразие несколько выше, чем в контрольной группе (0,81). Лексическое разнообразие является мерой разнообразия словарного запаса, используемого в тексте. Незначительное увеличение лексического разнообразия может быть обусловлено использованием специфической терминологии и эмоционально окрашенной лексики, связанной с протестной тематикой, но не противоречит общему выводу о большей концентрации и предсказуемости контента в экспериментальной группе. Результат пермутационного теста ($p\text{-value} = 0.000$) свидетельствует о высокой статистической значимости различий между контрольной и экспериментальной группами по всем трем показателям.

Это демонстрирует, что политическая мобилизация, характеризующая экспериментальный период, оказывает значительное влияние на структуру текстовых данных. Снижение энтропии и увеличение коэффициента сжатия указывают на усиление поляризации, концентрацию тематики и уменьшение разнообразия точек зрения.

Анализ результатов тематического моделирования, выполненного с использованием алгоритма BERTopic для контрольного и экспериментального периодов, позволяет выявить существенные изменения в тематической структуре онлайн-коммуникации (табл. 2).

В экспериментальный период, соответствующий периоду протестной активности, наблюдается значительное упрощение тематической структуры. Сообщения концентрируются вокруг двух основных тем, отражающих противостояние между протестующими и властью. Это указывает на выраженную политизацию онлайн-коммуникации и формирование четких границ между ингруппами и аутгруппами. Сокращение числа тем и концентрация внимания вокруг вопросов, связанных с протестом и политической властью, свидетельствуют об усилении аффективной поляризации, когда мнения и убеждения консолидируются вокруг противоположных полюсов.

Таблица 2

Разделение тематик в период протестной мобилизации (экспериментальный) и период отсутствия протестной мобилизации (контрольный)

Тематики контрольного периода	Тематики экспериментального периода
0_украина_русский_жизнь_ребенок	0_россия_власть_наш_страна
1_венесуэла_мадуρο_военный_трамп	1_протестующий_полиция
2_одесса_май_дом профсоюз_трагедия	–
3_пенсионный_реформа_пенсионный реформа_пикет	–
4_сербия_сербский_вучич_белград	–
5_жилет_желтый жилет_желтый_франция	–
6_семина_телеведущий_рудой_агитатор пропагандист	–
7_интернет_цензура_закон_вещать	–
8_израиль_еврей_еврейский_сирия	–
9_судан_алжир_хафтар_триполи	–
10_собор_сгорать_парижский_франция	–

Table 2

Division of topics during the period of protest mobilization (experimental) and the period of absence of protest mobilization (control)

Topics of Control period	Topics of Experimental period
0_ukraine_russian_life_child	0_russia_power_our_country
1_venezuela_maduro_soldier_trump	1_protester_police
2_odessa_may_home trade union_tragedy	–
3_pension_reform_pension reform_picket	–
4_serbia_serbian_vuchich_belgrad	–
5_jacket_yellow jacket_yellow_france	–
6_semin_TV_host_rudoi_agitator propagandist	–
7_internet_censorship_law_broadcast	–
8_israel_jew_jewish_syria	–
9_sudan_algeria_haftor_tripoli	–
10_cathedral_burn_paris_france	–

В заключение можно отметить, что результаты тематического моделирования эмпирически подтверждают гипотезу об усилении поляризации в период протестной мобилизации, что проявляется в сокращении тематического разнообразия и концентрации внимания вокруг вопросов, связанных с политическим противостоянием. Однако для более глубокого понимания этого феномена необходим дальнейший анализ, включающий оценку эмоциональной окраски сообщений и выявление преобладающих аффективных установок, что позволит определить направленность и интенсивность поляризации.

Выводы и дискуссия

Современные социально-политические процессы характеризуются ростом нестабильности, эрозией демократических институтов и усилением поляризации в обществе [Коротаев и др. 2021; Мельвиль 2024; Гаман-Голутвина, Малинова 2020; Mamychев et al. 2020]. В этой связи изучение аффективной поляризации, отражающей эмоциональные аспекты политического противостояния [Iyengar et al. 2012], приобретает особую актуальность. Важность исследования аффективной поляризации обусловлена тем, что она выступает

не только индикатором, но и мощным катализатором социальной нестабильности [Enders 2021; McCoy, Rahman, Somer 2018]. Одним из важных вопросов является взаимосвязь аффективной поляризации и политической мобилизации, выявление механизмов их взаимного усиления.

Существующие методики изучения аффективной поляризации, основанные на опросах и экспериментах, разработанные преимущественно для двухпартийной системы США [Mason 2013; Iyengar, Sood, Lelkes 2012; Garrett et al. 2014; Lelkes, Westwood 2017; Levendusky 2013], демонстрируют ограниченную применимость к российскому контексту [Hobolt, Leeper, Tilley 2021]. Данные методы не позволяют адекватно выявить существующие ингруппы и аутгруппы, а также могут приводить к искаженным результатам при изучении негативной идентичности, актуальной для российского контекста [Лебедев, Гордякова 2023]. Более того, опросы подвержены предвзятости респондентов и эффекту социальной желательности [Iyengar, Westwood 2015; Fazio, Olson 2003]. Анализ онлайн-коммуникации представляет собой перспективное направление, позволяющее преодолеть указанные ограничения, поскольку предоставляет доступ к естественным проявлениям политических взглядов и эмоций, минимизируя эффект социальной желательности. Анализ больших объемов данных из социальных сетей позволяет выявлять скрытые закономерности и структуры, отражающие реальное взаимодействие между различными социальными группами и их отношение друг к другу.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы о влиянии протестной активности на аффективную поляризацию в российском онлайн-пространстве. Результаты свидетельствуют о том, что в период протестной мобилизации наблюдается усиление аффективной поляризации в российском онлайн-пространстве. Сравнение контрольного и экспериментального периодов показало, что в период протестов происходит статистически значимое снижение энтропии и увеличение коэффициента сжатия в текстах сообщений, что указывает на большую концентрацию вокруг определенных тем и идеологических позиций, а также на большую унификацию контента. При этом обнаруженное незначительное увеличение лексического разнообразия может быть обусловлено использованием специфической терминологии протестной тематики, что не противоречит общему выводу о большей концентрации и предсказуемости контента в экспериментальной группе.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что политическая мобилизация выступает катализатором аффективной поляризации. Усиление протестной активности ведет к укреплению чувства общности среди участников протеста (ингруппа) и формированию негативного отношения к тем, кто не разделяет их взгляды (аутгруппа). Подтверждение гипотезы о влиянии протестной активности на аффективную поляризацию согласуется с исследованиями, демонстрирующими роль протеста в формировании коллективной идентичности [Klandermans 2015; Snow et al. 1986].

Важно отметить, что опасность экстраполяции теорий и методов, разработанных в контексте США, на другие страны, подтверждается противоречивыми

результатами исследований [Torcal, Comellas 2022]. В связи с этим необходимо учитывать специфические факторы формирования политической идентичности и структуры социальных расколов в современной России [Smith, Thomas, Bliuc, McGarty 2024; Шестопал, Рогач 2025; Шестопал 2005].

Таким образом, исследование показало, что анализ онлайн-коммуникации является эффективным инструментом для изучения аффективной поляризации в условиях отсутствия четких партийных размежеваний. Полученные результаты позволяют расширить представления о взаимосвязи между протестной активностью и аффективной поляризацией, а также разработать практические рекомендации для мониторинга и оценки рисков, связанных с эскалацией социальной напряженности. В частности, полученные результаты могут быть использованы для разработки инструментов раннего предупреждения о возможных социальных конфликтах и для принятия мер по снижению уровня социальной напряженности.

Данное исследование вносит вклад в понимание динамики политических процессов в онлайн-среде и может быть использовано для мониторинга и оценки рисков, связанных с эскалацией социальной напряженности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение влияния различных факторов, таких как действия властей, деятельность оппозиции и роль социальных сетей, на динамику аффективной поляризации.

Поступила в редакцию / Received: 20.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 04.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 19.04.2025

Библиографический список

- Гаман-Голутвина О.В., Малинова О.Ю. Политическая культура в ракурсе сравнительного анализа // Политическая компаративистика / под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. Москва : Аспект Пресс, 2020. С. 128–154. EDN: WPWEPH
- Гаман-Голутвина О.В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 19–42. <http://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03> EDN: VCXQCS
- Гулевич О.А., Косимова С.С. Связь российской идентичности и политической поляризации: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 4. С. 123–139. <http://doi.org/10.17759/sps.2024150409> EDN: ZNXNPSO
- Коротаев А.В., Гринин Л.Е., Малков С.Ю., Исаев Л.М., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. и др. Катализаторы политических переворотов: от акций протеста к смене власти / отв. ред. А.В. Коротаев, К.В. Мещерина, Л.М. Исаев, Л.Е. Гринин. Москва : ЛЕНАНД, 2021.
- Кручинская Е.В. Аффективная политическая поляризация: предложения к операционализации понятия через оценку языка вражды в социальных медиа // Информационное общество. 2023. № 3. С. 97–107. http://doi.org/10.52605/16059921_2023_03_97 EDN: WHYHVM
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Россия и Украина: факторы социально-политической поляризации в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 96–107. EDN: KYGVEJ

- Лебедев А.Н.* Групповая поляризация мнений в условиях неопределенности морального выбора // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 2. С. 159–171. <http://doi.org/10.17759/exppsy.2022150212> EDN: BVKMSE
- Лебедев А.Н., Гордякова О.В.* Ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп в условиях информационной неопределенности // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 38–54. <http://doi.org/10.17759/sps.2023140403> EDN: BBPDDH
- Мельвил А.Ю.* Новые вызовы для политической науки // Политическая наука. 2024. № 2. С. 16–36. <http://doi.org/10.31249/poln/2024.02.01> EDN: LHMDQC
- Стукал Д.К., Ахременко А.С., Петров А.П.* Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 480–498. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498> EDN: VLTQRN
- Шестопал Е.Б.* Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2005. № 4. С. 48–69. EDN: MLINDR
- Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н.* Представления российских граждан о своей стране сквозь призму нового самосознания // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20. № 1. С. 31–56. <http://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-31-56> EDN: JVTVJG.
- Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J.M.* Greater Internet use is not associated with faster growth in political polarization among U.S. demographic groups // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2017. Vol. 114, no. 40. P. 10612–10617. <http://doi.org/10.1073/pnas.1706588114>.
- Brown A.* What is hate speech? Part 1: The Myth of Hate // Law and Philos. 2017. Vol. 36. P. 419–468. <http://doi.org/10.1007/s10982-017-9297-1> EDN: QYBAWR
- DeMaio T.* Social Desirability and Survey Measurement: A Review // Russell Sage Foundation. 1984. P. 257–282. <http://www.jstor.org/stable/10.7758/9781610447003.16>.
- Druckman J.N., Green D.P., Iyengar S.* Does affective polarization contribute to democratic backsliding in America? // The ANNALS of the American Academy of political and social science. 2024. Vol. 708, no. 1. P. 137–163. <http://doi.org/10.1177/00027162241228952> EDN: UYFJQN
- Druckman J.N., Gubitz S.R., Levendusky M.S., Lloyd A.M.* How incivility on partisan media (De) Polarizes the electorate // The Journal of politics. 2019. Vol. 81, no. 1. P. 291–295. <http://doi.org/10.1086/699912>.
- Enders A.M.* Issues versus affect: how do elite and mass polarization compare? // The Journal of Politics. 2021. Vol. 83, no. 4. P. 1872–1877. <http://doi.org/10.1086/715059> EDN: QQXWSN
- Falkenberg M., Zollo F., Quattrociocchi W., Pfeffer J., Baronchelli A.* Patterns of partisan toxicity and engagement reveal the common structure of online political communication across countries // Nature Communications. 2024. Vol. 15, no. 1. 13 p. <http://doi.org/10.1038/s41467-024-53868-0> EDN: CYQDWW
- Fazio R.H., Olson M.A.* Implicit Measures in Social Cognition Research: Their Meaning and Uses // Annual Review of Psychology. 2003. Vol. 54. P. 297–327. <http://doi.org/10.1146/annurev.psych.54.101601.145225> EDN: GKPKKN
- Garrett R.K., Gvirsman S.D., Johnson B.K., Tsifti Y., Neo R.L., Dal A.* Implications of Pro and Counterattitudinal Information Exposure for Affective Polarization // Human Communication Research. 2014. Vol. 40. P. 309–332. <http://doi.org/10.1111/hcre.12028>.
- Grootendorst M.* BERTopic: Neural topic modeling with a class-based TF-IDF procedure // arXiv (Cornell University). 2022. <http://doi.org/10.48550/arxiv.2203.05794>.
- Hobolt S., Leeper T., Tilley J.* Divided by the Vote: Affective Polarization in the Wake of the Brexit Referendum // British Journal of Political Science. 2021. Vol. 51, no. 4. P. 1476–1493. <http://doi.org/10.1017/S0007123420000125> EDN: NWQOFC

- Huddy L. From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory // Political Psychology. 2001. Vol. 22, no. 1. P. 127–156. <http://doi.org/10.1111/0162-895X.00230>.
- Iyengar S., Sood G., Lelkes Y. Affect, not ideology: a social identity perspective on polarization // Public opinion quarterly. 2012. Vol. 76, no. 3. P. 405–431. <http://doi.org/10.1093/poq/nfs038>.
- Iyengar S., Westwood S.J. Fear and Loathing across Party Lines: New Evidence on Group Polarization // American Journal of Political Science. 2015. Vol. 59, no.3. P. 690–707. <http://doi.org/10.1111/ajps.12152>.
- Klandermans P.G. Motivations to Action // The Oxford Handbook of Social Movements / D. Della Porta, M. Diani (eds.). 2015. P. 1–13. <http://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199678402.013.30>.
- Lauka A., McCoy J., Firat R.B. Mass Partisan Polarization: Measuring a Relational Concept // American Behavioral Scientist. 2018. Vol. 62, no. 1. P. 107–126. <http://doi.org/10.1177/0002764218759581>.
- Lelkes Y., Westwood S.J. The Limits of partisan prejudice // Journal of politics. 2017. Vol. 79, no. 2. P. 485–501. <http://doi.org/10.1086/688223>.
- Lerman K., Feldman D., He Z., Rao A. Affective polarization and dynamics of information spread in online networks // npj Complexity. 2024. Vol. 1, no. 8. 9 p. <http://doi.org/10.1038/s44260-024-00008-w> EDN: PASIJL
- Levendusky M.S. Why Do Partisan Media Polarize Viewers? // American Journal of Political Science, 2013. Vol. 57, no. 3, 611–623. <http://www.jstor.org/stable/23496642> (accessed: 20.04.2025).
- Mamychev A., Kim A., Dremluga R., Surzhik M., Zheng F. Social–political integrity in the 21st century: threats and risks of the digitalization // Journal of Politics and Law. 2020. Vol. 13, no. 4. P. 110–116. <http://doi.org/10.5539/jpl.v13n4p110>.
- Mason L. The Rise of Uncivil Agreement: Issue Versus Behavioral Polarization in The American Electorate // American Behavioral Scientist. 2013. Vol. 57, no. 1. P. 140–159. <http://doi.org/10.1177/0002764212463363>.
- McCoy J., Rahman T., Somer M. Polarization and the Global Crisis of Democracy: Common Patterns, Dynamics, and Pernicious Consequences for Democratic Politics // American Behavioral Scientist. 2018. Vol. 62, no. 1. P. 16–42. <http://doi.org/10.1177/0002764218759576>.
- Reiljan A. Fear and Loathing Across Party Lines’ (also) in Europe: Affective polarisation in European party systems // European Journal of Political Research. 2020. Vol. 59, no. 2. P. 376–396. <http://doi.org/10.1111/1475-6765.12351>.
- Sides J., Tesler M., Vavreck L. Identity Crisis. The 2016 Presidential Campaign and the Battle for the Meaning of America. Princeton University Press, 2018. <http://doi.org/10.2307/j.ctvc77mmb>.
- Smith L.G.E., Thomas E.F., Bliuc A.M. Polarization is the psychological foundation of collective engagement // Communications psychology. 2024. Vol. 2, no. 1. <http://doi.org/10.1038/s44271-024-00089-2> EDN: EOWRWJ
- Snow D.A., Rochford E.B., Worden S.K., Benford R.D. Frame Alignment Processes, micromobilization, and movement participation // American Sociological Review. 1986. Vol. 51, no. 4. P. 464–481. <http://doi.org/10.2307/2095581>.
- Torcal M., Comellas J.M. Affective polarisation in times of political instability and conflict. Spain from a comparative perspective // South European Society and Politics. 2022. Vol. 27, no. 1. P. 1–26. <http://doi.org/10.1080/13608746.2022.2044236> EDN: YEBEGO
- Tourangeau R., Rips L.J., Rasinski K. The psychology of survey response. Cambridge, England: Cambridge University Press. 2000. <http://doi.org/10.1017/cbo9780511819322>.
- Waldron J. The Rule of Law and the Measure of Property. New York : Cambridge University Press, 2012. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139169318>

References

- Boxell, L., Gentzkow, M., & Shapiro, J.M. (2017). Greater Internet use is not associated with faster growth in political polarization among US demographic groups. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 114(40), 10612–10617. <http://doi.org/10.1073/pnas.1706588114>.
- Brown, A. (2017). What is hate speech? Part 1: The Myth of Hate. *Law and Philos*, 36, 419–468. <http://doi.org/10.1007/s10982-017-9297-1> EDN: QYBAWR
- DeMaio, T. (1984). Social Desirability and Survey Measurement: A Review. *Russell Sage Foundation*, 257–282. <http://www.jstor.org/stable/10.7758/9781610447003.16>.
- Druckman, J.N., Green, D.P., & Iyengar, S. (2024). Does affective polarization contribute to democratic backsliding in America? *The ANNALS of the American Academy of political and social science*, 708(1), 137–163. <http://doi.org/10.1177/00027162241228952> EDN: UYFJQN
- Druckman, J.N., Gubitz, S.R., Levendusky, M.S., & Lloyd, A.M. (2019). How incivility on partisan media (De)Polarizes the electorate. *The Journal of politics*, 81(1), 291–295. <http://doi.org/10.1086/699912>.
- Enders, A.M. (2021). Issues versus affect: how do elite and mass polarization compare? *The Journal of Politics*, 83(4), 1872–1877. <http://doi.org/10.1086/715059> EDN: QQXWSN
- Falkenberg, M., Zollo, F., Quattrocioni, W., Pfeffer, J., & Baronchelli, A. (2024). Patterns of partisan toxicity and engagement reveal the common structure of online political communication across countries. *Nature Communications*, 15(1), 13 p. <http://doi.org/10.1038/s41467-024-53868-0> EDN: CYQDWW
- Gaman-Golutvina, O.V., & Malinova, O.Yu. (2020). Political culture in the perspective of comparative analysis. In O.V. Gaman-Golutvina (Ed.), *Political comparative studies* (pp. 128–154). Moscow: Aspect Press (In Russian). EDN: WPWEPH
- Gaman-Golutvina, O.V. (2019). Overcoming methodological differences: debates about the knowledge of politics in an era of uncertainty. *Polis. Political studies*, 5, 19–42. (In Russian). <http://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03> EDN: VCXQCS
- Gulevich, O.A., & Kosimova, S.S. (2024). The Relationship between Russian Identity and Political Polarization: The Role of Secure National Identification and National Narcissism. *Social Psychology and Society*, 15(4), 123–139. (In Russian). <http://doi.org/10.17759/sps.2024150409> EDN: ZZNPSO
- Korotaev, A.V., Grinin, L.E., Malkov, S.Yu., Isaev, L.M., Bilyuga, S.E., & Shishkina, A.R. et al. (2021). In A. Korotaev, K. Meshcherina, L. Isaev & L. Grinin (Eds.), *Catalysts of political upheavals: from protest actions to a change of government*. Moscow: LENAND. (In Russian).
- Kruchinskaia, E.V. (2023). Affective political polarization: proposals for the operationalization of the concept through the assessment of hate speech in social media. *Information Society*, 27, 97–107. (In Russian). http://doi.org/10.52605/16059921_2023_03_97 EDN: WHYHVM
- Lapkin, V.V., & Pantin, V.I. (2009). Russia and Ukraine: factors of socio-political polarization in a comparative perspective. *Polis. Political studies*, 2, 96–107. (In Russian). EDN: KYGVEJ
- Lebedev, A.N. (2022). Group polarization of opinions in conditions of uncertainty of moral choice. *Experimental psychology*, 15(2), 159–171. (In Russian). <http://doi.org/10.17759/exppsy.2022150212> EDN: BVKMSE
- Lebedev, A.N., & Gordyakova, O.V. (2023). Value-affective polarization of large social groups in conditions of information uncertainty. *Social psychology and society*, 14(4), 38–54. (In Russian). <http://doi.org/10.17759/sps.2023140403> EDN: BBPDDH
- Melville, A.Yu. (2024). New challenges for political science. *Political science*, 2, 16–36. (In Russian). <http://doi.org/10.31249/poln/2024.02.01> EDN: LHMDQC
- Shestopal, E.B. (2005). Political socialization and re-socialization in modern Russia. *Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast*, 4, 48–69. (In Russian). EDN: MLINDR

- Shestopal, E.B., & Rogach, N.N. (2025). Russian citizens' perceptions of their country through the prism of a new identity. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 20(1), 31–56. (In Russian). <http://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-31-56> EDN: JVTVJG
- Stukal, D.K., Akhremenko, A.S., & Petrov, A.P. (2022). Affective political polarization and hate speech: created for each other? *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 24(3), 480–498. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498> EDN: VLTQRN
- Garrett, R.K., Gvirsman, S.D., Johnson, B.K., Tsifti, Y., Neo, R.L., & Dal, A. (2014). Implications of Pro and Counterattitudinal Information Exposure for Affective Polarization. *Human Communication Research*, 40, 309–332. <http://doi.org/10.1111/hcre.12028>.
- Grootendorst, M. (2022). BERTopic: Neural topic modeling with a class-based TF-IDF procedure. *arXiv (Cornell University)*. <http://doi.org/10.48550/arxiv.2203.05794>.
- Hobolt, S.B., Leeper, T.J., & Tilley, J. (2021). Divided by the Vote: Affective Polarization in the Wake of the Brexit Referendum. *British Journal of Political Science*, 51(4), 1476–1493. <http://doi.org/10.1017/S0007123420000125> EDN: NWQOFC
- Huddy, L. (2001). From Social to Political Identity: A Critical Examination of Social Identity Theory. *Political Psychology*, 22(1), 127–156. <http://doi.org/10.1111/0162-895X.00230>.
- Iyengar, S., Sood, G., & Lelkes, Y. (2012). Affect, not ideology: a social identity perspective on polarization. *Public opinion quarterly*, 76(3), 405–431. <http://doi.org/10.1093/poq/nfs038>.
- Iyengar, S., & Westwood, S.J. (2015). Fear and Loathing across Party Lines: New Evidence on Group Polarization. *American Journal of Political Science*, 59(3), 690–707. <http://doi.org/10.1111/ajps.12152>.
- Klandermans, P.G. (2015). Motivations to Action. In D. Della & M. Porta Diani (Eds.), *The Oxford Handbook of Social Movements*, 1–13. <http://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199678402.013.30>.
- Lauka, A., McCoy, J., & Firat, R.B. (2018). Mass Partisan Polarization: Measuring a Relational Concept. *American Behavioral Scientist*, 62(1), 107–126. <http://doi.org/10.1177/0002764218759581>.
- Lelkes, Y., & Westwood, S.J. (2017). The Limits of partisan prejudice. *Journal of politics*, 79(2), 485–501. <http://doi.org/10.1086/688223>.
- Lerman, K., Feldman, D., He, Z., & Rao, A. (2024). Affective polarization and dynamics of information spread in online networks. *npj Complexity*, 1(8), 9 p. <http://doi.org/10.1038/s44260-024-00008-w> EDN: PASIJL
- Levendusky, M.S. (2013). Why Do Partisan Media Polarize Viewers? *American Journal of Political Science*, 57(3), 611–623. Retrieved April 20, 2025, from <http://www.jstor.org/stable/23496642> (accessed: 20.04.2025).
- Mamychev, A., Kim, A., Dremluga, R., Surzhik, M., & Zheng, F. (2020). Social-political integrity in the 21st century: threats and risks of the digitalization. *Journal of Politics and Law*, 13(4), 110–116. <http://doi.org/10.5539/jpl.v13n4p110>.
- Mason, L. (2013). The Rise of Uncivil Agreement: Issue Versus Behavioral Polarization in The American Electorate. *American Behavioral Scientist*, 57(1), 140–159. <http://doi.org/10.1177/0002764212463363>.
- McCoy, J., Rahman, T., & Somer, M. (2018). Polarization and the Global Crisis of Democracy: Common Patterns, Dynamics, and Pernicious Consequences for Democratic Politics. *American Behavioral Scientist*, 62(1), 16–42. <http://doi.org/10.1177/0002764218759576>.
- Reiljan, A. (2020). Fear and loathing across party lines (also) in Europe: Affective polarisation in European party systems. *European Journal of Political Research*, 59(2), 376–396. <http://doi.org/10.1111/1475-6765.12351>.
- Sides, J., Tesler, M., & Vavreck, L. (2018). *Identity Crisis. The 2016 Presidential Campaign and the Battle for the Meaning of America*. Princeton University Press. <http://doi.org/10.2307/j.ctvc77mmb>.

- Smith, L.G.E., Thomas, E.F., Bliuc, A., & McGarty, C. (2024). Polarization is the psychological foundation of collective engagement. *Communications Psychology*, 2(1), <http://doi.org/10.1038/s44271-024-00089-2> EDN: EOWRWJ
- Snow, D.A., Rochford, E.B., Worden, S.K., & Benford, R.D. (1986). Frame alignment processes, micromobilization, and movement participation. *American Sociological Review*, 51(4), 464–481. <http://doi.org/10.2307/2095581>.
- Torcal, M., & Comellas, J.M. (2022). Affective polarisation in times of political instability and conflict. Spain from a comparative perspective. *South European Society & Politics*, 27(1), 1–26. <http://doi.org/10.1080/13608746.2022.2044236> EDN: YEBEGO
- Tourangeau, R., Rips, L.J., & Rasinski, K. (2000). The psychology of survey response. *Cambridge, England: Cambridge University Press*. <http://doi.org/10.1017/cbo9780511819322>.
- Waldron, J. (2012). *The Rule of Law and the Measure of Property*. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139169318>

Сведения об авторе:

Кручинская Екатерина Владиславовна — старший преподаватель кафедры высшей математики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», (e-mail: ekruchinskaya@hse.ru) (ORCID: 0000-0003-4778-3287)

About the author:

Ekaterina V. Kruchinskaia — Senior Lecturer at the Department of Higher Mathematics, HSE University (e-mail: ekruchinskaya@hse.ru) (ORCID: 0000-0003-4778-3287)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-479-493

EDN: OKJUIY

Research article / Научная статья

‘Not With Us — Against Us’: ‘We’ vs. ‘They’ in the Transformation of Black Lives Matter Participants’ Collective Identities in Online Interactions with All Lives Matter, 2013–2014

Valeriya Koncha

HSE University, *Moscow, Russian Federation*

✉ vkoncha@hse.ru

Abstract. First- and third-person plural pronouns drive the construction and transformation of collective identities in digital protest discourse. Drawing on social identity theory and discourse-analytical approaches, the research analyzes a corpus of 100,000 tweets from July 2013 to December 2014. It examines changes in the use of “we” and “they” by Black Lives Matter (BLM) participants in online discourse before and after the emergence of the counter-protest movement All Lives Matter (ALM). Using trigram-based collocation analysis with Pointwise Mutual Information (PMI) scoring, the study reveals a shift from a diffuse and morally framed in-group identity in 2013 to a more consolidated and movement-specific identity in 2014. Simultaneously, the referents of “they” evolved from state institutions such as the police to include ideological opponents from civil society. These findings support the hypothesis that the emergence of counter-protests altered the discursive boundaries of opposition, resulting in a more polarized and dualistic structure of collective identity. The study contributes to scholarship on protest-counter-protest dynamics by highlighting the linguistic mechanisms through which group identities are formed, contested, and reconfigured in response to ideological confrontation.

Keywords: collective identity, protest online discourse, pronouns, Black Lives Matter, All Lives Matter, counter-protest, collocation analysis

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Koncha, V. (2025). ‘Not with us — against us’: ‘We’ vs. ‘They’ in the transformation of Black Lives Matter participants’ collective identities in online interactions with All Lives Matter, 2013–2014. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 479–493. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-479-493>

© Koncha V., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

«Не с нами значит против нас»: «Мы» vs «Они» в трансформации коллективной идентичности участников движения Black Lives Matter в онлайн-взаимодействиях с All Lives Matter, 2013–2014 гг.

В. Конча

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация

✉ e-mail: vkoncha@hse.ru

Аннотация. Трансформация коллективной идентичности в цифровом протестном дискурсе может фиксироваться с помощью отслеживания употребления местоимений первых и третьих лиц во множественном числе. Основываясь на теории коллективной идентичности и дискурсивном подходе, автор анализирует выборку из 100 000 твитов, опубликованных в период с июля 2013 г. по декабрь 2014 г., чтобы проследить использование местоимений «мы» и «они» до и после появления контрпротестного движения All Lives Matter. С применением триграммного коллокационного анализа и расчёта PMI (информационной взаимной значимости) выявляется переход от разрозненной и морально окрашенной внутригрупповой коллективной идентичности в 2013 г. к более устойчивой и политически оформленной идентичности в 2014 г. Одновременно изменяется и образ «других»: если в 2013 г. он был представлен преимущественно государственными институтами (например, полицией), то в 2014 г. он дополняется идеологическими оппонентами из гражданского общества. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что появление контрпротестов изменило дискурсивные границы оппозиции, усилив поляризацию и дуализм в структуре коллективной идентичности. Работа вносит вклад в изучение взаимодействия протестов и контрпротестов, выявляя лингвистические механизмы формирования, оспаривания и перестройки групповой идентичности в условиях идеологического противостояния.

Ключевые слова: коллективная идентичность, протестный онлайн дискурс, местоимения, Black Lives Matter, All Lives Matter, контрпротест, анализ словосочетаний

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Koncha V. 'Not with us — against us': 'We' vs. 'They' in the transformation of Black Lives Matter participants' collective identities in online interactions with All Lives Matter, 2013–2014 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 479–493. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-479-493>

Introduction

In the realm of social movements, language serves as a key mechanism for articulating and shaping collective identity. Pronouns, often perceived as simple linguistic markers, are in fact loaded with ideological significance. The pronouns

“we” and “they” serve as markers of inclusion and exclusion, solidarity and opposition, often determining who belongs to a collective and who is perceived as the enemy or the other. In digital protest discourse, where communication unfolds rapidly and interactively, these pronouns become key instruments in negotiating symbolic boundaries and articulating group membership.

This article explores how “we” and “they” function in the construction and contestation of collective identity in the online discourse of the Black Lives Matter (BLM) and All Lives Matter (ALM) movements during the years 2013–2014. By analyzing the frequency, referents, and collocational patterns of these pronouns in tweets posted during this period, the study traces how group boundaries were drawn, redefined, and rhetorically charged in response to shifting political dynamics.

BLM’s rise in 2013 marked a transformative moment in the landscape of American racial justice movements. Initially sparked by the acquittal of George Zimmerman in the shooting death of Trayvon Martin, BLM gained momentum on social media platforms, where it articulated a collective identity centered on justice, accountability, and the affirmation of Black lives.¹ In contrast, the ALM movement arose as a counter-slogan that offered a universalist framing of equality but was widely perceived as diluting or deflecting the specific demands of BLM [Goodman et al. 2024].

Before the rise of counter-protests, BLM discourse constructed “they” primarily in reference to institutional actors — police, law enforcement, and political authority. However, with the emergence of ALM, this symbolic structure became more complex. “They” began to include not only state actors but also ideological adversaries from within civil society. The rhetorical opposition between these movements was not merely ideological; it was fundamentally linguistic. The framing of identity — who is “us” and who is “them” — became a central battleground, with both sides asserting moral and political legitimacy through language.

Collective identity plays a crucial role in protest mobilization. As Melucci [1996] argues, it is not a fixed trait but a dynamic process — a constantly evolving sense of belonging shaped through shared experiences and sustained collective action. In protest movements, this identity is often formed in contrast to a perceived out-group or “other,” frequently represented by institutional power [Gulevich 2019]. The emergence of counterprotest movements introduces further complexity to this process. Counterprotests — defined as reactive mobilizations opposing a protest movement’s goals — typically arise in ideological and spatial proximity to the movements they contest. They are aimed at preserving the status quo asserting their own collective identities in opposition to those of the protestors [Wood 2020; Inata 2021]. As Zald and Useem [1987] describe, protest and counter-protest exist in a “mobilization-demobilization tango,” where both sides respond to shared social triggers, reshape their goals, and renegotiate collective identities under pressure.

¹ Black Lives Matter. Our history. Retrieved April 20, 2025, from <https://blacklivesmatter.com/our-history/>

This dynamic process of identity construction is closely tied to discourse. According to Melucci [1996] and Wodak [2012], identity is formed not only through shared beliefs but also through the symbolic resources movements draw upon — language, stories, and rhetorical devices. Pronouns such as “we” and “they” are among the most frequent and ideologically potent elements of protest discourse. As Gordon et al. [1993] and Pennebaker et al. [2003] have shown, pronoun use is a reliable marker of group affiliation (in-group), boundary-setting, and perceived legitimacy.

The social identity model of collective action (SIMCA) provides a useful framework for understanding these dynamics. It suggests that perceived injustice, group efficacy, and identity salience are core psychological drivers of protest engagement [van Zomeren et al. 2008; Thomas et al. 2012]. Recent psychological studies confirm that the use of first-person plural pronouns in online discourse reflects heightened group identity salience and predicts engagement in collective action [Adam-Troian et al. 2021]. However, most existing studies focus on pronoun frequency alone, without examining how the referents of these pronouns shift over time, particularly in moments of ideological contestation with counter-movements.

This study extends previous research that employed BERT-based topic modeling to examine the thematic transformation of BLM online discourse following the emergence of the ALM countermovement [Koncha 2025]. That analysis revealed the introduction of a second prominent out-group — ALM participants — alongside the original institutional target, indicating a shift in the discursive boundaries of collective identity.

Building on that foundation, the present study adopts a more granular linguistic approach by focusing on discursive microstructures — specifically, the use of first- and third-person plural pronouns and their collocational environments. Through collocation analysis of PMI (Pointwise mutual information)-scored trigrams and manual coding of referents, this research investigates how the semantic roles of “we” and “they” evolved across 2013 and 2014 in response to the discursive presence of ALM. The analysis examines both the frequency and semantic framing of pronouns, enabling a comparative assessment of referential change before and after the emergence of ALM. The aim is to trace how collective identity is linguistically constructed, destabilized, and reconstituted in response to ideological opposition within protest-counter-protest dynamics.

Data

This study employs publicly available posts authored by participants in the Black Lives Matter (BLM) movement on the social media platform X (formerly Twitter²) as its primary data source. Such user-generated content is particularly well suited to an investigation of how protestors themselves negotiate and renegotiate collective identities in response to competing discourses, given that neither BLM nor its countermovement, ALM, operate as formally structured organizations with stable

² Blocked on the territory of the Russian Federation.

leadership or codified manifestos. Instead, mobilization tends to occur at the local level and often originates with the spontaneous utterance of a single participant.

Our temporal scope extends from July 12, 2013 — the date on which the hashtag #BlackLivesMatter first appears in the Twitter archive — through December 31, 2014, by which time the #AllLivesMatter counter-hashtag had achieved sufficient diffusion to serve as a point of comparison.

Data collection was conducted via the Apify web-scraping platform,³ necessitated by restrictions on individual access to Twitter's official API. To mitigate temporal imbalances in posting volume, a random sample of 100,000 tweets was drawn, ensuring equal selection probability across the study period. Sampling criteria encompassed the primary hashtags #BlackLivesMatter (2013–2014) and #AllLivesMatter (2014 only), as well as a set of co-occurring hashtags identified by the Pew Research Center — namely #icantbreathe, #ferguson, #ericgarner, #blacktwitter, #mikebrown, #tamirrice, and #shutitdown — which collectively reference high-profile instances of police violence.

Prior to performing collocation analysis, all non-integral hashtags — those not embedded as part of the tweet's lexical content — were removed. Prior to analysis, the textual data underwent a series of preprocessing steps: all text was converted to lowercase; punctuation marks and non-alphanumeric symbols were removed to reduce noise in the collocation analysis. Stopwords were removed with one important exception: prepositions and pronouns were retained, as they play a critical role in the discursive construction of group boundaries and were central to the focus of this study.

Methods

To examine the discursive construction of collective identity in protest discourse, a trigram-based collocation analysis was conducted on the sampled tweets, focusing on sequences that include first-person plural pronouns (“we,” “our,” “us”) and third-person plural pronouns (“they,” “their,” “them”). Trigram analysis, which captures three-word sequences, allows for a more precise understanding of the linguistic and rhetorical contexts in which pronouns are embedded, thereby revealing how in-group and out-group identities are constructed and communicated.

Prior to analysis, the remaining text was then preprocessed through tokenization, and all trigrams containing the target pronouns in any position were extracted. Functional words were retained in order to preserve meaningful grammatical constructions and reflect natural discourse patterns.

To measure the strength of association within these trigrams (PMI) was calculated for each trigram containing a pronoun. PMI is a widely used statistical measure in corpus linguistics that quantifies the extent to which words co-occur more frequently than would be expected by chance, based on their individual frequencies. The PMI of a trigram (w_1, w_2, w_3) was computed using the formula:

³ Apify. Retrieved April 20, 2025, from <https://apify.com>

$$\text{PMI}(w_1, w_2, w_3) = \log_2 \frac{P(w_1, w_2, w_3)}{P(w_1) * P(w_2) * P(w_3)}$$

where $P(w_1, w_2, w_3)$ is the observed probability of the trigram occurring in the corpus, and $P(w_1) * P(w_2) * P(w_3)$ are the individual probabilities of each word in the corpus. Higher PMI scores indicate stronger, non-random associations among the words in the trigram.

To ensure reliability and mitigate noise, only trigrams with a minimum frequency of five occurrences were included in the final analysis. The resulting PMI scores were used to identify the most strongly associated trigrams for each pronoun, allowing us to trace shifts in semantic framing and rhetorical strategy over time.

This method enables a fine-grained analysis of how collective identity is linguistically encoded in protest discourse, offering empirical insight into the evolving narratives and oppositional boundaries constructed by movement participants.

Results

Table 1 presents the frequency and proportional distribution of first- and third-person plural pronouns in tweets associated with the Black Lives Matter (BLM) movement across 2013–2014. The first-person plural set includes “we,” “our,” and “us,” while the third-person plural set includes “they,” “their,” and “them.”

In both years, the pronoun “we” is the most frequently used among first-person forms, accounting for 60.49% of such pronouns in 2013 ($n = 2,944$) and 56.78% in 2014 ($n = 7,267$). The use of “us” increased notably in 2014, rising from 18.31% in 2013 ($n = 891$) to 25.91% ($n = 3,316$), while “our” declined proportionally from 21.20% to 17.31%. Overall, the total number of first-person plural pronouns rose sharply from 4,867 in 2013 to 12,798 in 2014, reflecting a strengthened emphasis on collective identity and in-group cohesion over time.

Among third-person plural pronouns, “they” remains the dominant form, comprising 58.76% in 2013 ($n = 3,428$) and 54.24% in 2014 ($n = 4,480$). The relative use of “their” increased substantially — from 21.94% to 27.98% — suggesting a growing tendency to attribute possession, actions, or values to the out-group. In contrast, “them” remained relatively stable across both years. The total use of third-person plural pronouns decreased in proportion to first-person pronouns, from 5,834 in 2013 to 8,260 in 2014.

These trends indicate a discursive shift toward greater internal cohesion (“we” discourse) in 2014, while references to external groups (“they” discourse) became somewhat less dominant in relative terms — potentially reflecting the consolidation of in-group identity and the emergence of new forms of opposition, such as ALM.

Table 2 presents the frequency with which specific in-group referents appear in tweets that also contain the pronoun “we” in the year 2013. The referents include terms explicitly related to the movement (“blm,” “blacklivesmatter,” “black lives matter”), broader racial identifiers (“blacks”), and participant descriptors (“protesters”).

Table 1

The Frequency of First- and Third-Person Plural Pronouns in BLM Tweets in 2013–2014

Pronoun	Frequency_2013	Frequency_2014
We	2.944 (60.49%)	7267 (56.78%)
Our	1.032 (21.20%)	2215 (17.31%)
Us	891 (18.31%)	3316 (25.91%)
Total	4.867	12.798
They	3.428 (58.76%)	4480 (54.24%)
Their	1.280 (21.94%)	2311 (27.98%)
Them	1.126 (19.30%)	1469 (17.78%)
Total	5.834	8.260

Source: compiled by V. Concha.

The term “blacks” is the most frequently occurring referent, appearing in 6,287 tweets, of which 580 also include the pronoun “we.” This suggests that early in the movement, in-group identity was primarily articulated in terms of racial belonging rather than affiliation with the movement’s formal name. “Blacklivesmatter” appears in 952 tweets (118 with “we”), and “blm” in 1,036 tweets (100 with “we”), indicating some early adoption of the movement’s label, though its usage is not yet dominant. The full phrase “black lives matter” is less common (67 tweets, 16 with “we”), likely reflecting emerging variation in how the movement was referenced.

Finally, the word “protesters” appears in 243 tweets, with 18 of those also containing “we,” suggesting that the protestor identity was not yet central to the way participants framed their collective self in 2013. Overall, this table reflects a relatively diffuse in-group identity, grounded more in racial and demographic categorization than in formalized or collective political identity.

Table 2

In-group Referents of “We” in BLM Tweets (2013)

Referent	Number of tweets containing the exact referent	Total times “we” appears within those tweets
Blm	1.036 (12.07%)	100 (12.02%)
Blacklivesmatter	952 (11.09%)	118 (14.18%)
Black lives matter	67 (0.78%)	16 (1.92%)
Blacks	6.287 (73.23%)	580 (69.71%)
Protesters	243 (2.83%)	18 (2.16%)
Total	8.585	832

Source: compiled by V. Concha.

Table 3 presents the number of tweets in which key in-group referents co-occur with the pronoun “we” during 2014. These referents include both movement identifiers and broader social categories used by BLM participants to articulate collective identity.

Table 3

In-group Referents of “We” in BLM Tweets (2014)

Referent	Number of tweets containing the exact referent	Total times “we” appears within those tweets
Blm	14 (0.05%)	2 (0.09%)
Blacklivesmatter	22.425 (76.64%)	1.946 (87.54%)
Black lives matter	1.702 (3.66%)	138 (6.21%)
Blacks	1.788 (6.11%)	90 (4.05%)
Protesters	3.332 (11.39%)	47 (2.11%)
Total	29.261	2.223

Source: compiled by V. Concha.

The most prominent referent is “blacklivesmatter,” appearing in 22,425 tweets of which 1,946 also contain the pronoun “we.” This represents a dramatic increase compared to 2013 (see Table 3) and indicates that the full movement name — rather than its abbreviation or broader racial terms — became the primary label around which collective identity was organized. The phrase “black lives matter” appears in 1,702 tweets (138 with “we”), while “blm” occurs only 14 times (2 with “we”), suggesting that the informal abbreviation lost salience as the movement’s discursive identity consolidated.

The racial referent “blacks” is mentioned in 1,788 tweets, with 90 co-occurrences of “we,” a marked decrease from the previous year. The term “protesters” appears in 3,332 tweets (47 with “we”), reflecting an increasing identification with protester status rather than with racial identity alone.

Together, these data indicate a clear shift in in-group framing: from a broader racial identity in 2013 to a more politicized, movement-centered identity in 2014. The growing prevalence of “blacklivesmatter” as an in-group referent suggests that participants increasingly defined themselves not only by shared demographic characteristics, but by active membership in a collective struggle articulated through the movement’s formal discourse. This supports the broader finding that BLM’s identity construction became more unified, purposeful, and movement-specific over time.

Table 4 details the out-group referents most commonly associated with the third-person plural pronoun “they” in tweets authored by Black Lives Matter participants during the year 2013. For each referent, the table provides two metrics: the number of tweets in which the exact referent appears, and the total number of times “they” occurs within those tweets.

The most frequent referent is “police,” appearing in 10,398 tweets, within which the pronoun “they” appears 729 times. Other law enforcement-related terms also feature prominently: “law enforcement” (6,412 tweets / 141 “they”), “cop” (250/14),

“cops” (299/39), “officer” (357/31), and “officers” (262/34). Additional institutional terms such as “authority” (483/13) and “authorities” (816/11) are also present but appear with lower frequency.

This distribution confirms that in 2013, the image of “the other” constructed in BLM discourse was overwhelmingly institutional. The dominant referents are all agents of the state — particularly policing institutions — indicating that the protest movement’s collective identity was formed in opposition to systemic structures of authority, especially those perceived as enforcers of racial injustice.

Table 4

Out-group Referents of “They” in BLM Tweets (2013)

Referent	Number of tweets containing the exact referent	Total times “they” appears within those tweets
Police	10.398 (53.94%)	729 (72.04%)
Cop	250 (1.29%)	14 (1.38%)
Cops	299 (1.55%)	39 (3.85%)
Officer	357 (1.85%)	31 (3.06%)
Officers	262 (1.36%)	34 (3.36%)
Law enforcement	6.412 (33.36%)	141 (13.93%)
Authority	483 (2.51%)	13 (1.28%)
Authorities	816 (4.23%)	11 (1.09%)
Total	19.277	1.012

Source: compiled by V. Concha.

Table 5 outlines the referents associated with the third-person plural pronoun “they” in Black Lives Matter tweets from 2014. It includes both traditional institutional actors and, significantly, members or symbols of the emerging All Lives Matter (ALM) counter-protest movement. For each referent, the table reports the number of tweets containing the term, along with the total number of times “they” appears within those tweets.

As in 2013, institutional actors remain prominent referents: “police” appears in 24,284 tweets, with 1,075 occurrences of “they”; “law enforcement” appears in 9,142 tweets (228 “they”), and other related terms such as “cop” (2,168/93), “cops” (5,000/414), and “officers” (2,806/117) also feature prominently. These figures indicate the sustained centrality of law enforcement as a perceived adversarial force.

However, a significant development in 2014 is the appearance of new referents corresponding to the countermovement. The terms “alm” (5,814 tweets / 102 “they”), “all lives matter” (1,107/71), “alllivesmatter” (3,417/183), and “counterprotesters” (198/15) collectively signal the emergence of a discursive out-group distinct from formal authority. These counter-movement actors are represented as ideological opponents of BLM, thereby expanding the conceptual boundaries of “the other.”

This diversification of referents marks a significant shift in the collective identity narrative. While in 2013 the out-group was composed almost exclusively of institutional power structures, by 2014 it had broadened to include societal actors who actively contested the movement’s message. This supports the study’s central assumption: the emergence of counter-protest movements reconfigured the discursive boundaries of opposition in BLM discourse, transforming “they” from a reference to institutional authority alone into a broader category encompassing both structural and ideological adversaries.

Table 5

Out-group Referents of “They” in BLM Tweets (2014)

Referent	Number of tweets containing the exact referent	Total times “they” appears within those tweets
Police	24.284 (51.13%)	1075 (55.56%)
Cop	2.168 (4.56%)	93 (4.81%)
Cops	5.000 (10.53%)	414 (21.40%)
Officer	935 (1.97%)	30 (1.55%)
Officers	2.806 (5.91%)	117 (6.05%)
Law enforcement	9.142 (19.25%)	228 (11.78%)
Authority	1.237 (2.60%)	27 (1.40%)
Authorities	1.925 (4.05%)	57 (2.95%)
Total	47.497	1.935
Alm	5.814 (55.18%)	102 (27.49%)
All lives matter	1.107 (10.51%)	71 (19.14%)
Alllivesmatter	3.417 (32.43%)	183 (49.33%)
Counterprotesters	198 (1.88%)	15 (4.04%)
Total	10.536	371

Source: compiled by V. Concha.

Table 6 displays the most salient three-word expressions (trigrams) containing first- and third-person plural pronouns in tweets from 2013, ranked by Pointwise Mutual Information (PMI).

The trigrams containing the pronoun “we” emphasize collective resistance and moral stance, with high-PMI phrases such as “we take stand” (PMI: 28.6), “we become silent” (PMI: 22.0), and “we must fight” (PMI: 16.9). These expressions suggest a narrative of active engagement and solidarity in the face of perceived injustice. Similarly, trigrams with “our” like “plaguing our black” (PMI: 20.8) and “our black community” (PMI: 18.8) foreground shared racial identity and communal victimization, reinforcing the in-group boundary.

In contrast, trigrams containing “they” and “their” in 2013 often depict the out-group in passive, indirect, or ambiguous terms. Examples such as “they are victims” (PMI: 15.2), “they just concealing” (PMI: 14.8), and “authorities say they” (PMI: 17.9) reflect a discourse that does not consistently frame “they” as institutional antagonists,

but rather includes a mix of referents — some potentially sympathetic or undefined. Similarly, “their” appears in constructions like “blaming their governors” (PMI: 25.9) and “change their voting” (PMI: 20.1), which suggest political critique but do not clearly target a specific institutional actor. Overall, these patterns indicate a less sharply defined out-group at this stage of the movement, with “they” encompassing both institutional and broader societal references, often framed in less confrontational terms.

These findings suggest that in 2013, BLM discourse was primarily centered on affirming in-group solidarity and moral agency, while representations of the out-group remained diffuse and relatively subdued. The pronoun “we” functioned as a vehicle for mobilization and collective self-definition, whereas “they” lacked a singular referent, indicating that the movement’s rhetorical confrontation with external actors had not yet fully crystallized.

Table 6

High-PMI Trigrams Containing First- and Third-Person Plural Pronouns (2013)

Pronoun	Trigram	Frequency	PMI
We	We take stand	42	28.616
	We become silent	68	21.981
	We must fight	7	16.879
	We do injustice	7	16.581
	Brutality we gotta	42	15.629
Us	For following us	8	15.161
	One of us	5	10.205
	Us police brutality	6	8.755
	Of us blacks	7	8.694
	Join us on	12	5.315
Our	Plaguing our black	57	20.804
	Our black community	57	18.809
	Custody are our	5	16.900
	Our lives matter	7	16.83318778
	Racism in our	5	7.786
They	They are victims	18	15.192
	Authorities say they	5	17.914
	They just concealing	13	14.754
	Say they arrested	5	14.069
	They dont know	5	13.627
Their	Blaming their governors	12	25.899
	Change their voting	6	20.067
	Racism since their	9	13.442
	As their role	7	17.466
	Do their job	5	15.226

Source: compiled by V. Concha.

Table 7 provides the trigram collocations for 2014, again focusing on sequences that include plural pronouns. Trigrams with “we” reflect a stronger and more cohesive collective identity, often drawing on historical or movement-oriented language. Notable examples include “we shall overcome” (PMI: 21.5), “united we stand” (PMI: 19.1), and “movement continues we” (PMI: 16.0). These expressions indicate a shift from reactive indignation to proactive affirmation and legacy-building. The phrase “we savages blacklivesmatter” (PMI: 15.0), though ambiguous, points to a possible reclamation or critique of racialized stereotypes, suggesting increasing discursive complexity.

Table 7

High-PMI Trigrams Containing First- and Third-Person Plural Pronouns (2014)

Pronoun	Trigram	Frequency	PMI
We	We shall overcome	5	21.518
	We revolt simply	8	21.449
	We planted evidence	10	20.592
	United we stand	289	19.119
	We needed change	19	17.023
	We savages blacklivesmatter	37	15.009
	Movement continues we	11	15.966
Us	Tweet blasting us	16	21.564
	Join us tomorrow	5	17.327
	Us vs them	16	15.971
	Views on us	31	15.418
	Held against us	8	15.166
Our	Sign our petition	6	20.478
	Our streets march	6	15.588
	Our justice system	11	14.863
	Together for our	8	12.402
	Of our skin	8	11.606
They	Rolling they hating	47	24.621
	Rights they enjoy	17	18.932
	Racist they seem	78	17.872
	Whites believe they	44	17.634
	They don care	25	14.436
Their	Their patrol car	8	21.436
	Abuse their power	6	17.501
	Blood on their	26	14.931
	Their bullets icantbreathe	5	14.329
	Their icantbreathe commentary	6	13.683

Source: compiled by V. Concha.

In contrast, trigrams with “they” in 2014 show a clear movement toward direct confrontation and ideological differentiation. High-PMI examples include “rolling they hating” (PMI: 24.6), “racist they seem” (PMI: 17.9), and “whites believe they” (PMI: 17.6). These expressions attribute hostile intent and racial bias to the out-group, which by this point includes both institutional actors and members of the ALM countermovement. “Their” appears in combative contexts as well, such as “abuse their power” and “blood on their,” reinforcing the accusatory tone.

The trigram collocation analysis reveals a clear shift in the discursive construction of collective identity and opposition within BLM tweets from 2013 to 2014. In 2013, trigrams with “we” emphasized collective moral stance and solidarity, while “they” and “their” referred to a loosely defined out-group, often portrayed in passive or ambiguous terms. This suggests an early-stage movement focused more on internal cohesion than direct confrontation. By 2014, however, “we” trigrams reflected a more unified and historically rooted identity, while “they” trigrams became more explicitly adversarial, attributing hostility and racism to both institutional actors and ALM participants. This evolution indicates a growing polarization in discourse and a redefinition of out-group boundaries in response to counter-movement activity.

Discussion

This study set out to examine how the pronouns “we” and “they” were employed in BLM discourse during the formative years of the movement, and how their semantic roles and referents shifted following the emergence of the ALM counter-protest. Drawing on the collective discourse-analytical approaches to collective identity construction [Melucci 1996; Wodak 2012], the analysis demonstrates that the discursive construction of collective identity in digital protest discourse is not static but evolves dynamically in response to external ideological pressures.

In 2013, the pronoun “we” was predominantly associated with messages of moral agency, resistance, and internal solidarity. High-PMI trigrams such as “we take stand” and “we must fight” reflect an early-stage identity rooted in a shared sense of injustice. At the same time, the referents of “we” were diffuse — more strongly linked to racial identifiers such as “blacks” than to the formal name of the movement. This supports Melucci’s [1996] view of collective identity as a processual and emergent phenomenon, shaped by shared experiences rather than pre-established categories.

The out-group in 2013 was primarily institutional. The pronoun “they” was largely associated with references to police, law enforcement, and authority figures — aligning with prior findings that social movements often define themselves in opposition to institutional power. However, the trigrams associated with “they” during this period often carried ambiguous or passive connotations (e.g., “they are victims,” “they just concealing”), suggesting that antagonism had not yet crystallized into a direct, personalized confrontation. This aligns with the early stages of protest mobilization, where in-group identity formation precedes the clear delineation of ideological enemies [Thomas et al. 2012].

By 2014, this discursive landscape had significantly changed. The use of “we” became more closely tied to the formal identity of the movement, with a dramatic rise in co-occurrence with the term “blacklivesmatter.” Trigram data reflect a stronger, more cohesive collective identity framed through historical references and political continuity (e.g., “we shall overcome,” “united we stand”). This suggests a transition from reactive protest to proactive self-definition, consistent with the SIMCA model’s emphasis on identity salience and perceived group efficacy as motivators for sustained mobilization [van Zomeren et al. 2008; Adam-Troian et al. 2021].

Concurrently, the referents of “they” expanded. While institutional actors remained prominent, a significant portion of tweets now associated “they” with members of the ALM counter-movement, including terms like “alllivesmatter,” “alm,” and “counterprotesters.” This diversification supports previous research on counter-protest as a catalyst for identity renegotiation [Zald and Useem 1987; Wood 2020], introducing an ideologically distinct adversary into the protest narrative. Trigrams in 2014 such as “racist they seem” and “abuse their power” illustrate a discursive shift toward direct accusation and ideological opposition, reflecting the dual nature of the out-group: both institutional and societal.

Conclusion

In sum, the linguistic patterns observed in this study reflect a clear transformation of collective identity within BLM discourse. The shift from a singular focus on institutional “others” to a dual adversarial framing that includes public counter-protesters illustrates the dynamic nature of identity construction in response to perceived threat and opposition. Language — especially pronouns — served both as a mirror of this transformation and as a mechanism for reinforcing group cohesion and oppositional clarity.

This study contributes to our understanding of protest-counter-protest dynamics by highlighting the discursive mechanisms through which collective identities are reinforced, challenged, and redefined. It highlights the importance of micro-level linguistic analysis in capturing the evolving boundaries of group membership and ideological conflict in contemporary movements. Future research might build on this work by analyzing the ALM discourse in parallel or exploring these dynamics in later protest cycles.

Received / Поступила в редакцию: 01.04.2025

Revised / Доработана после рецензирования: 15.04.2025

Accepted / Принята к публикации: 20.04.2025

References

- Adam-Troian, J., Bonetto, E., & Arciszewski, T. (2021). “We shall overcome”: First-person plural pronouns from search volume data predict protest mobilization across the United States. *Social Psychological and Personality Science*, 12(8), 1476–1485. <https://doi.org/10.1177/1948550620987672> EDN: HKDNBX

- Goodman, S., Perkins, K.M., & Windel, F. (2024). All Lives Matter discussions on Twitter: Varied use, prevalence, and interpretive repertoires. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 32(2), e2767. <https://doi.org/10.1002/casp.2767> EDN: AKRMCM
- Gordon, P.C., Grosz, B.J., & Gilliom, L.A. (1993). Pronouns, names, and the centering of attention in discourse. *Cognitive Science*, 17, 311–347.
- Gulevich, O. (2019). *Psychology of intergroup relations*. Moscow: Uright. (In Russian).
- Inata, K. (2021). Protest, counter-protest and organizational diversification of protest groups. *Conflict management and peace science*, 38(4), 434–456.
- Koncha, V. (2025). BERT in focus: Topic modeling the transformation of collective identities of the participants of the Black Lives Matter movement in response to the counter-protest. *Political science (RU)*, 1, 219–239. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2025.01.10> EDN: FOFOZE
- Melucci, A. (1996). *The playing self: person and meaning in the planetary society*. New York, Cambridge: Cambridge university..
- Pennebaker, J.W., Mehl, M.R., & Niederhoffer, K.G. (2003). Psychological aspects of natural language use: Our words, our selves. *Annual Review of Psychology*, 54, 547–577.
- Thomas, E.F., Mavor, K.I., & McGarty, C. (2012). Social identities facilitate and encapsulate action-relevant constructs: A test of the social identity model of collective action. *Group Processes & Intergroup, Relations*, 15(1), 75–88.
- van, Zomerem, M., Postmes, T., & Spears, R. (2008). Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological Bulletin*, 134(4), 504–535.
- Wodak, R. (2012). Language, power and identity. *Language Teaching*, 45.
- Wood, L. (2020). Policing counter-protest. *Sociology compass*, 14(11), 1–10.
- Zald, M.N., & Useem, B. (1987). Movement and countermovement interaction: Mobilization, tactics, and state involvement. In Zald M.N., McCarthy J.D. *Social movements in an organizational society* (p.247-272). New Brunswick: Transaction.

About the author:

Valeriya Koncha — Postgraduate student, Lecturer at the Department of Politics and Management, Junior Researcher at the International Center for the Study of Institutions and Development, HSE University (e-mail: vkoncha@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-6588-6752)

Сведения об авторе:

Конча Валерия — аспирант, преподаватель Департамента политики и управления, младший научный сотрудник Международного центра изучения институтов и развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: vkoncha@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-6588-6752)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-494-506

EDN: NYPIQM

Научная статья / Research article

Сетевой дискурс патриотических онлайн-сообществ в современной России: проблемное поле и аксиологические модусы

Н.Н. Козлова , С.В. Рассадин

Тверской государственный университет», Тверь, Российская Федерация

 tver-rapn@mail.ru

Аннотация. Онлайн-сообщества в социальных сетях в последнее десятилетие стали важнейшим инструментом конструирования ценностной сферы. Представлено исследование проблемного поля контента популярных патриотических сообществ в социальной сети «ВКонтакте» — «Донецк / Луганск / Новороссия», «Николай Стариков», «История: Россия и мир» в аспекте их аксиологических модусов. Для каждого сообщества были выбраны публикации путем сплошной выгрузки данных за февраль 2021, 2022, 2024 гг., которые подверглись обработке при помощи аналитического комплекса «Концептоскоп»; по ключевым словам проводился контекстный анализ, а также анализ на основе графов. Исследование показало, что проблемное поле сообществ состоит из нескольких блоков: 1) исторический метанарратив, 2) Россия — Запад, 3) Украина, СВО, 4) внутренняя политика РФ, 5) природные красоты России. Авторы приходят к выводу, что с февраля 2022 г. проблемное поле контентом анализируемых сообществ существенно расширяется за счет темы Специальной военной операции (СВО), которая трактуется как акт защиты страны; актуализируется необходимость консолидации и мобилизации российского общества; положительное отношение к СВО становится критерием идентификации патриотических сил. В контенте за февраль 2024 г. структура проблемного поля сохраняется, однако усиливается риторика двойных стандартов Запада, педалируется идея многополярного мира и новой архитектуры международных отношений, а также прогрессирует дискурс героизации, патриотизма и традиционных ценностей, набирает силу идея очищения России от внутренних врагов. Проблемное поле сообществ опирается на ценности общей исторической памяти, идеи суверенности российского государства, уникальности российской цивилизации, консолидации русского мира, непреходящего характера традиционных ценностей, осуждения аксиологических оснований западного мира и принципов его организации. Успешное производство и продвижение патриотического контента анализируемых тематических онлайн-сообществ определяется использованием комплексного подхода, сочетающего исторический нарратив и актуальный событийный ряд, аналитические

© Козлова Н.Н., Рассадин С.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

статьи и эмоционально-насыщенные материалы. Именно данный подход позволяет придать позитивные аксиологические модусы патриотизму и сделать его одним из ведущих факторов общественно-политической жизни.

Ключевые слова: сетевой дискурс, патриотизм, онлайн-сообщества, ценности, историческая память, Россия — Запад

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки РФ и ЭИСИ, проект FEMS-2024-0006 «Патриотические и семейные ценности как константы цивилизационного развития России».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Козлова Н.Н., Рассадин С.В. Сетевой дискурс патриотических онлайн-сообществ в современной России: проблемное поле и аксиологические модусы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 494–506. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-494-506>

Network Discourse of Patriotic Online Communities in Modern Russia: Problematic Field and Axiological Modes

Natalia N. Kozlova , Sergey V. Rassadin

Tver State University, Tver, Russian Federation

✉ tver-rapn@mail.ru

Abstract. Online communities in social networks have become a vital tool for constructing the value sphere in the last decade. The study presents a study of the problematic content field of the popular patriotic communities “Donetsk / Lugansk / Novorossiia”, “Nikolai Starikov”, “History: Russia and the World” in the aspect of their axiological modes. Publications were selected for each community by continuously uploading data for February 2021, 2022, and 2024, which were processed using the Conceptoscope analytical complex; contextual analysis was performed on keywords, as well as graph-based analysis. The study showed that the problem field of communities consists of several blocks: 1) historical meta-narrative, 2) Russia-the West 3) Ukraine, SMO 4) internal policy of the Russian Federation 5) natural beauty of Russia. The authors conclude that since February 2022, the problematic field of the analyzed communities’ content has been significantly expanded due to the topic of a Special Military Operation (hereinafter referred to as SMO), which is interpreted as an act of protecting the country. The need for consolidation and mobilization of Russian society is actualized; a positive attitude towards SMO becomes a criterion for identifying patriotic forces. In the February 2024 content, the structure of the problem field remains, but the rhetoric of Western double standards is intensifying, the idea of a multipolar world and a new architecture of international relations is being pedaled, as well as the discourse of glorification, patriotism and traditional values is progressing, and the idea of cleansing Russia from internal enemies is gaining momentum. The problem field of the communities is based on the values of a common historical memory, the idea of the sovereignty of the Russian state, the uniqueness of Russian civilization, the consolidation of the Russian world, the enduring nature of traditional values, the condemnation of the axiological foundations of the Western world, the principles of its organization. The successful production and promotion of patriotic content of the analyzed thematic online

communities is determined by using an integrated approach combining historical narrative and current events, analytical articles and emotionally saturated materials. It is this approach that makes it possible to give positive axiological modes to patriotism and make it one of the leading factors of socio-political life.

Keywords: online discourse, patriotism, online communities, values, historical memory, Russia — West

Acknowledgements. The study is supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the EISI, the FEMS-2024-0006 project “Patriotic and Family values as constants of Russia’s civilizational development”.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Kozlova, N.N., & Rassadin, S.V. (2025). Network discourse of patriotic online communities in modern Russia: Problematic field and axiological modes. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 494–506. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-494-506>

Введение

Возросший интерес к патриотизму в отечественном публичном дискурсе определяется рядом внешне- и внутриполитических факторов, среди которых ведущую роль играет стремление России к созданию новой архитектуры международных отношений, отстаиванию государственного суверенитета с опорой на культурные основания российской цивилизации. В связи с этим патриотические ценности фундируются политическим консервативным трендом современной российской политики и выступают важной составляющей частью его аксиологического ряда.

В выступлениях российских политических лидеров патриотизм представляется основой национальной идеологии, фактором и ресурсом консолидации, мобилизации, развития российского общества¹. По мнению Президента России В.В. Путина, патриотизм как служение развитию страны складывается из любви к семье, малой родине и стране². Согласно проведенным в 2023–2024 гг. опросам ВЦИОМ, большая часть россиян называют себя патриотами (91 %)³, вкладывая в понятие «патриотизм» «любовь к стране, осознание единства народов России, уважение к исторической памяти, готовность служить Отечеству»⁴. Однако по смысловому наполнению понятия «патриотизм» нет какого-либо ясного общественного и академического консенсуса.

¹ Матвиенко призвала развивать патриотизм как национальную идею России. 22 ноября 2016. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3801835?ysclid=m6clxiblic43917131> (дата обращения: 10.12.2024).

² Путин рассказал, что для него значит патриотизм (02.02.2024). URL: <https://ria.ru/20240202/patriotizm-1925070970.html?ysclid=m6c263jncn845155711> (дата обращения: 10.12.2024).

³ Патриотизм: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring?ysclid=m67o2rlk7y3037909> (дата обращения: 10.12.2024).

⁴ Традиции в эпоху перемен. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen> (дата обращения: 10.12.2024).

Востребованность концепта «патриотизм» в идеологическом дискурсе привлекла внимание и академического сообщества. За последние годы феномен патриотизма был рассмотрен с позиций различных методологических подходов, даны авторские определения понятия, предложены его классификации, проведено значительное количество эмпирических исследований, выявлены виды феномена, проанализированы исторические аспекты генезиса и развития патриотических идей, определены факторы их развития, их функционал и потенциал и т. д. [Расторгуев 2024; Primoratz 2009; Nathanson 1993; Patriotism in Philosophical... 2016]. Анализ научной литературы по исследуемой проблеме позволяет констатировать, что с содержательной стороны проблемное поле современного российского патриотизма выстраивается как компендиум таких идей, как сильное суверенное государство, неразрывная связь современности с историей, культурой, обозначение внешних и внутренних угроз, представление об идеальном гражданине и т. д. [Павлов 2018; Papastephanou 2013; Латышевский 2017].

Для нашего исследования важны выводы П. Гуда, который определял патриотизм как «коварное понятие» [Goode 2016]. На основе эмпирических данных исследователь среди множества ассоциируемых с патриотизмом практик выявил два набора, связанных с российской внешней политикой:

- 1) практики исторических сравнений и ностальгии, усиливающие представления о России как цивилизации, обладающей собственным путем развития;
- 2) дискурсивные практики противопоставления, защиты и потребления, описывающие Запад в качестве геополитического противника и утверждающие необходимость защиты от него.

При этом, несмотря на достаточно выраженное смысловое ядро патриотизма, авторы научных публикаций выявили некоторые вариации в проблемном поле патриотизма в разных социальных группах, в механизмах его использования различными политическими силами, в официальном публичном дискурсе и нарративах гражданского общества [Rutland 2015; Druckman 1994; White 2015; Лубский 2017; Асеева, Шашкова 2021]. Анализируя консервативный, либеральный и социалистический дискурсы, исследователи установили, что патриотизм выполняет функцию легитимации/делегитимации власти. По мнению ученых, консерваторы артикулируют патриотическую идею гордости за героическое прошлое, либералы трактуют патриотизм с позиции защиты государством прав и свобод гражданина, а социалистический дискурс ставит под сомнение возможность патриотизма в современной России «ввиду несправедливости общественного устройства» [Мартынов, Фадеева, Габеркорн 2020: 115].

Учитывая расширение сферы цифровых коммуникаций как фактора политической социализации, ряд исследователей провели анализ медиадискурса и социальных сетей [Fairclough 1995; Olaniran, Williams 2020; Moy, Scheufele 2000; Persily, Tucker 2020]. Анализируя идеологическое наполнение концепта «патриотизм» в идеологических трендах «новых медиа», М.Ю. Мартынов и А.И. Габеркорн пришли к выводу, что концептуализация

дискурсов патриотизма задана идеологическими рамками традиционных политических идеологий [Мартынов, Габеркорн 2021: 114]. Исследуя патриотические настроения современной российской молодежи в социальных медиа, Р.В. Парма указывает, что центральным объектом выражения патриотизма являются многовековая история и богатая культура, русский язык, Отечество и государство; периферийными темами оказались «семья, дом и близкие» [Парма 2024: 54].

Таким образом, анализ академических исследований показывает, что компендиум нарративов и аксиологические модусы современного патриотического дискурса вариативны. Поэтому важно изучить сетевой дискурс наиболее популярных патриотических онлайн-сообществ в современной России с целью выявления блоков проблемного поля, которые формируют положительный аксиологический модус концепта «патриотизм».

Методы исследования

В социальной сети «ВКонтакте» были выбраны сообщества, содержащие в своем названии или описании ключевые слова «Родина, патриотизм, патриоты, родные, Z». Отбор ключевых слов осуществлялся по результатам экспертной сессии. В результате была получена выборка из 523 тысяч сообществ. Из этой выборки эксперты отобрали три сообщества, отвечающих условиям проведения исследования и имеющих максимальное количество участников (подписчиков): сообщество «Донецк / Луганск / Новороссия» (374 603 участников, 5 графов), сообщество «Николай Стариков» (217 339 участников, 4 графа), сообщество «История: Россия и мир» (203 841 участников, 3 графа). Для каждого сообщества были выбраны публикации и комментарии путем сплошной выгрузки данных (через API-сервис социальной сети «ВКонтакте») за февраль 2021 г., февраль 2022 г. и февраль 2024 г. В результате по каждому из отобранных сообществ было сформировано 9 датасетов, всего получено 12 графов, общий объем эмпирических данных публикаций и комментариев к ним превышает 1 млн. После отфильтровки текстов по ключевым словам проводился более глубокий контекстный анализ, а также анализ на основе графов, представляющий собой метод визуализации связей между словами с использованием графов.

Для выделения единиц исследования каждый датасет подвергся обработке при помощи аналитического комплекса «Концептоскоп», использующего графовые нейросети для анализа естественного языка (аналитический комплекс разработан междисциплинарной лабораторией прикладной лингвистики и сетевых исследований публичной политики Кубанского государственного университета), что позволило выявить и проанализировать смыслы, ценности и установки, формирующиеся в отобранных сообществах через анализ и интерпретацию SVO связок и самых часто используемых n-грамм, а также отследить динамику и вектор трансформации этих смыслов, ценностей и установок. Для выделения основных тем в текстах использовалась техника Latent Dirichlet Allocation (LDA), которая позволяет автоматически группировать SVO-связки, часто встречающиеся вместе, в скрытые темы.

Результаты исследования

Результаты проведенного сравнительного анализа графов авторы исследования представили в виде таблицы, отражающей миссии сообществ, содержание контента, перечни узлов графов и краткое изложение основных тем, артикулируемых авторам сообществ, по каждому временному лагу (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение основных компонентов контента патриотических сообществ в социальной сети «ВКонтакте» — «Донецк / Луганск / Новороссия», «Николай Стариков», «История: Россия и мир»

Компоненты анализа	Сообщества		
	«Донецк / Луганск / Новороссия»	«Николай Стариков»	«История: Россия и мир»
Дата создания сообщества	17 февраля 2014 г.	26 мая 2009 г.	8 октября 2016 г.
Миссия сообщества	Построим Новороссию вместе!	Логично и доходчиво объяснить, что и почему происходит в нашей стране	Сообщество занимается популяризацией истории. В первую очередь это история России Новейшего времени как наиболее востребованная и актуальная
Содержание контента	История и современная ситуация на Донбассе	Оригинальные материалы публицистического и аналитического характера по широкому спектру вопросов истории и современности	Картины различных событий исторического процесса
Узлы графов февраль 2021 г.	«Россия», «Украина», «Донбасс», «ДНР», «ЛНР», «Республики»	«Стариков», «программы», «партии», «Россия», «США», «Навальный», «эфир»	«Человек», «СССР», «художник», «время», «Россия», «США», «война»
Основное содержание за февраль 2021 г.	Хроника формирования на Украине нацистского государства; агрессивная смена курса Президентом Украины В. Зеленским; создание военной коалиции Украины с НАТО; репрезентация истории Донбасса /Новороссии как неотъемлемой составной части истории России	Блок, связанный с политикой исторической памяти, который посвящен героям, победам, достижениям; тема «Украина — Донбасс»; воссоединение русского народа	Антропологическое измерение исторических событий; политика исторической памяти; ключевое лицо советской эпохи — И.В. Сталин; подвиг советского народа во время Великой Отечественной войны
Узлы графов февраль 2022 г.	«Донбасс», «ДНР», «ЛНР», «Россия», «Украина», «Республики», «Путин», «новости»	«Стариков», «НАТО», «Россия», «Украина», «США», «войны»	«Россия», «человек», «мир», «войны», «история», «время», «жизнь», «Советский Союз»
Основное содержание за февраль 2022 г.	Реакция участников сообщества на проведение СВО; «День Z» рассматривается как демаркационная линия в современной истории Донбасса	Демаркационная линия, связанная с началом СВО; исторические события, представляющие собой достижения и победы страны, подвиги и героизм россиян; тема Украины — Донбасса; цивилизационное своеобразие России, которое она обязана отстаивать; тема русского мира, в которую включается Донбасс	Великая Отечественная война; победы в спорте, достижения в науке и т.д.; проблема украинского фашизма и антизападная риторика; семейные ценности; аксиологический ряд: трепетное отношение к женщинам, родителям, уважение к людям, важность системы воспитания и образования, необходимость самоконтроля, соблюдение социальных норм
Узлы графов февраль 2024 г.	«Противник», «СВО», «РФ», «ВСУ», «Авдеевка», «бойцы», «бригады»	«Дела», «НАТО», «Россия», «Украина», «США», «запад», «программы»	«Время», «войны», «жизнь», «дети»
Основное содержание за февраль 2024 г.	«Третий год войны»; умножение патриотического дискурса; тема сплочения русского мира	Геополитическая ситуация в мире; поддержка Украины странами НАТО; формирование новой политической архитектуры мира в лице БРИКС и роли России в данном процессе	События Великой Отечественной войны; высокие нравственные идеалы героев историй, демонстрирующие их гражданственность и патриотизм

*Навальный А. был внесен в список организаций и физлиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к терроризму и экстремистской деятельности.
Источник: составлено Н.Н. Козловой и С.В. Рассадиным.

Table 1

Comparison of the main content components of patriotic communities on the VKontakte social network: Donetsk / Lugansk / Novorossiia, Nikolai Starikov, and History: Russia and the World

Analysis components	Communities		
	Donetsk / Lugansk / Novorossiia	Nikolai Starikov	History: Russia and the World
Date of creation of the community	February 17, 2014	May 26, 2009	October 8, 2016
The mission of the community	Let's build Novorossiia together!	It is logical and understandable to explain what is happening in our country and why	The community is engaged in the popularization of history. First of all, this is the history of Russia of modern times, as the most in-demand and relevant
Contents of Internet discourse	History and current situation in Donbas	Original materials of a journalistic and analytical nature on a wide range of historical and contemporary issues	Paintings of various events of the historical process
Graph nodes February 2021	«Russia», «Ukraine», «Donbas», «DNR», «LNR», «Republics»	«Starikov», «programs», «parties», «Russia», «USA», «Navalny»*, «ether»	«Man», «USSR», «artist», «time», «Russia», «USA», «war»
Main content for February 2021	Chronicle of the formation of the Nazi state in Ukraine; aggressive change of course by President of Ukraine V. Zelensky; creation of a military coalition of Ukraine with NATO; representation of the history of Donbas/Novorossiia as an integral part of the history of Russia	A block related to the politics of historical memory, which is dedicated to heroes, victories, achievements; the theme «Ukraine-Donbas»; the reunification of the Russian people	The anthropological dimension of historical events; the politics of historical memory; the key figure of the Soviet era — I.V. Stalin; the feat of the Soviet people during the Great Patriotic War
Graph nodes February 2022	«Donbas», «DNR», «LNR», «Russia», «Ukraine», «Republics», «Putin», «news»	«Starikov», «NATO», «Russia», «Ukraine», «USA», «wars»	«Russia», «man», «world», «wars», «history», «time», «life», «Soviet Union»
Main content for February 2022	Community members' reactions to the special military operation; «Day Z» is seen as a demarcation line in the modern history of Donbas	The demarcation line associated with the beginning of the special military operation; historical events representing the country's achievements and victories, the feats and heroism of the Russian people; the topic of Ukraine — Donbas; Russia's civilizational uniqueness, which it must defend; the topic of the Russian world, which includes Donbas	The Great Patriotic War; victories in sports, achievements in science, etc.; the problem of Ukrainian fascism and anti-Western rhetoric; family values; the axiological series: reverence for women and parents, respect for people, the importance of the education system, the need for self-control, and adherence to social norms
Graph nodes February 2024	«The enemy», «the special military operation», «the Russian Federation», «the Armed Forces of Ukraine», «Avdiivka», «the soldiers», «the brigades»	«Business», «NATO», «Russia», «Ukraine», «USA», «West», «programs»	«Time», «wars», «life», «children»
Main content for February 2024	«The third year of the war»; multiplication of patriotic discourse; the theme of unity of the Russian world	The geopolitical situation in the world; NATO countries' support for Ukraine; the formation of a new political world architecture in the form of BRICS and Russia's role in this process	The events of the Great Patriotic War; the high moral ideals of the heroes of the stories, which demonstrate their citizenship and patriotism

*Alexei Navalny was included in the list of organizations and individuals involved in terrorism and extremist activities.
Source: compiled by N.N. Kozlova and S.V. Rassadin.

Сообщество Донецк / Луганск / Новороссия

Проблемное поле и аксиологический ряд сообщества «Донецк / Луганск / Новороссия» структурируются вокруг тем «Донбасс — Украина», «Донбасс — Россия». Содержание сообщений за февраль 2021 г. свидетельствует об углублении разрыва между ДНР и Украиной, курсе Донбасса на «изживание украинского наследия», сближении с Россией. Создаваемый сообществом нарратив проникнут предчувствием горячей войны, отражает ценности общей с Россией исторической памяти, исторической судьбы, осуждения аксиологических оснований западной цивилизации, принципов организации и деятельности международных институтов. Обозначенная в постах за февраль 2022 г. идея нового этапа в истории Донбасса и России расширяет проблемное поле контента за счет темы СВО, актуализирует идеи возрождения русского мира, борьбы как с внешними, так и внутренними врагами. В контенте за февраль 2024 г. набирает силу патриотический дискурс, аксиологически фундированный целями защиты Отечества, консолидации и мобилизации российского общества, традиционными ценностями.

Николай Стариков

В контенте сообщества «Николай Стариков» явно очерчиваются несколько проблемных блоков — природные красоты России, исторический нарратив, внешняя и внутренняя политика России. Первый блок задает представления о значительных территориальных масштабах России, многообразии ее ландшафтов и выражает гордость автора постов за величие «громадности» страны. Опираясь на обширный исторический материал, автор «героизирует» страну, отмечает ее способность отстаивать свои национальные интересы и лидерство на мировой арене. С февраля 2022 г. автор уделяет значительное место СВО, которое он трактует как новую страницу в истории отношений России и Запада, связанную со стремлением России подчеркнуть свою суверенность, преодолеть совершенные при распаде СССР ошибки, а также выстроить новую архитектуру международных отношений. Анализ постов показывает, что патриотизм получил конкретное измерение в форме сострадания и сочувствия к пострадавшим от украинской власти жителям Донбасса, участникам СВО и их семьям, непосредственной помощи согражданам на СВО и т.д. В феврале 2024 г. проблемное поле контента претерпевает незначительные изменения, отражая эскалацию международной напряженности.

Сообщество «История: Россия и мир»

Проблемное поле сообщества за февраль 2021 г. структурируется вокруг различных исторических этапов, центральным из которых является советский период. Авторы постов стремятся отразить сложность общественных отношений в антропологическом измерении, объединяя в патриотический дискурс противоречия борющихся социальных групп (богатых и бедных, красных и белых и т. д.); показывают историческую преемственность этапов, выделяя

аксиологические константы русского мира — героизм народа, созидательный труд, любовь к Родине, защиту Отечества, стремление к достижениям в различных сферах общественной жизни, помощь нуждающимся. Достоинство СССР определяется его суверенностью, обеспечившей лидерство страны на международной арене. Победа в Великой Отечественной войне задает в контенте дискурс антилиберализма и антизападничества.

В контенте февраля 2022 и 2024 гг. поднимается проблема украинского фашизма и усиливается антизападная, антифашистская риторика, педалируется идея государственного суверенитета. На фоне созданного в постах положительного образа Советского Союза распад страны трактуется как незаконный сговор лидеров России, Украины и Белоруссии. В контенте данных периодов актуализируются семейные ценности, появляются посты, дискурс которых приобретает философский и религиозный характер, усиливается нарратив героизации.

Выводы

Проведенный анализ патриотических сообществ «Донецк / Луганск / Новороссия», «Николай Стариков», «История: Россия и мир» позволил сделать вывод, что их проблемное поле состоит из нескольких блоков:

- 1) исторический метанарратив, историческая память с акцентом на события Великой Отечественной войны;
- 2) Россия — Запад;
- 3) Украина, СВО;
- 4) внутренняя политика РФ;
- 5) природные красоты России.

При этом блоки различаются по объему информации, акцентам и оценкам исторических событий, иерархии ценностей в рамках аксиологического ряда: в сообществе «Донецк / Луганск / Новороссия» основное внимание уделяется третьему блоку; в сообществе «Николай Стариков» педалируются второй и четвертый блоки; в сообществе «История: Россия и мир» — первый блок. Пятый блок «Природные красоты России» во всех тематических онлайн-сообществах является периферийным, но выполняет важную роль в конструировании патриотического дискурса. Создание образа «Широка страна моя родная», во-первых, культивирует гордость за принадлежность к самому большому государству в мире, во-вторых, дает физическое ощущение Родины как земли, которую необходимо защищать.

Наличие данных блоков позволяет авторам контента создать многомерную модель современного политического процесса.

Исторический блок дает возможность участникам сообществ представить Россию как самостоятельную цивилизацию, фундируемую устойчивым аксиологическим рядом. Идеи суверенности, лидерства на мировой арене, ценности патриотизма, взаимопомощи, дружбы, бескорыстия, а также достижения и победы проходят лейтмотивом через указанный блок всех анализируемых сообществ. Рамка исторического метанарратива также

позволяет выявить исторические корни современных политических конфликтов. Поэтому, согласно авторам постов, основой современной внешней политики страны является политика исторической памяти, согласно которой Запад рассматривал Россию как угрозу в достижении своей гегемонии в мире и стремился различными способами ослабить нашу страну. Посты о Великой Отечественной войне и связанных с ней жертвах, страданиях, подвигах советских людей занимают центральное место в историческом нарративе анализируемых сообществ. История, таким образом, выступает одним из критериев артикулируемой ими истины о необходимости защиты Отечества, Русского мира и признания постсоветского пространства сферой национальных интересов России.

Анализ сообществ демонстрирует, что проблемное поле отношений Украины и России вписано в цивилизационный конфликт «Россия — Запад». Если в контенте за февраль 2021 г. в сообществах отмечается усиление социально-политической напряженности между Украиной и Россией, то, начиная с февраля 2022 г., дискурсивное поле всех сообществ существенно расширяется за счет темы СВО, которое трактуется как акт защиты страны, борьбы с нацизмом, новый этап в истории России и международных отношений в целом.

Блок внутренней политики является логическим продолжением линии «Россия — Запад»: в сообществах актуализируется необходимость консолидации и мобилизации российского общества, подвергается критике антилиберальный ценностный ряд, утверждается дихотомия «патриоты — пацифисты». Положительное отношение к СВО, согласно авторам постов сообществ, становится маркером идентификации патриотических сил, а патриотизм получает практическое воплощение в форме помощи СВО.

В контенте за февраль 2024 г. структура проблемного поля сохраняется, однако усиливается риторика относительно лицемерия и двойных стандартов Запада, умножаются обвинения США в мировой агрессии, педалируется идея многополярного мира и новой архитектуры международных отношений, а также прогрессирует дискурс героизации, патриотизма и традиционных ценностей, набирает силу идея очищения России от внутренних врагов. Таким образом, проблемное поле сообществ «Донецк / Луганск / Новороссия», «Николай Стариков», «История: Россия и мир» приобретает положительный аксиологический модус, опираясь на ценности общей исторической памяти, исторической судьбы, идеи суверенности российского государства, уникальности российской цивилизации, консолидации русского мира, непреходящий характер традиционных ценностей, в то же время выражается осуждение аксиологических оснований западного мира, принципов его организации, а также деятельности международных институтов.

Подводя итог исследованию, важно отметить для практической деятельности в области патриотического воспитания, что успешное производство и продвижение патриотического контента анализируемыми тематическими онлайн-сообществами определяются использованием комплексного подхода, сочетающего исторический нарратив и актуальный событийный ряд,

аналитические статьи и эмоционально насыщенные материалы, позиции лояльности (выражение поддержки СВО) и критики (осуждение недостатков отдельных элементов социальной системы), идеи консервативного (сильного государства), либерального (свобода творчества) и социалистического дискурсов (дискурс заботы и солидарности). Именно данный подход позволяет придать позитивные аксиологические модусы патриотизму и сделать его одним из ведущих факторов общественно-политической жизни.

Поступила в редакцию / Received: 11.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 18.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 25.04.2025

Библиографический список

- Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю.* Представления о патриотизме школьников Сибирского федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 118–129. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-118-129> EDN: IBUPPT
- Латышевский С.И.* Роль патриотизма в современной идеологии России // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 3А. С. 208–216. EDN: ZRPIMR
- Лубский А.В.* Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23, № 1. С. 42–59. EDN: XXJBVN
- Мартынов М.Ю., Фадеева Л.А., Габеркорн А.И.* Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08> EDN: WUIELN
- Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И.* Патриотический дискурс в идеологических трендах «новых медиа» в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 4. С. 104–120. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-4-1097> EDN: XYKDDR
- Павлов А.В.* Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 175–191. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191> EDN: UWJFMN
- Парма Р.В.* Продвижение патриотической повестки в социальных медиа среди российской студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 1. С. 44–67. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67> EDN: LLCBSO
- Расторгуев С.В.* Современные подходы к концепту «патриотизм» в научном дискурсе // Власть. 2024. Т. 32. № 1. С. 96–101. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-1-96-101> EDN: EIGTMD
- Druckman D.* Nationalism, patriotism, and group loyalty: a social-psychological perspective // *Mershon International Studies Review*. 1994. Vol. 38, no. 1. P. 43–68. <https://doi.org/10.2307/222610>
- Goode J.P.* Everyday Patriotism and Putin's Foreign Policy // *PONARS Eurasia Policy Memo*. 2016. Vol. 432. P. 1–7. URL: https://ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/Peprm432_Goode_July2016%282%29_2.pdf (accessed: 12.12.2024).
- Fairclough N.* Media Discourse. London; New York: E. Arnold, 1995.
- Moy P., Scheufele D.A.* Media Effects on Political and Social Trust. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2000. No. 77(4) P. 744–759. <https://doi.org/10.1177/107769900007700403>
- Nathanson S.* Patriotism, Morality, and Peace. Lanham: Rowman & Littlefield, 1993.

- Olaniran B., Williams I. Social Media Effects: Hijacking Democracy and Civility in Civic Engagement // *Platforms, Protests, and the Challenge of Networked Democracy. Rhetoric, Politics and Society* / J. Jones, M. Trice (eds). Palgrave Macmillan, Cham. 2020. P. 77–94. https://doi.org/10.1007/978-3-030-36525-7_5
- Papastephanou M. Inward and Outward Patriotism // *Review of European Studies*. 2013. Vol. 5, no. 2 P. 20–32. <https://doi.org/10.5539/res.v5n2p20>
- Persily N., Tucker J.A. *Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform*. Cambridge University Press, 2020.
- Primoratz I. Patriotism (01.06.2009) // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/patriotism/> (accessed: 12.12.2024).
- Patriotism in Philosophical and Political Perspectives / ed. by I. Primoratz, A. Pavkovic. London; New York: Routledge. 2016.
- Rutland P. Petronation? Oil, Gas and National Identity in Russian // *Post-Soviet Affairs*. 2015. Vol. 31, no. 6. P. 66–89. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2014.952537>
- Uyzbayeva A.A., Sagikyzy A., Akhmetova G.G., Kozhamzharova M.Z. On the methodology of studying the phenomenon of patriotism // *European Journal of Science and Theology*. 2014. Vol. 10, no. 6. P. 217–224. EDN: XNLDGD
- White D. Political Opposition in Russia: The Challenges of Mobilization and the Political-Civil Society Nexus // *East European Politics*. 2015. Vol. 31, no. 3. P. 314–325. <https://doi.org/10.1080/21599165.2014.990628>

References

- Aseeva, T.A., & Shashkova, Ya.Yu. (2021). Perception of patriotism by schoolchildren of the Siberian federal district. *RUDN journal of political science*, 23(1), 118–129. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-118-129> EDN: IBUPPT
- Druckman, D. (1994). Nationalism, patriotism, and group loyalty: a social-psychological perspective. *Mershon International Studies Review*, 38(1), 43–68. <https://doi.org/10.2307/222610>
- Fairclough, N. (1995). *Media Discourse*. London; New York: E. Arnold.
- Goode, J.P. (2016). Everyday Patriotism and Putin's Foreign Policy. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 432, 1–7. Retrieved from https://ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/Pepm432_Goode_July2016%282%29_2.pdf
- Latyshevskii, S.I. (2017). The contribution of patriotism in the current ideology of Russia. *Theories and problems of political research*, 6(3A), 208–216. (In Russian). EDN: ZRPIMR
- Lubsky, A.V. (2017). Civil patriotism: about the compatibility of patriotism and civic consciousness in Russian society. *Humanities of the south of Russia*, 23(1), 42–59. (In Russian). EDN: XXJBVH
- Martynov, M.Yu., Fadeyeva, L.A., & Gaberkorn, A.I. (2020). Patriotism as political discourse in contemporary Russia. *Polis. Political studies*, 2, 109–121. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08>. EDN: WUIELN
- Martynov, M.Yu., & Gaberkorn, A.I. (2021). Patriotic discourse in «New media» ideological trends in modern Russia. *Bulletin of Moscow region state university*, 4, 104–120. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-4-1097> EDN: XYKDDR
- Moy, P., & Scheufele, D.A. (2000). Media Effects on Political and Social Trust. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 77(4), 744–759. <https://doi.org/10.1177/107769900007700403>
- Nathanson, S. (1993). *Patriotism, Morality, and Peace*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Olaniran, B., Williams, I. (2020). Social Media Effects: Hijacking Democracy and Civility in Civic Engagement. Jones, J., & Trice, M. (Eds.), *Platforms, Protests, and the Challenge of Networked Democracy. Rhetoric, Politics and Society*. Palgrave Macmillan, Cham, 77–94. https://doi.org/10.1007/978-3-030-36525-7_5

- Papastephanou, M. (2013). Inward and Outward Patriotism. *Review of European Studies*, 5(2), 20–32. <https://doi.org/10.5539/res.v5n2p20>
- Parma, R.V. (2024). Promoting the patriotic agenda on social media among Russian students. *Higher education in Russia*, 33(1), 44–67. (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67>. EDN: LLCBSO
- Patriotism in Philosophical and Political Perspectives*. (2016). Ed. by I. Primoratz, A. Pavkovic. London; New York: Routledge.
- Pavlov, A.V. (2018). Patriotism. Very brief history of the idea. *Philosophical anthropology*, 4(1), 175–191. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191> EDN: UWJFMN
- Persily, N., & Tucker, J.A. (2020). *Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform*. Cambridge University Press.
- Primoratz, I. Patriotism (2009). *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved from <https://plato.stanford.edu/entries/patriotism/> (date of request —12.12.2024)
- Rastorguev, S.V. (2024). Modern approaches to the concept of patriotism in scientific discourse. *The Authority*, 32(1), 96–101. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-1-96-101> EDN: EIGTMD
- Rutland, P. (2015). Petronation? Oil, Gas and National Identity in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 31(6), 66–89. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2014.952537>
- Uyzbayeva, A.A., Sagikyzy, A., Akhmetova, G.G., & Kozhamzharova, M.Z. (2014). On the methodology of studying the phenomenon of patriotism. *European Journal of Science and Theology*, 10(6), 217–224. EDN: XNLDGD
- White, D. (2015). Political Opposition in Russia: The Challenges of Mobilization and the Political-Civil Society Nexus. *East European Politics*, 31(3), 314–325. <https://doi.org/10.1080/21599165.2014.990628>

Сведения об авторах:

Козлова Наталья Николаевна — доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии, Институт экономики и управления, Тверской государственный университет (e-mail: tver-rapn@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-1212-6412)

Рассадин Сергей Валентинович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии, Институт экономики и управления, Тверской государственный университет (e-mail: s_r08@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3478-0792)

About the authors:

Natalia N. Kozlova — Dr.Sc. (Political Science) — Associate Professor, Head of the Department of Political Studies, Institute of Economics and Management, Tver State University (e-mail: tver-rapn@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-1212-6412)

Sergey V. Rassadin — PhD in Philosophy — associate Professor of the Department of Political Studies, associate Professor, Tver State University (e-mail: s_r08@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3478-0792)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-507-519

EDN: NXGDEN

Научная статья / Research article

Политические категории в обсуждениях соседских онлайн-сообществ: методика эмпирического исследования на примере г. Волгограда

А.А. Бабкин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация

✉ s4p4@yandex.ru

Аннотация. В условиях цифровизации общества соседская коммуникация все чаще перемещается в онлайн-пространство. Общение соседей на публичных площадках социальных сетей создает обширные архивы данных, которые могут быть использованы для политологических исследований. Эти данные открывают новые возможности для изучения политики на низовом уровне, групповых идентичностей, политического активизма и др. Тем не менее в настоящее время существует пробел в исследованиях, связанный с отсутствием комплексных методик, позволяющих анализировать соседские онлайн-сообщества в масштабе города, не ограничиваясь отдельными кейсами. Цель данной работы — устранить имеющийся пробел, предложив методику для выявления соседских онлайн-сообществ в масштабе города, используя данные социальной сети ВКонтакте. Опираясь на данную методику, осуществляется попытка выявления в обсуждениях соседских сообществ Волгограда массива публикаций, в которых встречаются политические категории. В работе подробно раскрывается процесс поиска соседских сообществ, а также уделяется внимание описанию предобработки текстовых данных. Предлагается механизм очистки корпуса от рекламных объявлений, которые представляли широкую долю публикаций, но в то же время выступали «шумом», препятствующим основной задаче исследования. Публикации с упоминанием политических категорий выявляются путем автоматической кодировки очищенного корпуса по группам ключевых слов с последующей перепроверкой. Массив, охватывающий 17 лет взаимодействия соседей, позволил определить путем использования инструментов тематического моделирования основные периоды развития соседских сообществ. Начиная от коротких неполитических сообщений в группах соседствующей молодежи и заканчивая установлением сложившегося политического репертуара: работа органов местного самоуправления; взаимодействие с представителями органов власти, преимущественно с исполнительными, по решению локальных проблематик; организация и участие в местных патриотических мероприятиях. Эти данные позволили выявить

© Бабкин А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

наиболее активный по упоминанию тип соседских онлайн-сообществ: территориально общественные самоуправления, сообщества дольщиков и микрорайонные сообщества как новой, так и старой застройки.

Ключевые слова: соседские онлайн-сообщества, социальные сети, цифровые следы, политическая коммуникация, методика исследования, политический активизм, гражданский активизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бабкин А.А. Политические категории в обсуждениях соседских онлайн-сообществ: методика эмпирического исследования на примере г. Волгограда // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 507–519. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-507-519>

Political Categories in Discussions Within Local Online Communities: Empirical Research Methodology Employing Volgograd Case Analysis

Alexander A. Babkin

HSE University, Moscow, Russian Federation
s4p4@yandex.ru

Abstract. In the context of digitalization of society, neighborhood communication is increasingly moving online. The communication of neighbors on public social media platforms creates extensive archives of data that can be used for political science research. These data open up new opportunities for the study of grassroots politics, group identities, political activism, etc. Nevertheless, there is currently a gap in research related to the lack of comprehensive methods that allow analyzing neighborhood online communities on a city scale, not limited to individual cases. The purpose of this work is to eliminate the existing gap by proposing a methods for identifying neighborhood online communities on a city scale using data from the VKontakte social network. Based on this methodology, an attempt is being made to identify in the discussions of the neighboring communities of the city of Volgograd an array of publications in which political categories occur. The paper describes the process of searching for neighborhood online communities, and also describes the preprocessing of text data. A mechanism is proposed for cleaning the corpus of texts from advertisements, which represented a wide proportion of publications, but acted as noise that hindered the main task. Publications mentioning political categories are identified by automatically encoding the cleared corpus into groups of keywords, followed by rechecking. The resulting archive, covering 17 years of neighborhood interaction, made it possible to determine, through the use of thematic modeling tools, the main periods of development of neighborhood communities. Starting from short non-political messages in groups of neighboring youth, ending with an established political repertoire: the work of homeowners associations; interaction with representatives of authorities, mainly executive ones, to solve local problems; organization and participation in local patriotic events. The most active types of neighborhood online-communities were identified: territorial public self-governments, communities of shareholders and microdistrict communities.

Keywords: neighborhood online communities, social networks, digital fingerprints, political communication, research methods, political activism, civic activism

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Babkin, A.A. (2025). Political categories in discussions within local online communities: Empirical research methodology employing Volgograd case analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 507–519. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-507-519>

Введение

Переход соседской коммуникации в онлайн-пространство создал массу цифровых следов на публичных площадках, которые потенциально предоставляют богатейший материал для изучения исследователями-политологами. Фактически перед нами открылись архивы соседских взаимодействий, которые в обезличенном виде содержат групповые динамики политических предпочтений, спектры реакций на политические события, элементы «низовой» политики и многое другое. Но в действительности подобные исследования пока являются редкостью.

Так, на основе анализа цифровых следов выявлено, что соседские онлайн-площадки помогают кооперироваться для коллективных, в том числе политических целей [Rogers, et. al 1994; Hampton 2003; Erete 2015; López et. al 2017]. Российские исследования в основном сконцентрированы на изучении отдельных кейсов социальной организации соседских сообществ, в рамках которых также затрагиваются вопросы коллективного участия. Например, исследователи обращаются к изучению отдельных сообществ жилых комплексов и микрорайонов [Сумская 2012; Абрамов 2017; Чернышева, Гизатуллина, 2021], сравнивают их между собой в рамках одного города [Ненько, Недосека 2022], пригорода [Каранов 2022] и в разных городах [Чернышева, Запорожец 2023]. Однако необходимо отметить отсутствие широкомасштабных исследований соседских сообществ, где одновременно использовались бы данные с онлайн-площадок и покрывался весь городской массив. Это может обуславливаться отсутствием выработанной методики, которая позволила бы обойти сложности с выявлением соседских сообществ, связанных с отсутствием погруженности в отдельные локальные контексты и неимением экспертов.

Цель исследования — предложить методику выявления соседских онлайн-сообществ в социальной сети ВКонтакте в масштабе города, на основе которой осуществляется попытка обобщения политической активности соседских онлайн-сообществ города Волгоград через анализ их публикаций с политическими категориями.

Поиск соседских сообществ

Развитие города Волгограда, связанное с постройкой заводов вдоль реки Волги, а также удержание статуса «миллионника» за счет расширения границ, повлияло на его административно-территориальную организацию: город стал протяженным, а его районы удалены друг от друга [Деточенко 2018]. Неоднородность застройки, в том числе по типу домов и времени их постройки,

а также их географическая отдаленность создают условия для возникновения обособленных территорий со своими особенностями и идентичностями. Так, например, исследователи обнаруживали признаки гетто в отдельных старых промышленных микрорайонах Волгограда [Голодова и др. 2023]. Подобное разнообразие предоставляет возможность выявления различных видов соседств в рамках одной территории.

Поиск соседских онлайн-сообществ происходил автоматизированно, среди групп в социальной сети ВКонтакте (далее ВКонтакте) с применением фильтра по территориальной единице: город Волгоград. Для поиска был составлен словарь¹, состоящий из нескольких групп ключевых слов:

- 1) планировочные единицы и характеристики дома — категории, характеризующие пространство проживания (например, «микрорайон» или «жилой дом»);
- 2) формы объединений — категории, характеризующие организацию управления пространством проживания (например, «ТСЖ» или «ТОС»);
- 3) наименования новостроек из Единой информационной системы жилищного строительства²;
- 4) наименования микрорайонов, которые упоминались в городских и районных группах ВКонтакте.

Первые две группы ключей можно назвать универсальными, но не избыточными. Распространенной практикой при создании площадок коммуникации для онлайн-сообществ является использование территориальных наименований, в том числе и фольклорных, без указания, к какому типу пространства группа принадлежит. Это создает необходимость расширения словаря за счет дополнительных источников.

В результате автоматизированного поиска в ВКонтакте выявлено более 15 тысяч уникальных групп. Большую часть массива составлял «шум» в виде коммерческих групп и малых (менее 100 участников) групп по интересам, который был вынесен за рамки исследования. В работе [Мордвинова 2023], посвященной исследованию городских и районных медиа города Омска в ВКонтакте, при составлении выборки использовался подход, где отсекались группы менее 1000 участников. При таком подходе в выборку городских медиа попадали и большие сообщества микрорайонов. Для исследования соседских сообществ такой подход может существенно сократить исследуемую выборку, поскольку он не учитывает более локальные объединения. В данной работе «очистка от шума» проводилась вручную с опорой на информацию, которая была указана в наименовании и описании сообществ. После очистки осталось 275 групп, из которых 69 % являются открытыми.

Соседские онлайн-сообщества не выступают как единые структуры, которые расположены на одной онлайн-площадке [Чернышева, Гизатуллина 2021]. Они

¹ Список ключевых слов для поиска соседских онлайн сообществ в г. Волгоград. URL: <https://clck.ru/3BArsY> (дата обращения: 09.06.2024).

² Каталог новостроек // Единая информационная система жилищного строительства. URL: <https://наш.дом.рф/сервисы/каталог-новостроек/список-объектов/список> (дата обращения: 01.04.2024).

могут быть представлены набором подгрупп, созданным под определенные тематики или гиперлокальные уровни: квартал, дом, подъезд, которые объединены группой микрорайона. Исходя из этого группы были размечены по их «ареалам». Таким образом выявлено 101 соседское онлайн-сообщество, которое представлено сообществами многоквартирной застройки и частного сектора. Часть из них оказались полностью закрытыми. В среднем такие сообщества имеют одну группу, где число участников не превышает 150. Вход в них осуществляется при предоставлении доказательств о проживании на территории соседского объединения. 76 соседских онлайн-сообществ с разных частей города оказались открытыми. Именно они послужили основной выборкой для данной работы.

Предобработка и разведочный анализ соседских обсуждений

В выявленных соседских онлайн-сообществах были собраны все публикации за период их существования, что составило 79 251 публикаций за период с ноября 2007 по апрель 2024 г. В анализ включались только публикации, которые содержали текстовые символы.

Предобработка текста включала приведение к нижнему регистру, лемматизацию, очистку от неинформативных символов и повторов, стандартизацию сокращений, приведение в биграмы устойчивых словосочетаний (например, жилой комплекс — жилой_комплекс), а также удаление коротких сообщений. После обработки в корпусе осталось 63 227 публикаций; почти половина из них содержала от 2 до 10 слов.

Для выявления тематической структуры применялось тематическое моделирование с использованием неотрицательной матричной факторизации (NMF)³ по матрице TF-IDF⁴. Этот подход хорошо зарекомендовал себя при работе с короткими текстами [Mohotti 2020; Egger, Yu 2022] и в рамках настоящего исследования выдавал хорошо интерпретируемые результаты.

На ранних этапах моделирования преобладали темы, связанные с рекламным содержанием. Для их исключения был применен итеративный метод: по характерным би- и триграммам, соответствующим рекламным темам, из корпуса удалялись публикации с нерелевантным содержанием. Когда модель перестала формировать рекламные темы, была проведена ручная проверка 1500 случайных публикаций из обоих массивов. Проверка подтвердила отсутствие релевантных рекламных сообщений в очищенном корпусе, что позволило считать этап фильтрации завершенным.

В итоге рекламные публикации составили около 60 % всего исходного корпуса, что указывает на то, что сообщества используют платформу «ВКонтакте» в качестве локального канала размещения объявлений о товарах и услугах. Для

³ NMF // Scikit-learn developers. URL: <https://scikit-learn.org/stable/modules/generated/sklearn.decomposition.NMF.html> (accessed: 11.06.2024).

⁴ TfidfVectorizer // Scikit-learn developers. URL: https://scikit-learn.org/stable/modules/generated/sklearn.feature_extraction.text.TfidfVectorizer.html (accessed: 11.06.2024).

политологических исследований такое преобладание нерелевантного содержания затрудняет тематическое моделирование и подчеркивает необходимость предварительной фильтрации.

На очищенном корпусе тематическое моделирование позволило выявить темы, в которых присутствуют потенциальные политические сюжеты. В них встречались упоминания политических персон (например, президента и губернатора), органов власти (администрация, суд, дума), а также форм коллективных действий — митингов, петиций и обращений. Эти наблюдения свидетельствуют о наличии политического измерения в коммуникации соседских онлайн-сообществ, несмотря на его ограниченный масштаб. Разведочный анализ тем самым стал эмпирической предпосылкой и исследовательским мотивом для последующего этапа кодировки корпуса по политическим категориям.

Кодировка корпуса публикаций и ее результаты

Для формирования более четкого понимания употребления политических категорий осуществлена автоматическая кодировка корпуса текста по словарю⁵. Словарь состоял из ключей, разделенных на несколько групп: «общие политические категории», «формы государства», «идеологии», «политические персоны», «политические институты» и «политическая активность». Ключи частично преобразованы до корневых основ. После автоматической кодировки публикации прошли дополнительную проверку. Политический контекст при проверке не учитывался, и это, безусловно, накладывает некоторые ограничения на возможные обобщения. Основное внимание уделялось случаям, где корневая основа встречалась в словах, не относящихся к искомому и попаданию в корпус рекламных объявлений.

Было выявлено 3376 публикаций в 67 сообществах, в которых используются политические категории. Доля таких публикаций к их общему числу не велика и в среднем составляет 5 %. При этом динамика указанной доли была неоднородной: вплоть до 2016 г. наблюдался ее поступательный рост (до максимальных 14 %), за которым последовало устойчивое снижение. После 2021 г. доля публикаций с политическими категориями стабилизировалась на уровне около 2 %. Публикации с политическими категориями чаще содержали более развернутый текст, имели больше слов. Доля публикаций с количеством слов от 2 до 10 составила 19,7 %, тогда как в общем корпусе она достигала 40 %.

За исследуемый период наиболее популярной группой ключевых слов оказалась «общие политические категории» (рис. 1), которая встретила в 53,7 % публикаций. Ее ключевые слова: «обществ», «власт», «полит» и «государств», — упоминались с 90 % иных ключевых слов.

⁵ Список ключевых слов политических категорий для кодировки публикаций. URL: <https://clck.ru/3BCjvA> (дата обращения: 11.06.2024).

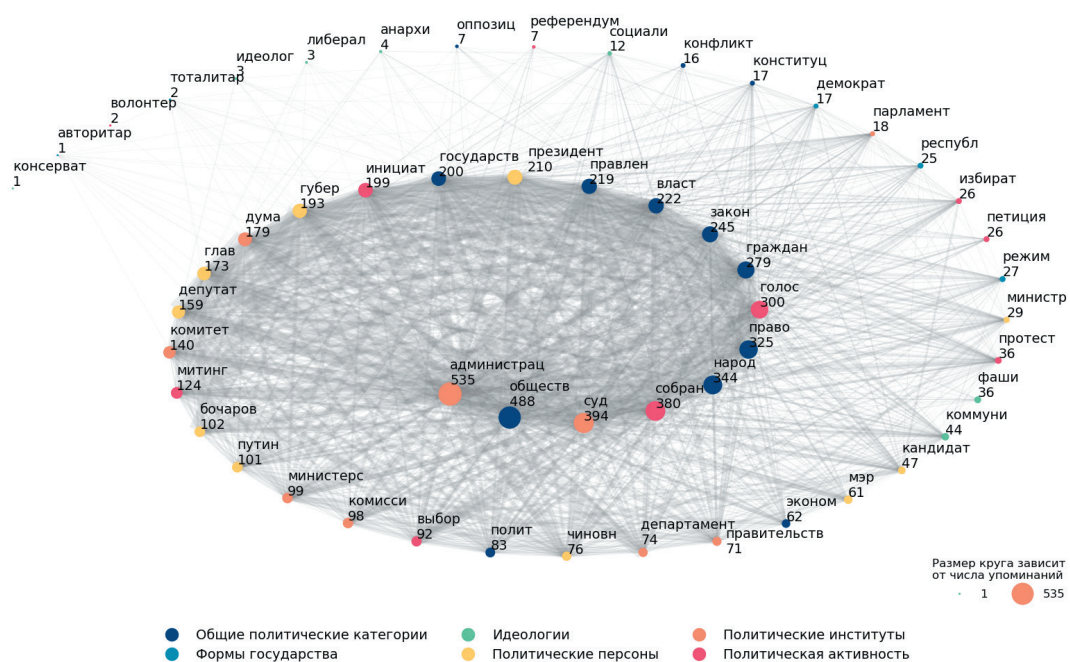

Рис. 1. Граф совместных упоминаний ключевых слов

Источник: составлено А.А. Бабкиным по результатам исследования.

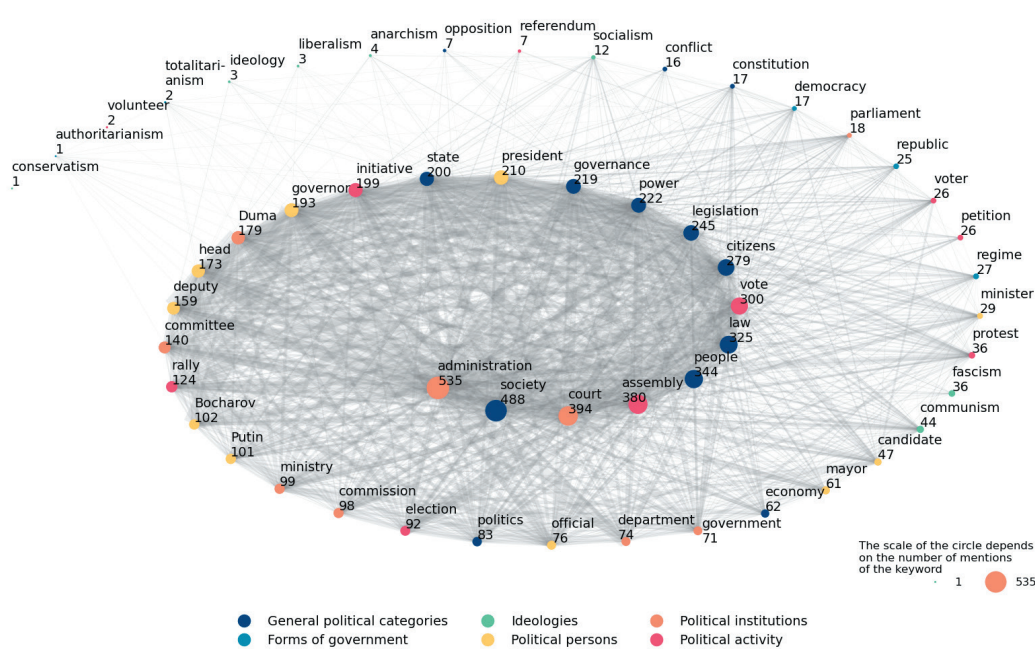

Figure 1. Co-mention graph of keywords

Source: compiled by A.A. Babkin based on the results of the research. The node labels represent political keywords used for automated text analysis. These labels consist of truncated word stems, rather than full lexical forms. For presentation purposes, the stems have been translated into approximate English terms that best reflect the core semantics of the original Russian words.

Второй группой по доле упоминаемости стала «политические институты». Ее ключевые слова охватили 36,7 % публикаций. Наиболее популярные ключи группы: «администрац», «суд», «дума», — отражают институты всех ветвей власти, но наибольший приоритет отдается исполнительной ветви. Возможно, это вызвано предпочтением соседских сообществ решать вопросы напрямую, а не через представителей.

На третьем месте находится группа «политическая активность», которая упоминалась в 27,2 % публикаций. Чаше всего лидеры данной группы: «собран», «голос», «инициат» — упоминались вместе в одной публикации, а также с ключевым словом «администрац». Следом по доле встречаемости была группа «политические персоны», которая охватила 24,4 % публикаций. Ее наиболее популярные ключевые слова: «президент», «губер», «глав» — также часто упоминаются вместе с «администрац». Таким образом, приоритет исполнительной власти демонстрируется и в других группах: косвенно через частоту взаимных упоминаний или напрямую через ее представителей. Наименее популярными группами ключей можно назвать «идеологии» (2,8 %) и «формы государства» (2 %). Их редкое использование создает основание для предположения об отсутствии интереса к более общим политическим дискуссиям.

С учетом пересечений указанная тенденция по распределению долей групп политических категорий сохранялась большую часть времени (рис. 2). Обобщая полученные данные выделим несколько выраженных периодов.

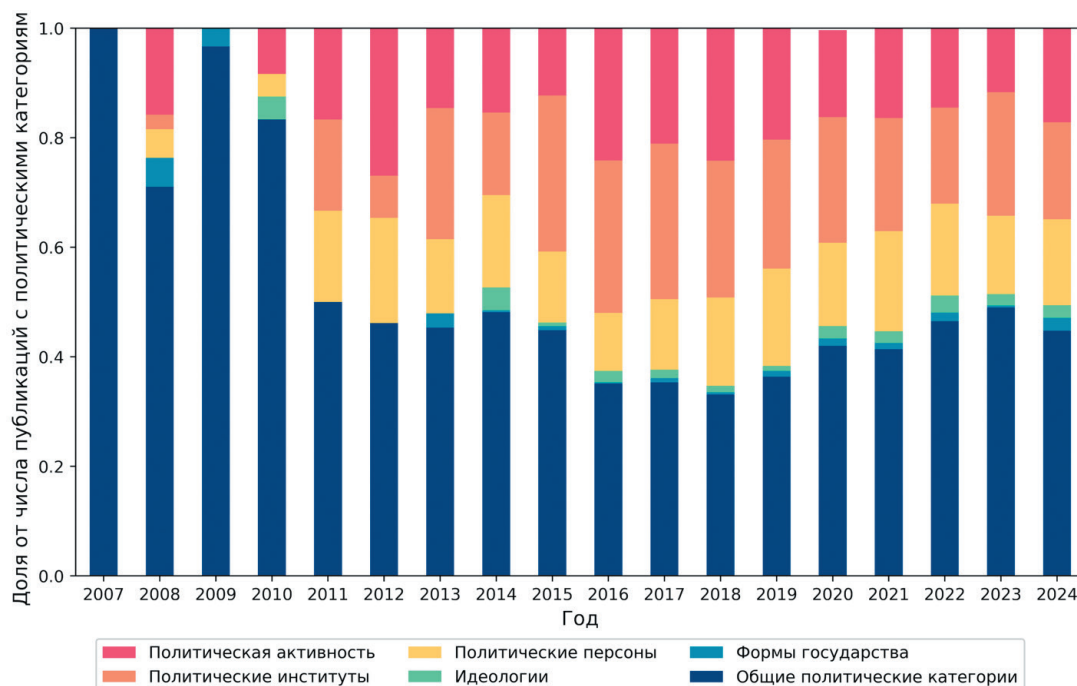

Рис. 2. Динамика долей групп политических категорий

Источник: составлено А.А. Бабкиным по результатам исследования.

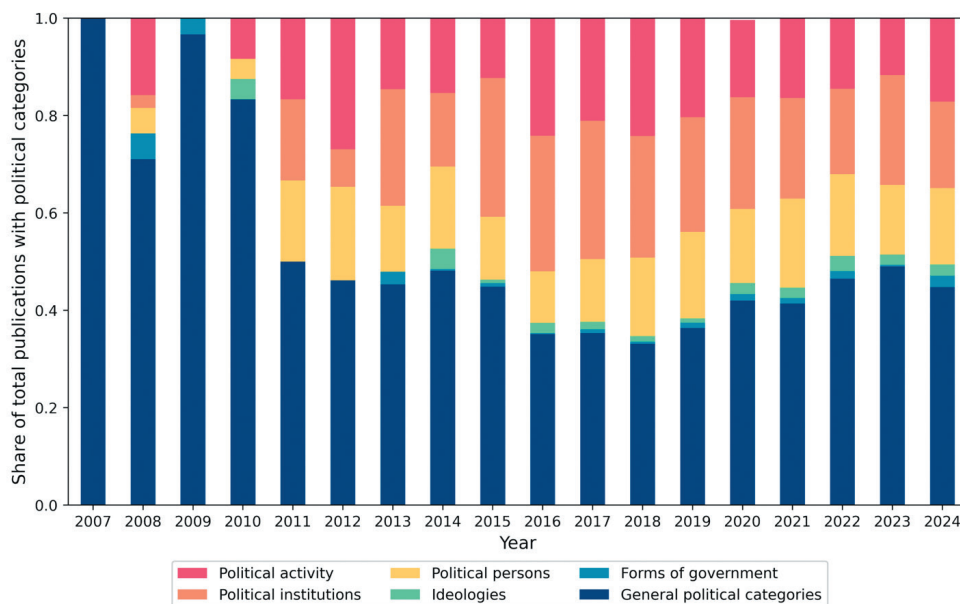

Figure 2. Dynamics of shares of groups of political categories

Source: compiled by A.A. Babkin based on the results of the research.

Период с 2012 по 2015 г. характеризуется увеличением доли публикаций с политическими категориями, их размера и более широкой представленностью групп категорий. В это время на платформе ВКонтакте в Волгограде происходит расцвет групп территориально общественного самоуправления (далее ТОС). Данные соседские объединения являются непосредственными институтами низовой демократии, которые самостоятельно занимаются вопросами благоустройства своей территории. Эту функцию они выполняют, в том числе взаимодействуя с органами власти различных уровней. Из этого следует, что при принятии и реализации решений в коммуникации соседей будут присутствовать политические категории. Так, в корпусе публикаций с политическими категориями за указанный период на долю ТОСов приходится около 55 % публикаций, где в среднем доля каждой группы «политическая активность», «политические персоны» и «политические институты» по упоминанию ключей равнялась 20 %. Контекст их использования можно обобщить до следующих тем: работа внутренних органов ТОС, взаимодействие с органами и представителями местной власти, участие в гражданских инициативах, участие в локальных мероприятиях, преимущественно патриотических.

Среди иных, явно выделяющихся соседских сообществ по числу публикаций можно выделить сообщества микрорайонов. На три сообщества «Спартановка», «Тулака» и «Родниковая долина» совокупно приходится 25 % публикаций в указанный период. Объяснения этому могут находиться в числе участников сообщества: при повышении размера сообщества повышается вероятность нахождения политизированных персон, которые будут готовы инициировать обсуждение. Общие тематические линии употребления политических категорий

среди не ТОСовских сообществ сводятся к вопросам благоустройства территории и взаимодействия об этом с представителями власти, участию в домовых собраниях, местных праздниках, а также кооперации соседей в новостройках.

Период с 2016 по 2020 г. характеризуется наиболее высокой долей публикаций с политическими категориями, а также всплеском доли группы «политическая активность». Указанные изменения обусловлены активностью обманутых дольщиков. В отличие от ранее указанных объединений они организованы не в силу практикующегося соседства, а ради коллективного отстаивания своих прав за возможность проживать в своем доме. При условии, что сообщества ТОСов и микрорайонов продолжали свое функционирование, доля публикаций сообществ дольщиков в корпусе публикаций с политическими категориями за указанный период составляет 39,82 %. Наиболее упоминаемыми ключевыми словами в данных сообществах были «суд» — 163 публикации и «администрация» — 144 публикации, которые выступали площадками отстаивания своих прав, а также «митинг» — 107 публикаций, как форма привлечения внимания к своей проблеме. В группе «политические персоны» чаще упоминался «губернатор», который участвовал в решении данных проблем. Дополнительными темами, фигурировавшими в обсуждениях, были подготовка видеообращений и писем, в том числе адресованных президенту, участие в подписании петиций и акциях, связанных не только с их «домом», но и проблемами дольщиков всей страны. Впоследствии проблемы со стройкой домов были решены и в конечном счете были сданы, а активность данных сообществ упала.

Период с 2021 г., за исключением не полного 2024 г., характеризуется понижающейся долей использования политических категорий. Возможно это связано переходом соседской коммуникации на платформы чатов, которые имеют иной фрейм взаимодействия между пользователями. Стандартное отклонение среди групп по отношению к другим периодам было минимальным. Это дает основание предположить об установлении репертуара освещающихся соседских действий, которые представлены работой органов самоуправления, встречами с представителями власти и участием в локальных мероприятиях. Также происходит повышение долей групп «политические персоны» и «политические институты».

Это обусловлено несколькими причинами. Участие сообществ ТОСов в президентских грантах повышало частоту упоминания категории «президент». Включение микрорайонных сообществ в информационную сеть, освещающую деятельность региональной власти, как следствие повышает частоту упоминаний. Об этом сигнализирует публицистический стиль сообщений, в которых упоминаются губернатор и администрация.

Заключение

В статье продемонстрирована возможность масштабного выявления и анализа соседских онлайн-сообществ в городской среде на основе цифровых следов из социальной сети «ВКонтакте». Разработанная методика, включающая создание словаря ключевых слов, автоматический поиск, очистку и агрегацию

гиперлокальных групп, обеспечивает воспроизводимый подход к формированию корпуса для политологического анализа.

На практике показано, что универсальные словари планировочных единиц и форм объединений охватывают до 90 % релевантных сообществ, а дополнительное использование урбанонимов, извлеченных из наименований групп, позволит расширить число групп, входящих в состав уже выявленных сообществ, без привлечения внешних источников. Применение методики позволило сформировать корпус публикаций, охватывающий 17 лет локального взаимодействия, и выявить случаи использования политических категорий. Результаты показывают, что даже при относительно низкой доле политических сообщений соседские сообщества функционируют как инфраструктура низовой политики. ТОСы, дольщики и микрорайонные группы становятся точками концентрации локального участия, направленного на решение конкретных проблем через взаимодействие с органами власти.

При этом в публикациях доминируют упоминания исполнительной власти — она упоминается значительно чаще, чем институты представительства или идеологические категории. Это указывает на восприятие власти прежде всего как инстанции, непосредственно отвечающей за решение любых проблем. Политическая артикуляция в этих сообществах сосредоточена преимущественно на практических действиях и локальных вопросах, тогда как обсуждение более абстрактных — «высоких» — тем, таких как устройство государства, идеологии или политические ценности, практически отсутствует. Всё это подтверждает тенденцию локализации гражданской активности и закреплению участия преимущественно в границах микроуровня — двора, дома, района.

Снижение доли политических публикаций в последние годы может быть связано с платформенным сдвигом — частичным переходом соседской коммуникации в мессенджеры, где меняется характер коммуникации и повседневные практики участия. Это открывает перспективу для кроссплатформенных исследований, способных выявить различия в формах локального участия.

Поступила в редакцию / Received: 02.04.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 18.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 19.04.2025

Библиографический список

- Абрамов Р.Н. Коммунальные конфликты и соседские сообщества в новых пригородах: опыт кейс-стади // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса. 2017. С. 280–297.
- Голодова А.Д., Михеева И.А., Речкунова Е.Р. Геттоизация отдельных районов Волгограда на примере Бекетовки и Нижнего Тракторного // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 4–1 (79). С. 62–66. EDN: SDLMZX
- Деточенко Л.В. «Линейный» город: историко-географические особенности территориальной организации, хозяйственной и транспортной составляющих (на примере

- Волгограда) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Биология. Науки о Земле». 2018. № 28 (2). С. 200–210.
- Каранов Д.П. Факторы консолидации локальных сообществ спальных микрорайонов (на примере пригорода Санкт-Петербурга) // Символ науки. 2022. № 5–1. С. 88–91.
- Мордвинова П.А. Городские и районные паблики «ВКонтакте» как новые медиа // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 3 (20). С. 1–10.
- Ненько А.Е., Недосека Е.В. Ценности городской среды в дискурсе соседских онлайн-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 25 (1). С. 217–251. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8> EDN: XFXHSL
- Сумская А.С. Социальные сети как инструмент вовлечения в неvirtуальную (реальную) активность (на примере открытой группы социальной сети «ВКонтакте» «За сохранение березовой рощи в 18 мкр Челябинска») // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. № 1 (9). С. 19–25.
- Чернышева Л., Гизатуллина Э. «ВКонтакте» с соседями: черты и практики гибридного соседствования в большом жилом комплексе Санкт Петербурга // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2021. № 2. С. 39–71. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71> EDN: LCUBQU
- Чернышева Л.А., Запорожец О.Н. Цифровые платформы и мобилизация горожан: как локальность переопределяет коннективное действие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4 (176). С. 124–148. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2352> EDN: EIVNRC
- Egger R., Yu J. A topic modeling comparison between LDA, NMF, Top2Vec, and bertopic to demystify twitter posts // *Frontiers in sociology*. 2022. No. 7. P. 886498. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.886498> EDN: AICULW
- Erete S.L. Engaging around neighborhood issues: How online communication affects offline behavior // *Proceedings of the 18th ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work & Social Computing*. 2015. P. 1590–1601. <https://doi.org/10.1145/2675133.2675182>
- Hampton K.N. Grieving for a lost network: collective action in a wired suburb special issue: ICTs and community networking // *The Information Society*. 2003. Vol. 19, no. 5. P. 417–428. <https://doi.org/10.1080/714044688>
- López C., Farzan R., Lin Y.R. Engaging neighbors: The double-edged sword of mobilization messaging in hyper-local online forums // *Proceedings of the 28th ACM Conference on Hypertext and Social Media*. 2017. P. 255–264.
- Mohotti W.A. Unsupervised text mining: effective similarity calculation with ranking and matrix factorization. Doctoral dissertation. Queensland. 2020. <https://doi.org/10.5204/thesis.eprints.199456>
- Rogers E.M., Collins-Jarvis L., Schmitz J. The PEN Project in Santa Monica: Interactive communication, equality, and political action // *Journal of the American Society for Information Science*. 1994. Vol. 45, no. 6. P. 401–410. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1097-4571\(199407\)45:6<401::aid-asi6>3.0.co;2-n](https://doi.org/10.1002/(sici)1097-4571(199407)45:6<401::aid-asi6>3.0.co;2-n)

References

- Abramov, R.N. (2017). Kommunal'nye konflikty i sosedskie soobshhestva v novykh prigorodakh: opyt kejs-stadi. *Social'nye i prostranstvennye izmereniya sovremennogo megapolisa*, 280–297. (In Russian).
- Chernysheva, L., & Gizatullina, Je. (2021). VKontakte and the Neighbors: Features and Practices of Hybrid Neighboring in a Large Housing Estate in Saint Petersburg, Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 13(2), 39–71. (In Russian). <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-39-71> EDN: LCUBQU

- Chernysheva, L.A., & Zaporozhets, O.N. (2023). Digital Platforms and Urban Mobilizations: How Locality Redefines Connective Action. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, 124–148. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2352> EDN: EIVNRC
- Detochenko, L.V. (2018). “Linejnyj” gorod: istoriko-geograficheskie osobennosti territorial’noj organizacii, hozjajstvennoj i transportnoj sostavljajushhih (na primere Volgograda). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija “Biologija. Nauki o Zemle”*, 28(2), 200–210. (In Russian).
- Egger, R., & Yu, J. (2022). A topic modeling comparison between LDA, NMF, Top2Vec, and bertopic to demystify twitter posts. *Frontiers in sociology*, 7, 886498. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2022.886498> EDN: AICULW
- Erete, S.L. (2015). Engaging around neighborhood issues: How online communication affects offline behavior. *Proceedings of the 18th ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work & Social, Computing*, 1590–1601. <https://doi.org/10.1145/2675133.2675182>
- Golodova, A.D., Miheeva, I.A., & Rechkunova, E.R. (2023). Gettoizacija otdel’nyh rajonov Volgograda na primere Beketovki i Nizhnego Traktornogo. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, (4–1), 62–66. (In Russian). EDN: SDLMZX
- Hampton, K.N. (2003). Grieving for a lost network: collective action in a wired suburb special issue: ICTs and community networking. *The Information Society*, 19(5), 417–428. <https://doi.org/10.1080/714044688>
- Karanov, D.P. (2022). Faktory konsolidacii lokal’nyh soobshhestv spal’nyh mikrorajonov (na primere prigoroda Sankt-Peterburga). *Simvol nauki*, (5–1), 88–91. (In Russian).
- López, C., Farzan, R., & Lin, Y.R. (2017). Engaging neighbors: The double-edged sword of mobilization messaging in hyper-local online forums. *Proceedings of the 28th ACM Conference on Hypertext and Social Media*, 255–264.
- Mohotti, W.A. (2020). *Unsupervised text mining: effective similarity calculation with ranking and matrix factorization* (Doctoral dissertation). Queensland University of Technology. <https://doi.org/10.5204/thesis.eprints.199456>
- Mordvinova, P.A. (2023). Gorodskie i rajonnye pabliki “Vkontakte” kak novye media. *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika*, 20, 1–10. (In Russian).
- Nenko, A., & Nedoseka, E. (2022). Tsennosti gorodskoy sredy v diskurse sosedskikh onlayn-soobshchestv. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 25(1), 217–251. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.8> (In russian). EDN: XFXHSL
- Rogers, E.M., Collins-Jarvis, L., & Schmitz, J. (1994). The PEN Project in Santa Monica: Interactive communication, equality, and political action. *Journal of the American Society for Information Science*, 45(6), 401–410. [https://doi.org/10.1002/\(sici\)1097-4571\(199407\)45:6<401::aid-asi6>3.0.co;2-n](https://doi.org/10.1002/(sici)1097-4571(199407)45:6<401::aid-asi6>3.0.co;2-n)
- Sumskaja, A.S. (2012). Social’nye seti kak instrument vovlechenija v nevirtual’nuju (real’nuju) aktivnost’ (na primere otkrytoj gruppy social’noj seti “Vkontakte” “Za sohranenie berezovoj roshhi v 18 mkr Cheljabinska”). *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, (1), 19–25. (In Russian).

Сведения об авторе:

Бабкин Александр Александрович — аспирант департамента политики и управления факультета социальных наук. НИУ Высшая школа экономики (e-mail: s4p4@yandex.ru) (ORCID: 0009-0004-1491-9517)

About the author:

Alexander A. Babkin — postgraduate student at the Department of Politics and Management of the Faculty of Social Sciences. HSE University (e-mail: s4p4@yandex.ru) (ORCID: 0009-0004-1491-9517)

ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ DIGITAL SOVEREIGNTY

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542
EDN: NJLOLX

Научная статья / Research article

Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования

С.В. Володенков^{1,2} , С.Н. Федорченко^{1,2}

¹ Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 s.v.cyber@gmail.com

Аннотация. В условиях глобальных технологических трансформаций цифровой коммуникационной сферы актуализируется проблема обеспечения цифрового суверенитета современного государства. Особо важное значение данная проблема имеет в сфере общественно-политических коммуникаций, характеризующейся значительным потенциалом воздействия на массовое сознание и трансформации традиционных духовно-нравственных и ценностно-смысловых основ жизнедеятельности государства и общества. Дополнительную значимость обозначенная проблема приобретает для России, находящейся в настоящее время в ситуации геополитического противостояния с коллективным Западом, многие страны которого являются технологически развитыми державами, претендующими на доминирующую роль в цифровом пространстве. Авторами изучены актуальные практики цифровизации в различных государствах мира, а также проведено международное экспертное исследование, на основе анализа результатов которого было сделано несколько ключевых выводов относительно содержания, структуры и степени универсальности моделей обеспечения суверенитета цифрового пространства общественно-политических коммуникаций. По итогам работы авторы приходят к выводу о том, что процессы суверенизации в современных государствах обладают национальной спецификой, что ставит вопрос о необходимости разработки модели цифровой суверенизации

© Володенков С.В., Федорченко С.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

на основе национальных особенностей и в современной России. Кроме того, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что цифровой суверенитет пространства общественно-политических коммуникаций представляет собой единую систему взаимосвязанных между собой инфраструктурных, коммуникационных, технологических, кадровых, компетентностных, управленческих и содержательных (ценностно-смысловых) компонентов, обеспечивающих в своем единстве, достигаемом при помощи национального законодательства и практик его реализации, независимое и успешное функционирование в национальных интересах общественно-политической сферы жизнедеятельности современного государства в цифровом пространстве. Выявленные в ходе исследования ключевые компоненты системы цифрового суверенитета национального пространства общественно-политических коммуникаций могут быть положены в основу разработки собственной модели цифровой суверенизации современной России.

Ключевые слова: суверенизация цифровой коммуникации, цифровые общественно-политические коммуникации, цифровая колонизация, цифровой суверенитет России

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта «FZNF-2024-0006 — Суверенная модель стратегического развития цифровых общественно-политических коммуникаций в современной России: ключевые потенциалы и сценарии формирования» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Володенков С.В., Федорченко С.Н. Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 520–542. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542>

The Sovereignty of the Digital Space of Socio-Political Communications in Contemporary Russia and Its Key Components: Evidence from Expert Research

Sergey V. Volodenkov^{1,2} , Sergey N. Fedorchenko^{1,2}

¹ State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 s.v.cyber@gmail.com

Abstract. In the context of global technological transformations in the digital communication sphere, ensuring the digital sovereignty of a contemporary state is becoming increasingly urgent. This problem is of particular importance in the sphere of socio-political communications, which is characterized by its significant potential to influence mass consciousness and transform the traditional spiritual and moral foundations of state and society. The identified problem acquires additional significance for Russia, which is currently in a geopolitical confrontation with the collective West, many of whose countries are technologically advanced powers claiming

a dominant role in the digital space. The authors studied current digitalization practices in various countries of the world and also conducted an international expert study, based on the analysis of the results of which several key conclusions were made regarding the content, structure, and degree of universality of models for ensuring the sovereignty of the digital space of socio-political communications. Based on the results of the study, the authors conclude that sovereignization processes in modern states have national specificity, which raises the question of the need to develop a model of digital sovereignization based on national characteristics in contemporary Russia. In addition, the results of the study allow us to conclude that the digital sovereignty of the space of socio-political communications is a single system of interconnected infrastructural, communication, technological, personnel, competence, management and content (value-semantic) components that ensure in their unity, achieved with the help of national legislation and practices of its implementation, independent and successful functioning in the national interests of the socio-political sphere of life of a modern state in the digital space. The key components of the digital sovereignty system of the national space of socio-political communications identified in this study can be used as a basis for developing our own model of digital sovereignty for contemporary Russia.

Keywords: sovereignization of digital communication, digital socio-political communications, digital colonization, digital sovereignty of Russia

Acknowledgements. The study was carried out at the State Academic University for the Humanities within the framework of the project @FZNF-2024-0006 ‘Sovereign model of strategic development of digital socio-political communications in the contemporary Russia: key potentials and scenarios of formation’ with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research”.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Volodenkov, S.V., & Fedorchenko, S.N. (2025). The sovereignty of the digital space of socio-political communications in contemporary Russia and its key components: Evidence from expert research. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 520–542. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542>

Введение

Дискуссия вокруг проблемы суверенизации цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в России перешла в активную фазу в 2019 г., когда эксперты, представители академического сообщества и политики стали обсуждать поправки к федеральным законам «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и «О связи», ставших более известными в обществе как «закон о суверенном Интернете»¹. Несмотря на неоднозначность первой реакции в обществе на правительственный нарратив по цифровой суверенизации, следует признать, что данная проблема возникла не на пустом месте и была связана с осложнением геополитической обстановки,

¹ Официальное название этого документа, вступившего в силу с 1 ноября 2019 г., — № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О связи“ и Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“».

усилением санкционного давления на Россию и осознанием властью тех очевидных вызовов, рисков и угроз, которые несли данные процессы в аспекте технологической зависимости страны от зарубежных разработок, компьютерных программ, алгоритмов, оборудования, интеллектуальных приложений и сервисов. Определенные опасения стал вызывать и потенциал воздействия цифровой или вычислительной пропаганды на массовое сознание [Володенков 2024]. В этой связи российские политологи начали отличать «внутреннюю» суверенизацию от «внешней» суверенизации, связывая с первой развитие и динамику роста собственного сегмента Интернета, а со второй вызовы со стороны западных государств, в том числе США [Ваховский 2019]. Более качественно и детально соотнести внешнюю и внутреннюю сторону цифровой суверенизации позволяет ойкуменный подход, выделяющий особую цифровую ойкумену государства — систему из корпораций, информационных агентств, телевидения, радио, осуществляющих медийную активность за пределами страны с целью защиты и позиционирования интересов, ценностно-цивилизационной, экономической и политической повестки создавших их государств [Федорченко 2023]. Но какие конкретные потенциалы и вызовы связывают исследователи с вопросом суверенитета пространства цифровых общественно-политических коммуникаций и определением его ключевых компонентов?

«Закон о суверенном Интернете» предоставил властям право блокировать интернет-ресурсы, давая возможность противодействовать откровенно антироссийской, радикально-политической и экстремистской цифровой пропаганде. Важной и необходимой новацией стала политика приоритетного использования российских технологий в функционировании государственных органов власти. Фактически закон акцентировал политический курс на обеспечение безопасности российских цифровых коммуникаций посредством создания резервной инфраструктуры [Жуков, Шугунов 2020]. Потенциалы суверенизации виделись в предоставлении россиянам бесперебойного доступа к цифровым коммуникациям в случае негативного сценария полного отключения России от Интернета.

Рассматривая проблему суверенного Интернета, российский политолог Л.В. Сморгунув связывает ее с рисками двух форм цифровой управляемости — контролем снизу, между самими участниками горизонтальных коммуникаций (*sousveillance*) и контролем сверху (*surveillance*). Контроль сверху возникает в связи с необходимостью регулирования интернет-пространства, проявляясь в способности государств, крупных технологических корпораций обрабатывать огромные массивы данных, переходя в некоторых случаях к дисциплинарным практикам в понимании Мишеля Фуко и корректировке поведения. Вместе с тем контроль снизу относится к практикам самоцензуры, социального контроля и самонаблюдения, при которых человеческое поведение начинает зависеть от представителей цифровой общественности. Контроль снизу и контроль сверху формируют риски для внутреннего и внешнего пространства существования современного человека [Сморгунов 2019].

Некоторые авторы, анализируя процессы цифровой суверенизации, определяют те государства (Россию, Китай, Иран), которые стремятся

создавать суверенные цифровые общественно-политические коммуникации в качестве сторонников некоего кибернационализма (cybernationalism) [Beserra, Waisbord 2021]. Однако с такой позицией согласны не все исследователи, рассматривая процесс суверенизации цифровой коммуникации как ответ на вызовы цифровой колонизации со стороны крупных транснациональных технологических корпораций (Microsoft, Apple, IBM и др.) и стоящих за ними государств (США, Австралия и др.) [Mann, Daly 2019].

Так, сотрудник Йельского университета и известный исследователь в области цифровой колонизации М. Квет выделяет три формы современной цифровой власти [Kwet 2019], за которые происходит борьба государств и корпораций: контроль над сетевым подключением (протоколы, стандарты, отношение интернет-провайдеров к трафику, контенту); контроль над оборудованием (аппаратным обеспечением); контроль над программным обеспечением (ограничение пользовательского опыта посредством инструкций, правил публикационной политики).

Следовательно, разработка и поэтапное внедрение российской модели цифровых общественно-политических коммуникаций должно стать ответом на вызовы цифровой колонизации, к которой авторы [Бучинская 2024] относят специфическую активность крупных технологических корпораций по продвижению выгодной их заказчикам медийной повестки, контролю социальных сетей, корректировке пользовательского выбора, экспорту оборудования и программных продуктов, анализу «цифровых следов».

Потенциал внедрения российской модели цифровых общественно-политических коммуникаций видится и в способности государства предотвращать деструктивное влияние зарубежных государств на социальную калибровку (social calibration) — восприятие людьми распространенности мнений в обществе, которая в настоящее время активно осуществляется технологическими корпорациями. Вызовы заключаются в формировании внешними политическими интересантами через корпоративные цифровые платформы эффектов «ложного консенсуса» по общественно значимым вопросам и «иллюзии большинства» [Kozyureva, Lewandowsky, Hertwig 2020]. Дизайн суверенной модели цифровых коммуникаций не должен игнорировать и вызовы постправды, циркуляции «альтернативных фактов», распространения опасных слухов, дезинформации, фейковых новостей, способных разрушить доверие общества к абсолютно любой информации. Помимо этого, суверенная модель должна решить вопрос доминирования западных принципов технологий управления поведением, лежащих в большинстве цифровых экосистем, — постоянного привлечения и отвлечения внимания, формирования эффекта привыкания, ослабляющих способности людей к самоконтролю и концентрации внимания [Там же].

Суверенизация российских цифровых коммуникаций должна также включать, во-первых, параметры защиты территориальной целостности, независимости страны и, во-вторых, не препятствовать развитию гражданского общества, охране прав и свобод человека [Даниленков 2017]. Кроме того, конструирование суверенной цифровой экосистемы должно не просто включать альтернативные западным социальные сети и другие ресурсы,

посредством которых осуществляется общественно-политическая коммуникация, но и предполагать разработку и применение собственных алгоритмов, не уступающих зарубежным в аспектах эффективности, бесперебойности функционирования, удобства поиска, обработки крупных массивов данных, размещения и генерации контента, а также возможностей монетизации [Уртаева 2024].

На сегодняшний день существует ряд оснований полагать, что риски отключения России от Интернета как одного из элементов проектов по попытке изоляции нашей страны от мирового сообщества имеют под собой глубокие основания. Из-за подобных рисков конструирование автономного сегмента российских цифровых общественно-политических коммуникаций, по нашему мнению, оправданно и необходимо в целях защиты собственного суверенитета. В связи с этим А.В. Куликовский отмечает, что цифровая суверенизация России может означать уход от западных технологий и более тесную интеграцию с Китаем в плане сближения информационных политик двух государств. Вместе с тем цифровая суверенизация, по оценке автора, не исключает развитие коммуникаций России в рамках цифровых пространств ЕАЭС, БРИКС и ШОС. Тем более что Китай уже предлагал государствам БРИКС и ШОС разработать свою систему корневых серверов [Куликовский 2021]. Со своей стороны Россия также заинтересована в укреплении своего цифрового суверенитета посредством активного взаимодействия со странами — участницами БРИКС в рамках разработки альтернативных западным цифровых стандартов.

Таким образом, у формирующейся российской модели цифровой суверенизации вырисовываются определенные контуры, отличающие ее от других моделей. Рассмотрим перспективы трансформации отечественной модели представляется возможным через призму ойкуменного подхода, выделив в ней две составляющие ее части: 1) внутренний контур защиты суверенности — собственно российское цифровое пространство, формируемое отечественными технологическими корпорациями и государственным регулятором, и 2) внешний контур защиты суверенности — цифровую ойкумену, состоящую из совокупности корпораций, информационных агентств, осуществляющих медийную активность за пределами России. Другими словами, вариант создания цифровой ойкумены означает не реактивную киберизоляцию России от остального мира, а переход на активную модель развития цифрового суверенитета, предполагающую взаимодействие Рунета с цифровыми пространствами ЕАЭС, БРИКС и ШОС через общие цифровые стандарты, программные продукты, алгоритмы и системы кибербезопасности. Безусловно, это не означает снижения степени приоритетности развития собственного киберпространства и обеспечения его безопасности. Наоборот, приоритетность внутреннего контура российской модели цифровой суверенизации несомненна. Только внутренний контур способен обеспечить полноценное функционирование всех цифровых общественно-политических коммуникаций в условиях полного отключения от зарубежных технологий и ресурсов.

Представляется, что каждое государство, претендующее на цифровой суверенитет, будет пытаться создавать собственные модели, учитывающие национальную специфику. Не случайно российская модель цифровой суверенизации складывается параллельно с формированием иных подобного рода моделей. Китайская модель развивается на базе собственных нормативно-правовых актов и включает более серьезный уровень цензуры, фильтрации информации через программное обеспечение [Мельникова 2022], хотя также имеет все шансы создать собственную и довольно влиятельную цифровую ойкумену (достаточно вспомнить китайский проект «Цифрового Шелкового пути»). Сравнивая иранскую модель цифровой суверенизации с российской и китайской, можно отметить сходство в наличии правительственного курса на создание незападных аналогов цифровых технологий и коммуникаций [Hashemzadegan, Gholami 2022].

Тем не менее иранские компании не так активны на внешних рынках и пока не претендуют на формирование отдельной цифровой ойкумены Ирана, в том числе из-за значительного санкционного давления со стороны США и западных стран. Европейскую и латиноамериканскую модели цифровой суверенизации сближают признаки балансирования между американскими и китайскими крупными технологическими корпорациями. Принципиальным отличием европейской модели от латиноамериканской является наличие наднационального регулятора в цифровой сфере [Flonk, Jachtenfuchs, Obendiek 2024]. Хотя существует ряд исследований, усматривающих в латиноамериканской модели цифровой суверенизации хорошие перспективы в обретении самостоятельного, уникального пути развития [Lehuedé 2024], все же следует признать, что ЕС имеет гораздо больше возможностей в конструировании собственной цифровой ойкумены, чем разрозненные государства Латинской Америки, отказавшиеся от политики «цифрового девелопментализма» — создания местных цифровых коммуникаций и местных цифровых промышленных комплексов.

С большой осторожностью можно говорить о зарождении индийской модели цифровой суверенизации, импульс развитию которой дала политическая доктрина *Atmanirbhar Bharat* (Самодостаточная или Независимая Индия) правительства Нарендры Моди. Модель также базируется на местном законодательстве, касающемся Интернета, программе «Digital India» (нацеленной на создание собственной цифровой инфраструктуры) и программе «Make in India» (продвигающей местное IT-производство). Индия также практикует запрет приложений, которые получают данные без согласия пользователей. А индийские исследователи из Университета Джавахарлала Неру, которые в последнее время внимательно изучают как российский, так и китайский пути цифровой суверенизации, отмечают риски для страны из-за американских технологических корпораций и устарелости индийского законодательства, связанного с киберсферой [Gupta, Sony 2021]. Эволюция политической доктрины *Atmanirbhar Bharat* видна и на примере появления дискурса о «суверенном искусственном интеллекте» («sovereign AI»). Индийское

правительство ориентировано на создание национальных цифровых платформ обмена данными, доступных только для индийских стартапов и нацеленных на развитие собственных систем искусственного интеллекта (проект India Datasets Platform). В 2023 г. индийские власти осуществили запуск платформы для облачных вычислений AI Research Analytics and Knowledge Distribution Platform (AIRAWAT) [Panday, Samdub 2024]. Примечательно, что складывающаяся индийская модель старается учитывать традиции — богатое языковое и этническое разнообразие страны. Не исключено, что российская модель цифровой суверенизации может также опереться на свои традиционные ценности, используя разработки в области искусственного интеллекта для сохранения и развития языков и культур многонациональной России.

Обнаруженный в академическом дискурсе контур научной проблемы позволяет определить в качестве основной цели данного исследования выявление ключевых потенциалов и вызовов суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций в современной России.

Методология

С целью конкретизации ключевых потенциалов и вызовов суверенизации цифровых общественно-политических коммуникаций в современной России авторами статьи был организован и проведен исследовательский проект — международный экспертный опрос «Суверенная модель стратегического развития цифровых общественно-политических коммуникаций в современной России: ключевые потенциалы и сценарии формирования». На открытые и закрытые вопросы анкеты в сентябре-октябре 2024 г. ответил 31 эксперт — представители академической среды из Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Республики Беларусь, Сербии и Республики Узбекистан. Процедура обработки данных предполагала следующие шаги: во-первых, полученные первичные количественные данные проходили процедуру комплексирования, во-вторых, качественные оценки были использованы для формирования комплексной аргументации количественных результатов исследования.

Итоги экспертного исследования

В рамках проведенного исследования одной из его задач стало определение ключевых коммуникационных компонент цифрового суверенитета, имеющих стратегическое значение для развития общественно-политической сферы жизнедеятельности современного государства.

В целом цифровой суверенитет, по мнению участников исследования, имеет стратегическое значение для устойчивого функционирования общественно-политической сферы жизнедеятельности современного государства и общества и приобретает особую актуальность в условиях глобализации и развития цифровых технологий. Эксперты выделили несколько ключевых

коммуникационных составляющих, которые оказывают непосредственное влияние на суверенное развитие общественно-политической жизни.

Однако в качестве основы «сборки» этих составляющих в единую систему, в рамках которой все ее элементы реализуются одновременно и во взаимосвязи друг с другом, большинство участников экспертного опроса отметили необходимость выработки государством стратегии продвижения национальных интересов в цифровом пространстве, включающей в себя четкое просоциальное определение стратегических целей и задач информационно-коммуникационной деятельности в цифровом пространстве общественно-политических коммуникаций, самостоятельную концептуализацию ключевых понятий и терминов в области цифрового суверенитета, системное национально ориентированное нормативно-правовое обеспечение информационно-коммуникационной деятельности в цифровом пространстве, определение стратегических ценностно-смысловых нарративов для их комплексной трансляции в цифровом пространстве, а также определение системы стратегически значимых ключевых компетенций и навыков, необходимых для реализации поставленных целей и задач цифровой информационно-коммуникационной деятельности.

Если же говорить о конкретных составляющих цифрового суверенитета в сфере общественно-политических коммуникаций, то эксперты выделили главные из них:

- ***национальные цифровые платформы и алгоритмы для взаимодействия граждан и политических акторов.*** Многие эксперты подчеркивают важность разработки национальных цифровых платформ и социальных сетей, которые позволяют государству и гражданам взаимодействовать напрямую, минуя посредников. Алгоритмы и цифровые платформы создают возможности для политической коммуникации, что позволяет использовать собственный политический язык и продвигать национальные ценностно-смысловые нарративы для населения страны без риска изоляции и блокировки за «неправильный» контент со стороны внешних акторов, а также способствует активному участию граждан, общественных организаций и других представителей общественно-политической сферы в общественно-политической жизни страны.

Основные направления обеспечения:

- разработка национальных социальных сетей, видеохостингов, блог-платформ и мессенджеров для обмена информацией, защищенных от внешнего вмешательства и действующих в соответствии с национальным законодательством;
- разработка и обеспечение полноценного функционирования национальных платформ для политического участия граждан, включая элементы прямой демократии и электронного правительства (сюда эксперты включают платформы цифрового правительства, электронного голосования, системы регионального и муниципального управления, а также взаимодействия институтов политической власти и граждан);

- **контроль над национальными и цифровыми медиа и цифровыми информационными потоками** является, по мнению экспертов, ключевым аспектом цифрового суверенитета. Эксперты указывают на необходимость управления новостными порталами, национальными медиаплатформами и иными цифровыми площадками, обеспечивающими массовое потребление информации, что позволяет не только распространять просоциальную национально ориентированную в ценностно-смысловом аспекте информацию, но и противодействовать дезинформации, деструктивному манипулятивно-пропагандистскому воздействию в цифровом пространстве в целом, поддерживая стабильность и устойчивость общественно-политической сферы жизнедеятельности государства и общества.

Основные направления обеспечения:

- развитие национальных медиаплатформ для управления информационными потоками с участием государства (для исключения попыток приватизации функций государства в информационно-коммуникационной сфере);
- защита от кибератак и информационных угроз, включая борьбу с дезинформацией и предотвращение утечек критически значимой информации во внешнюю среду;
- **кибербезопасность и защита данных** рассматриваются экспертами как основа цифрового суверенитета в контексте общественно-политической коммуникации. Защита государственных и общественно значимых данных от кибератак, шпионажа и несанкционированного доступа, возможности и способности противодействия со стороны государства оппонентам в рамках ведения кибервойн являются, по мнению экспертов, стратегически важными задачами для суверенного развития современного государства.

Основные направления обеспечения:

- техническая автономия (собственная национальная инфраструктура) для обеспечения безопасности данных;
- технологическая автономия — разработка национальных технологий шифрования и систем киберзащиты;
- локализация и хранение персональных данных и национальных Big Data внутри страны для предотвращения их сбора и последующего применения в информационно-коммуникационных проектах внешних бенефициаров;
- **развитие национальных цифровых технологий, подготовку профессиональных кадров и формирование собственных цифровых компетенций**, которое эксперты также выделили в качестве значимых компонентов цифрового суверенитета. Данный компонент включает в себя создание суверенных цифровых сервисов и инфраструктур, создание национальных технологических научных школ, а также обучение специалистов, которые будут разрабатывать и поддерживать

цифровые системы. Конечным итогом реализации данного компонента должно стать не только создание собственных цифровых технологий, но и формирование достаточного пула экспертов, носителей знаний, навыков, компетенций, способных на системном уровне поддерживать разработку новых и развитие существующих технологических решений в интересах государства (как отмечают эксперты, на сегодняшний день среди представителей российской IT-индустрии в значительной степени распространены западные ценности и псевдолиберальные убеждения, что сказывается на итоговых характеристиках разрабатываемых продуктов) на уровне независимых национальных школ. При этом эксперты отмечают необходимость наличия цифровых компетенций не только у разработчиков и специалистов, но и государственных служащих и населения страны в целом для возможности их эффективного использования.

Основные направления обеспечения:

- разработка и развитие собственных национальных цифровых сервисов, таких как операционные системы, прикладное программное обеспечение, системы управления базами данных, навигационные системы, системы искусственного интеллекта и самообучаемые нейросети, инструменты для работы с Big Data и т.д.;
- создание и развитие национальных научных школ и подготовка на их основе высококвалифицированных профессиональных кадров в области цифровых информационно-коммуникационных технологий;
- формирование собственных профессиональных компетенций в сфере цифровых информационно-коммуникационных технологий и их активное внедрение в практику общественно-политических коммуникаций;
- **формирование всеобъемлющей и устойчивой системы цифровых каналов общественно-политической и массовой коммуникации.** Как отмечают эксперты, для социально-политической и общественной стабильности важными являются создание и поддержка функциональных каналов вертикальной и горизонтальной общественно-политической и массовой коммуникации. Данные каналы должны связывать государственные структуры, СМИ, общественные структуры и граждан в единую систему информационно-коммуникационного взаимодействия, обеспечивая двустороннюю политическую и социальную коммуникацию внутри страны, исключая вмешательство в нее внешних и внутренних акторов, преследующих деструктивные цели.

Основные направления обеспечения:

- создание и развитие конкурентоспособной (как в функциональном, так и в содержательном аспектах) национальной системы цифровых каналов массовой общественно-политической коммуникации для формирования просоциального восприятия политической реальности населением страны в соответствии с национальной системой традиционных духовно-нравственных ценностей и национальными интересами. Подчеркивая

необходимость обеспечения конкурентоспособности национальных цифровых каналов применительно к актуальным российским условиям, ряд экспертов отметил, что существующие российские каналы не всегда могут конкурировать с глобальными цифровыми платформами. Как заметил один из участников исследования, «пока я не наблюдаю ярко выраженного запроса аудитории на традиционный ценностно-смысловой контент. А в существующих отечественных «предложениях» больше преобладают архаичные или не очень умело созданные мифологические и идеологические конструкции»;

- развитие системы каналов цифрового информационно-коммуникационного взаимодействия между государственными институтами, общественными организациями и гражданами. Создание действенных цифровых механизмов политической дискуссии и политического участия посредством цифровых платформ;
- ***содержательная компонента цифрового суверенитета, заключающаяся в пропаганде национальных ценностей, продвижении национальных просоциальных нарративов через цифровые каналы и контроле над их содержанием.*** Эксперты отмечают важность формирования ценностно-смысловых компонент и концептуализации содержания информационно-коммуникационной работы в цифровом пространстве, которое должно отражать национальные идеи и интересы, а также содержательного противодействия деструктивному информационно-коммуникационному влиянию. В противном случае даже при наличии суверенных каналов их функциональность будет находиться на низком уровне в аспекте возможностей использования национальной цифровой информационно-коммуникационной инфраструктуры в просоциальных целях в соответствии с национальными интересами.

Основные направления обеспечения:

- формирование просоциальной и национально ориентированной повестки в социальных сетях и медиаплатформах посредством генерации соответствующего контента;
- продвижение национальных идей, смыслов и ценностей посредством трансляции соответствующего контента в собственном цифровом пространстве;
- ***повышение цифровой грамотности населения и обеспечение активного участия граждан в общественно-политической жизни в цифровом пространстве.*** Развитие цифровой грамотности граждан является важной частью стратегии по обеспечению цифрового суверенитета. Эксперты считают, что чем больше граждане понимают цифровую сферу и особенности просоциального коммуницирования в ней, тем больше они могут эффективно и гармонично участвовать в общественно-политической жизни и тем лучше они защищены от манипуляций и дезинформации.

Основные направления обеспечения:

- повышение цифровой грамотности населения страны, его осознанности в процессах информационного потребления, формирование критического восприятия информации массами. Это возможно осуществить как через включение соответствующих дисциплин в систему школьной, профессиональной и академической подготовки молодежи, так и посредством реализации масштабных национальных просветительских проектов для ключевых групп населения страны;
- защита от дезинформации и повышение качества цифрового ценностно-смыслового контента, используемого для формирования коллективной идентичности, национального самоуважения, исторической памяти, целеполагающих идей, а также поддержания в актуальном состоянии традиционных духовно-нравственных ценностей;
- управляемая и контролируемая со стороны государственных и общественных структур долгосрочная политическая социализация молодежи в цифровом пространстве, отвечающая национальным интересам.

Таким образом, по итогам исследования на основе анализа и комплексирования экспертных мнений мы можем определить ключевые компоненты цифрового суверенитета общественно-политических коммуникаций, охватывающие ключевые аспекты процессов суверенизации пространства общественно-политических коммуникаций современного государства.

К числу таких компонентов мы можем отнести технологическую автономию, подразумевающую наличие и функциональное развитие независимой национальной цифровой инфраструктуры, наличие национальных цифровых технологий, подготовку профессиональных кадров и формирование собственных цифровых компетенций, наличие национальной системы цифровых каналов общественно-политической и массовой коммуникации, включая национальные цифровые платформы, видеохостинги, блог-платформы, мессенджеры и алгоритмы для взаимодействия государственных и общественно-политических акторов, а также граждан, возможность осуществления полноценного контроля над такой системой каналов общественно-политической коммуникации со стороны государства.

При этом даже наличие независимой инфраструктуры, каналов коммуникации, технологий не гарантирует наличия цифрового суверенитета, если генерируемый и транслируемый в цифровом пространстве общественно-политический контент не отвечает национальным интересам и не является конкурентоспособным по отношению к существующим внешним цифровым площадкам и сервисам.

В связи с этим в качестве важных компонентов цифрового суверенитета общественно-политических коммуникаций эксперты также выделили содержательную составляющую цифрового суверенитета, заключающуюся в создании и продвижении собственного качественного контента, отражающего национальные ценности и смыслы, способствующего продвижению национальных просоциальных нарративов.

Применительно к России подавляющее число участников исследования отметили, что государство, а также общественные организации должны обеспечивать на системном уровне трансляцию традиционных духовно-нравственных ценностей в цифровом сегменте пространства общественно-политических коммуникаций (рис. 1). Заметим, что наиболее высокие оценки такой необходимости были даны зарубежными экспертами, в то время как ряд представителей отечественного академического сообщества был более осторожен в своих оценках.

Насколько необходима, на Ваш взгляд, трансляция в национальном российском сегменте цифрового пространства общественно-политических коммуникаций традиционных российских духовных и нравственных ценностей?

31 ответ

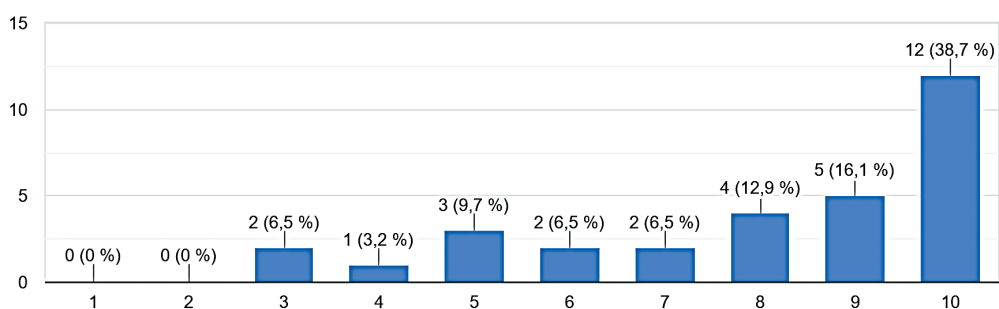

Рис. 1. Экспертная оценка необходимости трансляции в национальном сегменте цифрового пространства общественно-политических коммуникаций России традиционных духовно-нравственных ценностей (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 – абсолютно нет необходимости; 10 — абсолютно необходима в максимальной степени).

Источник: составлено С.В. Володенковым, С.Н. Федорченко по результатам исследования.

Figure 1. Expert assessment of the need to broadcast traditional spiritual and moral values in the national segment of the digital space of socio-political communications of Russia (quantitative assessment from 1 to 10 points: 1 — absolutely no need; 10 — absolutely necessary to the maximum extent)

Source: compiled by S.V. Volodenkov and S.N. Fedorchenko.

При этом особое внимание участники исследования обратили на то обстоятельство, что успешная суверенизация национального цифрового пространства общественно-политических коммуникаций возможна лишь при наличии ясной стратегии действий государства в цифровом пространстве, обеспечивающей взаимосвязанность и комплексность реализации всех аспектов цифрового суверенитета.

Таким образом, исходя из проведенного анализа экспертных позиций, мы можем определить, что *цифровой суверенитет пространства общественно-политических коммуникаций представляет собой систему*

инфраструктурных, коммуникационных, технологических, кадровых, компетентностных, управленческих и содержательных (ценностно-смысловых) компонентов, обеспечивающих в своем единстве, достигаемом при помощи национального законодательства и практик его реализации, независимое и успешное функционирование в национальных интересах общественно-политической сферы жизнедеятельности современного государства в цифровом пространстве (рис. 2).

Рис. 2. Модель цифрового суверенитета как системы взаимосвязанных между собою компонентов.
Источник: составлено С.В. Володенковым, С.Н. Федорченко по результатам исследования.

DIGITAL SOVEREIGNTY SYSTEM

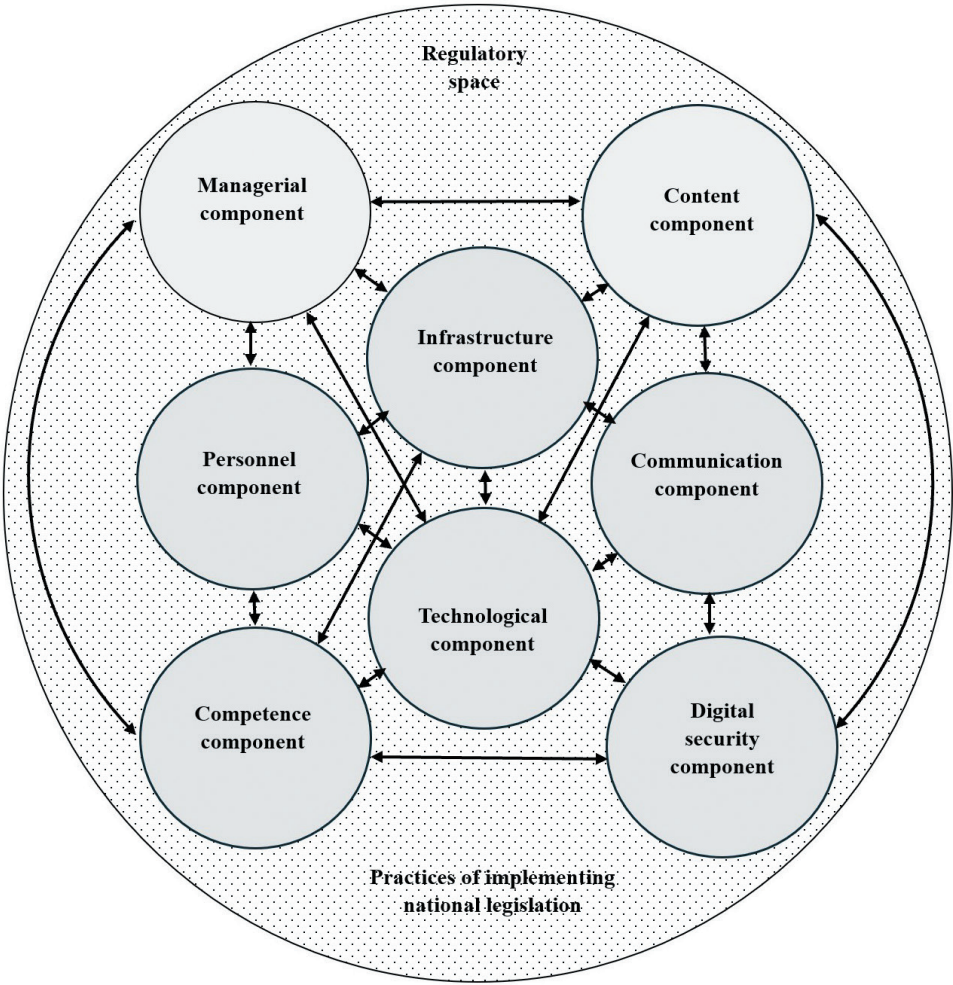

Figure 2. Model of digital sovereignty as a system of interconnected components
Source: compiled by S.V. Volodenkov and S.N. Fedorchenko.

При этом, исходя из экспертных позиций, мы можем сделать вывод о том, что большинство участников исследования оценивают актуальный уровень цифрового суверенитета в России как хотя и средний, но недостаточный (рис. 3), в том время как необходимость формирования собственной национальной модели суверенизации пространства общественно-политических коммуникаций экспертами оценивается как весьма высокая (рис. 4)², что позволяет говорить об актуальности и своевременности настоящей работы.

² Результаты исследования, представленные на рис. 1 и рис. 3, имеют явную корреляцию между собой, так как качественная и полноценная трансляция в цифровом пространстве общественно-политических коммуникаций традиционного духовно-нравственного контента напрямую зависит, по мнению участников исследования, от наличия и эффективности собственной суверенной модели стратегического независимого развития цифровых общественно-политических коммуникаций.

Существует ли в современной России цифровой суверенитет? Оцените степень его полноты и достаточности.

31 ответ

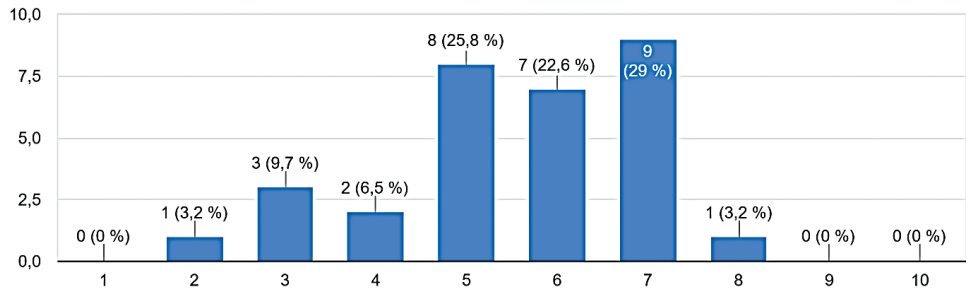

Рис. 3. Экспертная оценка степени полноты и достаточности цифрового суверенитета в России (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 — суверенитет в России абсолютно отсутствует; 10 — Россия обладает абсолютно полным и достаточным цифровым суверенитетом)

Источник: составлено С.В. Володенковым, С.Н. Федорченко по результатам исследования.

Figure 3. Expert assessment of the degree of completeness and sufficiency of digital sovereignty in Russia (quantitative assessment from 1 to 10 points: 1 — sovereignty in Russia is absolutely absent; 10 — Russia has absolutely complete and sufficient digital sovereignty)

Source: compiled by S.V. Volodenkov and S.N. Fedorchenko.

Пожалуйста, оцените, насколько необходима в современной России суверенная модель стратегического развития цифровых общественно-политических коммуникаций.

31 ответ

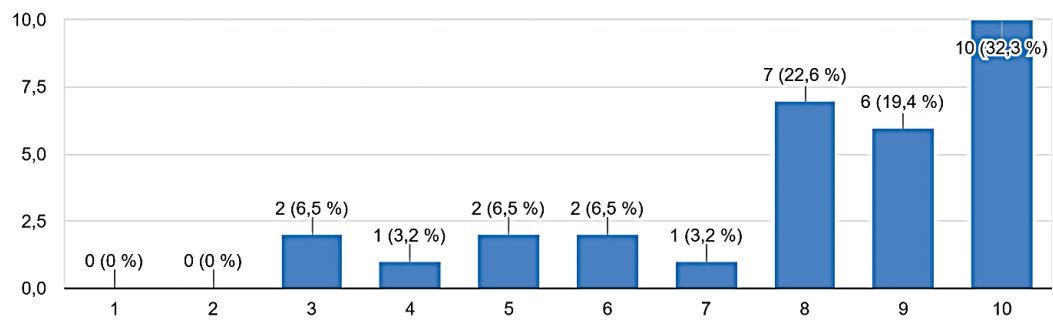

Рис. 4. Экспертная оценка необходимости разработки суверенной модели стратегического развития цифровых общественно-политических коммуникаций (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 — нет абсолютно никакой необходимости; 10 — абсолютно необходима)

Источник: составлено С.В. Володенковым, С.Н. Федорченко по результатам исследования.

Figure 4. Expert assessment of the need to develop a sovereign model for the strategic development of digital socio-political communications (quantitative assessment from 1 to 10 points: 1 — absolutely no need; 10 — absolutely necessary)

Source: compiled by S.V. Volodenkov and S.N. Fedorchenko.

Заключение

Подводя итоги проведенному исследованию, мы можем сделать ряд выводов, позволяющих определить сущностные характеристики суверенитета цифрового пространства общественно-политических коммуникаций, а также его ключевые составляющие. В первую очередь, следует отметить, что цифровой суверенитет пространства общественно-политических коммуникаций понимается большинством участников исследования как *единая система взаимосвязанных между собой компонентов, позволяющих обеспечить эффективное и независимое функционирование общественно-политической сферы жизни государства и общества в цифровом пространстве в национальных интересах, а также формирующих потенциал противодействия внешним процессам цифровой колонизации и десуверенизации.*

Обращает на себя внимание тот факт, что основной фокус внимания в экспертных позициях был направлен в первую очередь на противодействие процессам цифровой колонизации и десуверенизации, лишаящим государство возможности обеспечивать просоциальное развитие цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в собственных национальных интересах, а также на способности государства контролировать свое собственное цифровое пространство, обеспечивая соответствие содержания процессов общественно-политической коммуникации национальным интересам и традиционным ценностно-смысловым и духовно-нравственным основаниям.

К числу таких компонентов на основе анализа полученных экспертных ответов мы можем отнести *инфраструктурную составляющую*, подразумевающую наличие и эффективное функционирование независимой национальной цифровой инфраструктуры в интересах государства и общества, *технологическую составляющую*, включающую в себя наличие собственных цифровых технологий и алгоритмов³ общественно-политической коммуникации, *коммуникационную составляющую*, предполагающую развитие национальной системы цифровых каналов общественно-политической и массовой коммуникации, включая национальные цифровые платформы, видеохостинги, блог-платформы, мессенджеры для просоциального взаимодействия государственных и общественно-политических акторов, а также граждан, *кадровую составляющую*, формируемую посредством подготовки профессиональных национальных кадров в цифровой сфере, *компетентностную составляющую*, характеризующуюся формированием системы собственных цифровых компетенций, навыков и умений, позволяющей эффективно и независимо использовать цифровые

³ Весьма показательным в данной связи является недавнее выступление В.В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай», в рамках которого он заявил о том, что «использование интернета, конечно, должно быть основано на суверенных алгоритмах, к этому надо стремиться» (Заседание «Прочный на какой основе? Всеобщая безопасность и равные возможности в XXI веке». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75521>).

возможности общественно-политического развития в национальных интересах, *содержательную составляющую*, включающую в себя возможности и способности государственных и общественных институтов формировать конкурентоспособный национально ориентированный цифровой контент, поддерживающий и защищающий существующие традиционные ценностно-смысловые и духовно-нравственные основания жизнедеятельности государства и общества, *управленческую составляющую*, подразумевающую способность представителей управленческой сферы формулировать и реализовывать адекватные современным реалиям и эффективные стратегии общественно-политического развития в цифровом пространстве, отвечающие национальным интересам, а также осуществлять достаточный, но при этом просоциальный контроль и регулирование цифровой сферы общественно-политических коммуникаций со стороны государственных и общественных институтов, и, наконец, *составляющую, связанную с обеспечением цифровой безопасности общественно-политического пространства и защитой национальных данных*, характеризующуюся наличием возможностей и способностей государства обеспечивать устойчивость независимого функционирования критической цифровой инфраструктуры, защищать государственные и общественно значимые данные от кибератак, шпионажа и несанкционированного доступа, а также противодействовать геополитическим оппонентам в процессах реализации стратегических проектов⁴, носящих деструктивный характер, направленных на дестабилизацию социально-политической ситуации в стране, десоверенизацию национальных информационно-коммуникационных пространств и подразумевающих манипулятивно-пропагандистское воздействие на массовое сознание в цифровом пространстве в интересах внешних бенефициаров.

Стратегическая суверенизация государства при этом достигается, по мнению участников исследования, посредством объединения указанных компонентов цифрового суверенитета цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в единую суверенную систему, базирующуюся на эффективном и полноценном национальном законодательстве и практиках его реализации, обеспечивающих просоциальную реализацию цифрового суверенитета в национальных интересах независимо от воли и интересов внешних заинтересованных.

Нам представляется, что подобное понимание сущности и структуры цифрового суверенитета позволяет определить основания для разработки модели стратегической суверенизации цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в России, реализация которой позволит, с одной

⁴ Как хорошо известно, основной целью в отношении России коллективный Запад определил нанесение стратегического поражения России, что подразумевает не только поражение в военной сфере, но и в других системно значимых сферах жизнедеятельности нашего государства и общества, включая общественно-политическую.

стороны, обеспечить эффективное и независимое развитие национального пространства цифровых общественно-политических коммуникаций в собственных интересах, а с другой — обеспечить возможности противодействия внешним попыткам цифровой десуверенизации и колонизации со стороны геополитических оппонентов, рассматривающих цифровое пространство в качестве арены современного противостояния.

Очевидно, что такая модель будет неизбежно обладать собственной уникальной спецификой, определяемой характерными национальными ценностно-смысловыми и духовно-нравственными особенностями жизнедеятельности государства и общества. Однако сами принципы построения модели суверенизации и ее структура, по нашему мнению, имеют в данном случае базовый универсальный характер и могут быть применены для обеспечения цифрового суверенитета современной России.

Поступила в редакцию / Received: 18.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 07.01.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.01.2025

Библиографический список

- Бучинская О.Н. Цифровая колонизация — новое явление мировой экономики // Экономическая наука современной России. 2024. № 3 (106). С. 78–92. [http://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3\(106\)-78-92](http://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3(106)-78-92) EDN: UMWAOB
- Даниленков А.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Lex Russica. 2017. № 7 (128). С. 154–165. <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.128.7.154-165> EDN: ZGLADJ
- Ваховский А.М. Суверенизация Интернета как проблема современного политического процесса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 11–18. <http://doi.org/10.24411/2071-6141-2019-10101> EDN: QUNETJ
- Володенков С.В. Цифровые актанты и вычислительная пропаганда как инструменты воздействия на массовое сознание в условиях глобальных технологических трансформаций // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2024. № 2. С. 47–70. <http://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-47-70>. EDN: FPYCYW
- Жуков А.З., Шугунов Т.Л. Внедрение закона о «суверенном рунете»: правовой и технический аспекты // Социально-политические науки. 2020. Т. 10, № 2. С. 139–142. <http://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-2-139-142> EDN: WGPBUI
- Куликовский А.В. Возможный запуск автономного Рунета и его роль в обеспечении информационной безопасности ЕАЭС // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2021. № 2 (87). С. 83–90. EDN: RBEAUT
- Мельникова О. Опыт Китая в защите национального киберсуверенитета // Международная жизнь. 2022. № 12. С. 106–119. EDN: ASJJJF
- Сморгунов Л.В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 3. С. 62–75. <http://doi.org/10.31429/26190567-20-3-62-75>. EDN: LLGQAM

- Уртаева Э.Б. Влияние социальных сетей на развитие политических коммуникаций в новой цифровой реальности // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 3 (128). С. 40–49. <http://doi.org/10.24158/пер.2024.3.3> EDN: AYQJMS
- Федорченко С.Н. Государство-цивилизация в цифровой ойкумене // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7, № 1. С. 3–26. <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26> EDN: YDIBNI
- Becerra M., Waisbord S.R. The curious absence of cybernationalism in Latin America: Lessons for the study of digital sovereignty and governance // *Communication and the Public*. 2021. Vol. 6, iss. 1–4. P. 67–79. <http://doi.org/10.1177/20570473211046730> EDN: JRSZPA
- Flonk D., Jachtenfuchs M., Obendiek A. Controlling internet content in the EU: towards digital sovereignty // *Journal of European Public Policy*. 2024. Vol. 31, iss. 8. P. 2316–2342. <http://doi.org/10.1080/13501763.2024.2309179>.
- Gupta S., Sony R. Quest of Data Colonialism and Cyber Sovereignty: India's Strategic Position in Cyberspace // *Legal Issues in the Digital Age*. 2021. Vol. 2, no. 2. P. 70–81. <http://doi.org/10.17323/2713-2749.2021.2.68.81> EDN: ZUYQDF
- Hashemzadegan A., Gholami A. Internet Censorship in Iran: An Inside Look // *Journal of Cyberspace Studies*. 2022. Vol. 6, iss. 2. P. 183–204. <http://doi.org/10.22059/jcss.2022.349715.1080>.
- Kozyreva A., Lewandowsky S., Hertwig R. Citizens Versus the Internet: Confronting Digital Challenges With Cognitive Tools // *Psychological Science in the Public Interest*. 2020. Vol. 21, iss. 3. P. 103–156. <http://doi.org/10.1177/1529100620946707> EDN: NFILHV
- Kwet M. Digital colonialism: US empire and the new imperialism in the Global South // *Race & Class*. 2019. Vol. 60, iss. 4. P. 3–26. <http://doi.org/10.1177/0306396818823172>.
- Lehuedé S. An alternative planetary future? Digital sovereignty frameworks and the decolonial option // *Big Data & Society*. 2024. Vol. 11, iss. 1. <http://doi.org/10.1177/20539517231221778>. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20539517231221778> (accessed: 15.10.2024). EDN: BJUFCO
- Mann M., Daly A. (Big) Data and the North-in-South: Australia's Informational Imperialism and Digital Colonialism // *Television and New Media*. 2019. Vol. 20, iss. 4. P. 379–395. <http://doi.org/10.1177/1527476418806091>.
- Panday J., Samdub M.T. Promises and Pitfalls of India's AI Industrial Policy // *AI Nationalism(s): Global Industrial Policy Approaches to AI*. / Amba Kak, Sarah Myers West (eds.). AI Now Institute, 2024. P. 85–104.

References

- Becerra, M., & Waisbord, S.R. (2021). The curious absence of cybernationalism in Latin America: Lessons for the study of digital sovereignty and governance. *Communication and the Public*, 6, (1–4), 67–79. <http://doi.org/10.1177/20570473211046730> EDN: JRSZPA
- Buchinskaya, O.N. (2024). Digital colonization — a new phenomenon of the world economy. *Economic science of modern Russia*, (3), 78–92. (In Russian). [http://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3\(106\)-78-92](http://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3(106)-78-92). EDN: UMWAOB
- Danilenkov, A.V. (2017). State sovereignty of the Russian Federation in the information and telecommunications network “Internet”. *Lex Russica*, (7), 154–165. (In Russian). <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.128.7.154-165> EDN: ZGLADJ
- Fedorchenko, S.N. (2023). State-civilization in the digital ecumene. *Journal of Political Research*, 7(1), 3–26. (In Russian). <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26> EDN: YDIBNI
- Flonk, D., Jachtenfuchs, M., & Obendiek, A. (2024). Controlling internet content in the EU: towards digital sovereignty. *Journal of European Public Policy*, 31(8), 2316–2342. <http://doi.org/10.1080/13501763.2024.2309179>.

- Gupta, S., & Sony, R. (2021). Quest of data colonialism and cyber sovereignty: India's strategic position in cyberspace. *Legal Issues in the Digital Age*, 2(2), 70–81. <http://doi.org/10.17323/2713-2749.2021.2.68.81> EDN: ZUYQDF
- Hashemzadegan, A., & Gholami, A. (2022). Internet censorship in Iran: An inside look. *Journal of Cyberspace Studies*, 6(2), 183–204. <http://doi.org/10.22059/jcss.2022.349715.1080>.
- Kozyreva, A., Lewandowsky, S., & Hertwig, R. (2020). Citizens versus the Internet: Confronting digital challenges with cognitive tools. *Psychological Science in the Public Interest*, 21(3), 103–156. <http://doi.org/10.1177/1529100620946707> EDN: NFILHV
- Kulikovskiy, A.V. (2021). Possible launch of an autonomous Runet and its role in ensuring information security of the EAEU. *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Humanities Series*, (2), 83–90. (In Russian). EDN: RBEAUT
- Kwet, M. (2019). Digital colonialism: US empire and the new imperialism in the Global South. *Race & Clas*, 60(4), 3–26. <http://doi.org/10.1177/0306396818823172>.
- Lehuedé, S. (2024). An alternative planetary future? Digital sovereignty frameworks and the decolonial option. *Big Data & Society*, 11(1), <http://doi.org/10.1177/20539517231221778>. Retrieved October 15, 2024, from: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20539517231221778> EDN: BJUFÇO
- Mann, M., & Daly, A. (2019). (Big) Data and the North-in-South: Australia's informational imperialism and digital colonialism. *Television and New Media*, 20(4), 379–395. <http://doi.org/10.1177/1527476418806091>.
- Melnikova, O. (2022). China's experience in protecting national cyber sovereignty. *International Affairs*, 12, 106–119. (In Russian). EDN: ASJJJF
- Panday, J., & Samdub, M.T. (2024). Promises and pitfalls of India's AI industrial policy. In A. Kak & S. Myers West (Eds.), *AI Nationalism(s): Global Industrial Policy Approaches to AI* (pp. 85–104). AI Now Institute.
- Smorgunov, L.V. (2019). Institutionalization of controllability and the problem of control in the space of digital communications. *South Russian Journal of Social Sciences*, 20(3), 62–75. (In Russian). <http://doi.org/10.31429/26190567-20-3-62-75>. EDN: LLGQAM
- Urtaeva, E.B. (2024). The influence of social networks on the development of political communications in the new digital reality. *Society: politics, economics, law*, (3), 40–49. (In Russian). <http://doi.org/10.24158/pep.2024.3.3>. EDN: AYQJMS
- Vakhovsky, A.M. (2019). Sovereignization of the Internet as a problem of the modern political process. *News of Tula State University. Humanities*, (1), 11–18. (In Russian). <http://doi.org/10.24411/2071-6141-2019-10101> EDN: QUHETJ
- Volodenkov, S.V. (2024). Digital actants and computational propaganda as tools for influencing mass consciousness in the context of global technological transformations. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences*, (2), 47–70. (In Russian). <http://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-2-47-70>. EDN: FPYCYW
- Zhukov, A.Z., & Shugunov, T.L. (2020). Implementation of the law on the “sovereign RuNet”: Legal and technical aspects. *Socio-political sciences*, 10(2), 139–142. (In Russian). <http://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-2-139-142>. EDN: WGPBUI

Сведения об авторах:

Володенков Сергей Владимирович — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

Федорченко Сергей Николаевич — доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук; доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)

About the authors:

Sergey V. Volodenkov — Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department of the State Academic University for the Humanities; Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

Sergey N. Fedorchenko — Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department of the State Academic University for the Humanities; Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-543-559

EDN: NHMUJ

Научная статья / Research article

Институт государства и публично-властное управление в цифровую эпоху: уходящая реальность или действительность?

А.П. Кочетков , А.Ю. Мамычев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская
Федерация

 apkoch@mail.ru

Аннотация. Процессы развития института государства и публично-властного управления могут вступать в противоречия. Авторами предложено рассмотреть ряд трансформационных процессов, которые получили в настоящий момент устойчивый характер и которые системно влияют на кардинальное изменение социальной роли и назначения государства и властно-управленческой деятельности. Методологическая основа исследования имеет преимущественно междисциплинарный характер, поскольку при рассмотрении цифровизации института «государство» берется за основу проблемное поле, а не дисциплинарные требования. В исследовании использовался дискурс-анализ аналитических и экспертных материалов, научных исследований, посвященных как общим вопросам цифровой трансформации публичной политики, так и отдельным проблемам цифровизации публично-властных институтов и практик. Обоснованно, что представления о формировании новой формы цифрового господства основываются на общественно-политическом мифе об универсальности и объективности разнообразных алгоритмических систем, согласно которому только инновационные цифровые технологии смогут обеспечить справедливость в обществе, социальное равенство, искоренить различные формы дискриминации и злоупотребления публичной властью. Также обоснована необходимость развития и усложнения общей концепции публичной власти и ее социотехнического назначения в цифровую эпоху. Доказано, что институт государства не только сохранится, но произойдет его усложнение, будет скорректировано его социотехническое назначение, повысится роль последнего при переходе к новому технологическому укладу.

© Кочетков А.П., Мамычев А.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: алгоритмы, власть, государство, политический процесс, технологическая политика, цифровизация, элита

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Кочетков А.П., Мамычев А.Ю.* Институт государства и публично-властное управление в цифровую эпоху: уходящая реальность или действительность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 543–559. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-543-559>

The Institution of the State and Public Administration in the Digital Age: Disappearing Phenomenon or Reality?

Alexander P. Kochetkov , Alexey Yu. Mamychyev

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

 apkoch@mail.ru

Abstract. The processes of the development of the institution of the state and public administration face the discrepancies. The authors propose to consider a number of transformational processes that are currently stable and that systematically affect a fundamental change in the social role and purpose of the state and power management activities. The methodological basis of the research is mainly interdisciplinary in nature, since when considering the digitalization of the institute, the state takes as its basis the problem field, rather than disciplinary requirements. The study also used a discourse analysis of analytical and expert materials, scientific research devoted to both general issues of digital transformation of public policy and individual problems of digitalization of public institutions and practices. The study substantiates that the ideas about the formation of a new form of digital domination are based on the socio-political myth of the universality and objectivity of various algorithmic systems, according to which only innovative digital technologies can ensure justice in society, social equality, and eliminate various forms of discrimination and abuse of public power. In conclusion, the paper substantiates the need to develop and complicate the general concept of public authority and its sociotechnical purpose in the digital age. It is proved that the institution of the state will not only be preserved, but its complexity will occur, its sociotechnical purpose will be adjusted, and the role of the latter will increase during the transition to a new technological order.

Keywords: algorithms, government, state, political process, technological policy, digitalization, elite

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Kochetkov, A.P., & Mamychyev, A.Yu. (2025). The institution of the state and public administration in the digital age: Disappearing phenomenon or reality? *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 543–559. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-543-559>

Этот организм есть развитие идеи в ее различия и их объективную действительность.

Эти различные стороны являют собой различные власти, их функции и сферы деятельности, посредством которых всеобщее беспристрастное необходимым образом порождает себя...

Г.В.Ф. Гегель. «Философия права»

Введение

В XXI веке цифровые технологии стали определять контуры изменения мировой политической, правовой, экономической систем и в целом международных отношений. В последние годы в области IT-технологий у России есть некоторые успехи. По данным ООН, Индекс развития электронного правительства в 2018 г. в России вырос на три позиции — с 35-го до 32-го места — и впервые вошел в группу стран с очень высоким показателем по индексу развития электронного правительства. Однако в 2024 г. индекс развития электронного правительства в России опустился на 43-е место¹.

Поскольку Россия не обладает такими финансовыми возможностями, как Китай или США, то в 2020 г. в России бюджетные расходы на НИОКР составили лишь около 519 млрд рублей (7 млрд долл. США), в 2021 г. и того меньше — 486 млрд рублей (Китай потратил в 2020 г. на эти цели 378 млрд долл.)². Однако в 2025 г. финансирование научных исследований в России будет увеличено с 1,22 трлн руб. в 2024 г. до 1,46 трлн руб., или на 20 %. Они вырастут до 0,69 % ВВП и 2 % всех расходов бюджета³.

Россия потратит на разработки в области искусственного интеллекта с 2025 до 2030 г. 145,85 млрд руб., тогда как расходы крупнейших мировых IT-корпораций Amazon, Microsoft, Alphabet и др. на разработку ИИ составили по итогам 2024 г. более 200 млрд долл. Один Илон Маск и его компании Tesla и xAI потратили в 2024 г. на ИИ около 10 млрд долл.⁴

С целью поддержания развития цифровой сферы производства в 2020 г. в России был принят закон о «налоговом маневре» [Худяков 2021], согласно

¹ Рейтинг электронного правительства ООН (EGDI). URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 20.04.2025).

² Морозов М. Мир высоких технологий: Китай тратит деньги на изобретения, а Россия на что? URL: <https://svpressa.ru/world/article/297807/> (дата обращения: 20.04.2025).

³ Расходы бюджета на науку увеличат на 20 % в 2025 г. URL: <https://sovross.ru/2024/10/11/rashody-bjudzheta-na-nauku-uvelichat-na-20-v-2025-g/> (дата обращения: 20.04.2025).

⁴ См.: Как в России потратят 145 млрд рублей на развитие технологий искусственного интеллекта. URL: https://www.cnews.ru/articles/2024-02-02_kak_v_rossii_potratyat_145_mlrld_rublej (дата обращения: 20.04.2025); В гонке за передовым ИИ техногиганты потратят в 2024 г. более \$200 млрд 02.11.2024. URL: <https://3dnews.ru/1113441/v-gonke-za-peredovim-ii-tehnogiganti-potratyat-v-2024-godu-bolee-200-milliardov> (дата обращения: 20.04.2025); В 2024 г. Илон Маск потратил около 10 миллиардов долларов на оборудование для обучения ИИ. 31.10.2024. URL: <https://www.tomshardware.com/tech-industry/artificial-intelligence/elon-musk-spent-roughly-usd10-billion-on-ai-training-hardware-in-2024> (дата обращения: 20.04.2025).

которому с 1 января 2021 г. налог на прибыль для IT-компаний снизился с 20 % до 3 %, а страховые взносы — с 14 до 7,6 %. Также был обнулен региональный налог на прибыль. Данные меры направлены на формирование благоприятных условий для деятельности IT-работников с целью повышения конкурентоспособности Российской Федерации.

В новых исторических условиях российское правительство заинтересовано в ускорении цифровизации. Однако цифровизация не только приводит к экономическому развитию, но оказывает серьезное влияние на безопасность государства. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. отмечается, что «быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства»⁵. Поэтому политика информационной безопасности государства должна учитывать последствия развития процесса цифровизации.

В результате развития цифровых технологий происходит трансформация роли и социального значения государства, формируется и новая «цифровая элита», способная осуществлять системное воздействие в формате 24/7 на общественно-политическую динамику [Кочетков 2024]. При этом отсутствие действенных институтов социального контроля и развитого государственно-правового нормирования сферы «инжиниринговой инноватики» существенно *расширяет* потенциал и рост данной элитарной группы.

Эта новая социальная страта, занимающая ключевое положение в сетевом сообществе, обладающая креативными способностями, контролирует информационные потоки и банки данных и может использовать достижения современных информационных технологий для управления экономикой и обществом в своих целях.

Генеративный ИИ, получивший в последние 30 лет масштабное распространение в общественно-политической жизнедеятельности, закладывает также специфическую траекторию трансформации публично-властной организации общества. В отличие от других систем ИИ генеративный подход ориентирован на предикативную аналитику и поведенческие прогнозы. На различных этапах своего функционирования данный ИИ предсказывает (генерирует) статистически вероятное из многообразия возможных результатов (цифрового контента — текста, рисунка, события и т.п.). По сути, данные системы работают с обширными базами данных, на основании которых создают (генерируют) предсказания того, как поступят люди (имитация, путем статистического подбора языковых, когнитивных, поведенческих, эмоциональных и других реакций человека, групп, общества в целом).

Данный принцип работы и направленность функционирования генеративных систем ИИ порождают огромную массу экономических, политических,

⁵ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 20.04.2025).

правовых, культурных и других проблем, описание которых достаточно широко представлено в современных публикациях. В рамках последних ставятся фундаментальные вопросы:

Кому принадлежат данные, которые выступают новым ключевым ресурсом цифровой экономики и драйвером финансового обогащения?

Какие именно данные используются для обучения автономных алгоритмических систем?

Какие ценностно-нормативные установки транслируют платформенные алгоритмы, обученные на специально подобранных данных?

В этом аспекте ключевыми являются решения «о том, на каких данных обучать свои модели, будут иметь самые серьезные последствия: ведь тем самым они наделяют эти модели скрытыми политическими и социальными предубеждениями, которые незаметно воздействуют на пользователей» [Маркус 2024: 26]. Обученные на специфических данных, генеративные системы ИИ могут осуществлять автономное и алгоритмическое манипулирование массой пользователей в режиме 24/7, т.е., генерируя тексты и разнообразные контенты, будут транслировать определенные ценностные установки, предвзятые взгляды и т.п., а пользователь даже не сможет опознать источник и сам процесс манипулятивного влияния.

Кроме вышеобозначенных действующих опасностей и потенциальных угроз цифровой трансформации общественных систем, которым сегодня достаточно часто уделяется внимание в монографических работах, диссертационных исследованиях и периодических изданиях, в настоящей статье предпринимается попытка обратить внимание на ряд других проблем. Речь идет о фундаментальных трансформациях института государства, государственной политики и властно-управленческого процесса.

Справедливо в этом плане отмечается, что сегодня наблюдается стремительная утрата государством своего общественного назначения и изначальной просоциальной миссии: «Длившаяся долгое время трансформация содержательных и функциональных характеристик государственных систем и институтов привели к формированию у государства своих собственных самодостаточных иерархий, целей, ценностей, интересов, зачастую не просто не соответствующих и противоречащих общественным интересам, ценностям и целям, но и имеющих ярко выраженный асоциальный характер» [Якунин 2024: 54]. Многие исследователи вообще ставят вопрос более радикально: существуют ли вообще условия и потребность воспроизводства государственно-правовых институций и традиционных властно-управленческого процесса в новой цифровой эпохе? [Хейманс 2019]. Возможно развитие цифровых систем, инжиниринговых нормативных инструментов⁶

⁶ «Инжиниринговое право» — новый феномен цифрового пространства, концепт, отражающий совокупность социотехнических норм и цифровых стандартов, формирующих алгоритмическую систему автоматизированного нормирования взаимодействия пользователей в определенной цифровой среде.

и алгоритмического управления приведет к изъятию ключевых функций у действующих политических, юридических, экономических и других традиционных институтов? [Зубофф 2025].

Конечно, в рамках одной статьи невозможно обсудить все направления кардинальных изменений публично-властной организации общества. Поэтому остановимся на тех трансформационных процессах, которые уже сегодня получили устойчивый характер и которые системно влияют на изменения социальной роли и назначения института государства и властно-управленческого процесса.

Деидеологизация и размывание ценностно-нормативных оснований государства

Довольно длительное время институт государства и публично-властное управление подвергались глобальным идеологическим и институциональным трансформациям⁷.

С одной стороны, вектор глобальной политической стандартизации, правовой унификации и социокультурной типизации, сформированный и продвигаемый после окончания Второй мировой войны, разрушал традиционные основы государства и суверенные качества национальной публично-властной организации. Прежде всего последние постепенно утрачивали свой самодостаточный статус как «верховной системы репрезентации» ценностно-смыслового единства, национально-политической целостности, общественного согласия и доверия, что «наполняло» конкретную политико-правовую организацию общества «высшим и возвышенным, более интенсивным видом бытия в отличие от естественного сосуществования какой-либо совместно проживающей группы людей» [Шмитт 2010: 49]. Этот статус постепенно перетекал к международным институтам, наднациональным структурам и неправительственным организациям.

С другой стороны, размывание ценностно-нормативных оснований государства и духовно-нравственных стандартов публично-властного управления посредством социокультурной типизации и массовизации существенно сужало социальное назначение государства, его статус как главного гаранта общего блага и общей морали. Так, например, дореволюционный государствовед Н.Н. Алексеев отмечал, что ключевая

⁷ В данном случае процессы глобализации рассматриваются не как объективный процесс, который был характерен для всей истории государства, т.е. сближения и взаимодействия различных политико-правовых организаций общества для решения общих целей и задач; а как идеологический процесс, который задавал общемировую ценностно-нормативную систему в интерпретации прошлого (исторические недостатки и просчеты государственного развития), настоящего (глобальные стандарты политико-правовой и социально-экономического развития) и будущего (вектор на формирование унифицированной общепланетарной организации) института государства и системы публично-властного управления.

институционально-функциональная характеристика государства выражается в способности создать «максимальное количество культурных и духовных благ, предпочтение и выбор которых предоставляется свободе всех и каждого» [Алексеев 2008: 373]. Кроме того, происходило замещение национального образа общего блага глобальным стандартом либерально-демократического развития, который стирал конкретное цивилизационное и национально-культурное содержание последнего абстрактной системой общечеловеческих смыслов и универсальных «конституционно-правовых симулякров»⁸.

Все это привело к тому, что государственная управленческая элита постепенно утрачивала национально-культурную связь и практику активного социального служения обществу. Размывание цивилизационных требований и духовно-нравственных стандартов властной деятельности, ориентация управленческой элиты на глобальный проект развития и служение абстрактным идеалам оторвали государство от «земли», изменяя его социальную природу и назначение.

Это открыло простор и возможность института государства концентрировать свою властно-управленческую деятельность на ранее чуждых этому институту направлениях (поклоняясь новым «невидимым богам»), что легитимировались служением абстрактным идеалам и целям (общечеловеческим целям, универсальным идеалам, правам человека и т.д.). Позволило государству быть частично *независимым* от социальных обязательств и духовно-культурных гарантий, накапливать ресурсы и действовать в направлениях, которые уже не находились под традиционным социально-политическим контролем общества.

Более того, разнообразные глобальные вызовы, интенсивность возникающих реальных и потенциальных техногенных, климатических, биологических (пандемии, эпидемии и проч.) и других угроз позволили существенно расширить внеправовую сферу властно-управленческой деятельности, которая также во многих случаях не находится под традиционным социально-правовым контролем и общественным мониторингом [Витченко 1982: 166].

Внеправовая деятельность государства — это достаточно комплексный феномен, который практически не проблематизируется в поле современной общественно-политической рефлексии [Соловьев 2011]. Внеправовая властно-управленческая активность не связана (не фиксируется в материальных, процессуальных, компетенционных и других нормах права)

⁸ Например, обосновывался «стратегический реванш» глобального гражданского общества [Альтерматт 2000], а также освобождение от суверенного национального интереса («не изменяет либеральным целям, но разрушает цивилизационные пути... исходя из принципов блага мирового сообщества» [Хабермас 2008: 31] и формирует новый уникальный «конституционно-правовой сосуд», в котором общественно-политическая активность больше не связана только с государством, а нормируется более общей «конституционно-правовой идентичностью», лишенной всякий «национальных пут» и «жестких государственных традиций» (Ю. Хабермас).

и не опосредована правом (хотя в некоторых случаях может быть не урегулировано правом, но при этом не противоречить действующему конституционно-правовому строю и духу национального правопорядка), имеющая как формально-юридический, так и неформальный характер. Отметим, что последняя является широким (родовым) понятием по отношению к таким формам, как «неформальная», «теневая», «неправовая» деятельность государства [Мамычев 2025]. Без учета данной деятельности описать современное государство и его властно-управленческую деятельность, а также идейно-смысловые и институционально-функциональные трансформации последних практически невозможно [Сабо 1974: 147].

Соответственно, в рамках функционирования современной властной элиты существенно расширилось пространство решений и действий, которое не попадает под общественно-политический и социально-правовой контроль, предоставляя возможность в большей степени руководствоваться *собственными* интересами и целями, определять стратегию деятельности в соответствии с внутренними корпоративными правилами и сетевыми принципами.

Эти процессы усугубляют тотальная цифровизация политических отношений и алгоритмизация управления общественными процессами. Сегодня проектирование, разработка и эксплуатация цифровых технологий, определение ценностно-нормативных и результативных характеристик последних осуществляются в так называемой «серой зоне», в которой традиционные формы и инструменты социально-нормативного контроля показывают свою слабую эффективность. Общество не имеет реальных инструментов влияния на разработку данных систем и контроля за их использованием. В итоге общество столкнулось с новой теневой формой принятия и реализации управленческих решений, системой форм и методов властного господства, распределения ресурсов, формирования структуры публичных и частных потребностей [Кочетков 2024].

В целом процесс проектирования, определение параметров и целей функционирования систем ИИ, формирование изначальной алгоритмической архитектуры, принципов и режима обучения сложных машинных алгоритмов и т.д. сегодня находится преимущественно за рамками общественного контроля и государственно-правового регулирования. Роль современных цифровых технологий и их воздействия на общественно-политические отношения и процессы масштабны, их посредством реализуются большинство настоящих интеракций в системе личность — общество — государство. Однако до сих пор не сформированы адекватные цифровой эпохе институты и регуляторы, нет реальных механизмов и инструментов контроля общества за разработкой и функционированием данных инновационных технологий и цифровых институций (цифровых платформ, сервисов, автономных экспертных систем и т.д.). И это большой вызов как для современной политики государства, так и для стабильного функционирования и воспроизводства гражданских институций.

Постгуманистический вектор развития института государства

Глобальные трансформации и цифровизация общественно-политической жизнедеятельности привели к замещению идеалов общественного блага и социальной справедливости на постгуманистические ценностные ориентации.

С одной стороны, цифровые технологии и алгоритмические системы трансформируют как самого человека, так и систему коммуникативного взаимодействия, меняя характер и направленность развития самой intersubъективной реальности, которая все больше приобретает социотехнический характер. Более того, сами технологии становятся гибридными автономно действующими сущностями. Например, системы искусственного интеллекта представляют собой сегодня переплетения и «взаимосвязь ценностных установок людей с технологическими решениями. Фактически корректно говорить о человеко-машинном гибриде ИИ. Нейросетевая технология в силу своего технического устройства является социотехнической системой» [Чирва 2024: 209].

Такой же процесс гибридизации характерен и для трансформации социального субъекта и общественных отношений. Например, доказывается, что сегодня происходит «слияние человеческого сознания с электронной цепью. Современные информационные и коммуникативные технологии экстериоризуют и в форме электроцепей удваивают человеческую нервную систему» [Брайдотти 2021: 174]. Все это ведет к появлению новых субъектов — социотехнических киборгов, последние становятся «господствующей социокультурной формой, целиком включенной в социальное производство, что влечет массу экономических и политических следствий» [Брайдотти 2021: 174].

Вместе с тем отмечается доминирование алгократических режимов в функционировании публичной и частной сферах. Здесь можно выделить три следствия «алгоритмической революции» общественно-политических отношений и процессов, влияющих на трансформацию публично-властного управления.

Первое. Присвоение машинными алгоритмами социальных данных и пользовательской активности (процесс «лайф-майнинга») становится важнейшим «материалом» для развития цифровых систем, моделей и прогнозов, что ведет к качественным изменениям в прогнозировании и моделировании ключевых общественно-политических трендов, а дальше к формированию глобальных или национальных алгократических режимов. Если ранее «алгоритмы были призваны рационализировать и ускорять различные процессы (преимущественно вычислительные и технические), в данный момент можно говорить о том, что алгоритмы оказывают воздействие на социум, формируя определенную вычислительно-информационную архитектуру. Алгоритмы не только упрощают и ускоряют, но могут выносить вердикты, предупреждать или прогнозировать» [Фурс 2022: 5].

Второе. Алгоритмы постепенно замещают экспертное сообщество и бюрократическую системы в формировании и интерпретации публичного

дискурса, определении повестки дня и направлениями развития: «права на эти дискурсы и силы оказались привилегией машин и программ, монополизирующих язык и труд... Мы больше не ищем реальности, истины, нового социального порядка, экономической справедливости и даже объективности — их скорее найдут наши программы и технологии» [Очеретяный, Погребняк 2024: 3]. Новый социо-технологический миф создает иллюзию об универсальности и объективности разнообразных алгоритмических систем, согласно которому только «алгоритмическая революция» сможет обеспечить справедливость в обществе, искоренить различные формы дискриминации и злоупотребления публичной властью. Беспристрастные и надежные машины освободят людей от господства властных элит, различных теневых структур управления и контроля, обеспечат идеальный порядок в обществе.

Третье. Инновационная цифровая гонка и алгоритмическая конкуренция по созданию более «продвинутых» и универсальных цифровых систем и технологий искусственного интеллекта (например, общего/сильного ИИ) замещает некогда доминирующие направления государственной политики в обеспечение «общего блага» и «социальной справедливости», создавая «постгуманистическую реальность», в содержании которой традиционные социальные интересы и приоритеты развития «определяются не столько нашими потребностями, сколько потребностями систем, которые номинально служат нам, но для которых человеческое восприятие, соразмерные человеку масштабы и его желания больше не являются главными мерилami ценности» [Гринфильд 2018: 249].

Глобализация 3.0 и единое цифровое пространство?

Трансформация государственной политики и национального властно-управленческого процесса обусловлена также новым идеологическим проектом — «глобализации 2.0». В рамках «глобализации 2.0» обосновывается, что устойчиво и безопасно может функционировать только единое (глобальное) цифровое пространство. В частности, регулирование Интернета и развитие цифровых технологий «должно оставаться по своей природе глобальным»⁹. В связи с этим суверенные качества систем государственной власти должны быть существенно снижены и ограничены.

Сегодня владельцы крупнейших мировых IT-корпораций форсируют процесс установления глобального цифрового управления и алгоритмических форм господства. В условиях повсеместной и стремительной цифровизации данная проблематика является одной из приоритетных в повестке ООН. На Саммите будущего, который проходил в Нью-Йорке 22–23 сентября 2024 г., государства — члены ООН приняли Глобальный цифровой договор (ГЦД) как

⁹ «Пакт во имя Будущего», принятый Генеральной Ассамблеей ООН 22 сентября 2024 года. <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1> (дата обращения: 06.06.2025).

одно из приложений к Пакту будущего. ГЦД затрагивает вопросы глобального управления цифровым пространством, преодоления цифрового разрыва, выработки международных правил для различных платформ и социальных сетей, регулирования систем искусственного интеллекта и ряд других смежных вопросов. Так, уже сегодня проектируются глобальный Образ будущего, ценностно-нормативные основания и глобальные стандарты управления цифровым пространством (Пакт будущего ООН), которые будут положены в основание нового цифрового глобализма.

Несмотря на значимость и остроту проблематики, отметим, что сформулированные в ГЦД принципы носят предвзятый и несбалансированный характер. Документ завышает роль негосударственных акторов в управлении Интернетом, способствуя размыванию межправительственной природы ООН, акцентирует значимость прав человека в западной трактовке и не учитывает принцип государственного суверенитета. ГЦД, который уравнивает роль государств, гражданского общества и бизнеса, а также акцентирует правочеловеческий и гендерный нарратив в западной трактовке, прежде всего, усиливает глобальный Север, который лидирует в указанных областях.

Для глобального Юга приоритетным представляется акцент на цифровом суверенитете и преодолении цифрового разрыва, борьбе с цифровым неоколониализмом и неоколониализмом данных, что позволит сделать цифровое пространство подлинно инклюзивным. Однако, не желая политизировать диалог, многие страны Юга все же присоединились к Пакту, и ГЦД как его приложение, выражая таким образом солидарность с Генеральным секретарем в стремлении преодолеть системный кризис ООН, особенно учитывая, что текст не имеет обязательной силы.

Российская делегация предложила поправку к Пакту, согласно которой данный документ представляет собой вмешательство ООН в вопросы, которые относятся к внутренней юрисдикции государства. Нашу страну поддержали Беларусь, КНДР, Иран, Никарагуа, Судан и Сирия, а 15 стран воздержалось от голосования. Однако Генассамблея ООН все же приняла «Пакт во имя будущего» вместе с приложениями, включая Глобальный цифровой договор, в поддержку которого проголосовало 143 государства.

Россия не поддержала ГЦД, дистанцировавшись от консенсуса, а сам текст получил в российском обществе преимущественно негативные оценки, как на уровне официальных лиц, так и среди экспертного сообщества. Для нашей страны, которая является первопроходцем в обсуждении вопросов информационной безопасности и цифрового суверенитета, справедливая и инклюзивная система глобального управления в цифровом пространстве имеет приоритетное значение¹⁰.

¹⁰ Что не так с Глобальным цифровым договором. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-ne-tak-s-globalnym-tsifrovym-dogovorom/> (дата обращения: 20.04.2025).

В документе никак не затронуты проблемы «цифрового неокOLONиализма» и «неокOLONиализма данных», когда узкий круг крупных западных ИТ-компаний противодействует появлению конкурентов, ограничивает передачу технологий и создает отношения асимметричной взаимозависимости в области данных, технологий и инноваций, размывая суверенитет и технологическую независимость развивающихся стран.

Многоуровневое сотрудничество правительств, бизнеса и других заинтересованных сторон дважды упомянуто только в числе принципов, при этом никак не подчеркнута особая роль правительств как носителей суверенитета, а также не отмечены их особые компетенции и функции в сфере обеспечения безопасности.

В контексте управления Интернетом ГЦД подчеркивает, что «регулирование Интернета должно оставаться по своей природе глобальным» при участии правительств, частного сектора и гражданского общества, а также других заинтересованных сторон. Столь широкая формулировка прямо не затрагивает проблему интернационализации управления Интернетом, на чем настаивает Россия, что оставляет Западу, и в особенности США, пространство для маневра, необходимое для сохранения своей лидирующей роли в сфере управления Интернетом (при посредстве ICANN и ее дочерней структуры РТИ).

В ГЦД также подчеркивается важность борьбы с дезинформацией и распространением ложной информации, в том числе при помощи искусственного интеллекта. Своевременной видится рекомендация об обязательной маркировке контента, создаваемого искусственным интеллектом. Однако в контексте международной информационной безопасности, частью которой является отмеченная выше проблематика, было уместно упомянуть особую роль государств как субъектов международного права и легитимных гарантов безопасности, что было обозначено в документах ВВУИО 2003 и 2005 гг.¹¹

Представляется необходимым дальнейшее обсуждение проблематики цифрового сотрудничества в рамках ООН при большем учете позиций и интересов Глобального Юга. Развитие сотрудничества в рамках ООН как универсальной межправительственной организации позволит сохранить глобальный характер Интернета и выработать справедливые правила регулирования искусственного интеллекта в интересах всего мирового сообщества. Более того, сформированный Всемирный Совет Будущего (WFC) в качестве одной из своих целей ставит *активное* оказание помощи «лицам, принимающим решения, в разработке и реализации справедливой политики в будущем», формирование модельных нормативных актов, цифровых инструментов и глобальных онлайн-платформ, предназначенных для политиков и чиновников, принимающих на национальном уровне

¹¹ Что такое Глобальный цифровой договор и зачем он нужен. 27.09.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/66f663df9a794766a4bb24ed> (дата обращения: 20.04.2025).

общественно-политические решения с целью «упростить обмен существующими и *проверенными* политическими решениями для решения самых фундаментальных и неотложных проблем мира»¹².

Футурологический тренд и «новые форматы» властного господства

Стремительное развитие цифровых технологий и интеркоммуникативных инструментов позволяет глобальным технологическим инноваторам проектировать новые властные форматы организации и общественно-политической структуры (аналог новой цифровой формации), с большим оптимизмом говорить о развитии третьей (футурологической) версии цифрового глобализма («глобализация 3.0»). При этом инновационные формы социально-технологической коммуникации, согласно их аргументации, обеспечат глобальную человеческую мобильность и виртуальную сплоченность, высвободят человека от традиционных ограниченных форматов (политипической идентификации, нравственного долга, этических стандартов и т.д.). Все это приведет к разрушению традиционных обществ и государственных институтов, а также легитимирует новые формы социально-технологической интеграции, реализуемой глобальными цифровыми империями и транснациональными метавселенными.

Очевидно, что данный футурологический тренд развития ведет к разрушению ценностно-нормативных и социокультурных основ общественно-политической целостности, традиционных политических институтов и гражданских структур, формирует принципиально иную субъективность человека и его виртуальную идентичность. Как итог: виртуализированный и симулятивный коммуникативный опыт будет формировать новые социотехнические ценности и правила взаимодействия, инновационные формы цифровой активности человека, модели взаимодействия с реальными или виртуальными объектами (цифровыми контентом, цифровыми ботами и т.п.). При этом развитие противоречивых и скрытых от социального наблюдения и контроля процессов, о которых отмечалось выше, в итоге приведет к неминуемой трансформации традиционного государства и властно-управленческих институций, обусловит социальную значимость новых системообразующих элементов цифрового властного господства.

Для достижения этих целей распространяется миф об универсальности и объективности разнообразных алгоритмических систем, согласно которому только инновационные цифровые технологии смогут обеспечить справедливость в обществе, искоренить различные формы дискриминации и злоупотребления публичной властью. Беспристрастные и надежные машины освободят людей от господства властных элит, различных теневых структур управления и контроля, обеспечат идеальный порядок в обществе. Эта «*цифровая мифология*» выступает легитимирующей основой для формирования устойчивого

¹² «Пакт во имя Будущего», принятый Генеральной Ассамблеей ООН 22 сентября 2024 года. <https://docs.un.org/ru/A/RES/79/1> (дата обращения: 06.06.2025).

представления у обычного гражданина об экзистенциальной необходимости данных роботизированных технологий и алгоритмических систем, формирует социальное доверие к ним. В реальности это маскирует тот факт, что цифровые технологии и алгоритмы обучаются на конкретном социокультурном материале, «впитывая» все предрассудки, когнитивные модели, поведенческие паттерны или получают неполную или искаженную информацию. Футурологический проект «глобализация 3.0» ориентирован на формирование так называемых «метаформ» виртуальной социализации, интеграции и мобилизации пользователей посредством развития технологий метавселенной, а также интерактивных и симулятивных инструментов участия в общественно-политической, социально-экономической и иной деятельности.

Заключение

Обозначенные выше основные векторы цифровой трансформации государства и властно-управленческого процесса лишь схематично очерчивают кардинальные изменения в современной общественно-политической жизнедеятельности. Тем не менее они высвечивают действительно важное проблемное поле. Реально ли идет необратимый процесс изъятия цифровыми технологиями и алгоритмическими системами базовых функций традиционных общественно-политических институтов? Говорят ли данные устойчивые тенденции об утрате государством и политической элитой своего значения и социальных функций в новой цифровой эпохе? Ведет ли цифровая конкуренция и «технологическая гонка» к новой «алгоритмической революции» (по аналогии с «неолитической революцией», сформировавшей предпосылки для возникновения и развития политических организаций), которая порождает новые формы властной организации, господства, структуризации? Кто будет новым субъектом и объектом этой социотехнической реальности?

С нашей точки зрения, принципиально важно направить наши совместные усилия, работу профессионального и экспертного сообщества на качественную адаптацию традиционных общественно-политических институтов к меняющейся социотехнической реальности. Обращаясь к историческому опыту, можно отметить, что периоды кардинальных изменений всегда приводили к усложнению социальной структуры общества, к развитию новых властных функций и структур, адаптации инноваций к традиционному укладу общества (любая традиция когда-то зародилась как инновация [Чистов 1986]). Последнее обуславливает необходимость развития и усложнения общей концепции публичной власти и ее *социотехнического назначения* в цифровую эпоху. Полагаем, что институт государства не только сохранится, но произойдет его усложнение, скорректируется его назначение и повысится его социотехническая роль при переходе на новый технологический уклад.

При этом в рамках технологической политики государства важно не допустить реализации перспективы превращения человечества в управляемое каким-то «нововластным субъектом» автоматизированное сообщество.

Необходимы укрепление и развитие цифровых демократических институтов и инструментов их функционирования в новой социотехнической реальности, сохранение цивилизационных оснований общества, разработка и внедрение технологических инноваций с учетом социокультурных стандартов, развитие смешанных (гибридных) режимов управления общественными процессами, позволяющих действовать совместно человеку и алгоритмам, усиливая позитивный потенциал и компенсируя недостатки друг друга. Все это несомненно приведет и к формированию новой цифровой культуры и новых инструментов социотехнического контроля, реализуемого в совместном режиме социальных институций и алгоритмических систем.

При этом, если взаимодействие людей и власти при цифровом государственном управлении будет построено на максимальной прозрачности, уважении к культурным и социальным различиям, информационные системы превратятся в децентрализованные объекты. Доступ к ним будет обеспечен участием многих в процессах распространения сведений, а поведение пользователей станет реализацией норм цифровой грамотности. В этом случае граждане смогут повлиять на системы цифрового управления социальными процессами, будут оказывать прямое и косвенное давление на практики правовой и этической регуляции цифрового пространства.

Поступила в редакцию / Received: 11.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 18.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 19.04.2025

Библиографический список

- Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. Москва : Аграф, 1998.
- Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. Москва, 2000.
- Брайдотти Р. Постчеловек. Москва : Издательство Института Гайдара, 2021.
- Витченко А.М. Теоретические проблемы исследования государственной власти. Саратов, 1982.
- Гринфилд А. Радикальные технологии. Устройство повседневной жизни. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС 2018.
- Зубофф Ш. Надзорный капитализм или демократия? Москва : Издательство Института Гайдара, 2025.
- Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Полис. Политические исследования. 2024. Т. 33. № 4. С. 135–145. <http://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.10> EDN: CQFELT
- Мамычев А.Ю. Государственная власть в социокультурной организации современного общества: теоретико-методологические аспекты политико-правовой трансформации : монография. Москва : РИОР: ИНФРА-М, 2025.
- Маркус Г. Большой обман больших языковых моделей. Новый подход к ИИ и регулированию технологических гигантов. Ереван : Fortis Press, 2024.
- Очеретяный К., Погребняк А. После алгоритмов. От социальных утопий к фантазму уюта // Логос. 2024. Т. 34. № 6. С. 1–8. <http://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-6-1-7> EDN: AHDMFC
- Сабо И. Основы теории права. М., 1974.

- Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лике власти // *Полис. Политические исследования*. 2011. Т. 20. № 5. С. 70–98. EDN: OHRWPI
- Фурс С.П. Анализируя новый социальный феномен — аллократия // *Культура и безопасность*. 2022. № 1. С. 5–9. <http://doi.org/10.25257/KB.2022.1.5-9> EDN: BMSFUF
- Хабермас Ю. Расколатый запад. М., 2008.
- Хейманс Дж., Тиммс Г. Новая власть: какие силы управляют миром — и как заставить их работать на нас. Москва : Альпина Паблишер, 2019.
- Худяков П.А. Совершенствование правовой модели налогообложения при реструктуризации бизнеса ИТ-компаний // *Юридическая наука*. 2021. № 12. С. 49–55. EDN: GFHKGS
- Чирва Д. Человеческое в человеко-машинном гибриде искусственного интеллекта // *Логос*. 2024. Т. 34. № 6. С. 203–216. <http://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-6-203-214> EDN: LYPEKA
- Чистов К.В. Народные традиции и фольклор : очерки теории. Ленинград : Наука, 1986. EDN: YVOOOL
- Шмитт К. Государство и политическая форма. Москва : Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2010. EDN: QRNQGL
- Якунин В.И., Володенков С.В., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В. Государственная политика как объект современных научных исследований // *Вестник Московского государственного университета. Серия 12. Политические науки*. 2024. № 6. С. 50–94. <http://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-6-50-94> EDN: LJMALN

References

- Alekseev, N.N. (1998). *The Russian people and the state*. Moscow: Agraf. (In Russian).
- Altermatt, U. (2000). *Ethnonationalism in Europe*. Moscow. (In Russian).
- Braidotti, R. (2021). *Posthuman*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).
- Chirva, D. (2024). The human in a human-machine hybrid of artificial intelligence. *Logos*, 34(6), 203–216. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-6-203-214> EDN: LYPEKA
- Chistov, K.V. (1986). *Folk traditions and folklore. Essays on theory*. Leningrad: Nauka. (In Russian). EDN: YVOOOL
- Furs, S.P. (2022). Analyzing a new social phenomenon — algocracy. *Culture and security*, 1, 5–9. (In Russian). <http://doi.org/10.25257/KB.2022.1.5-9> EDN: BMSFUF
- Greenfield, A. (2018). *Radical technologies. The device of everyday life*. Moscow: Delo Publishing house. (In Russian).
- Habermas, J. (2008). *The Split West*. Moscow. (In Russian).
- Heymans, J., & Timms, G. (2019). *The New Power: what forces control the world — and how to make them work for us*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).
- Khudyakov, P.A. (2021). Improving the legal model of taxation in business restructuring of IT companies. *Legal Science*, 12, 49–55. (In Russian). EDN: GFHKGS
- Kochetkov, A.P., & Mamychyev, A.Yu. (2024). The digital elite: Formation and development trends. *Polis. Political Studies*, 33(4), 135–145. (In Russian). <http://doi.org/10.17976/jpps/2024.04.10> EDN: CQFELT
- Mamychyev, A.Yu. (2025). *State power in the socio-cultural organization of modern society: Theoretical and methodological aspects of political and legal transformation*. Moscow: RIOR: INFRA-M. (In Russian).
- Markus, G. (2024). *The big deception of big language models. A new approach to AI and regulation of technology giants*. Yerevan: Fortis Press. (In Russian).
- Ocheretyaniy, K., & Pogrebnyak, A. (2024). After algorithms. From social utopias to the fantasy of comfort. *Logos*, 34(6), 1–8. (In Russian). <http://doi.org/10.17323/0869-5377-2024-6-1-7> EDN: AHDMFC
- Sabo, I. (1974). *Fundamentals of the theory of law*. Moscow. (In Russian).

- Schmitt, K. (2010). *The state and the political form*. Moscow: HSE Publishing House (In Russian). EDN: QRNQGL
- Solovyov, A.I. (2011). Latent structures of government or the play of shadows on the face of power. *Polis. Political studies*, 20(5), 70–98. (In Russian). EDN: OHRWPJ
- Vitchenko, A.M. (1982). *Theoretical problems of state power research*. Saratov. (In Russian).
- Yakunin, V.I., Volodenkov, S.V., Bagdasaryan, V.E., & Vilisov, M.V. (2024). State policy as an object of modern scientific research. *Bulletin of the Moscow State University. Series 12. Political sciences*, 6, 50–94. (In Russian). <http://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-6-50-94> EDN: LJMALN
- Zuboff, S. (2025). *Supervisory capitalism or democracy?* Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).

Сведения об авторах:

Кочетков Александр Павлович — доктор философских наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (e-mail: apkoch@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4609-0526)

Мамычев Алексей Юрьевич — доктор политических наук, профессор кафедры российской политики, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: mamychev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-1325-7967)

About the authors:

Alexander P. Kochetkov — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: apkoch@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4609-0526)

Alexey Yu. Mamychev — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Russian Politics, Head of the Laboratory of Political and Legal Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mamychev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-1325-7967)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-560-578

EDN: NFGVYC

Научная статья / Research article

Цифровой суверенитет на Южном Кавказе: вызовы интеграции в международные цифровые коридоры

В.С. Давтян

Российско-Армянский университет, Ереван, Республика Армения

Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Российская Федерация

✉ vahedavtyan@yandex.ru

Аннотация. Страны Южного Кавказа в настоящее время находятся в стадии становления цифрового суверенитета. Изучение политологического измерения феномена цифрового суверенитета позволило установить концептуальные рамки исследования, сводящиеся к определению уровня цифрового развития и суверенитета южнокавказских стран в условиях новых рисков и угроз региональной безопасности. Изучение институциональных основ развития цифровых инфраструктур в странах Южного Кавказа дало возможность оценить уровень их готовности к осуществлению цифровой трансформации. В этой связи особое внимание уделено вопросам законодательного регулирования цифровой отрасли. Выявлены стратегические подходы стран региона к перспективам цифрового развития и суверенитета, отраженные в официальных стратегических документах. Показано, что проистекающая на Южном Кавказе ожесточенная конкуренция между двумя ключевыми транспортно-логистическими стратегиями «Север — Юг» и «Восток — Запад» сказывается также на логике и географии проложения цифровых коридоров. В частности, многосторонняя интеграция в телекоммуникационные коридоры интернет-трафика рассматриваются нами в качестве ключевого вызова диверсификации путей обеспечения национальной цифровой безопасности и повышения цифрового суверенитета стран региона. В этой связи анализ логистической архитектуры цифровых коридоров на двух уровнях — региональном и макро-региональном — позволил определить основные проблемы и перспективы цифровой интеграции на Южном Кавказе. Методология работы включает межстрановой сравнительный анализ, а также методы количественной оценки уровня цифровизации (индекс сетевой готовности, проникновение мобильного и фиксированного интернета и пр.).

Ключевые слова: цифровизация, суверенитет, безопасность, Южный Кавказ, коридоры, коммуникации, диверсификация, «Цифровой шелковый путь», TASIM

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Давтян В.С. Цифровой суверенитет на Южном Кавказе: вызовы интеграции в международные цифровые коридоры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 560–578. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-560-578>

© Давтян В.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Digital Sovereignty in the South Caucasus: Navigating Challenges Towards Integration within Global Digital Corridors

Vahe S. Davtyan

Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ vahedavtyan@yandex.ru

Abstract. The article explores key challenges in the formation and development of digital sovereignty across the South Caucasus region. Adopting a political science perspective, it outlines the conceptual framework of the study, which focuses on assessing the level of digital advancement and sovereignty in the context of emerging regional security risks and threats. The analysis examines the institutional foundations underpinning digital infrastructure development in the region, offering an assessment of national readiness for digital transformation. Particular emphasis is placed on the legislative regulation of the digital sector, as well as on strategic approaches to digital development and sovereignty as reflected in national policy documents. The study demonstrates that the ongoing strategic competition between the “North–South” and “East–West” transport and logistics corridors in the South Caucasus also shapes the logic and geography of emerging digital routes. In this context, multilateral integration into international internet traffic corridors is identified as a critical challenge for diversifying access routes, enhancing national digital security, and strengthening digital sovereignty. The analysis of the logistical architecture of digital corridors — at both regional and macro-regional levels — enables the identification of the main barriers and prospects for digital integration in the South Caucasus. Methodologically, the study employs a cross-country comparative approach alongside quantitative measures of digitalization, including the Network Readiness Index, mobile and fixed internet penetration, and related indicators.

Keywords: digitalization, sovereignty, security, South Caucasus, corridors, communications, diversification, “Digital Silk Road”, TASIM

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Davtyan, V.S. (2025). Digital sovereignty in the South Caucasus: Navigating challenges towards integration within global digital corridors. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 560–578. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-560-578>

Введение, или Политологическое измерение концепции «цифрового суверенитета»

В условиях стремительного развития цифровых технологий и возрастания их роли в глобальных политических и экономических процессах концепция цифрового суверенитета приобретает особую значимость. В свою очередь, анализ проблем цифрового суверенитета в его политологическом измерении сегодня представляется не только уместным, но и необходимым в связи с ростом его влияния на обеспечение национальной безопасности и государственно-го суверенитета.

Достижение цифрового суверенитета сопряжено с комплексом проблем и трудностей, среди которых следует выделить, например, монополизацию мировой цифровой среды транснациональными корпорациями; международное регулирование интернета, который в целом находится под контролем либо стран Запада, либо аффилированных с ними бизнес-субъектов; зависимость от зарубежных технологий, существенно понижающих возможности реализации государством суверенной политики, и пр. Разумеется, красной нитью сквозь рассматриваемое проблемное поле проходит распространение киберугроз и кибершпионажа, создающих серьезные риски как для цифровых, так и в целом для критических инфраструктур.

Одним из ключевых инструментов проведения политики цифрового суверенитета является формирование т.н. «цифровых коридоров», представляющих собой по сути транспортные инфраструктуры, используемые с целью обеспечения логистических маршрутов передачи данных между государствами. Чем диверсифицированнее маршруты передачи данных, тем безопаснее национальная цифровая экосистема государства. Следовательно, государство, нацеленное на повышение собственного суверенитета, как правило, стремится к созданию альтернативных маршрутов с использованием как подводных, так и наземных оптоволоконных линий.

Вместе с тем наличие как активных, так и замороженных вооруженных конфликтов, территориальных споров, блокада со стороны соседних государств и ряд других геополитических факторов, отражающих региональные реалии, напрямую сказываются на безопасности функционирования уже существующих цифровых коридоров, равно как и на проектировании новых, при прочих условиях, экономически более целесообразных маршрутов передачи данных. Все указанные проблемы в той или иной мере свойственны Южному Кавказу — региону, продолжающему демонстрировать высокую турбулентность, обусловленную набирающей обороты конкуренцией как между региональными, так и внерегиональными акторами. При этом выгодное географическое расположение региона, его нахождение на перекрестке двух транспортно-логистических мегастратегий — «Север — Юг» и «Восток — Запад» — определяют высокий интерес к нему со стороны ключевых геополитических акторов.

Таким образом, вырисовывается цель настоящего исследования: **определить уровень цифрового суверенитета стран Южного Кавказа и влияния геополитической обстановки в регионе на формирование международных «цифровых коридоров».** Достижение поставленной цели предполагает решение нескольких задач:

- провести сравнительный анализ реализуемой в странах Южного Кавказа политики цифровизации;
- оценить уровень цифровой безопасности и цифровой готовности стран Южного Кавказа;
- рассмотреть существующие в регионе «цифровые коридоры»;
- определить уровень влияния региональных геополитических процессов на безопасность «цифровых коридоров».

Под цифровым суверенитетом ряд авторов понимает особенности регулирования и контроля сетевого оборудования, программного обеспечения, больших данных и в целом информационного пространства [Couture, Tourin 2019].

Традиционно предлагается два подхода к определению понятия «цифровой суверенитет»: узкий, в котором цифровой суверенитет ограничивается лишь информационным суверенитетом, сводящимся к праву государства контролировать распространяемую на его территории информацию, и более широкий — с акцентом на сокращение зависимости от поставок зарубежного цифрового оборудования и реализацию протекционистской поддержки отечественным ИТ-компаниям. Также к важным компонентам цифрового суверенитета относится создание национальной системы управления интернетом с обеспечением должного уровня взаимодействия между государством, гражданским обществом и ИТ-компаниями [Кочетков, Маслов 2022: 33].

Ряд исследователей исходят из необходимости рассмотрения проблем цифрового суверенитета сквозь призму продвижения национальных интересов и обеспечения безопасного функционирования национальных цифровых инфраструктур [Никонов и др. 2021: 208]. Рассматривается ряд научных и экспертных подходов, согласно которым цифровой суверенитет характеризуется наличием собственных цифровых сервисов во всех ключевых сферах жизнедеятельности государства, включая национальные цифровые платформы (социальные сети, мессенджеры, облачные хранилища и пр.). Также под цифровым суверенитетом нередко понимается наличие национальных операционных систем, собственных разработок в сфере искусственного интеллекта и пр. [Никонов и др. 2021: 210].

Заслуживают внимания попытки изучения цифрового суверенитета с позиций критической геополитики, в рамках которой политический актор рассматривается как результат дискурса о суверенитете, и его конституирование в современном мире возможно преимущественно через цифровое пространство [Романова 2023: 64].

Особое внимание в научной литературе уделяется вопросам информационного вмешательства во внутривнутриполитические процессы, учитывая возрастающее влияние цифрового пространства на формирование общественного мнения. При этом алармистские настроения свойственны не только российским, но также европейским авторам, отмечающим снижение влияния европейского капитала на рынке информационных технологий, новые угрозы информационной безопасности (напр., кибертерроризм, использование цифровых и информационных инструментов в военно-политической деятельности и пр.) [Зиновьева, Булва 2021: 45].

Выделяется ряд системообразующих компонентов цифрового суверенитета, таких как национальные цифровые платформы, программное и аппаратное обеспечение, квалифицированные специалисты, научно-образовательная база по подготовке кадров, ресурсы цифровой архитектуры, безопасность и сохранность информации и пр. [Ромашкина, Киричук 2023: 851].

Следует констатировать, что проблемы цифрового суверенитета в странах Южного Кавказа недостаточно изучены. Исключение составляют лишь исследования, посвященные вопросам формирования международных цифровых коридоров и реализации цифровых инициатив, так или иначе затрагивающих страны региона (например, «Цифровой Шелковый путь» (ЦШП) или «Цифровая инициатива ЕАЭС»). Вместе с тем нередко встречаются научные публикации, посвященные проблемам цифровизации экономики и системы государственного управления в странах Южного Кавказа [Арутюнян 2020; Huseynova, Mazanova 2020; Омарова, Шарипова 2022]. Однако целевые исследования, касающиеся региональных проблем обеспечения цифрового суверенитета, практически отсутствуют, чем и обусловлена актуальность настоящей статьи.

Цифровой суверенитет на Южном Кавказе: межстрановой анализ

Геополитические трансформации, обострившиеся в последние годы, особенно после 44-дневной войны в Нагорном Карабахе (Арцах) осенью 2020 г. оказали прямое воздействие на уровень цифрового развития и цифровой вовлеченности в регионе, и без того с начала 1990-х гг. пребывающем в состоянии глубокой дезинтеграции. В результате сложных стратегических перестановок, повлекших за собой глубинные изменения в архитектуре региональной безопасности, получили еще более отчетливые очертания процессы международной транспортно-логистической конкуренции, нашедшей отражение также в сфере цифровых коммуникаций на Южном Кавказе [Давтян, Маргарян 2022]. Таким образом, напрашивается предварительный вывод о том, что уровень цифровой безопасности и цифрового суверенитета стран региона напрямую зависит от внешнеполитической конъюнктуры, сказывающейся как на развитии национальных цифровых инфраструктур, так и на формировании интеграционных трендов.

Для структурного осмысления проблем цифрового суверенитета стран Южного Кавказа следует начать, пожалуй, с рассмотрения институциональных особенностей стран с определением как государственных органов, ответственных за политику цифровизации, так и национальных цифровых приоритетов.

В странах Южного Кавказа наблюдаются в целом схожие цели развития цифрового суверенитета, для достижения которых созданы и внедрены в систему государственного управления разные по статусу институты. Так, в Армении главными органами, ответственными за цифровизацию, являются Канцелярия премьер-министра и Министерство высокотехнологичной промышленности, располагающие в своих структурах, соответственно, двумя профильными учреждениями — Агентством по внедрению инфраструктур электронного управления и Агентством информационных систем Армении. В Азербайджане за цифровизацию ответственно Государственное агентство по общественным услугам и социальным инновациям при Президенте республики также с соответствующими профильными учреждениями — Центром развития электронного правительства, Центром предоставления государственных услуг и Центром

инноваций. Что касается Грузии, то здесь главными государственными органами, отвечающими за цифровое развитие, выступают Министерство юстиции, Министерство экономики и устойчивого развития, а также и две профильные организации — Агентство цифрового управления и Агентство по развитию государственной службы (табл. 1).

Таблица 1

**Органы государственной власти и профильные учреждения
в сфере цифрового управления в странах Южного Кавказа**

Страна	Ответственный институт	Профильные учреждения
<i>Армения</i>	Канцелярия Премьер-министра Республики Армения (Совет по цифровизации) Министерство высокотехнологичной промышленности	ЗАО «Агентство по внедрению инфраструктур электронного управления» Фонд «Агентство информационных систем Армении» Совет управления информационными системами
<i>Азербайджан</i>	Министерство цифрового развития и транспорта Государственное агентство по общественным услугам и социальным инновациям при Президенте Азербайджана (SAPSSI)	Центр развития электронного правительства при SAPSSI Центры предоставления государственных услуг при SAPSSI Центр инноваций при SAPSSI
<i>Грузия</i>	Министерство юстиции Министерство экономики и устойчивого развития	Агентство цифрового управления Агентство по развитию государственной службы

Источник: составлено В.С. Давтяном

Table 1

**Government Authorities and Specialized Institutions in the Field of Digital Governance
in the South Caucasus Countries**

Country	Responsible Authority	Specialized Institutions
<i>Armenia</i>	Office of the Prime Minister of the Republic of Armenia (Digitalization Council) Ministry of High-Tech Industry	CJSC «e-Governance Infrastructure Implementation Agency» «Information Systems Agency of Armenia» Foundation Information Systems Management Council
<i>Azerbaijan</i>	Ministry of Digital Development and Transport State Agency for Public Service and Social Innovations under the President of the Republic of Azerbaijan (SAPSSI)	E-Government Development Center under SAPSSI Public Service Centers under SAPSSI Innovation Center under SAPSSI
<i>Georgia</i>	Ministry of Justice Ministry of Economy and Sustainable Development	Digital Governance Agency Civil Service Development Agency

Source: compiled by V.S. Davtyan

Межстрановой анализ институциональных особенностей политики цифровизации на Южном Кавказе показывает, что, невзирая на официальное постулирование приоритетности цифрового развития, тем не менее, это не всегда отражается в институциональной структуре правительства. Указанные

в таблице ответственные институты — министерства и государственные агентства — по сути, не являются узкопрофильными с фокусацией лишь на цифровую повестку (отчасти исключение может составить лишь Азербайджан с выделенной цифровой компонентой в названии министерства). Для сравнения можно привести в качестве примера ряд стран, располагающих министерствами, специализирующимися исключительно или преимущественно на вопросах цифровизации: Россия (Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций), Казахстан (Министерство цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности), Кыргызстан (Министерство цифрового развития), Узбекистан (Министерство по развитию информационных технологий и коммуникаций), Польша (Министерство цифровизации), ОАЭ (Министерство искусственного интеллекта и цифровых технологий) и пр.

Для оценки приоритетности обеспечения цифрового суверенитета в странах Южного Кавказа следует обратиться также к двум важным индикаторам — отражению проблем цифровой повестки в стратегиях национальной безопасности (либо иных стратегических документах) и стратегическим инициативам в сфере цифровой трансформации. При этом в основополагающих стратегических документах государств региона наблюдаются также точки соприкосновения для развития сотрудничества между ними [Кардумян 2013].

Все три страны региона в своих стратегиях/концепциях национальной безопасности затрагивают вопросы цифрового развития и суверенитета сквозь призму вызовов информационных войн и кибербезопасности, а также отчасти цифровизации государственных услуг. В частности, в «Стратегии национальной безопасности Республики Армения» от 2020 г. отмечается, что угрозами информационной безопасности Армении являются кибератаки на информационные инфраструктуры, расположенные на территории страны, со стороны иностранных государств, международных террористических организаций, преступных группировок и отдельных лиц. Новыми и уникальными вызовами являются кибератаки, направляемые частными организациями, а также финансируемые иностранными государствами, которые нацелены на жизненно важную информационную инфраструктуру Армении и средства ее управления. «Мы будем развивать нормативно-правовую базу взаимоотношений между государством и поставщиками жизненно важной информационной инфраструктуры и цифровых услуг, в результате чего будут созданы Национальный центр кибербезопасности и группы реагирования на компьютерные инциденты»¹, — отмечается в документе, что в целом отражает ключевые риски цифрового суверенитета Армении (в том числе геополитического характера).

Обращаясь к концепции национальной безопасности Азербайджана, следует отметить особый акцент, который ставится в документе на инструментах обеспечения информационной безопасности в сфере разведки и контрразведки.

¹ *Стратегия национальной безопасности Республики Армения* (принята 10 июля 2020 г.). URL: <https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/AA-Razmavarutyun-Final.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).

«Одним из основных вопросов в данном секторе национальной безопасности является согласование способностей и повышение эффективности разведки и контрразведки, а также координация охраны секретной информации», — отмечается в документе². Приоритетной задачей для Азербайджана остается создание цифровой инфраструктуры, способной обслуживать электронное правительство, а также формирование цифровых идентификационных систем и развитие технологии блокчейн, равно как и информационное обеспечение государственных решений и борьбы с организованной преступностью [Гасанов 2014].

В Стратегии национальной безопасности Грузии проблемы цифрового суверенитета преимущественно сводятся к рискам кибербезопасности. В качестве важного аргумента приводятся угрозы кибербезопасности Грузии, возникшие еще в период 5-дневной войны 2008 г. «Поскольку зависимость критической инфраструктуры Грузии от информационных технологий растет, растут и проблемы, связанные с защитой грузинского киберпространства. Во время российско-грузинской войны 2008 г. Российская Федерация провела масштабные кибератаки параллельно с наземными, воздушными и морскими атаками. Эти атаки показали, что защита киберпространства так же важна для национальной безопасности, как и наземная, морская и противовоздушная оборона», — отмечается в Стратегии. Также в Стратегии особое внимание уделяется безопасности секретной информации и защите государственных информационных систем³.

В целом можно констатировать, что в действующих стратегиях/концепциях национальной безопасности стран Южного Кавказа не прослеживается комплексное видение проблем цифрового суверенитета. Рассмотренные нами документы так или иначе сводят вопросы цифровизации преимущественно к киберугрозам и информационным войнам, чего, на наш взгляд, недостаточно для оценки современных вызовов цифрового развития и суверенитета. Впрочем, это может быть обусловлено тем обстоятельством, что приведенные выше документы были составлены и утверждены в период, предшествовавший кульминации «цифрового поворота» в мире. Отметим также, что в последние годы, параллельно с динамичным развитием цифровой сферы и формированием новых цифровых угроз, в странах Южного Кавказа не менее динамично развивается также «цифровое законодательство», что является свидетельством ответственного подхода и системного видения развития цифрового суверенитета как вызова национальной безопасности. Последнее сегодня представляет особую значимость в связи с необходимостью правового регулирования обработки данных в интернете [Винник 2014]. Страны региона не первый год осуществляют активную законодательскую деятельность, направленную на формирование необходимых правовых условий для цифрового развития как в сфере оказания

² Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики (Утверждена Распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 23 мая 2007 г. №2198). URL: <https://ir.rudn.ru/books/b1/p5/01.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).

³ *National Security Concept of Georgia*. URL: <https://mfa.gov.ge/en/national-security-concept> (accessed: 20.03.2025).

цифровых услуг и перехода к системе цифрового правительства, так и повышения устойчивости и безопасности киберсистем. Все это сопровождается наблюдаемыми в странах региона стратегическими инициативами, призванными обеспечить цифровую трансформацию.

Рассмотрим уровень цифровизации стран региона с применением также некоторых количественных инструментов, среди которых особый интерес представляет индекс сетевой готовности NRI (Networked Readiness Index).

NRI представляет собой комплексный показатель, определяющий уровень развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и сетевой экономики страны. Разработанный в 2002 г. в рамках Всемирного экономического форума, позже, в 2019 г., Индекс был переработан и передан в ведение «Института Портуланса» (США), который и публикует ежегодный рейтинг сетевой готовности стран в сотрудничестве со Всемирным альянсом информационных технологий и услуг. В основу расчета Индекса заложен метод корреляции между развитием ИКТ и экономическим ростом. Измерение осуществляется по 62-м контрольным показателям, которые объединены в четыре группы:

- 1) технологии;
- 2) люди;
- 3) управление;
- 4) влияние.

Первое место в рейтинге соответствует высшему значению, и наоборот. В 2024 г. в рейтинге 133 стран по индексу сетевой готовности страны Южного Кавказа расположились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг стран Южного Кавказа по индексу сетевой готовности в 2024 г.

Страны	Место в рейтинге	Индекс
Армения	66	49,54
Азербайджан	75	46,8
Грузия	68	49,30

Источник: Network Readiness Index 2024: Building a Digital Tomorrow // Portulans Institute. URL: <https://download.networkreadinessindex.org/reports/data/2024/nri-2024.pdf> (accessed: 21.03.2025).

Table 2

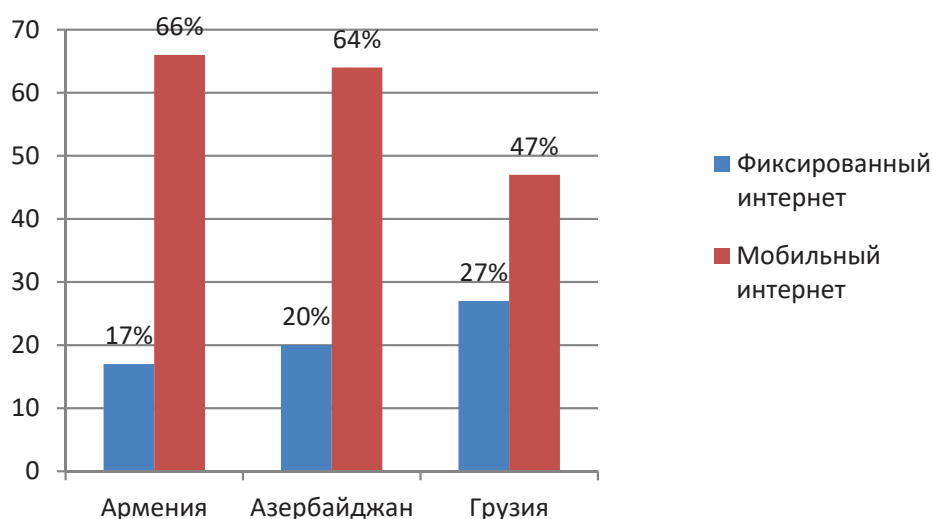
Network Readiness Index Rankings of South Caucasus Countries, 2024

Country	Rank	Index Score
Armenia	66	49.54
Azerbaijan	75	46.80
Georgia	68	49.30

Source: Network Readiness Index 2024: Building a Digital Tomorrow. Portulans Institute. Retrieved March 21, 2025, from <https://download.networkreadinessindex.org/reports/data/2024/nri-2024.pdf>

Означают ли приведенные данные, что среди стран Южного Кавказа Армения лидирует по уровню цифровизации? Согласно NRI, ответ очевиден. Однако по целому ряду отдельно взятых показателей картина не представляется столь радужной. В частности, если обратиться к такому значимому сегодня показателю, как внедрение беспроводного интернета нового поколения 5G, среди стран региона лидером выступает Грузия (в 2023 г. в двух районах Тбилиси и на некоторых зимних курортах была запущена сеть 5G)⁴. В Армении⁵ и Азербайджане⁶ постепенное внедрение 5G планируется в 2025 г. Более того, важным фактором продолжает оставаться также геополитическая напряженность в регионе, которая в большей степени сказывается на транспортно-коммуникационных возможностях Армении.

Другим важным количественным показателем является также соотношение проникновения мобильного и фиксированного интернета (рис.)⁷.

Соотношение проникновения мобильного и фиксированного интернета

Источник: Преодоление цифрового разрыва в Центральной Азии и на Южном Кавказе // GSMA 2023. URL: <https://>

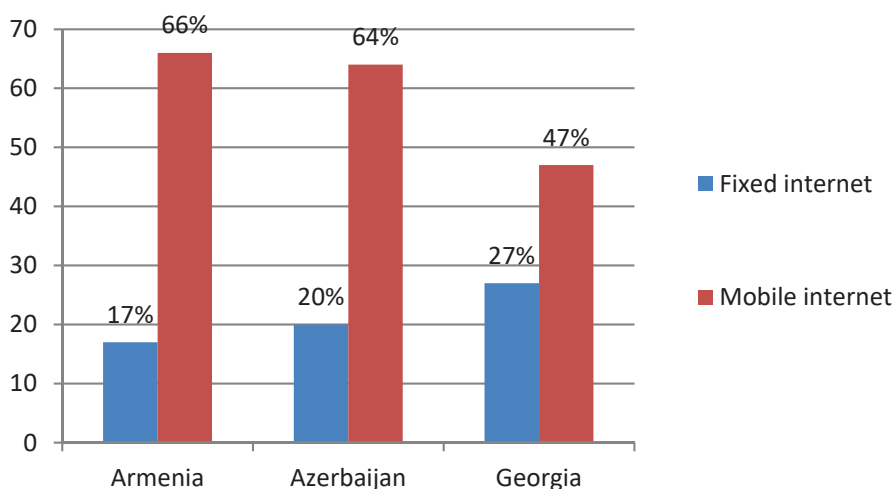
⁴ 5G в Грузии — уже реальность: быстрый Интернет появился в Тбилиси и на горных курортах // Спутник Грузия. 21 декабря 2023 г. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20231221/5g-v-gruzii--uzhe-realnost-bystryy-internet-poyavilsya-v-tbilisi-i-na-gornyykh-kurortakh-285107627.html> (accessed: 21.03.2025).

⁵ В Армении начнут внедрять сеть 5G по всей территории страны и в аэропортах // АРКА. 18 декабря 2024 г. URL: https://arkatelecom.am/news/internet/v_armenii_nachnut_vnedryat_set_5g_po_vsey_territorii_strany_i_v_aeroportakh/ (дата обращения: 21.03.2025).

⁶ Стало известно время запуска 5G в Азербайджане // Report.az. 8 октября 2019 г. URL: <https://report.az/ru/ikt/oglasheni-investicii-v-razvertivanie-i-vnedrenie-5g-v-sng/?ysclid=m8k79l193j820082095> (дата обращения: 21.03.2025).

⁷ Преодоление цифрового разрыва в Центральной Азии и на Южном Кавказе // GSMA 2023. URL: <https://www.gsma.com/solutions-and-impact/connectivity-for-good/mobile-economy/wp-content/uploads/2023/06/Closing-the-Digital-Divide-in-Central-Asia-and-the-South-Caucasus-2023-RUSSIAN.pdf> (дата обращения: 21.03.2025).

www.gsma.com/solutions-and-impact/connectivity-for-good/mobile-economy/wp-content/uploads/2023/06/Closing-the-Digital-Divide-in-Central-Asia-and-the-South-Caucasus-2023-RUSSIAN.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

Ratio of mobile and fixed internet penetration

Source: Closing the Digital Divide in Central Asia and the South Caucasus, GSMA 2023. Retrieved March 21, 2025, from <https://www.gsma.com/solutions-and-impact/connectivity-for-good/mobile-economy/wp-content/uploads/2023/06/Closing-the-Digital-Divide-in-Central-Asia-and-the-South-Caucasus-2023-RUSSIAN.pdf>

Ожидается, что широкое внедрение сети 5G на Южном Кавказе приведет к существенному увеличению роли мобильных устройств в цифровой трансформации благодаря меньшей задержке и большей пропускной способности. В целом наличие более качественного и доступного интернета неизбежно скажется на уровне политической вовлеченности граждан, а также приведет к сокращению динамики урбанизации, являющейся одной из важных социально-экономических проблем во всех странах Южного Кавказа.

Диверсификация цифровых коридоров как вызов безопасности

Геополитическая напряженность на Южном Кавказе оказывает существенное влияние на транспортно-логистическую и коммуникационную системы региона. Наблюдаемые здесь неразрешенные или замороженные военно-политические конфликты не только ограничивают возможности проложения экономически наиболее целесообразных международных коммуникационных коридоров, но также сказываются на безопасности и стабильности национальных коммуникационных инфраструктур. Продолжающаяся конкуренция, а по сути — «транспортная война» между бенефициарами двух ключевых для Большой Евразии мегапроектов: «Север — Юг» и «Восток — Запад», во многом предопределяет ход и логику региональных цифровых коммуникаций [Федоровская 2022].

Осуществление атак по проходящим как по суше, так и по морскому дну интернет-кабелям сегодня стало одним из ключевых инструментов ведения войны. Достаточно обратиться в этой связи к повреждению подводных интернет-коммуникаций в Красном море (февраль 2024 г.)⁸, обрыву телекоммуникационных кабелей на дне Балтийского моря (ноябрь 2024 г.)⁹ и прочим аналогичным инцидентам, свидетельствующим о проведении целенаправленных диверсий против критических инфраструктур в ходе разного рода геополитических конфликтов.

Аналогичные риски могут угрожать также цифровой безопасности стран Южного Кавказа. Для наиболее комплексной оценки этих рисков прежде всего следует обратиться к основным внешним маршрутам интернет-трафика в регионе.

Южный Кавказ соединен с международными интернет-хабами посредством нескольких цифровых коридоров, пролегающих в европейском, российском, ближневосточном и центральноазиатском направлениях. География этих маршрутов выглядит следующим образом.

Начнем с общеевразийских маршрутов, обеспечивающих связь в регионе:

- Caucasus Cable System: Болгария-Грузия;
- MedNautilus: Европа-Турция;
- AAE-1: Турция-Азия;
- SEA-ME-WE: Иран-Персидский залив-Азия;
- FLAG, FALCON: Иран-Индия;
- TransCaspian Fiber Optic: Азербайджан-Казахстан.

Все перечисленные маршруты напрямую или косвенно влияют на цифровую безопасность стран Южного Кавказа, следовательно, выстраивание эффективной внешней политики по указанным направлениям представляется важным вызовом для всех стран региона.

В настоящее время Армения получает интернет по двум основным коридорам: через Грузию (главный маршрут) и Иран (резервный маршрут). При этом через Грузию Армения имеет выход на Европу и Россию (как сухопутным, так и морским маршрутом). Обращаясь к проблемам грузинского маршрута, следует обратить внимание, во-первых, на отмечаемую экспертами ограниченную пропускную способность и, во-вторых, на возможные перебои в случае кризиса — политического или техногенного. Основания для подобных опасений имеются: в 2019 г. — 49 %, а в 2021 г. оставшиеся 51 % акций компании Caucasus Online, являющейся оператором оптического кабеля, связывающего Болгарию и Грузию через Черное море и обеспечивающего трафик интернета в Армению (80 %), были переданы компании NEQSOL Holding, имеющей азербайджанское

⁸ Хуситы атаковали подводные интернет-кабели, связывающие Европу и Азию // РБК. 27 февраля 2024 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/02/2024/65dd643d9a7947adc6142781> (дата обращения: 21.03.2025).

⁹ Китайское судно заподозрили в обрыве кабелей на дне Балтийского моря // Lenta.ru. 20 ноября 2024 г. URL: <https://lenta.ru/news/2024/11/20/v-obryve-telekabeley-v-baltiyskom-more-obvinili-rossiyanina-chto-izvestno/> (дата обращения: 21.03.2025).

происхождение. Естественно, что данная сделка не могла не быть оценена в контексте армяно-азербайджанского конфликта. Особое внимание привлекал тот факт, что, согласно сообщению армянских СМИ, в ходе 44-дневной войны в Нагорном Карабахе 2020 г. проходящий через грузинский город Марнеули интернет-кабель неоднократно повреждался¹⁰. Переход этой критически значимой для Армении инфраструктуры под контроль азербайджанского бизнеса вызвал необходимость поиска новых маршрутов интернет-трафика. После известной сделки официальный Ереван предложил Тбилиси начать реализацию проекта строительства нового цифрового коридора, связывающего Европу и Армению через Черное море, однако по настоящее время инфраструктура не построена. Важно также отметить, что в рамках уже существующего интернет-маршрута армянские операторы выступали в качестве транзитеров интернета в Иран, Афганистан, а начиная с 2019 г. — также в Катар. Таким образом, формирование нового, альтернативного цифрового коридора из Европы в Армению является вызовом развития цифрового суверенитета не только в плане обеспечения внутренней безопасности, но и продвижения своих позиций на коммуникационных рынках Ближнего Востока и Южной Азии.

Узловой транспортной точкой Южного Кавказа продолжает оставаться Грузия, что отражается также на логистике региональных цифровых маршрутов. Основным источником интернет-трафика в Грузию является подводный кабель из Европы (Caucasus Cable System), пролегающий по маршруту Варна — Батуми. Параллельно с этим Грузия располагает также цифровыми коридорами с Россией. Сухопутный кабель проходит по маршруту Тбилиси — Владикавказ — Москва, подводный же соединяет Поти, Новороссийск и Сочи, создавая диверсификационные возможности как для Грузии, так и для Армении, зависящей от грузинского маршрута. Важно при этом отметить, что в настоящее время диверсификацию внешних интернет-маршрутов в Армении часто связывают с возможным налаживанием армяно-турецких отношений с последующим открытием государственных границ и разблокированием транспортных и экономических коммуникаций.

Возвращаясь к российско-грузинскому цифровому коридору, отметим, что само его существование рассматривается в качестве потенциальной угрозы со стороны ЕС. Оценивая данный маршрут как инструмент укрепления российского влияния на Южном Кавказе, в мае 2023 г. Еврокомиссия приняла решение о проложении альтернативного интернет-кабеля по дну Черного моря до Грузии с целью снижения «зависимости Кавказа от наземной оптиковолоконной связи, проходящей транзитом через Россию»¹¹. Исторически выступая

¹⁰ Ереван взялся за интернет-безопасность и предложит Тбилиси проложить кабель мимо Баку // *Спутник Армения*. 29 сентября 2021 г. URL: <https://am.sputniknews.ru/20210929/erevan-vzyalsya-za-internet-bezopasnost-i-predlozhit-tbilisi-prolozhit-kabel-mimo-baku-33727932.html> (дата обращения: 22.03.2025).

¹¹ В Черном море проложат новый кабель из-за тревог ЕС о России // *РБК*. 12 мая 2023 г. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/05/2023/645de2e39a794759c57d5615 (дата обращения: 22.03.2025).

зоной российского влияния, Южный Кавказ сегодня продолжает рассматриваться рядом западных акторов как важное направление внешней политики с целью осуществления в регионе глубинных стратегических перестановок [Буторов и др. 2022]. Проект охватывает более широкую географию, выходя далеко за пределы Южного Кавказа. Согласно обнародованным данным, планируется, что кабель стоимостью 45 млн евро и протяженностью 1,1 тыс. км соединит Украину с Болгарией, Турцией и Грузией, затем подземным путем дойдет до территории Армении и далее через Азербайджан — в страны Центральной Азии. Подобная Черноморско-Каспийская геостратегия вполне вписывается в комплекс инфраструктурных проектов, реализуемых ЕС (например, электроэнергетический кабель по дну Черного моря между Азербайджаном, Грузией, Венгрией и Румынией)¹².

Азербайджан связан цифровыми коридорами с Россией, Грузией и Турцией. Также в настоящее время разрабатывается проект проложения транскаспийского оптоволоконного кабеля протяженностью 370 км и стоимостью 50 млн долл. США, призванного связать Азербайджан с Казахстаном¹³. Впрочем, данный проект преследует намного более амбициозные цели, выходя далеко за пределы обеспечения интернет-трафика между двумя странами. Цель — формирование на территории Азербайджана международного цифрового хаба с дальнейшей интеграцией в т.н. «Цифровой Шелковый путь», представляющий собой глобальную инициативу, реализуемую в рамках проекта «Пояс и Путь» и направленную на развитие цифровой инфраструктуры в странах-участницах [Гамза 2022]. Инициатива охватывает широкую географию — Азию, Африку, Европу и Латинскую Америку, чем и обусловлена периодически звучащая из стран Запада критика, сводящаяся преимущественно к опасениям относительно возможного сбора данных через контролируемые цифровые инфраструктуры. Следуя мегатрендам «четвертой промышленной революции», ЦШП охватывает также проблемы в сфере искусственного интеллекта, больших данных, интернета вещей, облачной логистики, технологий финтеха и пр. Согласно некоторым оценкам, ЦШП служит также своего рода инструментом экономической экспансии посредством создания зон свободной торговли, выстраивания новейшей транспортно-логистической инфраструктуры и пр. [Лю, Авдокушин 2019].

Транскаспийский оптоволоконный кабель, проектируемый через Азербайджан, Грузию, Турцию, а также Казахстан и Туркменистан, по сути, рассматривается как составная часть ЦШП. В связи с подключением Туркменистана к данному маршруту следует отметить, что в ноябре 2019 г. между Баку и Ашхабадом было заключено межгосударственное соглашение о создании интернет-маршрута. Предполагается проложение цифрового коридора

¹² В Черном море проложат новый кабель из-за тревог ЕС о России // РБК. 12 мая 2023 г. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/05/2023/645de2e39a794759c57d5615 (дата обращения: 22.03.2025).

¹³ Trans-Caspian fiber-optic line between Kazakhstan and Azerbaijan could cost \$50 mln // Interfax. 18 June, 224. URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/103474/> (accessed: 22.03.2025).

протяженностью 300 км от Сиазаньского района Азербайджана до туркменского порта Туркменбаши, что позволит обеспечить интернет-трафик из Европы в Южную Азию и обратно по территории Азербайджана¹⁴. В целом в эти же стратегические цели вписывается также приобретение в 2021 г. Caucasus Online, о чем было сказано выше.

В контексте интеграции Южного Кавказа в международные цифровые коридоры отдельного интереса заслуживает также проект «Трансевразийская информационная супермагистраль» (TASIM), инициированный Азербайджаном в 2008 г. и направленный на создание транснациональной оптиковолоконной магистрали, связывающей страны Евразии от Западной Европы до Восточной Азии [Ure 2021: 24]. Проект предусматривает строительство крупного транзитного маршрута от Франкфурта до Гонконга/Шанхая. Проект получил поддержку ООН, принявшей две резолюции (в 2009 и 2012 гг.) по содействию информационной супермагистрали¹⁵.

Планируется, что маршрут объединит крупнейшие центры по обмену информацией Европы и Азии, пройдет через Китай, Казахстан, Азербайджан, Грузию, Турцию и достигнет Германии. Параллельно с этим также рассматривается резервная магистраль, которая будет проходить по маршрутам Трансанатолийского и Трансдариатического газопроводов (ТАР и TANAP), связывающих Южный Кавказ (Азербайджан и Грузию) с Турцией и Европой с выходом на Италию. Важно отметить, что изначально Россия в лице компании «Ростелеком» рассматривалась в качестве участника международного консорциума по реализации проекта TASIM. Однако в последние годы наблюдается отсутствие активной вовлеченности российской стороны в данный проект. По сути, TASIM — это одна из инициатив формирования цифрового коридора по маршруту Европа — Кавказ — Азия в обход России, полностью вписывающегося в продвигаемую ЕС стратегию «Восток — Запад».

Как видим, страны Южного Кавказа, с одной стороны, нацелены на диверсификацию цифровых телекоммуникационных коридоров, с другой — стремятся интегрироваться в международные маршруты интернет-трафика, что вызвано прежде всего потенциальными рисками и угрозами цифровой и — шире — национальной безопасности. С этой целью страны региона не только поднимают собственный цифровой суверенитет путем развития конвенционных — сухопутных и морских — цифровых коммуникаций, но также делают ставку на применение спутниковой интернет-связи. Свидетельством тому является выстраивание работы с принадлежащей Илону Маску

¹⁴ Азербайджан и Туркменистан подписали соглашение о прокладке фибер-оптической кабельной линии // Исполком СНГ. 28 ноября 2019 г. URL: <https://cis.minsk.by/news/12598/azerbajdzan-i-turkmenistan-podpisali-soglasenie-o-prokladke-fiber-opticeskoj-kabelnoj-linii> (дата обращения: 22.03.2025).

¹⁵ Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 64/186 «Расширение доступа к Интернету благодаря трансевразийской высокоскоростной информационной магистрали» от 21.12.2009 и 67/194 «Расширение доступа к Интернету путем создания трансевразийской высокоскоростной информационной магистрали» от 21.12.2012.

компанией SpaceX, предоставляющей услуги спутникового интернета Starlink. Если Армения и Азербайджан пока находятся на стадии согласования сотрудничества с этой компанией (в Азербайджане уже зарегистрировано представительство компании¹⁶, в Армении же впервые заявили о соответствующих целях в конце 2024 г.¹⁷), то в Грузии Starlink доступен с 2023 г.¹⁸ Эта тенденция также является свидетельством неравномерного развития интернета и, следовательно, указывает на разницу в «цифровой готовности» стран Южного Кавказа.

Заключение

Как показал проведенный межстрановой анализ, повышение цифрового суверенитета рассматривается странами Южного Кавказа как один из ключевых компонентов обеспечения национальной безопасности. В свою очередь, достижение цифрового суверенитета и его дальнейшее поддержание требуют комплексного решения ряда политических и экономических проблем, включая сокращение зависимости от зарубежных технологий, повышение цифровой грамотности населения, обеспечение национального контроля над интернет-трафиком и пр. В случае же со странами Южного Кавказа особую актуальность обретает также проблема диверсификации международных цифровых коридоров, что обусловлено сложной геополитической ситуацией в регионе, не способствующей развитию стабильных и безопасных цифровых коммуникаций.

Характерно, что все страны Южного Кавказа практически в равной степени демонстрируют понимание стратегической значимости цифрового развития, что находит свое отражение как в имеющихся профильных государственных институтах, так и в стратегиях национальной безопасности и «цифровом законодательстве».

Вместе с тем в странах региона наблюдается разный уровень «цифровой готовности», что вызвано геополитическими реалиями и вытекающими из них транспортно-логистическими особенностями. Так, если Грузия фигурирует в качестве регионального «цифрового узла», а Азербайджан демонстрирует потенциал формирования более масштабного цифрового хаба между Центральной Азией и Европой, то находящаяся в полублокадном состоянии Армения сегодня пребывает в состоянии зависимости от пролегающего через Грузию маршрута, что обязывает ее искать новые пути цифровой интеграции с внешним миром и обеспечения национальной цифровой безопасности. Важно при этом учесть проводимую ЕС политику по сокращению цифрового влияния России на Южном Кавказе посредством проложения альтернативных

¹⁶ Starlink открыла представительство в Азербайджане // Trend. 30 декабря 2022 г. URL: <https://www.trend.az/business/3689590.html> (дата обращения: 22.03.2025).

¹⁷ Starlink может стать началом новой технологической эры для Армении: Forbes // Арменпресс. 17 декабря 2024 г. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1207629> (дата обращения: 22.03.2025).

¹⁸ Starlink доступен в Грузии, — сообщил Илон Маск // Sputnik Грузия. 1 ноября 2023 г. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20231101/starlink-dostupen-v-gruzii-soobschil-ilon-mask-283872026.html> (дата обращения: 22.03.2025).

маршрутов интернет-трафика (например, TASIM): по сути, «транспортная война» между стратегиями «Восток — Запад» и «Север — Юг» все больше скажется на ожесточении конкуренции в сфере выстраивания цифровых коридоров. Одним из ключевых акторов этой конкуренции продолжает оставаться Китай, который посредством своей инициативы ЦШП нацелен на обеспечение интеграции двух указанных стратегий (как и в целом в случае с инициативой «Пояс и путь»). При этом в региональном срезе активность в виде новых коридоров и инфраструктурных решений наблюдается в основном в направлении «Восток — Запад», что также объясняется рассмотренными выше геополитическими реалиями.

Поступила в редакцию / Received: 13.01.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 23.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 19.04.2025

Библиографический список

- Арутюнян Г.А.* Армения на пути к цифровизации. Вопросы управления и экономики: современное состояние актуальных проблем // Сб. ст. по материалам XLII Междунар. науч.-практ. конф. Москва : Интернаука, 2020. С. 86–91.
- Буторов А.С., Турава Г.М., Плиев С.М.* Особенности российского влияния на обеспечение региональной безопасности на Южном Кавказе // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 8. С. 780–786. EDN: JGJSNO
- Винник Д.В.* Цифровой суверенитет: политические и правовые режимы фильтрации данных // Философия науки. 2014. № 2 (61). С. 95–113. EDN: SMIDUD
- Гамза Л.А.* Цифровой Шёлковый путь Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 2. С. 63–79. <https://doi.org/10.31857/S013128120019578-6> EDN: LJYUAW
- Гасанов А.М.* Политика национального развития и безопасности Азербайджанской Республики. Баку: «Zərdabi LTD» ММС, 2014. 672 с.
- Давтян В.С., Маргарян Н.И.* Транспортные коммуникации Южного Кавказа после войны в Нагорном Карабахе // Россия и новые государства Евразии. 2022. № I (LIV). С. 123–135. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-123-135> EDN: HQRIFY
- Зиновьева Е., Булга В.* Цифровой суверенитет Европейского Союза // Современная Европа. 2021. № 2. С. 40–49. <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220214049> EDN: IOMTFV
- Кардунян В.* Коллективная безопасность на Южном Кавказе: концептуальный аспект // Россия и новые государства Евразии. 2013. № 3. С. 15–23. EDN: SVKQSB
- Кочетков А.П., Маслов К.В.* Цифровой суверенитет как основа национальной России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 2. С. 31–45. EDN: BJJUXI
- Лю Ижу, Авдокушин Е.Ф.* Формирование основ «цифрового шелкового пути» // Мир новой экономики. 2019. Т. 13. № 3. С. 62–71. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-4-62-71> EDN: JKFHZZ
- Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А., Володенков С.В., Рыбакова М.В.* Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216. <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/18> EDN: PCWPLD

- Омарова Т., Шарипова Д. Цифровизация предоставления государственных услуг и инновации в деятельности государственных органов в Центральной Азии и на Кавказе // Международный журнал реформы и практики государственной службы. 2022. Т. 7, № 1. <https://doi.org/10.56289/ijcsrp.159>
- Романова Т. Эволюция концепции «цифровой суверенитет» в Евросоюзе: константы и дихотомии // Современная Европа. 2023. № 4. С. 62–76. <https://doi.org/10.31857/S0201708323040022> EDN: BVRRNQ
- Ромашкина А.Б., Киричук Д.А. Политическая субъектность цифровых актантов в контексте обеспечения цифрового суверенитета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 4. С. 848–861. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-848-861> EDN: WRRDXQ
- Федоровская И. Проекты развития транспортной инфраструктуры в Закавказье // Россия и новые государства Евразии. 2022. № IV (LVII). С. 123–131. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-4-123-131> EDN: YFRWMD
- Couture S., Toupin S. What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital? // New media & society. 2019. Т. 21, № 10. P. 2305–2322 / <https://doi.org/10.1177/1461444819865984>
- Huseynova A.D., Mazanova O. Expansion of E-Services in Azerbaijan: Directions and Perspectives // 55th International Scientific Conference on Economic and Social Development Development. Baku, Azerbaijan, 14–17 February 2020. Vol. 2. P. 656–662.
- Ure J. Digital Solutions Centre in Central Asia // Asia-Pacific Information Superhighway Working Paper. Series No. 7. October 2021. 54 p.

References

- Butorov, A.S., Turava, G.M., & Pliev, S.M. (2022). Features of Russian Influence on Regional Security in the South Caucasus. *Post-Soviet Studies*, 5(8), 780–786. (In Russ.). EDN: JGJSNO
- Couture, S., Toupin, S. (2019). What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital? *New Media & Society*, 21(10), 2305–2322 / <https://doi.org/10.1177/1461444819865984>
- Davtyan, V.S., & Margaryan, N.I. (2022). Transport Communications of the South Caucasus After the War in Nagorno-Karabakh. *Russia and New States of Eurasia*, I (LIV), 123–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-1-123-135> EDN: HQRTFY
- Fedorovskaya, I. (2022). Transport Infrastructure Development Projects in Transcaucasia. *Russia and New States of Eurasia*, (IV), 123–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-4-123-131> EDN: YFRWMD
- Gamza, L.A. (2022). China’s Digital Silk Road. *Problems of the Far East*, (2), 63–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013128120019578-6> EDN: LJYUAW
- Harutyunyan, G.A. (2020). Armenia on the Path to Digitalization. Issues of Management and Economics: Current State of Relevant Problems. *Proceedings of the XLII International Scientific and Practical Conference*. Moscow: Interscience Publishing House, pp. 86–91. (In Russ.).
- Hasanov, A.M. (2014). *National Development and Security Policy of the Republic of Azerbaijan*. Baku: “Zərdabi LTD” MMC, 672 p. (In Russ.).
- Huseynova, A.D., & Mazanova, O. (2020). Expansion of E-Service. In *Azerbaijan: Directions and Perspectives. 55th International Scientific Conference on Economic and Social Development Development*. Baku, Azerbaijan, 14–17 February 2020 (vol. 2, pp. 656–662).
- Kardumyan, V. (2013). Collective Security in the South Caucasus: Conceptual Aspect. *Russia and New States of Eurasia*, (3), 15–23. (In Russ.). EDN: SVKQSB
- Kochetkov, A.P., & Maslov, K.V. (2022). Digital Sovereignty as the Basis of National Russia in the Global Digital Society. *Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science*, (2), 31–45. (In Russ.). EDN: BJJUXI

- Liu Yizhu, Avdokushin E.F. (2019). Formation of the Foundations of the “Digital Silk Road”. *World of the New Economy*, 13(3), 62–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-4-62-71> EDN: JKFHZL
- Nikonov, V.A., Voronov, A.S., Sazhina, V.A., Volodenkov, S.V., & Rybakova, M.V. (2021). Digital Sovereignty of the Modern State: Content and Structural Components (Based on Expert Research). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (60), 206–216. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/1998863X/60/18> EDN: PCWPLD
- Omarova, T., & Sharipova, D. (2022). Digitalization of Public Service Delivery and Innovations in the Activities of State Bodies in Central Asia and the Caucasus. *International Journal of Civil Service Reform and Practice*, 7(1). <https://doi.org/10.56289/ijcsrp.159>
- Romanova, T. (2023). Evolution of the Concept of “Digital Sovereignty” in the European Union: Constants and Dichotomies. *Contemporary Europe*, (4), 62–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S0201708323040022> EDN: BVRNMQ
- Romashkina, A.B., & Kirichuk, D.A. (2023). Political Agency of Digital Actants in the Context of Ensuring Digital Sovereignty. *RUDN Journal of Political Science*, 25(4), 848–861. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-848-861> EDN: WRRDXQ
- Ure, J. (2021). Digital Solutions Centre in Central Asia. *Asia-Pacific Information Superhighway Working Paper*. Series No. 7. October 2021. 54 p.
- Vinnik, D.V. (2014). Digital Sovereignty: Political and Legal Regimes of Data Filtering. *Philosophy of Science*, (2), 95–113. (In Russ.). EDN: SMIDUD
- Zinovieva, E., Bulva V. (2021). Digital Sovereignty of the European Union. *Contemporary Europe*, (2), 40–49. (In Russ.). <https://doi.org/http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220214049> EDN: IOMTFV

Сведения об авторе:

Давтян Ваге Самвелович — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Российско-Армянского университета, старший научный сотрудник Сектора кавказских исследований Института Китая и современной Азии Российской академии наук (e-mail: vahedavtyan@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-0848-3436)

About the author:

Vahe S. Davtyan — Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Political Science of Russian-Armenian University, Senior Researcher of the Sector of Caucasian Studies of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (e-mail: vahedavtyan@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-0848-3436)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-579-589

EDN: MSIFJY

Научная статья / Research article

Подходы Турецкой Республики к обеспечению цифровой безопасности и регуляции СМИ

В.А. Аватков , Л.Д. Мишин

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

✉ v.avatkov@gmail.com

Аннотация. Турецкая Республика за последнее десятилетие продемонстрировала значительный рост влияния на мировой арене, усиление амбиций в области информационной безопасности также не обошло стороной Турецкую Республику. Турция на данный момент находится в авангарде развития цифровых и информационных инициатив среди государств Ближнего Востока. Не последнее место в новостных сводках страны занимают и новости блокировки и актов активной регуляции интернет и традиционных СМИ, которые вызывают все большую озабоченность турецкого общества. Рассмотрены исторические предпосылки, правовая база, актуальное состояние и тенденции в подходах к обеспечению цифровой и информационной безопасности Турции, а также регулятивной функции государства по отношению к интернету и СМИ. В качестве методологической основы исследования был использован кейс-стади конкретных примеров, настроивших руководство Турции на непосредственное вовлечение в процессы регулирования информационного пространства и СМИ. Помимо этого, был проведен контент-анализ, подкрепленный изучением уставных документов основных регуляторных структур Турции. В ходе работы были также изучены ключевые статьи и монографии ведущих турецких ученых в области юриспруденции, информационной безопасности и истории информационного поля страны. Выявлено, что одной из основных причин усиления контроля за информационным пространством стала нацеленность ряда кибератак на окружение президента Р.Т. Эрдогана. Вместе с тем подчеркивается, что народные волнения последних лет стали дополнительным триггером для изменения подходов к обеспечению цифровой безопасности и регулированию СМИ.

Ключевые слова: Турция, информационная безопасность Турции, цифровая безопасность Турции, безопасность Турции, внутренняя политика Турции

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Аватков В.А., Мишин Л.Д., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Аватков В.А., Мишин Л.Д. Подходы Турецкой Республики к обеспечению цифровой безопасности и регуляции СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 579–589. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-579-589>

Turkey's Strategies for Ensuring Digital Security and Regulating Media Landscape

Vladimir A. Avatkov , Lev D. Mishin

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

✉ v.avatkov@gmail.com

Abstract. The Republic of Turkey has demonstrated a significant increase in influence on the world stage over the past decade, and the rise of information security ambitions has not been lost on the Republic of Turkey either. Turkey is currently at the forefront of digital and information initiatives in the Middle East. Not the least place in the country's news reports is occupied by news of blocking and acts of active regulation of Internet and traditional media, which are of growing concern to Turkish society. The research paper discusses in detail the historical background, legal basis, current state and trends in approaches to ensuring digital and information security in Turkey, as well as the regulatory function of the state in relation to the Internet and media. As a methodological basis for the study, a case study of specific examples was used, setting up the Turkish leadership to be directly involved in the processes of regulating the information space and media. In addition, a content analysis was conducted, supported by a study of the statutes of the main regulatory structures in Turkey. Key articles and monographs by leading Turkish scholars in the fields of jurisprudence, information security and its history were also studied. It was revealed that one of the main reasons for the strengthening of control over the information space was the targeting of a number of cyber attacks on the entourage of President R.T. Erdogan. At the same time, it is emphasized that the unrest of recent years has become an additional trigger for changing approaches to digital security and media regulation.

Keywords: Turkey, information security of Turkey, digital security of Turkey, security of Turkey, internal policy of Turkey

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Avatkov, V.A., & Mishin, L.D. (2025). Turkey's strategies for ensuring digital security and regulating media landscape. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 579–589. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-579-589>

Введение: исторические предпосылки развития кибербезопасности в Турции

Турецкая Республика стала одним из первых государств Ближнего Востока, институционализировавших подразделения по обеспечению информационной безопасности [Ulas 2015: 83–93]. Одной из причин активизации повышенного

внимания государственного аппарата к развитию и становлению под централизованное управление данного ответвления национальной безопасности стала масштабная, а также самая крупная в XXI в. хакерская атака на государственные системы Турции со стороны леворадикальной группировки Redhack в 2012 г., которая с конца XX в. организовывала масштабные нападения на базы данных, критическую структуру и документы, компрометирующие определенных политических деятелей. Среди самых ярких атак необходимо отметить проникновение в сеть командования турецкой армии, а также взлом баз данных с счетами за электроэнергию граждан Турции и их полное удаление¹.

В 2012 г. группировка предприняла попытку обратить внимание на коррупционные связи семьи Р.Т. Эрдогана. Например, был получен 17-гигабайтный архив электронной почты министра энергетики и зятя президента Б. Албайрака, в котором были обнаружены следы коррупционных схем и актов кумовства². Помимо этого, были опубликованы доказательства экономического сотрудничества (покупки нефти) семьи Р.Т. Эрдогана и запрещенной в России организации ИГИЛ. Данный факт был подтвержден несколькими годами позже, когда Минобороны России опубликовало доказательства закупок нефти у террористов со стороны Турции³.

Реакция на подобные «сливы» не заставила себя долго ждать. Почти сразу аккаунты группировки во многих соцсетях были заблокированы по требованию турецких властей. Более того, ответа на представленные группировкой обвинения потребовал и Европейский Союз, после чего президент Эрдоган заявил, что готов понести ответственность, если будут предоставлены конкретные доказательства⁴. Однако конкретных обоснований европейцами предоставлено не было.

Последствием этих скандальных атак стал созыв Совета министров 20 октября 2012 г., в ходе которого было принято решение о создании Совета по кибербезопасности на платформе Министерства транспорта, морских дел и коммуникаций. Среди задач новообразованного Совета стало обеспечение мер по защите государственных учреждений и конфиденциальности от хакерских атак. С этого началась современная централизованная система обеспечения национальных интересов Турции в киберпространстве [Çakır, Taşer 2022: 346–366].

Вслед за этим последовал следующий этап институционализации инициатив по защите информационной безопасности Турции. Так, в 2013 г. была принята первая стратегия Национальной безопасности в киберпространстве, целями

¹ RedHack bu kez TRT'ye saldırdı. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/teknoloji/redhack-bu-kez-trt-ye-saldir-di-21088808> (accessed: 17.04.2025).

² RedHack madde madde anlattı: Damat Berat'ın hesabı nasıl ele geçirildi? URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/haber/redhack-madde-madde-anlatti-damat-beratin-hesabi-nasil-ele-gecirildi-608331> (accessed: 17.04.2025).

³ Минобороны России: Семья Эрдогана покупает краденую нефть у террористов. URL: <https://www.kp.ru/daily/26465/3335897/> (дата обращения: 17.04.2025).

⁴ Erdoğan'dan Redhack açıklaması. URL: <https://www.sozcu.com.tr/erdogandan-redhack-aciklamasi-wp298898> (accessed: 17.04.2025).

которой были заявлены защита конфиденциальности, информации и выявление угроз в киберпространстве и внутри Турецкой Республики⁵. В 2016 г. была принята новая редакция Стратегии, которая в целом мало чем отличалась от редакции 2013 года⁶. Среди нововведений можно отметить лишь повышенное внимание к защите личных данных граждан Турции, а также усиление мер по поиску и привлечению к ответственности киберпреступников, что, по мнению составителей документа, способно обеспечить более полную безопасность национальных интересов страны. Помимо этого, существенным изменениям подверглись подходы к правам человека — акцент на методы Европейского союза в данной сфере.

Параллельно с программными документами, касающимися институционализации данного процесса, создавались и оперативные группировки из нескольких десятков до нескольких сотен человек, призванных курировать интернет- и киберпространство. Например, в 2011 г. было создано в экспериментальном формате подразделение из 200 человек, интегрированное в армию Турции. Среди задач подразделения было отражение атак на государственные и бизнес-структуры. Следует отметить, что данная инициатива была ответом на распространившийся по всему миру компьютерный вирус WannaCry⁷, который не обошел стороной и Турцию.

Тем не менее данная группировка специалистов, интегрированных в армию, не смогла оказать противодействие атаке Redhack годом позднее, что вынудило турецкое руководство расширить инициативы по созданию дополнительных группировок и институционализированных подразделений. Так, вскоре после атаки Redhack был создан Командный центр киберзащиты, который годом позже был преобразован в Командование киберзащиты ВС Турции⁸.

В рамках департаментов Командования киберзащиты ВС Турции выделяются следующие: правоохранный, военный, морской, космический и комплексной обороны.

Первостепенная задача правоохранительного департамента — защита критической инфраструктуры, что было продиктовано необходимостью поставить

⁵ Türkiye. Ulusal Siber Güvenlik Stratejisi. URL: http://www.bilgiguvenligi.org.tr/wp-content/uploads/2016/03/Ulusal_Siber_Guvenlik_Stratejisi.pdf (accessed: 17.04.2025).

⁶ UlusalSiberGuvencikStratejisi. URL: <https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2018/10/2016-2019UlusalSiberGuvencikStratejisi.pdf> (accessed: 17.04.2025).

⁷ Турция планирует создать киберармию для защиты от хакерских атак. URL: <https://news.rambler.ru/middleeast/36909963-turtsiya-planirauet-sozdat-kiberarmiyu-dlya-zaschity-ot-hakerskih-atak/> (дата обращения: 17.04.2025).

⁸ ВС Турции — лидер в сфере разработок технологий кибер-защиты. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%B7%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B8-%D0%B4%D0%BD%D1%8F/%D0%B2%D1%81-%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BB%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%80-%D0%B2-%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%BA-%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B9-%D0%BA%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80-%D0%B7%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D1%8B/584148> (дата обращения: 17.04.2025).

под централизованный контроль оборону от внешних кибератак после атак группировки Redhack и вируса WannaCry.

Военный департамент активно занимается продвижением наступательной стратегии, что было доказано в 2018 г. подавлением формированиями данной структуры американского ЗРК Patriot, переданного Турции Германией на хранение, располагавшегося на границе с Сирией, что стало одним из главных аргументов для последующей покупки российских систем С-400⁹.

Морской департамент отвечает за безопасность инфраструктуры военных и гражданских судов, а также объектов береговой охраны. Необходимо отметить, что особенную важность данный департамент приобрел после начала активных геологоразведывательных работ Турции на шельфе Средиземного моря в рамках доктрины «Голубая Родина» [Аватков, Мишин 2024: 7–22].

Космический департамент отвечает за безопасность космических объектов и спутников. Департамент комплексной обороны специализируется на контрразведывательной деятельности, а также выявлении уязвимостей в военной инфраструктуре [Ковалев, Скипидаров 2021: 197–205].

Через несколько лет после данных первых шагов Турецкая Республика приступила к созданию центров по подготовке специалистов по обеспечению национальных интересов Турции в киберпространстве. Например, в 2016 г. на базе Командования киберзащиты был создан Центр электронной войны в Конье, целями и задачами которого заявлялись подготовка кадров к ведению боевых действий в киберпространстве, а вскоре после этого, в 2017 г., был создан Центр мониторинга киберугроз, который был нацелен на защиту внутри страны¹⁰. Необходимо отдельно подчеркнуть, что данная организация была отмечена в отслеживании антиправительственных комментариев и передаче информации об этом в вышестоящие органы, после чего несколько раз были заблокированы такие соцсети, как Youtube и Twitter (запрещен в России)¹¹.

Таким образом, можно отметить, что главным драйвером для активизации процесса выстраивания структуризации информационной безопасности Турции стал целый ряд масштабных атак на государственную систему Турции. Более того, особенный импульс это развитие получило после того, как хакеры перешли к действиям, направленным против турецкой элиты, тесно связанной с президентом Р.Т. Эрдоганом.

Масштаб организационных мероприятий по постановке сферы информационной безопасности на институционализированные рельсы сложно недооценить, однако не все из них оказывались успешными, но руководство Турецкой Республики активно извлекало уроки из каждого провала.

⁹ Хакеры взломали зенитные ракетные комплексы Patriot. URL: <https://nplus1.ru/news/2015/07/09/patriot> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁰ Konyanin en modern askeri tesisleri inşa ediliyor. URL: <https://rayhaber.com/2024/10/konyanin-en-modern-askeri-tesisleri-insa-ediliyor/> (accessed: 17.04.2025).

¹¹ Турция закрыла доступ к самым популярным соцсетям. URL: <https://news.ru/world/turciya-zakryla-dostup-k-samym-populyarnym-socsetyam/> (дата обращения: 17.04.2025).

Основные документы и ведомства в сфере информационной безопасности Турции

Основу правовой базы, обеспечивающей проведение политики в сфере политики безопасности страны, является Стратегия национальной безопасности, в которой пятая статья посвящена информационному ее аспекту. Данный документ обновляется каждые 5 лет, а последняя его редакция была выпущена 22 января 2025 г.¹² В данном документе особенно выделяются угрозы в киберсфере со стороны Рабочей партии Курдистана и курдских повстанцев в частности. РПК называется главной угрозой национальной безопасности в информационной сфере Турции. Вместе с этим отдельно подчеркиваются возрастающие угрозы со стороны искусственного интеллекта, который связывается со всё большей хаотичностью выстраивающегося полицентричного мира [Сбитнева 2023, 57–61].

Помимо этого, существует учрежденная правительством Организация кибербезопасности (Siber güvenlik teşkilatı), которая собирает информацию о новых угрозах и прецедентах в цифровом пространстве. Также ежегодно обновляется Национальная стратегия кибербезопасности. Последняя ее редакция была опубликована в сентябре 2024 г.¹³ Среди ее ключевых положений необходимо выделить опору на цифровую безопасность в вопросах обеспечения стабильности в критической инфраструктуре, направленность на защиту человеческого капитала, а также активную защиту от всех киберугроз граждан Турецкой Республики. Следует заметить, что в данной концепции особое внимание уделяется усовершенствованию подходов к оборонительным действиям в цифровом пространстве, однако отдельно выделяется не только допустимость, но и целесообразность наступательных действий в данной сфере¹⁴. Первая ее формация появилась в 2013 г. и называлась «Стратегия национальной кибербезопасности: план действий на 2013–2014 годы». В течение следующих она ежегодно обновлялась, однако ключевые положения документа изменениям не подвергались [Karasoğlu, Baboğlu 2021: 123–155].

Помимо упомянутой Организации кибербезопасности одну из ключевых ролей в защите страны от кибератак занимает Совет по цифровым технологиям и связи (Bilgi Teknolojileri ve İletişim Kurumu (BTK)), который объединяет под своим началом большинство малых агентств с более узкими компетенциями. Среди основных целей организации заявлены регуляция в сферах телекоммуникации, интернета, радио и телевидения, а также обеспечение конкурентности в данных сферах и защита прав пользователей¹⁵. Вместе с тем подведомственные

¹² Türkiye updates National Security Policy document at first NSC meeting of 2025. URL: <https://www.turkiyetoday.com/turkiye/turkiye-updates-national-security-policy-document-at-first-nsc-meeting-of-2025-109876/> (accessed: 17.04.2025).

¹³ Siber teşkilat ulusal siber güvenlik strateji ve eylem planı 2024–2028. URL: <https://siberteskilat.org/wp-content/uploads/2024/11/siber-teskilat-ulusal-siber-guvenlik-strateji-ve-eylem-planı-2024-2028.pdf> (accessed: 17.04.2025).

¹⁴ Ulusal siber güvenlik stratejisi 2020–2023. URL: <http://www.sp.gov.tr/upload/xSPTemelBelge/files/HwolM+ulusal-siber-guvenlik-stratejisi-ep-2020-2023.pdf> (accessed: 17.04.2025).

¹⁵ BTK sitesi. URL: <https://www.btk.gov.tr/> (accessed: 17.04.2025).

агентства выполняют непосредственные функции защиты киберпространства. Прямым аналогом данной организации в России является Роскомнадзор, который объединяет под своим началом целую сеть агентств и ведомств.

Основным документом, регулирующим деятельность данного Совета, является четырехлетний план, в котором обозначаются основные направления деятельности организации, ее цели и задачи. Миссией организации заявлено «обеспечение преобразования в информационное общество путем создания эффективной и устойчивой конкуренции в секторе информации и связи, повышения удовлетворенности заинтересованных сторон путем защиты их прав и интересов и содействия технологическим разработкам»¹⁶.

Взгляд руководства организации на свою деятельность, утвержденный Стратегическим планом, звучит так: «...стремление сделать нашу страну эффективной, конкурентоспособной и инновационной на международном уровне в сфере информации и связи». Важнейшими же ценностями называются «объективность и надежность, открытость и прозрачность, предсказуемость и последовательность, взаимодействие и командная работа, научная и информационная ориентация, инновации и постоянное совершенствование, эффективное использование ресурсов, социальная ответственность и отзывчивость, а также ориентация на конечного пользователя» [Aslay 2017: 24–28]. Необходимо отметить, что ВТК редко непосредственно занимается блокировками и модерацией интернет-контента, делегируя данное право своим подведомственным агентствам и организациям.

Одна из них — Национальный центр по реагированию на киберпреступления Турции (Ulusal Siber Olaylara Müdahale Merkezi (USOM)), задачами которого являются следующие: выявление и анализ киберугроз; борьба с атаками на критически важные объекты; координация и информирование государственных органов; разработка локальных и национальных решений в области кибербезопасности¹⁷. Под эгидой USOM выпускается Стратегия защиты критической инфраструктуры, которая в целом во многом созвучна со Стратегией национальной кибербезопасности. Основной вид деятельности USOM: сканирование IP-адресов на предмет наличия проблем с кибербезопасностью [Şentürk, Zaim Çil, Sağiroğlu 2012: 112–125]. По официальным сообщениям, USOM ежедневно предотвращает сотни крупных атак на интернет-ресурсы Турции, а также блокирует доступ вредоносным ресурсам. Только за 2023 г. было предотвращено до 140 тыс. крупных атак на ресурсы страны. Особое внимание населения, государственных структур и СМИ к деятельности USOM было привлечено после теракта спецслужб Израиля против руководства ливанской Хезболлы¹⁸. По за-

¹⁶ 2024–2028 STRATEJİK PLANI. URL: <https://www.btk.gov.tr/uploads/pages/yayinlar-stratejik-planlar/btk-2024-2028-stratejik-plani.pdf> (accessed: 17.04.2025).

¹⁷ USOM sitesi. URL: <https://www.usom.gov.tr/> (accessed: 17.04.2025).

¹⁸ Telsizlerin Patlamasından Sonra Değeri Daha İyi Anlaşıldı: USOM Nedir ve Tam Olarak Ne İş Yapıyor? URL: <https://www.webtekno.com/usom-nedir-ne-yapar-h149265.html> (accessed: 17.04.2025).

явлениям организации, были приняты все меры предосторожности, чтобы подобного не произошло в Турции.

Среди ведомств, так или иначе связанных с кибербезопасностью Турции, представлен TÜBİTAK — Совет по научным и техническим исследованиям Турции. Данная организация лишь косвенно касается кибербезопасности страны. В ее компетенции находятся научное сопровождение технического прогресса в стране. Однако данная организация активно занимается разработкой научных решений для обеспечения основных запросов правительства в сфере цифровой безопасности¹⁹.

Наиболее известная в обществе Турции организация, которая принимает непосредственные решения по блокировке и штрафам СМИ, — RTÜK (Высший совет радио и телевидения). Среди компетенций Совета: регуляция традиционных СМИ (контроль за соблюдением законов в эфире радио и телевидения, включая лицензирование и мониторинг контента; штрафы за нарушения этических норм. Например, в 2020 г. был наложен штраф на один из телеканалов, который транслировал сериал, в котором якобы пропагандировались внебрачные отношения²⁰; также с 2018 г. Совет регулирует онлайн-трансляции традиционных СМИ (в основном телеканалов); инструментарии для блокирования иностранных СМИ, если они не соответствуют законодательству (например, неоднократно подвергались блокировке каналы «DW» и «Голос Америки»²¹); а также цензура определенных программ, не соответствующих традиционным ценностям Турции.

Современное состояние информационной безопасности и опыт борьбы с угрозами

На современном этапе основной фронт работы государственных структур по контролю за информационной безопасностью проходит в сфере блокировок противоправного контента, в том числе в качестве ответа на происходящие в стране социальные потрясения [Irak, Yazıcıoğlu 2012: 133]. Помимо этого, постоянно проводятся комплексные мероприятия по предотвращению кибератак на критическую инфраструктуру.

Например, в 2023 г. Турция столкнулась с несколькими крупномасштабными кибератаками, нацеленными на финансовые учреждения, телекоммуникационные сети и государственные платформы. Также среди кейсов нападений хакеров на Турцию, помимо упомянутых группировок Redhack и вируса WannaCry, важно отметить атаку на оборонный комплекс страны в 2024 г. со стороны южноазиатской группировки Bitter, нацеленной на внедрение вируса с последующим

¹⁹ TÜBİTAK sitesi. URL: <https://tubitak.gov.tr/tr> (accessed: 17.04.2025).

²⁰ RTÜK'ten Sadakatsiz'e 'evlilik dışı ilişki' cezası. URL: <https://www.gazeteduvar.com.tr/rtrukten-sadakatsize-evlilik-disi-iliski-cezasi-haber-1503751> (accessed: 17.04.2025).

²¹ «DW» и «Голос Америки» включены в российский реестр СМИ-иноагентов.

²² RTÜK'ün Başvurusu Üzerine Sulh Ceza Hakimliği Dw ve Voa Türkçe Haber Sitelerine Erişim Engeli Getirdi. URL: <https://www.haberler.com/guncel/rtuk-un-basvurusu-uzerine-sulh-ceza-hakimligi-dw-15050528-haberi/> (accessed: 17.04.2025).

шантажом правительства Турции²³. Можно подчеркнуть, что интегрированные в государственные учреждения группировки, основанные на базе выводов атак 2012–2013 гг., успешно справились с минимизацией ущерба.

Что касается кейсов регуляции СМИ и интернета, то самыми известными случаями стали протесты в парке Гези в 2013 г., которые сначала разразились из-за вырубки деревьев в парке, который считался экологами жемчужиной природного достояния Стамбула. Впоследствии протесты приобрели антиправительственные очертания, в ходе которых выдвигались требования по отставке правительства Справедливости и развития и Р.Т. Эрдогана в частности. В ходе данных событий впервые в истории страны широко применялись ограничительные инструменты ВТК и ее подведомственных организаций.

Например, когда протесты приняли откровенно антиправительственный характер, власти страны инициировали процесс блокировки двух крупнейших социальных сетей: Twitter и Instagram (принадлежит экстремистской организации Meta, запрещенной в России)²⁴. Многие участники процесса и оппозиция обвинили правительство страны, и в частности USOM и ВТК, в цензуре информационного поля. Помимо соцсетей было приостановлено вещание ряда телеканалов и запрет им на ведение трансляций с протестов. Данное решение было вынесено RTÜK, которое на протяжении нескольких лет и на сегодняшний день активно продолжает блокирующую деятельность в отношении телеканалов в ходе волнений²⁵.

Тем не менее данные события стали лишь прологом к активному использованию регулятивных инструментов по отношению к блокировкам социальных сетей и запретам на вещание различным телеканалам.

Наиболее красноречивым закреплением пройденных уроков протестов в Парке Гези 2013 г. стали беспорядки 2025 г., которые разразились по причине ареста мэра Стамбула из Народно-республиканской партии Э. Имамоглу по обвинению в нескольких преступлениях. Среди них значились коррупционные кейсы, а также обвинения в поддержке террористической деятельности.

По результатам данного задержания разгорелись масштабные акты гражданского неповиновения, для координации которых активно использовались соцсети. В марте 2025 г., в самый разгар протестов, были заблокированы соцсети X (запрещена в РФ), Youtube, Instagram (запрещена в РФ) и TikTok (приостановил работу в РФ)²⁶, что вызвало шквал негодования среди турецкой

²³ Bitter APT Targets Turkish Defense Sector with WmRAT and MiyaRAT Malware. URL: <https://thehackernews.com/2024/12/bitter-apt-targets-turkish-defense.html> (accessed: 17.04.2025).

²⁴ Twitter отказался сотрудничать с турецкими властями. URL: <https://lenta.ru/news/2013/06/26/twitter/> (accessed: 17.04.2025).

²⁵ İstanbul Cumhuriyet Başsavcılığı, Gezi parkı olaylarıyla ilgili RTÜK'ten medya kayıtlarını talep etti. URL: <https://www.ilkhaber-gazetesi.com/gundem/istanbul-cumhuriyet-bassavciligi-gezi-parki-olaylariyla-ilgili-rtuk-ten-medya-kayitlarini-talep-etti-255592> (accessed: 17.04.2025).

²⁶ Washington Post: Türkiye'deki protestolar gençlik içinde uyanış başlattı. URL: <https://www.nefes.com.tr/washington-post-turkiyedeki-protestolar-genclik-icinde-uyanis-baslatti-27904> (accessed: 17.04.2025).

общественности, поддержанной оппозицией. Более того, судебная система страны также не нашла в данных актах противоречия закону и подтвердила их легитимность.

Заключение

Таким образом, можно подчеркнуть, что основным импульс развитию информационно-безопасности и мерам по борьбе с внешними киберугрозами был придан после того, как хакеры предприняли попытку сбора компромата на ближайших сподвижников и родственников президента Р.Т. Эрдогана, который мог стать причиной для крупного международного скандала. Следует констатировать, что, в случае если бы хакеры не нацелились на личность президента, развитие данного направления как минимум бы не приняло столь быстрого характера.

Что касается работы турецких интернет и СМИ регуляторов, то импульс развития им придали опасения руководства страны вокруг возможности гибкой координации антиправительственных протестов. В 2013 г. власти страны впервые применили масштабные блокировки соцсетей, а также ограничения на телеканалы, ведущие прямые трансляции с протестов. На современном этапе, в 2025 г., данная блокирующая функция турецких государственных ведомств вышла на новый уровень, когда в одночасье в нескольких городах был отключен интернет и был ограничен доступ к некоторым социальным сетям, что, следует подчеркнуть, сыграло определенную роль в снижении протестного потенциала и возможностей оппозиции по мобилизации населения.

Поступила в редакцию / Received: 07.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 21.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 29.04.2025

Библиографический список

- Аватков В.А., Мишин Л.Д. «Голубая Родина» как этап выстраивания субъектности Турции // Ближний и Постсоветский Восток. 2024. № 3 (7). С. 7–22. <http://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2024.03.01>. EDN: ADZLAE
- Ковалев О.Г., Скипидаров А.А. Организационно-правовые особенности построения системы кибербезопасности в зарубежных государствах (на примере модели Турецкой Республики) // Столыпинский вестник. 2021. № 3 (2). С. 197–205. EDN: BPUWCP
- Сбитнева А.И. Международное сотрудничество Турции в области безопасности // Международные отношения в условиях новых угроз безопасности : сборник Международной научно-практической конференции. Москва : МГЛУ, 2023. С. 57–61. EDN: KIRXBI
- Aslay F. Siber Saldırı Yöntemleri ve Türkiye'nin Siber Güvenlik Mevcut Durum Analizi // *IJMSIT*. 2017. Vol. 1, no. 1. S. 24–28.
- Çakır H., Taşer M. Türkiye'de Yapılan Siber Güvenlik Faaliyetlerinin ve Eğitim Çalışmalarının Değerlendirilmesi // *Gazi Üniversitesi Fen Bilimleri Dergisi Part C Tasarım ve Teknoloji*. 2022. № 11(2). S. 346–366.

- Irak D., Yazıcıoğlu O. Türkiye ve sosyal medya / S Arıcıoğlu. (ed.) İstanbul : Okuyan 2012. S. 133.
- Karasoy H.A., Babaoğlu P. Türkiye’de siber güvenlik: yasal ve kurumsal altyapı // Yasama Dergisi. 2021. No. 44. S. 123–155.
- Şentürk H., Zaim Çil C., Sağiroğlu Ş. Cyber Security Analysis of Turkey // International journal of information security science. 2012. Vol. 1, no. 4. P. 112–125.
- Ulas G. Information Security Strategies in Turkey: Current Status, Government Policies & Recommendations // Computers & Security. 2015. No. 56. P. 83–93.

References

- Aslay, F. (2017). Siber Saldırı Yöntemleri ve Türkiye’nin Siber Güvenlik Mevcut Durum Analizi. *IJMSIT*, 1(1), 24–28. (In Turkish).
- Avatkov, V.A., & Mishin, L.D. (2024). “Mavi Vatan” as a stage of building Turkey’s subjectivity. *Middle and Post-Soviet East*, 3(7), 7–22. (In Russian) <http://doi.org/10.31249/j.2949-2408.2024.03.01>. EDN: ADZLAE
- Çakır, H., & Taşer, M. (2022). Türkiye’de Yapılan Siber Güvenlik Faaliyetlerinin ve Eğitim Çalışmalarının Değerlendirilmesi. *Gazi Üniversitesi Fen Bilimleri Dergisi Part C Tasarım ve Teknoloji*, 11(2), 346–366. (In Turkish).
- Irak, D., & Yazıcıoğlu, O. (2012). Türkiye ve sosyal medya. In S. Arıcıoğlu (Ed.), *Türkiye ve sosyal medya* (p. 133). İstanbul: Okuyan. (In Turkish).
- Karasoy, H.A., & Babaoğlu, P. (2021). Türkiye’de siber güvenlik: Yasal ve kurumsal altyapı. *Yasama Dergisi*, 44, 123–155. (In Turkish).
- Kovalev, O.G., & Skipidarov, A.A. (2021). Organizational and legal features of building a cybersecurity system in foreign states (based on the model of the Republic of Turkey). *Stolypin Bulletin*, 3(2), 197–205. (In Russian) EDN: BPUWCP
- Sbitneva, A.I. (2023). International cooperation of Turkey in the field of security. In *International Relations in the Context of New Security Threats, Proceedings of the International Conference* (pp. 57–61). Moscow, Moscow Linguistic University. (In Russian) EDN: KIRXBI
- Şentürk, H., Çil, C.Z., & Sağiroğlu, Ş. (2012). Cyber security analysis of Turkey. *International Journal of Information Security Science*, 1(4), 112–125.
- Ulas, G. (2015). Information security strategies in Turkey: Current status, government policies & recommendations. *Computers & Security*, 56, 83–93.

Сведения об авторах:

Аватков Владимир Алексеевич — доктор политических наук, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН (e-mail: v.avatkov@gmail.com) (ORCID: ID 0000-0002-6345-3782)

Мишин Лев Дмитриевич — младший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (e-mail: lev.darsik@mail.ru) (ORCID: ID 0009-0003-5460-3931)

About the authors:

Vladimir A. Avatkov — Doctor of Political Sciences, Head of the Department of the Near and Post-Soviet East at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: v.avatkov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6345-3782)

Lev D. Mishin — Junior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: lev.darsik@mail.ru) (ORCID: 0009-0003-5460-3931)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ARTIFICIAL INTELEGEENCE

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-590-605
EDN: LSQJAX

Научная статья / Research article

Технологии искусственного интеллекта как инновационный инструмент реализации государственной молодежной политики РФ: стратегии, механизмы и практики

К.Е. Стребкова¹ , Д.А. Мальцева^{2,3} , Д.А. Федотов^{2,4}

¹Координационный центр национального домена сети Интернет, Москва, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

⁴Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Российская Федерация
 maltseva-da@rudn.ru

Аннотация. В какой степени искусственный интеллект (ИИ) служит повышению эффективности реализации государственной молодежной политики РФ в условиях технологического развития и цифровой трансформации? Новизна заключается в комплексном анализе уникальных механизмов внедрения ИИ в российскую систему молодежной политики с учетом национальных стратегических приоритетов, а также в выявлении персонализированных подходов к управлению человеческим капиталом молодежи посредством использования ИИ. По результатам анализа функционального потенциала ИИ, Стратегии государственной молодежной политики РФ до 2030 г., а также релевантных практик применения цифровых механик с системами ИИ в контексте реализации молодежной политики авторами выделены три ключевых направления имплементации ИИ-технологий: 1) разработка систем стратегического мониторинга и прогнозирования уязвимостей молодежи, 2) акселерация трансформационных процессов в сфере реализации молодежной политики через внедрение цифровых продуктов с элементами искусственного интеллекта, 3) оптимизация процессов вовлечения молодежи в общественную динамику, интенсификация гражданского участия. Приводятся примеры результативных национальных и зарубежных сценариев в указанных областях, предлагаются новые подходы к гармонизации

© Стребкова К.Е., Мальцева Д.А., Федотов Д.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

стратегии молодежной политики посредством внедрения инновационных интеллектуальных технологий. Отмечаются существенные ограничения применения ИИ, включая этические коллизии и методологические сложности. Обозначены ключевые риски при разработке законодательных инициатив, направленных на регулирование использования ИИ в экосистеме управления человеческим капиталом молодежи, подчеркивается важность поиска баланса между стимулированием инноваций и защитой прав и свобод граждан в цифровой среде.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственная молодежная политика, цифровая трансформация, экосистема, цифровая платформа, молодежь, человеческий капитал

Благодарности. Публикация выполнена в рамках Госзадания № FSSF-2025-0012 «Искусственный интеллект в экосистеме политического управления человеческим капиталом российской молодежи: стратегии и риски».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Стребкова К.Е., Мальцева Д.А., Федотов Д.А. Технологии искусственного интеллекта как инновационный инструмент реализации государственной молодежной политики РФ: стратегии, механизмы и практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 590–605. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-590-605>

AI-Driven Innovation in Russian Youth Policy: Strategies, Mechanisms, and Practices

Karina E. Strebkova¹ , Daria A. Maltseva^{2,3} , Daniil A. Fedotov^{2,4}

¹Coordination Center for TLD .RU/.РФ, Moscow, Russian Federation

²Saint-Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation

³RUDN University, Moscow, Russian Federation

⁴The Legislative Assembly of Saint Petersburg, St Petersburg, Russian Federation

✉ maltseva-da@rudn.ru

Abstract. How Artificial Intelligence (AI) enhances the effectiveness of Russian youth policy implementation amidst technological advancements and digital transformation? The study's novelty lies in its comprehensive analysis of specific mechanisms for integrating AI into the Russian youth policy system, considering national strategic priorities. Furthermore, it identifies personalized approaches to youth human capital management through AI. Analyzing the functional potential of AI technologies, the Russian Youth Policy Strategy to 2030, and relevant practices of applying digital technologies with AI systems in the context of youth policy, the authors highlight three key areas for AI implementation: 1) developing strategic monitoring and forecasting systems for youth vulnerabilities, 2) acceleration of transformation processes in the sphere of implementation of youth policy through the introduction of digital products with elements of artificial intelligence, and 3) optimizing processes for engaging youth in social dynamics, intensification of civic engagement. The article presents examples of successful national and international scenarios in these areas and proposes new approaches to enhance

youth policy strategy implementation through innovative intelligent technologies. Significant limitations of AI application are noted, including ethical concerns and methodological challenges. The study outlines key risks in developing legislative initiatives aimed at regulating the use of AI within the youth human capital management ecosystem, emphasizing the importance of balancing innovation promotion with the protection of citizens' rights and freedoms in the digital environment.

Keywords: artificial intelligence, state youth policy, digital transformation, ecosystem, digital platform, youth, human capital

Acknowledgements. The article is carried out within the framework of the State task no. FSSF-2025-0012 “Artificial intelligence in the ecosystem of political management of human capital of Russian youth: Strategies and risks”.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Strebkova, K.E., Maltseva, D.A., & Fedotov, D.A. (2025). AI-driven innovation in Russian youth policy: Strategies, mechanisms, and practices. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 590–605. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-590-605>

Введение

Цифровая трансформация является неотъемлемым элементом развития всех сфер общественной жизни, включая государственное управление [Schwab 2017]. Молодежь, как наиболее активная и восприимчивая к инновациям социальная группа, выступает ключевым драйвером и реципиентом этих процессов [Цифровая трансформация... 2024]. В данном контексте можно утверждать, что в условиях технологического прогресса возрастает стратегическая значимость интенсификации человеческого капитала представителей молодого поколения, поскольку существует прямая корреляция между уровнем его развития и темпами экономического роста, а следовательно, политической устойчивостью и конкурентоспособностью государства [Клячко, Семионова 2018].

Препарируя более детально паттерны развития человеческого капитала молодежи, нельзя не отметить, что молодые индивиды существуют одновременно в реальном и цифровом измерениях [Володенков, Белоконев, Суслова 2021], при этом на современном этапе именно цифровая среда оказывает значимое влияние на формирование их личностных характеристик, жизненных приоритетов, системы ценностей и моделей поведения [Qureshi 2023]. Таким образом, национальный человеческий капитал, основу которого составляет молодежь, во многом определяется качеством цифровой экосистемы как уникального пространства социализации. Более того, на сегодняшний день ярко выражено явление стремительной модификации человеческого капитала молодежи под влиянием цифровой трансформации ввиду ее высокой мобильности и адаптивности [Дубина 2020]. Это означает, что в условиях региональной асимметрии создание универсального механизма формирования человеческого капитала требует существенной модернизации общей системы политического управления на всех уровнях [Новичков, Новичкова, Назаров 2025].

В практической плоскости область пересечения интересов государства и молодого поколения находит свое воплощение в артикуляции и реализации стратегии государственной молодежной политики. Авторы работы убеждены, что для качественного достижения обозначаемых в ней целей требуется интенсивное использование современных цифровых технологий, в частности искусственного интеллекта (ИИ), что позволяет аккумулировать и анализировать значительные объемы данных, а также моделировать разнообразные сценарии принятия решений [Мокшанов 2024]. Очевидно, что необходимость внедрения подобных интеллектуальных систем обусловлена вызовами цифровой эпохи, требующей, в первую очередь, повышения персонализации процессов и механизм [Dwivedi, Hughes, Ismagilova 2021].

Таким образом, релевантным представляется тезис С. Макридакиса о том, что революционные изменения в сфере ИИ стимулируют коренные перестройки экономических механизмов, а успех государств на международной арене детерминирован их способностью гибко реагировать на вызовы новых технологических реалий [Makridakis 2017]. В этом контексте возрастает роль процессов обеспечения национального технологического суверенитета, гарантирующего контроль над стратегически важными ресурсами, включая экосистему управления человеческим капиталом молодежи.

Искусственный интеллект в структуре реализации государственной молодежной политики: анализ технологической основы и направлений имплементации

Стратегический императив интеграции ИИ в механизмы реализации государственной молодежной политики диктует необходимость всестороннего анализа его потенциала и прикладных ресурсов, что предполагает глубокое осмысление принципов функционирования систем ИИ — их методов, операциональных возможностей и ограничений — для выявления ключевых точек приложения и определения перспективных направлений в обозначенной сфере.

ИИ, концептуализируемый как вычислительные машины, способные к воспроизведению работы когнитивной системы человека [McCarthy 2007; Russell, Norvig 2009], несмотря на ограничения в полной эмуляции разума, позволяет значительно изменить подходы к реализации молодежной политики. Формируя базис для разработки инновационных цифровых инструментов (например, виртуальных ассистентов) и комплексных экосистем [Бадма-Гаряев, Ходыкова 2021], интеллектуальные продукты предоставляют новые возможности для анализа потребностей молодежи, использования коммуникационных каналов и оптимизации принимаемых политических решений.

Упомянутый выше потенциал детерминирован непосредственно самой технологической основой ИИ. Среди ключевых актуальных методов выделяют «экспертные системы, рассуждения на основе прецедентов, нейронные сети, эволюционные вычисления, байесовские сети, нечеткие системы и семантические сети» [Симанков, Теплоухов 2020]. Их прикладные сферы охватывают

машинное зрение, обработку естественного языка и аудио, а также творческий ИИ [Симанков, Теплоухов 2020]. В целях концептуализации проектов и инициатив в структуре реализации молодежной политики в рамках настоящего исследования был осуществлен подробный анализ функционального потенциала указанных технологий. Параллельно авторами был проведен контент-анализ Стратегии государственной молодежной политики РФ¹ и мониторинг релевантных отечественных и зарубежных практик применения цифровых технологий с системами ИИ в контексте реализации молодежной политики. В результате было выделено три основные траектории их имплементации:

1. разработка систем стратегического мониторинга и прогнозирования уязвимостей молодежи;
2. акселерация трансформационных процессов в сфере реализации молодежной политики через внедрение цифровых продуктов с элементами искусственного интеллекта;
3. оптимизация процессов вовлечения молодежи в общественную динамику, интенсификация гражданского участия.

Обратимся подробнее к их рассмотрению.

Разработка систем стратегического мониторинга и прогнозирования уязвимостей молодежи

Системы ИИ предоставляют широкие возможности для анализа больших массивов данных о молодежи, собираемых из цифровых источников. Алгоритмы машинного обучения позволяют выявлять латентные закономерности, прогнозировать тренды и точно сегментировать аудиторию, что находит применение в оперативном мониторинге социальных настроений и проблем молодежи в различных регионах и группах². В этом контексте применение ИИ согласуется с задачами государственной молодежной политики, в частности с «защитой молодежи от деструктивного информационно-психологического воздействия»³ путем раннего выявления потенциально опасной информации.

Посредством анализа больших данных ИИ прогнозирует риски для различных групп молодежи, чтобы вовремя предупредить кризисные ситуации. В частности, разрабатываются модели исследования суицидальных рисков [Choi, Kim, Kim, Jeon, Kim, Jang 2021]. Перспективным направлением, по мнению авторов, является создание систем мониторинга и анализа онлайн-контента для выявления и предотвращения кибербуллинга. Инструменты на основе нейронных

¹ О Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 36. Ст. 5484.

² Pew Research Center. Teens, Social Media and Technology 2022. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2022/08/10/teens-social-media-and-technology-2022/> (accessed: 14.08.2024).

³ О Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 36. Ст. 5484.

сетей осуществляют комплексный анализ текстовых, голосовых, графических и видеоданных в цифровых коммуникационных каналах (социальные сети, мессенджеры, онлайн-игры) для распознавания проявлений кибернасилия (языка вражды, угроз, оскорблений), обеспечивая автоматическое оповещение ответственных лиц. Отмечается возрастающее применение моделей машинного обучения в противодействии онлайн-насилия, например, использование нейронных сетей в социальной сети «Одноклассники» для модерации комментариев и ограничения доступа нарушителей⁴. В рамках подобных проектов в перспективе авторами рассматривается создание интеллектуальных ботов-помощников для оказания первичной поддержки жертвам кибербуллинга. Таким образом, ИИ как инструмент анализа факторов риска и прогнозирования проблемных зон содействует реализации стратегических задач по предупреждению правонарушений и антиобщественных действий среди молодежи.

Очевидно, что системы на основе ИИ могут эффективно применяться не только для исследования и конструктивизации рисков, но и для профилактики потенциальных опасностей. Рассмотрим реализацию этой задачи на кейсе социально значимой проблемы оттока молодых специалистов и квалифицированных кадров за рубеж, которая представляет существенную угрозу обеспечению технологического суверенитета государства. Можно утверждать, что традиционные методы исследования миграционных настроений, основанные на опросах и статистике, зачастую не обеспечивают полной картины. В ответ на это авторами предлагается использовать ИИ для анализа больших данных из открытых источников (социальных сетей, форумов, блогов). Такой подход включает выявление и изучение онлайн-дискурса по теме миграции, определение его эмоциональной окраски и использование методов машинного обучения для идентификации ключевых факторов, формирующих миграционные настроения среди молодежи. Полученные данные послужат основой для формулирования адресных рекомендаций по корректировке молодежной политики, направленных на устранение выявленных проблем и создание более благоприятных условий для жизни и самореализации молодежи.

Акселерация трансформационных процессов в сфере реализации молодежной политики через внедрение цифровых продуктов с элементами искусственного интеллекта

Переходя к исследованию второго, наиболее обширного блока имплементации ИИ-технологий, авторами артикулируется несколько функциональных траекторий. Первая из них касается проектов и инициатив, фокусирующихся на применении ИИ для анализа данных молодежи (интересы, цели, потребности) с целью предоставления персонализированных рекомендаций

⁴ Бот и мат: ИИ стали применять в соцсетях для борьбы с оскорблениями // Известия. 30 ноября 2024. URL: <https://clck.ru/3FP7Ab> / (дата обращения: 14.08.2024).

(образовательные программы, гранты, вакансии, мероприятия). Данный подход коррелирует с задачей «повышения вариативности выбора образовательной траектории для молодежи»⁵. Внедрение подобных систем требует интеграции комплекса технологий ИИ, обеспечивающих глубокий анализ пользовательских профилей и релевантных ресурсов с последующим детальным сопоставлением. Анализ текстовых данных (резюме, эссе, описания интересов и целей, информация о вакансиях и программах) осуществляется посредством обработки естественного языка (NLP), дополняемой алгоритмами глубокого обучения. На основе полученных сведений формируются рекомендательные системы и графовые базы данных для анализа рынка труда и его соотношения с профилями молодежи, что позволяет предлагать оптимальные траектории профессионального развития.

Практическая реализация данных принципов уже наблюдается на некоторых цифровых платформах. Так, HeadHunter⁶ применяет ИИ для ранжирования вакансий и резюме. Платформа для профориентации CareerExplorer⁷ использует алгоритмы машинного обучения для сопоставления навыков и интересов пользователя с требованиями рынка труда. Схожий функционал демонстрирует careerspro⁸, интегрируя склонности и навыки пользователя для профориентации.

Активное развитие обозначенных инициатив и систем указывает на тенденцию существенного увеличения числа подобных сервисов в ближайшей перспективе. Как подчеркивают аналитики Forbes⁹, ИИ позиционируется как ключевой инструмент развития специалистов, способствующий преодолению географических и социальных барьеров за счет предоставления персонализированного образовательного контента и рекомендаций по поиску занятости. При этом отмечается положительное восприятие данных изменений молодежью [Гаврилова, Моторина, Павлова 2022]. Интеграция ИИ в сферу управления человеческими ресурсами, в свою очередь, позволяет оптимизировать процессы управления талантами, преемственности и синхронизации индивидуальных карьерных целей сотрудников с целями организации. В данном контексте разработка комплексных платформ поддержки молодежи в вопросах профориентации, образования и карьерного планирования представляется высокоэффективной. Функционал таких платформ охватывает проведение тестирования с применением нейросетей для точного выявления склонностей

⁵ О Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 36. Ст. 5484.

⁶ HeadHunter. Как работает умный поиск для работодателя. URL: <https://feedback.hh.ru/knowledge-base/article/1116> (accessed: 14.08.2024).

⁷ CareerExplorer. About us. URL: <https://www.careerexplorer.com/about/> (accessed: 14.08.2024).

⁸ Careerspro. URL: <https://wouldyouratherbe.com/> (accessed: 14.08.2024).

⁹ Sahota N. AI Energizes Your Career Path & Charts Your Professional Growth Plan. Forbes. Jul 25, 2024. URL: <https://www.forbes.com/sites/neilsahota/2024/07/25/ai-energizes-your-career-path--charts-your-professional-growth-plan/> (accessed: 14.08.2024).

и интересов; анализ рынка труда и прогнозирование востребованности профессий; формирование индивидуальных образовательных траекторий и предоставление рекомендаций по курсам, стажировкам и вакансиям; моделирование карьерных траекторий и оценку потенциального дохода. Можно утверждать, что подобные инициативы способствуют принятию молодежью обоснованных решений относительно своего профессионального будущего, значительно снижают риски безработицы и содействуют гармонизации социально-политических коммуникаций.

Помимо образования и карьеры ИИ-приложения обладают потенциалом для реализации мотивационной функции, способствуя популяризации здорового образа жизни в молодежной среде посредством отслеживания физической активности, питания, сна с последующим анализом данных для выработки персонализированных рекомендаций, а также создания виртуальных сообществ для поддержки и усиления вовлеченности.

Другим перспективным направлением является поддержка молодых семей. ИИ-системы способны анализировать индивидуальные потребности семей и на основании глубинного мониторинга предлагать персонализированные меры. Этот подход согласуется с концепцией создания информационных ресурсов для молодежи, интегрированных с ИИ. Среди существующих примеров, демонстрирующих эффективность, интерес вызывает чат-бот на портале «Госуслуги»¹⁰, предоставляющий информацию о мерах социальной поддержки, льготах и оформлении документов. Однако следует подчеркнуть, что функционал данного чат-бота не сфокусирован на анализе конкретных потребностей семей, он выдает только базовую информацию. В этом контексте перспективным является создание адаптированных чат-ботов для специализированной помощи молодежи в решении актуальных вопросов (трудовые отношения, семейная жизнь, жилье, защита прав и свобод и др.), что согласуется с направлением «Управление работой с молодежью», обозначенным в стратегии государственной молодежной политики¹¹.

Следующий тип инициатив, артикулируемый авторами в исследуемом блоке, направлен на оценку эффективности реализуемых программ и проектов для молодежи. Для этого активно применяются ИИ-технологии, обеспечивающие анализ разнородных данных (текст, числовые, мультимедиа) и генерацию комплексных показателей. Спектр используемых методов включает извлечение ключевых числовых данных из текстов (например, участники, удовлетворенность), анализ тональности обратной связи, построение семантических сетей для выявления основных тем. Алгоритмы машинного обучения задействуются для прогностического моделирования и факторного анализа, а компьютерное зрение — для оценки качества мультимедийного контента и PR-материалов. Выбор конкретных технологий определяется типом данных, целями

¹⁰ Минцифры России. Робот Макс получит генеративный искусственный интеллект. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/49299/> (дата обращения: 14.08.2024).

¹¹ О Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 36. Ст. 5484.

исследования и ресурсными ограничениями. Таким образом, ИИ обеспечивает автоматизацию сбора и анализа данных, критически важную для объективной оценки эффективности реализации Стратегии и соответствующую задаче совершенствования мониторинга молодежной политики¹².

Оптимизация процессов вовлечения молодежи в общественную динамику и интенсификация гражданского участия

В эту группу предлагаемых проектов и инициатив входят разработка и внедрение интерактивных цифровых продуктов, интегрирующих ИИ и технологии виртуальной реальности, способствующих инкорпорированию молодежи в политико-социальные и экономические процессы посредством упрощения доступа к информации, создания информационно-коммуникационных площадок взаимодействия, мониторинга общественного мнения и др. Следует отметить, что функционирующие в российском информационном пространстве цифровые платформы гражданского участия (например, «Добро.рф», «Госуслуги. Решаем вместе», РАДАР.НФ, «Росмолодежь.Гранты» и др.) демонстрируют частичную интеграцию ИИ и иммерсивных технологий. Это создает большой потенциал для развития механизмов стимулирования разнонаправленных проявлений гражданской активности.

Настоящее исследование концентрируется на изучении потенциальных форм гражданского участия молодежи в научно-образовательной и предпринимательской сферах как ключевых детерминантах устойчивого развития и сбалансированной модернизации. Формы активизации политического участия молодежи посредством ИИ требуют отдельного исследования ввиду комплексности его взаимосвязей с вопросами информационной безопасности, политологии, права, цифровой этики и др. В связи с этим особую значимость в авторской парадигме исследования приобретает оценка возможностей ИИ-технологий, направленных на интенсификацию человеческого капитала представителей молодого поколения в контексте оптимизации их продуктивной включенности в магистральные социальные процессы и тренды.

В первую очередь, необходимо маркировать пул инициатив, призванных обеспечить эффективное вовлечение молодежи в систему обсуждения, сбора данных, инкубации проектов и профессионального нетворкинга. Релевантность таких решений продиктована стратегическими целями по профессионализации молодежной политики, формированию ее научного и информационного обеспечения, а также оптимизации молодежного предпринимательства. Подобные платформы, учитывая тренды цифровой трансформации существующих экосистем (см. подробнее в [Бадма-Гаряев, Ходыкова 2021]), станут ключевым

¹² О Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 36. Ст. 5484.

инструментарием для мониторинга и оценки результативности стратегических сценариев в структуре реализации молодежной политики.

В этом отношении авторам представляется эффективной разработка специализированной цифровой платформы для генерации, продвижения и поддержки молодежных инициатив. Интеграция ИИ в данную систему открывает возможности для оптимизации ключевых процессов: от поиска партнеров и первичного мониторинга реализации проектов до автоматизированного отбора грантовых заявок. ИИ способен анализировать поступающие заявки и давать обратную связь, используя заданные параметры и критерии, что обеспечивает объективную оценку и ранжирование молодежных проектов для стратегического распределения ресурсов. Такой подход повышает прозрачность отбора, минимизирует риски и способствует поддержке наиболее перспективных инициатив.

В контексте глобализационных вызовов стратегическим приоритетом становится оптимизация механизмов молодежной политики через создание трансграничных цифровых экосистем, катализирующих участие и вовлеченность молодых индивидов. Интеграция ИИ и технологий виртуальной/дополненной реальности (VR/AR) является оптимальным решением для интенсификации международного сотрудничества и продвижения молодежных инициатив на наднациональный уровень. Перспективным представляется создание международной цифровой платформы, которая позволит преодолевать коммуникативные барьеры посредством интеллектуального перевода и применения

VR/AR, а также оптимизировать формирование международных проектных команд с учетом компетенций участников. В этой системе ИИ будет осуществлять первичную оценку потенциала проектов и поддерживать участников путем предоставления персонализированных программ развития в рамках международного сотрудничества. Создание подобного сервиса имеет потенциал для расширения возможностей межкультурной коммуникации и формирования устойчивого глобального сообщества, соответствующая высоким стандартам актуальной стратегии реализации молодежной политики.

Таким образом, важно отметить, что реализация государственной молодежной политики с применением ИИ сопряжена с существенными этическими и методологическими ограничениями.

В частности, этические коллизии детерминированы риском дискриминации на основе анализа больших данных [O'Neil 2016] и отсутствия должной прозрачности и ответственности алгоритмов, влияющих на жизнь молодых индивидов. Показателен пример¹³ индийской системы выявления дезинформации, демонстрирующий опасность искажений и концентрации власти в определении истины при использовании ИИ. В этом контексте крайне важно обеспечить надежную защиту персональных данных, исключить профилирование и стигматизацию, а также гарантировать право граждан на оспаривание решений, принятых на основе алгоритмов.

¹³ Malhotra S. Can a government fact check be fair? // News Decoder. 25 November 2024. URL: <https://news-decoder.com/can-a-government-fact-check-be-fair/>

Методологические ограничения применения ИИ в сфере государственной молодежной политики обусловлены рядом фундаментальных факторов. К ним относятся присущая социальным процессам сложность моделирования [Elsawah et al. 2020], недостаточная зрелость методов интерпретации результатов, генерируемых ИИ [Dey et al. 2024], а также критическая проблема репрезентативности обучающих данных [Mehrabi et al. 2021]. В частности, данные, агрегированные с цифровых платформ, не могут в полной мере охватить многообразие молодежной среды вследствие цифрового неравенства [Blank, Groselj 2014], что неизбежно приводит к созданию смещенных моделей, ограниченных в своей валидности и применимости. Дополнительную сложность представляет необходимость адаптации ИИ-систем к динамично меняющемуся социокультурному контексту [Dourish, Bell 2011].

Помимо этого, применение цифровых технологий в сфере государственной молодежной политики актуализирует фундаментальные вопросы приватности и информационной безопасности. Императивным условием является обеспечение анонимности данных и строгое соблюдение этических принципов работы [Boyd, Crawford 2012]. В связи с этим особое значение приобретает формирование нормативно-правовой базы, регулирующей использование цифровых технологий в данной области, поскольку законодательство определяет рамки и направления их развития [Brownsword 2022].

Ярким примером такой инициативы является нулевой проект Глобального цифрового договора ООН¹⁴, который нацелен на построение безопасного и равноправного цифрового пространства, способствующего глобальному развитию. Он призывает к разработке стратегий по развитию цифровых навыков и инфраструктуры, этичному применению искусственного интеллекта (с акцентом на благополучие человека и ЦУР), защите прав человека в цифровой среде, борьбе с киберпреступностью, обеспечению свободы выражения и унификации международных стандартов в области работы с данными.

Аналогичные инициативы разрабатываются и в национальных контекстах. Здесь следует упомянуть обсуждение Сенатом США «Закона о безопасности детей в Интернете»¹⁵ и «Закона о защите частной жизни детей и подростков в Интернете»¹⁶. Данные законодательные акты возлагают на онлайн-платформы ответственность за минимизацию рисков при использовании сервисов несовершеннолетними. Необходимость принятия законопроектов обосновывается результатами исследований, демонстрирующих негативное влияние неограниченного доступа к онлайн-контенту на психическое здоровье детей и подростков. В частности, обозначается рост распространенности тревожных расстройств, депрессии, расстройств пищевого поведения, зависимостей и суицидальных

¹⁴ United Nations. Global Digital Compact. URL: <https://www.un.org/techenvoy/global-digital-compact> (accessed: 14.08.2024).

¹⁵ KOSA. S.1409 — Kids Online Safety Act. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/1409/text> (accessed: 18.08.2024).

¹⁶ COPPA 2.0. S.1418 — Children and Teens' Online Privacy Protection Act. URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/1418> (accessed: 18.08.2024).

наклонностей в данной возрастной группе. Ключевыми факторами риска, выделяемыми американскими исследователями, являются кибербуллинг, различные формы онлайн-насилия, продвижение и распространение наркотиков, алкоголя и табачных изделий, а также манипулятивный маркетинг. В соответствии с положениями KOSA крупные интернет-платформы, предоставляющие возможность обмена пользовательским контентом (с порогом более 10 млн активных пользователей в месяц), будут обязаны проводить оценку рисков причинения вреда несовершеннолетним, разрабатывать и внедрять меры по их предотвращению и минимизации, а также предоставлять отчетность.

В России также активно развивается законодательство по защите детей в интернет-пространстве. Ключевым документом является Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹⁷, принятый еще в 2010 г. и регулярно дополняемый новыми положениями. В 2021–2023 гг. был принят ряд поправок, усиливающих требования к онлайн-платформам и социальным сетям. В частности, введена обязанность для крупных интернет-ресурсов проводить возрастную маркировку контента, устанавливать системы родительского контроля и оперативно удалять материалы, способные нанести вред психическому здоровью несовершеннолетних. Роскомнадзор получил расширенные полномочия по блокировке ресурсов, нарушающих требования закона. Кроме того, в России действует система «черных списков» сайтов, содержащих запрещенную для детей информацию. Параллельно формируется комплексное законодательство в сфере искусственного интеллекта, включая механизмы экспериментальных правовых режимов (ЭПР), которые могут применяться и к технологиям, влияющим на детскую безопасность в интернете. Немаловажным представляется тот факт, что в рамках развития стандартизации.

Однако стоит отметить, что реализация подобных законодательных инициатив сопряжена с риском чрезмерной фильтрации и блокировок контента, что потенциально подрывает принципы цифрового равноправия [Кауе 2019]. В связи с этим перед законодателями и разработчиками цифровых решений стоит задача достижения сложного баланса между обеспечением безопасности и сохранением фундаментальных принципов свободы слова и доступа к информации и технологиям.

Заключение

Подводя итоги, можно утверждать, что результаты исследования продемонстрировали значительный потенциал применения ИИ в реализации молодежной политики. ИИ способствует более точному анализу потребностей и поведения молодежи, персонализации образовательных и социальных инициатив, а также прогнозированию угроз и долгосрочных трендов. Наряду с указанными

¹⁷ Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 декабря 2010 г. : одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 декабря 2010 г // Российская газета. 2010. № 297. 31 декабря.

преимуществами внедрение ИИ сопряжено с рядом существенных рисков. Ключевые из них включают вопросы защиты персональных данных и приватности, особенно актуальные при работе с молодыми людьми. Также существует опасность усиления цифрового неравенства и ограниченного доступа к ИИ-решениям для определенных групп населения. Необходимо учитывать и риск алгоритмической предвзятости, способной привести к искажению приоритетов или неравномерному распределению ресурсов в рамках реализации молодежной политики. Преодоление указанных ограничений императивно требует междисциплинарной синергии и разработки строгих нормативно-методических стандартов применения ИИ в данной области.

Таким образом, для эффективного использования ИИ необходим комплексный и взвешенный подход, включающий разработку этических стандартов, механизмов контроля, создание релевантной технологической инфраструктуры, обеспечение кибербезопасности и подготовку квалифицированных кадров. Реализация этих мер позволит максимально использовать потенциал ИИ, минимизируя угрозы и повышая эффективность Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года.

Поступила в редакцию / Received: 02.08.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 17.08.2025

Принята к публикации / Accepted: 01.09.2025

Библиографический список

- Бадма-Гаряев А.М., Ходыкова Н.В.* Искусственный интеллект и экосистемы: сущность, связанность, тенденции развития // Вестник ИКИАТ. 2021. № 2 (43). С. 13–19. <http://doi.org/10.24412/2071-7830-2021-243-13-19> EDN: EEKVKP
- Володенков С.В., Белоконов С.Ю., Сулова А.А.* Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 31–46. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46> EDN: NBHSIK
- Гаврилова Ю.В., Моторина И.Е., Павлова Т.Е.* Социальные ожидания внедрения технологий искусственного интеллекта в образовании (на материалах анкетного опроса студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана) // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2022. № 1. С. 20–25. EDN: UTUNHW
- Дубина А.Ш.* Трансформация роли человеческого капитала в цифровой экономике: взгляд молодежи Поволжья // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2020. № 2 (34). С. 49–59. <http://doi.org/10.21685/2227-8486-2020-2-4> EDN: TVSROK
- Клячко Т.Л., Семионова Е.А.* Вклад образования в социально-экономическое развитие регионов России // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 3. С. 791–805. <https://doi.org/10.17059/2018-3-8> EDN: UZBOSR
- Мокишанов М.В.* Применение искусственного интеллекта в анализе данных: обзор текущего состояния и будущих направлений // Universum: технические науки. 2024. № 5 (122), С. 40–48. <http://doi.org/10.32743/UniTech.2024.122.5.17513> EDN: ZCNAQA
- Новичков Н.В., Новичкова А.В., Назаров В.А.* Инновационный потенциал молодежи: теоретический и практический аспекты исследования // Ученый совет. 2025. Т. 22, № 1 (241). С. 16–29. <http://doi.org/10.33920/nik-02-2501-02> EDN: BWCUWC

- Симанков В.С., Теплоухов С.В. Аналитическое исследование методов и алгоритмов искусственного интеллекта // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2020. № 3 (266). С. 16–25. EDN: OEJMT0
- Цифровая трансформация: эффекты и риски в новых условиях / рук. авт. колл. П.Б. Рудник, Т.С. Зинина; под ред. И.Р. Агамирзяна, Л.М. Гохберга, Т.С. Зининой, П.Б. Рудника; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024.
- Blank G., Groselj D. Dimension of Internet Use: Amount, Variety, and Types // Information, Communication & Society. 2014. № 17. P. 417–435. <http://doi.org/10.1080/1369118X.2014.889189>.
- Boyd D., Crawford K. Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon // Information, Communication, & Society. 2012. № 15. P. 662–679. <http://doi.org/10.1080/1369118X.2012.678878>.
- Brownsword R. Law, authority, and respect: three waves of technological disruption // Law, Innovation and Technology. 2022. № 14 (1). P. 5–40. <http://doi.org/10.1080/17579961.2022.2047517> EDN: NQTUJM
- Choi K.S., Kim S., Kim B.H., Jeon H.J., Kim J.H., Jang J.H. et al. Deep graph neural network-based prediction of acute suicidal ideation in young adults // Sci Rep. 2021. № 11. 15828. <http://doi.org/10.1038/s41598-021-95102-7> EDN: UXERZC
- Dey P.K., Chowdhury S., Abadie A., Yaroson E.V., Sarkar S. Artificial intelligence-driven supply chain resilience in Vietnamese manufacturing small-and medium-sized enterprises // International Journal of Production Research. 2024. Vol. 62, no. 15. P. 5417–5456. <http://doi.org/10.1080/00207543.2023.2179859>.
- Dourish P., Bell G. Divining a digital future: Mess and mythology in ubiquitous computing. Cambridge: MIT Press, 2011. <http://doi.org/10.7551/mitpress/9780262015554.001.0001>.
- Dwivedi Y.K., Hughes L., Ismagilova E. et al. Artificial Intelligence (AI): Multidisciplinary perspectives on emerging challenges, opportunities, and agenda for research, practice and policy // International journal of information management. 2021. No 57. Article no. 101994. <http://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2019.08.002> EDN: XGOZJV
- Elsawah S., Filatova T., Jakeman A.J., Kettner A.J., Zellner M.L., Athanasiadis I.N. et al. Eight grand challenges in socio-environmental systems modeling // Socio-Environmental Systems Modelling. 2020. Vol. 2. Article no. 16226. <http://doi.org/10.18174/sesmo.2020a16226> EDN: BJUBCL
- Kaye D. Speech Police: The Global Struggle to Govern the Internet / Columbia Global Reports. 2019 <http://doi.org/10.2307/j.ctv1fx4h8v>.
- Makridakis S. The forthcoming Artificial Intelligence (AI) revolution: Its impact on society and firms // Futures. 2017. No. 90. P. 46–60. <http://doi.org/10.1016/j.futures.2017.03.006>.
- McCarthy J. What is artificial intelligence? / Stanford University, Computer Science Department. 2007. <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf> (дата обращения: 10.04.2025).
- Mehrabi N., Morstatter F., Saxena N., Lerman K., Galstyan A.A. Survey on Bias and Fairness in Machine Learning // ACM Computing Surveys. 2021. № 54 (6). P. 1–35. <http://doi.org/10.1145/3457607>.
- O'Neil C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. New York: Crown Publishers, 2016. 272 p. <http://doi.org/10.5860/crl.78.3.403>.
- Qureshi S. Digital transformation for development: a human capital key or system of oppression? // Information Technology for Development, 2023. Vol. 29. No. 4. P. 423–434. <http://doi.org/10.1080/02681102.2023.2282269> EDN: HPDKPO
- Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: a Modern Approach. 3rd edition. Pearson, 2009.
- Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Crown Publishing Group, New York, 2017.

References

- Agamirzian, L., Gokhberg, L., Zinina, T., & Rudnik, P. (Eds.) (2024). *Digital transformation: Effects and risks in new conditions*. Moscow: HSE. (In Russian).
- Badma-Garyaev, A.M., & Khodykova, N.V. (2021). Definition essence functions of AI and ecosystem. *Bulletin of the IIRAT*, 2(43), 13–19. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-7830-2021-243-13-19> EDN: EEKVKP
- Blank, G., & Groselj, D. (2014). Dimension of internet use: Amount, variety, and types. *Information, Communication & Society*, 17, 417–435. <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2014.889189>.
- Boyd, D., & Crawford, K. (2012). Critical questions for Big Data: Provocations for a cultural, technological, and scholarly phenomenon. *Information, Communication, & Society*, 15, 662–679. <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2012.678878>.
- Brownsword, R. (2022). Law, authority, and respect: Three waves of technological disruption. *Law, Innovation and Technology*, 14(1), 5–40. <https://doi.org/10.1080/17579961.2022.2047517> EDN: NQTUJM
- Choi, K.S., Kim, S., Kim, B.H., Jeon, H.J., Kim, J.H., Jang, J.H., et al. (2021). Deep graph neural network-based prediction of acute suicidal ideation in young adults. *Sci Rep*, 11, 15828. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-95102-7> EDN: UXERZC
- Dey, P.K., Chowdhury, S., Abadie, A., Yaroson, E.V., & Sarkar, S. (2024). Artificial intelligence-driven supply chain resilience in Vietnamese manufacturing small-and medium-sized enterprises. *International Journal of Production Research*, 62(15), 5417–5456. <https://doi.org/10.1080/00207543.2023.2179859>
- Dourish, P., & Bell, G. (2011). *Divining a digital future: Mess and mythology in ubiquitous computing*. MIT Press.
- Dubina, A.S. (2020). Transformation of the role of human capital in the digital economy in the views of young people in the Volga region. *Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*, 2(34), 49–59. (In Russian). <https://doi.org/10.21685/2227-8486-2020-2-4> EDN: TVSROK
- Dwivedi, Y.K., Hughes, L., Ismagilova, E., et al (2021). Artificial intelligence (AI): Multidisciplinary perspectives on emerging challenges, opportunities, and agenda for research, practice and policy. *International Journal of Information Management*, 57, 101994. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2019.08.002> EDN: XGOZJV
- Elsawah, S., Filatova, T., Jakeman, A.J., Kettner, A.J., Zellner, M.L., Athanasiadis, I.N., et al. (2020). Eight grand challenges in socio-environmental systems modeling. *Socio-Environmental Systems Modelling*, 2. Article no. 16226. <https://doi.org/10.18174/sesmo.2020a16226> EDN: BJUBCL
- Gavrilova, Yu.V., Motorina, I.E., & Pavlova, T.E. (2022). Social expectations of the introduction of artificial intelligence technologies in education (on the materials of a questionnaire survey of students of the Moscow state technical university named after N.E. Bauman). *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, 1, 20–25. (In Russian). EDN: UTUNHW
- Kaye, D. (2019). *Speech police: The global struggle to govern the Internet*. Columbia Global Reports.
- Klyachko, T.A., & Semionova, E.A. (2018). Contribution of education to the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation. *Economy of Region*, 14(3), 791–805. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/2018-3-8> EDN: UZBOSR
- Makridakis, S. (2017). The forthcoming Artificial Intelligence (AI) revolution: Its impact on society and firms. *Futures*, 90, 46–60. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.03.006>
- McCarthy, J. (2007). *What is artificial intelligence?* Stanford University, Computer Science Department. Retrieved April, 10, 2025 from: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf>.

- Mehrabi, N., Morstatter, F., Saxena, N., Lerman, K., & Galstyan, A. (2021). A survey on bias and fairness in machine learning. *ACM Computing Surveys*, 54(6), 1–35. <https://doi.org/10.1145/3457607>
- Mokshanov, M.V. (2024). The use of artificial intelligence in data analysis: An overview of the current state and future directions. *Universum: technical sciences*, 5(122), 40–48. (In Russian). <https://doi.org/10.32743/UniTech.2024.122.5.17513> EDN: ZCNAQA
- Novichkov, N.V., Novichkova, A.V., & Nazarov, V.A. (2025). Innovative potential of youth: Theoretical and practical aspects of the study. *Academic Council*, 22(1), 16–29. (In Russian). <https://doi.org/10.33920/nik-02-2501-02> EDN: BWCUWC
- O’Neil, C. (2016). *Weapons of math destruction: How big data increases inequality and threatens democracy*. New York: Crown Publishers. <http://dx.doi.org/10.5860/crl.78.3.403>.
- Qureshi, S. (2023). Digital transformation for development: A human capital key or system of oppression? *Information Technology for Development*, 29(4), 423–434. (In Russian). <https://doi.org/10.1080/02681102.2023.2282269> EDN: HPDKPO
- Russell, S., & Norvig, P. (2009). *Artificial intelligence: A modern approach* (3rd ed). Pearson.
- Schwab, K. (2017). *The fourth industrial revolution*. Crown Publishing Group, New York.
- Simankov, V.S., & Teploukhov, S.V. (2020). Analytical study of methods and algorithms of artificial intelligence. *The Bulletin of the Adyghe State University, the series “Natural-Mathematical and Technical Sciences”*, (3), 16–25. (In Russian). EDN: OEJMTO
- Volodenkov, S.V., Belokonev, S.Y., & Suslova, A.A. (2021). How Russian youth consume information: Case study of the political science students at the Financial University. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 31–46. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46> EDN: NBHSIK

Сведения об авторах:

Стребкова Карина Евгеньевна — магистр психологии, член Молодежного совета при Координационном центре национального домена сети Интернет (e-mail: streb.karina@gmail.com) (ORCID: 0009-0001-7017-1310)

Мальцева Дарья Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры теории и философии политики, заместитель декана по молодежной политике факультета политологии, СПбГУ, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: maltseva-da@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-0213-6919)

Федотов Даниил Андреевич — аспирант факультета политологии СПбГУ, ведущий специалист аппарата Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (e-mail: phedotovdaniil@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8338-6751)

About the authors:

Karina E. Strebkova — Master in Psychology, Member of The Youth Council of the Coordination Center for TLD .RU/.РФ (e-mail: streb.karina@gmail.com) (ORCID: 0009-0001-7017-1310)

Daria A. Maltseva — Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Deputy Dean for Youth Policy of the Faculty of Political Science, St Petersburg State University, Associate Professor of the Department of Comparative Political Science, RUDN University (e-mail: buenafiesta@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0213-6919)

Daniil A. Fedotov — postgraduate student at the Faculty of Political Science, St Petersburg State University, the Lead Specialist of the Office of the Chairman of the Legislative Assembly of St Petersburg (e-mail: phedotovdaniil@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8338-6751)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-606-621

EDN: LRZUBZ

Научная статья / Research article

Искусственный интеллект в избирательном процессе: возможности и новации

Н.А. Баранов

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация

✉ nicbar@mail.ru

Аннотация. Стремительное развитие технологий служит поводом для осмысления их возможностей в различных сферах, в том числе политической, связанной с электоральными процессами. Так как избрание органов власти является важнейшей задачей ее легитимизации, актуальным становится вопрос о влиянии технологий искусственного интеллекта (ИИ) на эту важнейшую сферу деятельности. Цель работы — характеристика новаций и выявление возможностей при применении искусственного интеллекта в избирательном процессе. Источником статьи стали результаты экспертного опроса, отличительной особенностью которого является сопоставление результатов опроса экспертов — ведущих отечественных исследователей в области избирательных процессов — с позицией чат-бота NicbarBot. Метод сбора информации при проведении экспертного опроса — нестандартизованное интервью, метод обработки полученных первичных данных — дискурс-анализ. Со стороны искусственного интеллекта выявлена теоретическая проработанность вопросов, алгоритмизация ответов, политическая нейтральность, нацеленность на достижение положительных результатов электоральных новаций. В отличие от ИИ эксперты соизмеряют свои ответы с реальной политической ситуацией, готовностью общества к новациям, иногда прослеживается идеологический контекст в ответах и отсутствует идеализированное оптимистичное представление о возможных позитивных изменениях, которые могут привести электоральные инновации. Сделан вывод об амбивалентности ИИ, которая связана как с выполнением полезных функций в избирательном процессе, так и с опасностью для общества, потому что человек еще не научился его контролировать. Возможности ИИ в электоральном процессе связаны с разнообразной деятельностью в период подготовки, проведения выборов и подсчета голосов, а также в деятельности органов управления выборами. Искусственный интеллект становится триггером электоральных новаций, направленность которых зависит от разработчиков и участников избирательного процесса.

© Баранов Н.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: избирательный процесс, искусственный интеллект, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта, чат-бот, электоральные инновации

Благодарности. Исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-01061 «Управление инновациями в государственной электоральной политике».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Баранов Н.А. Искусственный интеллект в избирательном процессе: возможности и новации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 606–621. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-606-621>

Harnessing Artificial Intelligence in Electoral Processes: Emerging Opportunities and Innovations

Nikolay A. Baranov

Northwest Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration (RANEPA), *St. Petersburg, Russian Federation*

Russian State University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

✉ nicbar@mail.ru

Abstract. The rapid development of technologies is an occasion to reflect on their capabilities in various fields, including political, related to electoral processes. Since the election of authorities is the most important task of legitimizing it, therefore, the question of the impact of artificial intelligence (AI) technologies on this important field of activity becomes relevant. The purpose of the work is to characterize innovations and identify opportunities for the use of artificial intelligence in the electoral process. The source of the article was the results of an expert survey, a distinctive feature of which is the comparison of the results of a survey of experts — leading domestic researchers in the field of electoral processes — with the position of the NicbarBot chatbot. The method of collecting information during an expert survey is an unstandardized interview, the method of processing the obtained primary data is discourse analysis. On the part of artificial intelligence, the theoretical elaboration of questions, algorithmization of responses, political neutrality, and a focus on achieving positive results of electoral innovations were revealed. Unlike AI, experts measure their answers against the real political situation, society's willingness to innovate, sometimes there is an ideological context in the answers and there is no idealized optimistic idea of possible positive changes that electoral innovations can bring. The conclusion is made about the ambivalence of AI, which is associated both with the performance of useful functions in the electoral process and with a danger to society, because a person has not yet learned to control it. The possibilities of AI in the electoral process are associated with a variety of activities during the preparation, conduct of elections and counting of votes, as well as in the activities of election management bodies. Artificial intelligence is becoming a trigger for electoral innovations, the focus of which depends on the developers and participants of the electoral process.

Keywords: electoral process, artificial intelligence, National Strategy for the development of artificial intelligence, chatbot, electoral innovations

Acknowledgements. The research was carried out at St. Petersburg State University with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 24-28-01061 “Innovation Management in state electoral Politics”.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Baranov, N.A. (2025). Harnessing artificial intelligence in electoral processes: Emerging opportunities and innovations. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 606–621. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-606-621>

Введение

Технологический прогресс, который стремительно входит в нашу жизнь, оказывает кардинальное влияние на все ее сферы и создает условия для инновационной деятельности в экономике, политике, культуре. Революционные изменения получили название шестого технологического уклада [Глазьев 2021] или четвертой промышленной революции [Шваб 2016] и включают нанотехнологии, роботизацию, искусственный интеллект (ИИ), материаловедение, биотехнологии, квантовые вычисления, которые принципиально преобразовывают общество.

Технологические инновации востребованы в политической сфере как для более эффективного управления, так и для формирования органов власти. Легитимизация власти через выборы является важнейшим показателем демократичности политического процесса, поэтому новейшие информационно-коммуникационные технологии активно внедряются в избирательную систему. Цифровые инструменты нашли свое применение для составления электронных списков избирателей, подсчета голосов, видеонаблюдения за выборным процессом, для лимитации границ избирательных округов, передачи результатов голосования с избирательных участков. Технологии больших данных, электронного блокчейна, облачных вычислений уже применяются в избирательном процессе. Следующим шагом в продвижении новаций является использование искусственного интеллекта, сферу применения которого предстоит осмыслить и ограничить.

Переход на новый технологический уровень представляется весьма перспективным с точки зрения решаемых задач, но в то же время содержащим риски выхода из-под контроля ситуации, связанной с прогностическими функциями и персонализированными рекомендациями, способными кардинальным образом повлиять на результаты голосования. Поэтому **целью исследования** является, наряду с характеристикой предполагаемых новаций, выявление возможностей при применении искусственного интеллекта в избирательном процессе.

Теоретическая база исследования

О проблемах и возможностях искусственного интеллекта в избирательном процессе все чаще рассуждают эксперты, представители технологических компаний, ученые. Так, в статье журнала «Экономист» «Насколько вам стоит

беспокоиться о том, что ИИ может нарушить выборы?»¹ говорится о том, что дезинформацию станет легче производить, несмотря на попытки компаний, занимающихся искусственным интеллектом, отслеживать его использование в случае обнаружения политического влияния. Ведущие мировые компании в области ИИ OpenAI, Alphabet, Stability AI обещают выявлять подозрительные аккаунты, запрещать использование манипулируемых медиа в политической рекламе.

В статье «Искусственный интеллект и демократия. Как современные технологии используют во время выборов»² акцентируется внимание на таргетировании избирателей, применении чат-ботов в режиме 24/7 для ответа на поступающие вопросы, а также на создании цифровых аватаров кандидатов. В политической рекламе с помощью сгенерированных видео все чаще кандидат представляется в идеализированном виде, причем возможно создание поддельного видео с политическим соперником.

Исполнительный директор Российского фонда свободных выборов М. Лесков предлагает защитить электоральный суверенитет личности, общества и государства от экспансии искусственного интеллекта, называя его «фабрикой смысловых галлюцинаций», а реальность, искусственно созданную вокруг человека, «синтетической»³. Вместе с тем член Центральной избирательной комиссии России И. Борисов обратил внимание на то, что «к процессу информационного вмешательства, дезинформации и давления подключены искусственный интеллект, фабрики ботов, военные подразделения стран НАТО»⁴.

22 марта 2023 г. по инициативе ресурса «Институт жизни будущего» было опубликовано открытое письмо «Остановите гигантские эксперименты с ИИ». В письме выражается озабоченность тем, что системы ИИ с человеческим конкурентным интеллектом могут представлять серьезную опасность для общества и человечества, а «лаборатории ИИ оказались втянуты в неконтролируемую гонку по разработке и развертыванию все более мощных цифровых разумов, которые никто — даже их создатели — не может понять, предсказать или надежно контролировать»⁵. В числе подписантов — С. Возняк, И. Маск,

¹ How worried should you be about AI disrupting elections? // The Economist. Aug 31st, 2023. URL: <https://www.economist.com/leaders/2023/08/31/how-artificial-intelligence-will-affect-the-elections-of-2024> (accessed: 03.11.2024).

² Искусственный интеллект и демократия. Как современные технологии используют во время выборов // Smart Estet. 01 октября 2023. URL: <https://smart-estet.ru/articles/iskusstvennyy-intellekt-i-demokratiya-kak-sovremennye-tehnologii-ispolzuyut-vo-vremya-vyborov> (дата обращения: 03.11.2024).

³ Лесков М. Искусственный интеллект как угроза свободным выборам // Российский фонд свободных выборов. 12 декабря, 2023. URL: <https://rfsv.ru/breaking-news/iskusstvennyi-intellekt-kak-ugroza-svobodnym-vyboram> (дата обращения: 03.11.2024).

⁴ Эксперты обсудили наблюдение за голосованием и внешнее вмешательство в российские выборы // Официальный сайт ЦИК России. 08.09.2024. URL: <http://www.cikrf.ru/news/ses/55478/> (дата обращения: 03.11.2024).

⁵ Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // Future of Life Institute. 22 March, 2023. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (accessed: 03.11.2024).

Ю.Н. Харари и другие известные люди из академических кругов и технологической индустрии. На 3 ноября 2024 г. было собрано 33 707 подписей под призывом остановить неконтролируемые эксперименты с ИИ.

В июле 2023 г. И. Маск запустил ИИ-стартап xAI, ориентированный «на разработку передовых систем искусственного интеллекта, которые являются правдивыми, компетентными и максимально полезными для всего человечества. Миссия компании заключается в понимании истинной природы Вселенной»⁶. В ноябре 2023 г. xAI запустила чат-бот Grok, являющийся конкурентом ChatGPT.

В российской академической практике исследования искусственного интеллекта применительно к выборному процессу связаны с использованием ИИ в предвыборных кампаниях [Гундарин, Олешко 2023; Титов 2023], изучением отечественного и зарубежного опыта применения ИИ в избирательной системе [Захарова 2021; Собянин 2022; Устинович 2024; Гайнетдинова, Плясунова 2022; Дудник, Балаян 2023], реализацией избирательных прав [Фролова 2023], юридическими аспектами ИИ [Васильев, Печатнова 2020; Тертышный 2024; Колюшин 2021], выявлением мошеннических действий с использованием ИИ [Килячков, Чалдаева, Королев, Байер 2021]. Следует выделить публикацию Н.В. Гришина [Гришин 2024], в которой представлен обзор российской и зарубежной научной литературы по вопросам изучения инноваций в сфере публичного управления выборами, включая применение цифровых технологий.

Среди зарубежных ресурсов, ориентированных на электоральные инновации, выделяется Центр для изучения новаций на выборах (CEIR), который ставит перед собой цель «восстановить доверие к американской избирательной системе и продвигать избирательные процедуры, которые поощряют участие и обеспечивают честность и безопасность выборов»⁷. На данном ресурсе публикуются статьи об использовании искусственного интеллекта для создания дезинформации⁸ в целях информирования американского избирателя о возможных дипфейках. О проблемах, связанных с ИИ, идет речь также на ресурсе экспертно-аналитического центра Ideas42⁹.

В книге «Искусственный интеллект для управления выборами» Дж. Пратм анализирует возможности применения искусственного интеллекта в предвыборный

⁶ Series B Funding Round // Grok. May 26, 2024. URL: <https://x.ai/blog/series-b> (accessed: 03.11.2024).

⁷ Center for Election Innovation and Research. URL: <https://electioninnovation.org/> (accessed: 03.11.2024).

⁸ Deepfake robocall in New Hampshire brings AI-fueled disinformation to Election 2024 // Center for Election Innovation and Research. January 2024. URL: <https://electioninnovation.org/update/deepfake-robocall-in-new-hampshire-brings-ai-fueled-disinformation-to-election-2024/> (accessed: 03.11.2024).

⁹ Uncovering Hidden Biases in ChatGPT's Written Content — and Preventing Them from Exacerbating Existing Inequalities. By Ariadna Vargas, Jeremy Barofsky, Miranda Allegar, Erik Simmons, and Maheen Shermohammed // Ideas42. Apr 03, 2023. URL: <https://www.ideas42.org/blog/uncovering-hidden-biases-in-chatgpt/> (accessed: 03.11.2024).

период, во время проведения выборной кампании, а также после выборов. С точки зрения автора, «потенциальная роль и влияние ИИ на выборы — это гораздо более широкая тема, чем распространение дезинформации, охватывающая все — от того, как органы управления выборами могут рассматривать внедрение ИИ как часть избирательных процессов, до способов, которыми другие политические деятели могут использовать ИИ для влияния на выборы» [Prathm 2024: 1].

Американский юрист А. Ноти подчеркивает проблему влияния искусственного интеллекта на демократию. Он выделяет опасность политической рекламы, использующей дипфейки, использование ИИ для манипулирования проведением выборов, в том числе путем распространения дезинформации для снижения явки избирателей, создание поддельных изображений и ложных доказательств неправомерных действий, таких как подделка бюллетеней или их уничтожение, например, для фабрикация аудиозаписи кандидата, утверждающего, что он сфальсифицировал результаты¹⁰.

Х. Шанзе пишет о том, что «искусственный интеллект используется во благо и во зло, и регулирование должно учитывать и то и другое»¹¹. Автор приводит пример выборной кампании 2024 г. в парламент Республики Беларусь, в рамках которой оппозиция выдвинула «кандидата» в парламент, сгенерированного искусственным интеллектом¹².

С. Хаммар акцентирует внимание не на разрушительном характере искусственного интеллекта, а на его большом потенциале для воплощения демократических норм и поддержания свободных и справедливых выборов. По мнению автора, «системы могут помочь органам управления выборами алгоритмически оптимизировать управление списками избирателей, противодействовать распространению дезинформации о выборах и выявлять аномалии в результатах выборов»¹³.

Аргентинский политолог Л. Керидо предлагает задуматься над использованием ИИ и предложить условия для ограничения его негативного влияния. Вывод автора не утешителен: «Модели ИИ не могут постоянно предоставлять точную, полезную и справедливую информацию, когда их спрашивают о вопросах, связанных с выборами, что представляет риски для демократии»¹⁴.

¹⁰ Noti A. How Artificial Intelligence Influences Elections and What We Can Do About It // Campaign Legal Center. February 28, 2024. URL: <https://campaignlegal.org/update/how-artificial-intelligence-influences-elections-and-what-we-can-do-about-it> (accessed: 03.11.2024).

¹¹ Shanze H. The Effect of AI on Elections Around the World and What to Do About It // Brennan Center for Justice. June 6, 2024. URL: <https://www.brennancenter.org/our-work/analysis-opinion/effect-ai-elections-around-world-and-what-do-about-it> (accessed: 03.11.2024).

¹² Hammer M. Belarusian opposition endorses AI candidate in parliamentary elections // Semafor. February 24, 2024. URL: <https://www.semafor.com/article/02/23/2024/belarusian-opposition-endorses-ai-candidate> (accessed: 03.11.2024).

¹³ Hammar C. Smart Elections: is AI the Next Wave in Electoral Management? // International IDEA. May 20, 2024. URL: <https://www.idea.int/news/smart-elections-ai-next-wave-electoral-management> (accessed: 03.11.2024).

¹⁴ Querido L. Artificial intelligence and its impact on electoral processes // Latinoamérica21. 23 June, 2024. URL: <https://latinoamerica21.com/en/artificial-intelligence-and-its-impact-on-electoral-processes/> (accessed: 01.11.2024).

Публикаций об использовании искусственного интеллекта в электоральном процессе становится все больше, и среди них преобладают те, которые акцентируют внимание на рисках, исходящих от ИИ, что свидетельствует о беспокойстве академического сообщества будущим, связанным с данной технологией.

В Российской Федерации принят ряд документов, регламентирующих деятельность, связанную с искусственным интеллектом. В частности, Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 утверждена Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 г., а 15 февраля 2024 г. в нее были внесены поправки¹⁵. В соответствии со Стратегией обновлены основные показатели, характеризующие достижение целей: «...уровень доверия граждан к технологиям искусственного интеллекта в 2030 г. должен вырасти не менее чем до 80 процентов по сравнению с 55 процентами в 2022 г.; доля приоритетных отраслей экономики с высоким значением индекса готовности к внедрению технологий искусственного интеллекта в 2030 г. должна вырасти не менее чем до 95 процентов по сравнению с 12 процентами в 2022 году»¹⁶.

16 января 2023 г. подписано Соглашение о намерениях между Правительством Российской Федерации и бизнесом в целях развития искусственного интеллекта. «Дорожная карта» включает в себя 65 ИИ-продуктов, которые будут разработаны ключевыми партнерами по развитию ИИ. «Дорожная карта» включает в себя мероприятия по внедрению и развитию искусственного интеллекта федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и национального проекта по формированию экономики данных на период до 2030 г., а также соответствующие планы мероприятий заинтересованных организаций. «Реализация мероприятий «дорожной карты» «Искусственный интеллект» предполагает получение практически значимых результатов мирового и опережающего уровня в высокотехнологичной области развития технологий искусственного интеллекта, а также продуктов и услуг с их использованием»¹⁷.

На сайте Министерства экономического развития дана следующая характеристика искусственному интеллекту в Российской Федерации — это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма), получать при выполнении конкретных задач

¹⁵ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 04.11.2024).

¹⁶ Там же.

¹⁷ В Правительстве подписан финальный пакет соглашений о сотрудничестве по развитию высокотехнологичных направлений // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/47551/> (дата обращения: 01.11.2024).

результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹⁸.

Таким образом, в Российской Федерации имеется необходимая правовая база для внедрения технологий ИИ в различные сферы деятельности, включая электоральный процесс.

Результаты исследования

Важнейшим источником исследования стали результаты экспертного опроса, проведенного автором в рамках реализации научного проекта «Управление инновациями в государственной электоральной политике». Отличительной чертой данного исследования является сопоставление результатов опроса экспертов — ведущих отечественных исследователей в области избирательных процессов — с позицией чат-бота NicbarBot, размещенного автором на платформе Telegram. Метод сбора информации при проведении экспертного опроса — нестандартизованное интервью, метод обработки полученных первичных данных — дискурс-анализ.

Перейдем к сравнительному анализу ответов экспертов и чат-бота на поставленные вопросы.

1. Как бы Вы оценили значимость внедрения инноваций в процесс организации и проведения выборов (электоральных инноваций)?

Эксперты выделяют «инновации, направленные на облегчение процесса голосования граждан, на повышение электоральной активности, но в то же время связанные с повышением управляемости выборов» (ж., д-р полит. наук, профессор), акцентируя внимание на тех, которые «связаны с цифровизацией, требующие оценки и понимания их значимости» (м., д-р полит. наук, профессор).

NicbarBot акцентирует внимание на преимуществах электоральных инноваций, выделяя при этом повышение доступности, улучшение прозрачности, эффективность и быстроту, снижение затрат и повышение доверия избирателей, полагая, что они способствуют совершенствованию современных избирательных процессов.

2. Какие инновации в сфере организации и проведении выборов в России Вы бы особо выделили, и почему?

Эксперты отмечают «распространение дистанционного электронного голосования (ДЭГ) и трехдневное голосование» (ж., д-р полит. наук, профессор), а также выделяют три группы инноваций, связанных непосредственно с процессом голосования, допуском кандидатов к выборам и определяющих правила проведения избирательной кампании. «Наша модель более подвижная и отвечает на современные запросы — отмечает эксперт. — Правила довольно быстро

¹⁸ Развитие искусственного интеллекта // Министерство экономического развития РФ : официальный сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_iskusstvennogo_intellekta/ (дата обращения: 01.11.2024).

меняются, но при этом происходит поиск наиболее эффективных инноваций» (м., д-р полит. наук, профессор).

NicbarBot выделяет электронное голосование, использование технологии блокчейн, внедрение системы видеонаблюдения, формирование электронного реестра избирателей.

3. В последние годы в России при проведении выборов было внедрено немало инноваций. Как Вы оцениваете уровень общественного доверия к ним?

Эксперты отмечают невысокий уровень доверия к ДЭГ, а также общее недоверие и даже безразличие к выборам, полагая, что это не только российская проблема, так как во многих странах происходит снижение интереса к выборам.

NicbarBot полагает, что уровень общественного доверия к инновациям зависит от многих факторов. Некоторые граждане могут приветствовать инновации как шаг к улучшению прозрачности и эффективности выборов, в то время как другие могут быть скептически настроены из-за опасений относительно безопасности и надежности новых технологий. Для повышения уровня общественного доверия к инновациям в выборах важно обеспечить открытость и прозрачность внедрения новых технологий, проводить общественные консультации и обучение населения использованию новых систем. Также важно учитывать мнение общественности и реагировать на их обеспокоенности, чтобы создать доверительную обстановку вокруг электоральных инноваций.

4. Какие факторы способствуют росту доверия к инновациям на выборах? Какие факторы этому препятствуют? Какие конкретные факторы с учетом сегодняшней ситуации в России Вы можете назвать?

Один эксперт акцентирует внимание на возвращении конкурентности выборов и снижении административного давления, отмечая при этом, что «сам факт манипулирования с помощью инноваций разрушает доверие к этим инновациям» (ж., д-р полит. наук, профессор). Другой эксперт обращает внимания на целостность выборного процесса для избирателя и необходимость вовлечения в политический процесс граждан (м., д-р полит. наук, профессор).

NicbarBot отмечает факторы, способствующие росту доверия к инновациям на выборах — прозрачность, безопасность, обучение и информирование; препятствующие росту доверия — недостаточная прозрачность, технические проблемы, недостаток контроля и надзора. Конкретно обращаясь к России, выделяет следующие факторы, которые могут влиять на доверие к инновациям на выборах: независимая экспертная оценка, открытость и доступность информации, участие общественности.

5. По Вашему мнению, какие меры могут использовать государственные органы для повышения общественного доверия к инновациям на выборах?

Один эксперт связывает доверие к отдельным инновациям с доверием к процедуре выборов в целом, отмечая, что «на сегодняшний день избирательный процесс в России попал в институциональную ловушку: любая инновация изначально обречена на недоверие общества, потому что существует недоверие к выборам. Выходом из этой ловушки, я вижу только исключительно в конкурентности выборов» (ж., д-р полит. наук, профессор).

Другой эксперт обращает внимание на необходимость вовлекающей модели выдвижения кандидатов, ориентированной на вовлечении в данный процесс избирателей, а также возвращении двухтурового голосования на выборах депутатов всех уровней, которое было в начале 1990-х гг. (*м., д-р полит. наук, профессор*).

NicbarBot вновь выделяет прозрачность, проведение обучающих программ, участие общественности, независимую экспертную оценку и обеспечение безопасности данных.

6. По Вашему мнению, с какими сложностями связано внедрение инноваций в избирательный процесс?

Эксперты отмечают технические проблемы, недостаточную компьютерную грамотность населения, необходимость массового вовлечения в избирательный процесс населения.

NicbarBot также отмечает технические проблемы и необходимость легитимности, а также выделяет безопасность данных, финансовые затраты и юридические аспекты.

7. По Вашему мнению, каким образом государство может обеспечить баланс между чрезмерной изменчивостью и стабильностью электоральных институтов?

Один эксперт считает, что российское государство уже приходит к определенной стабильности электоральных институтов, отмечая, что стабилизация институтов происходит, если по одним и тем же правилам проходят две подряд избирательные кампании (*ж., д-р полит. наук, профессор*).

Другой эксперт полагает, что «баланс нужен только тогда, когда мы поставим стратегическую цель, какой должна быть хотя бы в общем виде наша избирательная система. Пока такой модели нет, а есть только сиюминутные интересы, которые с помощью технологий пытаются достичь» (*м., д-р полит. наук, профессор*).

NicbarBot предлагает консультации с общественностью, постепенное внедрение изменений, независимую оценку и мониторинг, укрепление институциональной стабильности, обучение и информирование.

8. Как бы Вы оценили активность и влияние основных субъектов процесса подготовки и внедрения инноваций в избирательный процесс — государства (включая избирательные комиссии) и институты гражданского общества?

Эксперты отмечают лидирующую роль государства в избирательных инновациях и избирательных комиссий, реализующих эти новации. Роль гражданского общества при этом пассивная. Отмечается только развитие общественного наблюдения за ДЭГ. В то же время один из экспертов полагает, что «политические партии заинтересованы не в инновациях, а в стабильности, потому что в этом случае речь идет об определенности правил игры. Российская проблема — расхождение избирательного законодательства и институциональной практики его применения, которую надо приводить в соответствие с теми целями, которые при этих институтах декларированы» (*ж., д-р полит. наук, профессор*).

NicbarBot считает, что и государство, и гражданское общество имеют свои сильные стороны и могут взаимодействовать для достижения баланса между эффективностью и демократичностью избирательного процесса, а сотрудничество и диалог между ними могут способствовать успешному внедрению инноваций и улучшению избирательной системы.

9. *Как Вы считаете, насколько велико должно быть участие экспертного сообщества и ученых в разработке и оценивании инноваций при проведении выборов?*

Эксперты полагают, что экспертное сообщество осуществляет мониторинг, заявляя о своих наблюдениях на различных мероприятиях с участием представителей власти и избирательных комиссий. Однако, как отмечает один эксперт, «электоральный инжиниринг осуществляется в интересах государства, так как чаще всего отбираются те мнения, которые выгодны власти» (ж., д-р полит. наук, профессор). Второй эксперт отмечает, что «коммуникация с экспертами практически не осуществляется на региональном уровне» (м., д-р полит. наук, профессор).

NicbarBot прогнозируемо отмечает важность участия экспертного сообщества и ученых в разработке и оценке инноваций при проведении выборов, выделяя меры для повышения такого участия: поддержку научных исследований в области избирательной системы и стимулирование активного участия ученых в разработке и оценке инноваций, создание специализированных центров или комиссий, объединяющих ученых и экспертов для совместной работы над улучшением избирательного процесса.

10. *Как бы Вы прокомментировали идею, что обновления избирательного законодательства должны осуществляться по особой процедуре, по сравнению с обычными законами?*

Эксперты скептически отнеслись к такой идее, полагая, что российское общество вряд ли готово участвовать в обновлении избирательного законодательства, например, на референдуме, заметив, что в законодательном регламенте предусмотрены консультации с экспертным сообществом и с представителями гражданских организаций.

NicbarBot, напротив, считает обоснованным обновления избирательного законодательства по особой процедуре, аргументируя такой подход особой важностью избирательного процесса, необходимостью стабильности и предсказуемости, защитой от манипуляций.

11. *Какими, на Ваш взгляд, могли бы быть меры по предварительному оцениванию и апробации предложений (проектов) по нововведениям в системе выборов?*

Один эксперт отметил, что в стране уже отлажен процесс апробации нововведений — сначала на отдельных территориях, участках, а затем в более широком масштабе. «Однако, как показывает практика, на местах, зачастую, все переиначивается и нововведения не работают, как это было задумано» (ж., д-р полит. наук, профессор). Второй эксперт заявил о своем консервативном отношении к нововведениям, полагая, что необходимо несколько лет, чтобы

посмотреть, как работают новации прежде, чем принимать решение об их распространении (м., д-р полит. наук, профессор).

NicbarBot предлагает проведение пилотных проектов, учет экспертных оценок, широкое обсуждение с общественностью, мониторинг и оценку результатов.

12. *Как Вы считаете, Россия внедряет инновации в избирательный процесс путем поиска собственного пути или скорее опирается на передовой опыт других стран, в том числе посредством заимствования отдельных практик и технологий?*

Эксперты и NicbarBot единодушно отметили достаточно выверенный баланс учета передовой практики других стран с использованием собственных инноваций.

13. *Для современного мира характерен процесс международного распространения инноваций, в том числе инноваций в сфере организации и проведения выборов. По Вашему мнению, какими мерами государства могут защитить свой суверенитет в условиях международного распространения электоральных инноваций?*

Эксперты отмечают опасность технической зависимости, которая частично преодолена и которая должна находиться под контролем специалистов. Но так как мы живем во взаимозависимом мире, то нет смысла отгораживаться от других стран, игнорируя новации, полезные для российского избирательного процесса.

NicbarBot акцентирует внимание на мерах защиты государственного суверенитета: разработке собственных стандартов, обеспечении транспарентности и открытости, участии в международных диалогах и организациях, национальном суверенитете и законодательстве.

14. *По Вашему мнению, от каких факторов зависит степень распространения электоральных инноваций по странам мира?*

Эксперты связывают зависимость «от конгруэнтности среды, то есть ее готовности воспринимать инновации, технической возможности внедрения новаций, а также с влиянием, исходящим со стороны донора инновации» (ж., д-р полит. наук, профессор). При этом Россия рассматривается как страна, достаточно восприимчивая к новациям, «находящаяся в первом десятке стран, которые внедряют разнообразные инновации и стараются их применить в избирательном процессе (м., д-р полит. наук, профессор).

NicbarBot выделяет факторы, способствующие распространению электоральных инноваций по странам мира: политическая культура и система, технологическое развитие, международный опыт и влияние, общественное мнение и участие, политическая воля и лидерство. При этом степень распространения электоральных инноваций может различаться в разных странах в зависимости от их уникальных особенностей и условий.

Сравнивая ответы чат-бота и экспертов, необходимо отметить теоретическую проработанность вопросов со стороны искусственного интеллекта, его алгоритмизацию, политическую нейтральность, нацеленность на достижение

положительных результатов электоральных новаций. Эксперты же соизмеряют свои ответы с реальной политической ситуацией, готовностью общества к новациям, включая техническую составляющую, иногда прослеживается идеологический контекст в ответах и отсутствует идеализированное оптимистичное представление о возможных позитивных изменениях, которые могут привести электоральные инновации.

Заключение

Искусственный интеллект становится неотъемлемой частью нашей жизни, поэтому человечеству придется считаться с этим непреложным фактом и ограничить сферу его влияния на принципиально важные для общества обстоятельства. Электоральные процессы относятся к критической инфраструктуре, так как связаны с формированием органов власти, ее легитимизацией, а следовательно, со способностью властных институтов, опираясь на поддержку народа, эффективно исполнять свои функции.

Влияние ИИ на процесс выборов является амбивалентным: с одной стороны, он привносит множество полезных новшеств как в период подготовки к выборам, в ходе избирательной кампании, так и непосредственно во время их проведения и подсчета голосов; с другой стороны, системы с сильным ИИ, способным взаимодействовать с человеком и самостоятельно адаптироваться к изменяющимся условиям, могут представлять серьезную опасность для общества, так как человек еще не научился его контролировать и не знает, что от сопоставимого с человеком разума можно ожидать.

Среди рисков, которые исходят от искусственного интеллекта в электоральном процессе, чаще всего отмечают производство дезинформации, дипфейков, таргетированной политической рекламы, создание поддельных видео, бюллетеней, фабрикации аудиозаписей и даже создание кандидатов, сгенерированных искусственным интеллектом.

В то же время возможности ИИ могут быть востребованы в работе избирательных комиссий для создания чат-ботов, готовых отвечать на поступающие вопросы в режиме 24/7, анализа регистрации избирателей и транспортных средств, задействованных в избирательном процессе, выявления ошибок в регистрации, применения биометрической верификации участников голосования, сопоставления подписей, распределения ресурсов, размещения избирательных участков, проведения рекламных кампаний и анализа результатов выборов при использовании методов статистического моделирования. Органы управления выборами могут воспользоваться системой искусственного интеллекта для улучшения управления выборами, о чем пишет Дж. Пратм [Prathm 2024: 14–40]. Интервью, взятое у чат-бота NicbarBot, свидетельствует о широком теоретическом кругозоре ИИ, но поверхностном знании политических реалий, способных кардинальным образом повлиять на умозрительные рекомендации бота.

Таким образом, искусственный интеллект уже является триггером новаций в электоральном процессе, и эта его функция будет только расширяться. Важнейшая задача, стоящая перед разработчиками, всеми участниками избирательного процесса, заставить работать искусственный интеллект на благо человечества, помогать людям эффективно решать актуальные проблемы, предотвращать угрозы, прогнозировать будущее.

Поступила в редакцию / Received: 16.12.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 23.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 29.12.2024

Библиографический список

- Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 14–18. [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.3](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.3) EDN: YPVKSD
- Гайнетдинова Г.С., Плясунова Е.С. Применение технологий искусственного интеллекта в избирательном процессе: перспективы и риски // Традиции и новации в сфере реализации избирательных прав граждан Российской Федерации : сборник материалов Национальной научно-практической конференции, Чебоксары, 27 июля 2022 г. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2022. С. 85–89. EDN: UHWPSZ
- Глазьев С.Ю. За горизонтом конца истории : монография. Москва : Проспект, 2021. 638 с. EDN: UJOQSH
- Гришин Н.В. Изучение инноваций государственной электоральной политики: обзор научной литературы // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18. № 2. С. 149–159. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-149-159> EDN: OSOZCI
- Гундарин М.В., Олешко П.А. Использование искусственного интеллекта в предвыборных кампаниях // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2023. № 28. С. 57–66. EDN: HBUWQJ
- Дудник Д.О., Балаян Э.Ю. Использование технологий искусственного интеллекта в избирательном процессе // Тенденции развития юридической науки на современном этапе : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Кемерово, 12–13 мая 2023 г. Москва : РГ-Пресс, 2023. С. 66–73. EDN: EENPNE
- Захарова В.И. Инновационный курс развития избирательного процесса в России в условиях цифровизации // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 4 (22). С. 103–111. EDN: EAVLPY
- Килячков А.А., Чалдаева Л.А., Королев Д.А., Байер А.В. Использование искусственного интеллекта для выявления признаков мошеннических действий в ходе выборов // Власть. 2021. Т. 29. № 5. С. 128–132. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8546> EDN: UPKJEY
- Колюшин Е.И. Инновационные технологии избирательного процесса в свете верховенства закона // Правосудие. 2021. № 3. С. 124–150. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2021.3.124-150> EDN: RLJRTY
- Собянин А.В. Искусственный интеллект в избирательной системе: отечественный и зарубежный опыт // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 88–4. С. 61–65. <https://doi.org/10.18411/trnio-08-2022-155> EDN: ZDFXXO
- Тертышный В.А. Интеграция искусственного интеллекта в избирательный процесс как глобальный тренд: правовой аспект // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. 2024. № 1. С. 154–160. EDN: BGHTMQ

- Титов А.К. Применение искусственного интеллекта в предвыборных кампаниях // *Аллея науки*. 2023. Т. 2. № 12 (87). С. 88–92. EDN: QKUWYB
- Устинович Е.С. Генеративный искусственный интеллект в избирательных процессах 2024 г. в мире: дезинформационные кампании и онлайн-тролли // *Социальная политика и социальное партнерство*. 2024. № 3. С. 197–204. <https://doi.org/10.33920/pol-01-2403-03> EDN: QUINRG
- Фролова Т.Ю. Реализация избирательных прав с использованием искусственного интеллекта в РФ // *Наука. Образование. Современность*. 2023. № 2. С. 77–80. <https://doi.org/10.23672/SEM.2023.41.48.011> EDN: OEJDEW
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва : Эксмо, 2016. 138 с. EDN: VUJSVF
- Prathm J. *Artificial intelligence for electoral management*. Stockholm : International IDEA, 2024. 67 p.

References

- Dudnik, D.O., & Balayan, E.Y. (2023). The use of artificial intelligence technologies in the electoral process. In *Trends in the development of legal science at the present stage*. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Kemerovo, May 12–13, 2023. (pp. 66–73). Moscow: RG-Press. (In Russian). EDN: EENPNE
- Frolova, T.Y. (2023). Implementation of electoral rights using artificial intelligence in the Russian Federation. *Science. Education. Modernity*, 2, 77–80. (In Russian). <https://doi.org/10.23672/SEM.2023.41.48.011> EDN: OEJDEW
- Gainetdinova, G.S., & Plyasunova, E.S. (2022). Application of artificial intelligence technologies in the electoral process: prospects and risks. In *Traditions and innovations in the field of realization of the electoral rights of citizens of the Russian Federation*. Collection of materials of the National Scientific and Practical Conference, Cheboksary, July 27, 2022. (pp. 85–89). Cheboksary: I.N. Ulyanov Chuvash State University. (In Russian). EDN: UHWPSZ
- Glazyev, S.Yu. (2021). *Beyond the horizon of the end of history*. Monograph. Moscow: Prospect. 638 p. (In Russian). EDN: UJOQSH
- Grishin, N.V. (2024). The study of innovations in state electoral policy: a review of scientific literature. *Bulletin of the Perm University. Political science*, 18, 2, 149–159. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-149-159> EDN: OSOZCI
- Gundarin, M.V., & Oleshko, P.A. (2023). The use of artificial intelligence in election campaigns. *PR and advertising in a changing world: the regional aspect*, 28, 57–66. (In Russian). EDN: HBUWQJ
- Kilyachkov, A.A., Chaldaeva, L.A., Korolev, D.A., & Bayer, A.V. (2021). The use of artificial intelligence to identify signs of fraudulent actions during elections. *Vlast'*, 29, 5, 128–132. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8546> EDN: UPKJEY
- Kolyushin, E.I. (2021). Innovative technologies of the electoral process in the light of the rule of law. *Justice*, 3, 124–150. (In Russian). <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2021.3.124-150> EDN: RLJRTY
- Prathm, J. (2024). *Artificial intelligence for electoral management*. Stockholm: International IDEA, 67 p.
- Schwab, K. (2016). *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: Eksmo, 138 p. (In Russian). EDN: VUJSVF
- Sobyenin, A.V. (2022). Artificial intelligence in the electoral system: domestic and foreign experience. *Trends in the development of science and education*, 88–4, 61–65. (In Russian). <https://doi.org/10.18411/trnio-08-2022-155> EDN: ZDFXXO

- Tertyshny, V.A. (2024). Integration of artificial intelligence into the electoral process as a global trend: Legal aspect. *Intellectual resources for regional development*, 1, 154–160. (In Russian). EDN: BGHTMQ
- Titov, A.K. (2023). The use of artificial intelligence in election campaigns. *Alley of Science*, 2, 12(87), 88–92. (In Russian). EDN: QKUWYB
- Ustinovich, E.S. (2024). Generative artificial intelligence in the electoral processes of 2024 in the world: disinformation campaigns and online trolls. *Social Policy and Social Partnership*, 3, 197–204. (In Russian). <https://doi.org/10.33920/pol-01-2403-03> EDN: QUINRG
- Vasiliev, A.A., & Pechatnova, Yu.V. (2020). Artificial intelligence and law: Problems prospects. *Russian Asian Legal Journal*, 2, 14–18. (In, Russian). <https://doi.org/10.14258/ralj> EDN: YPVKSD
- Zakharova, V.I. (2021). An innovative course for the development of the electoral process in Russia in the context of digitalization. *Citizen. Elections. Power*, 4(22), 103–111. (In Russian). EDN: EAVLPY

Сведения об авторе:

Баранов Николай Алексеевич — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ведущий научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет (e-mail: nicbar@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3547-3644)

About the author:

Nikolay A. Baranov — Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of International Relations, Northwest Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Leading Researcher, Russian State University for the Humanities. (e-mail: nicbar@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3547-3644)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637

EDN: LRRSDH

Научная статья / Research article

Применение технологий искусственного интеллекта в политике: угрозы и возможности

А.В. Соколов , А.А. Фролов , П.А. Бабаджанян

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская
Федерация

 alex8119@mail.ru

Аннотация. В настоящее время развитие цифровых технологий, которые коренным образом трансформируют различные аспекты человеческой активности, является одной из наиболее актуальных тем в науке и практике. Одной из таких технологий является искусственный интеллект (далее — ИИ) и нейросети, которые становятся все более значимыми инструментами в политической сфере. Трансформационные изменения, обусловленные интеграцией искусственного интеллекта, охватывают многие аспекты политической деятельности — начиная от планирования избирательных кампаний и заканчивая оптимальным управлением государственной машиной. Искусственный интеллект может предоставить возможность анализировать огромные массивы данных и уже активно применяется в различных странах, открывая новые перспективы для понимания социальных динамик. Проанализированы основные риски и потенциал внедрения технологий искусственного интеллекта в политическую сферу. Цель исследования — определение основных угроз и возможностей применения технологий искусственного интеллекта в современной российской политике. Методами сбора эмпирических данных стали глубинное интервью экспертов (32 эксперта, представители академического сообщества, специалисты в области IT-технологий, сотрудники органов власти, а также эксперты в области реализации и внедрения цифровых технологий) из 7 регионов страны, серия фокус-групп (5 фокус групп) среди представителей молодежи (18–35 лет), средний возраст (36–59 лет); старший (пенсионный) возраст (60 и более). В каждой фокус-группе участвовало 10 респондентов. По результатам исследования были выявлены основные угрозы и возможности применения технологий искусственного интеллекта в политической сфере.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, искусственный интеллект, нейросети, политическая сфера, контроль

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ-2024-0010 «Политические проблемы ценностно окрашенного искусственного интеллекта».

© Соколов А.В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Соколов А.В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А. Применение технологий искусственного интеллекта в политике: угрозы и возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 622–637. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637>

Leveraging AI Technologies in Politics: Navigating Threats and Unveiling Opportunities

Alexander V. Sokolov , Alexander A. Frolov , Papik A. Babajanyan

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

✉ alex8119@mail.ru

Abstract. Presently, the rapid evolution of digital technologies that profoundly reshape diverse facets of human endeavor stands as a pivotal theme in both scholarly discourse and practical application. Prominent among these advancements are artificial intelligence (AI henceforth) and neural networks, emerging as indispensable instruments within the realm of politics. The pervasive transformation wrought by integrating AI extends across numerous dimensions of political engagement — spanning strategic design of electoral campaigns through efficient governance mechanisms. Artificial intelligence can provide the opportunity to analyze huge amounts of data and is already being actively used in various countries, opening up new perspectives for understanding social dynamics. In this regard, the article analyzes the main risks and potential of introducing artificial intelligence technologies into the political sphere. The purpose of the study is to identify the main threats and opportunities for the use of artificial intelligence technologies in modern Russian politics. The methods of collecting empirical data were: in-depth interviews of experts (32 experts, representatives of the academic community, IT specialists, government officials, as well as experts in the field of implementation and implementation of digital technologies) from 7 regions of the country, a series of focus groups (5 focus groups) among young people (18–35 years old), average age (36–59 years); senior (retirement) age (60 and over). 10 respondents participated in each focus group. According to the results of the study, the main threats and opportunities for the use of artificial intelligence technologies in the political sphere were identified.

Keywords: digital technologies, digitalization, artificial intelligence, neural networks, political sphere, control

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of the state assignment for research at YarSU under project No. FENZ-2024-0010 “Political problems of value-based artificial intelligence”.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Sokolov, A.V., Frolov, A.A., & Babajanyan, P.A. (2025). Leveraging AI technologies in politics: Navigating threats and unveiling opportunities. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 622–637. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637>

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий, которые кардинально меняют различные сферы человеческой деятельности, является одной из наиболее обсуждаемых научных и практических проблем. В частности, искусственный интеллект (далее — ИИ) и нейросети становятся все более актуальными инструментами в политической практике. Сквозные изменения, вызванные применением ИИ, затрагивают все уровни политической деятельности — от разработки стратегий выборов до эффективного управления государственными делами [Ри 2024]. Искусственный интеллект позволяет обрабатывать огромные объемы данных и в настоящее время используется в различных странах мира, открывая новые горизонты для понимания общественных тенденций, трансформации управления обществом и государством [Dunleavy & Margetts 2023]. К примеру, в Китайской Народной Республике в 2016 г. была представлена система City Brain (разработана компанией Alibaba Cloud), которая использует ИИ для управления городскими данными (применяется для оптимизации различных аспектов жизни в городе, от управления транспортом до экстренных служб). В 2017 г. Канада использовала ИИ для анализа публичных консультаций и формирования рекомендаций по реформе избирательной системы. Стратегия была разработана Канадским институтом перспективных исследований (CIFAR) в партнерстве с тремя национальными институтами искусственного интеллекта страны [Выходец 2022].

Таким образом, интеграция технологий создает новые возможности для политических акторов, но одновременно с этим может иметь ряд потенциальных рисков, которые требуют особого внимания и изучения.

Например, существуют риски использования ИИ для манипуляции общественным мнением через микротаргетинг и дезинформацию. Генеративные модели ИИ, создающие текст, изображения и видео, способны подрывать доверие к демократическим институтам, усиливая недоверие к СМИ и политическим элитам. Важной также является угроза эрозии социальной сплоченности из-за масштабного распространения контента сомнительной достоверности [Kreps, Kriner 2023].

Теоретические основы исследования

Практика демонстрирует, что ИИ может значительно улучшить результативность процесса принятия решений, в том числе государственного управления, и помочь решить многие актуальные политические вопросы. При этом активизация использования ИИ сопровождается рядом угроз, касающихся в том числе безопасности и отсутствия прозрачности в процессе алгоритмического принятия решений [Гуськова, Калимуллин 2020].

Важно отметить, что на данный момент среди специалистов из различных областей знаний нет единого понимания феномена ИИ, что может быть связано также с большим количеством смежных терминов и категорий. В частности, в статье Е.В. Соломонова понятие ИИ представлено так: «Искусственный

интеллект — это автономная система (технологическое решение), обладающая способностью к обучению, самообучению и самосовершенствованию, осуществляющая самостоятельный поиск, анализ и обобщение информации, имеющая признаки разумного поведения — возможность ставить и решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует заранее заданный алгоритм решения (высокая вероятность совершения действий, не предусмотренных создателем или программистом изначально), достигая и превышая при этом результаты интеллектуальной деятельности человека вне зависимости от сферы применения» [Соломонов 2023]. Таким образом, понятие искусственного интеллекта раскрывается через его автономность, обучаемость, способности к анализу и обобщению данных, а также возможность проявлять разумное поведение в необычных ситуациях. Также в определении отмечается, что ИИ способен самостоятельно искать необходимую информацию, анализировать ее и обобщать результаты, что делает его эффективным инструментом для решения сложных задач в разных областях. При этом на данный момент нет однозначного ответа о том, в какой степени технология искусственного интеллекта способна генерировать адекватные ответы на открытые вопросы [Pinell 2024].

ИИ можно представить как общую технологию реализации принципов работы машин (компьютерных систем) на основе возможностей их самообучения и генерации готовых решений, похожих на человеческие (фактически копируя когнитивные функции самого человека). В контексте данной работы ИИ будет представлен как *инновационная технология, способная анализировать большие объемы данных, прогнозировать политические тренды и общественные настроения, а также помогать в принятии решений, что открывает новые возможности для изменения процессов государственного управления, но также создает угрозы* (в том числе в виде манипуляции информацией и нарушения приватности).

Следует отметить, что феномен «нейросеть» можно назвать вариантом ИИ, но не каждый ИИ можно называть нейросетью, так как нейросети — это один из методов реализации искусственного интеллекта, но не весь искусственный интеллект. ИИ включает в себя множество других подходов и методов, таких как традиционные алгоритмы машинного обучения, генеративные алгоритмы и т.д.

Рассуждая о возможностях применения искусственного интеллекта в политике, многие авторы указывают, что нейросетевые технологии уже сейчас активно используются в политической сфере: анализ данных и социальных медиа, прогнозирование и стратегическое планирование, автоматизация процессов и др. [Изиляева и др. 2024]. В своей статье А.Д. Селиверстова на анализе российского опыта выделяет возможности ИИ исходя из действующих практик использования данной технологии в некоторых государственных структурах и учреждениях. По ее мнению, можно подчеркнуть следующие перспективные сферы его использования: планирование ресурсов, анализ и прогнозирование данных, улучшение обслуживания граждан, выявление мошенничества и коррупции и др. [Селиверстова 2024]. Тем самым использование ИИ должно повысить эффективность и качество предоставления государственных услуг

гражданам, а также упростить мониторинг общественного мнения с помощью автоматизации, которая помогает обрабатывать запросы общества [Быков 2020]. Однако использование ИИ также сопряжено с рисками, включая снижение автономии избирателей и возникновение новых форм цифрового авторитаризма. Очевидна необходимость разработки этических стандартов для предотвращения подобных злоупотреблений [Birgit 2020].

Кроме того, влияние ИИ на политическое управление можно анализировать и через призму легитимности. Исследователи выделяют три аспекта: вводные механизмы (учет интересов граждан), процессы принятия решений (прозрачность и эффективность) и результаты (соответствие ожиданиям общества). Таким образом, применение ИИ в политике способно укрепить доверие, если алгоритмы будут прозрачными и инклюзивными, однако недостатки в этих сферах могут усилить демократический дефицит [Starke, Lünich 2020].

В исследовании С.В. Володенкова, С.Н. Федорченко и Н.М. Печенкина на основе кластеризации экспертных мнений определены ключевые социально-политические риски, угрозы и вызовы, включая утрату приватности из-за автоматизированного сбора и анализа Big Data; алгоритмическое воздействие на массовое сознание через персонализацию контента с использованием ИИ; автоматизированную пропаганду с помощью «умных» цифровых аккаунтов для манипулятивных кампаний и дезинформации; конкуренцию транснациональных технологических компаний с государствами благодаря собственным ИИ-ресурсам; тневизацию алгоритмического управления из-за предвзятости и непрозрачности решений нейросетей; формирование цифровых автократий, основанных на автоматизированном контроле социальных коммуникаций через технологии ИИ и др. [Володенков и др. 2024].

В своей работе С.В. Володенков отмечает, что «деятельность практически любого ИИ-агента, обученного в недружественных странах (которые в основном являются идеологическими центрами и обладают собственными мировоззренческими и ценностно-смысловыми системами, чуждыми российской традиционной идеологии и мировоззрению), может рассматриваться как существенная ценностно-смысловая угроза в случае осуществления таким ИИ-агентом информационно-коммуникационной активности в российском цифровом пространстве» [Володенков 2024]. Тем самым автор стремится показать формирующуюся угрозу: большинство чат-ботов с генеративным искусственным интеллектом создано на базе информации недружественных стран, что в свою очередь опасно для России как государства, поскольку ответы таких чатов влияют на общественное сознание, в том числе посредством фейковой информации [Агеев и др. 2022].

Таким образом, ИИ становится стратегическим инструментом в международной политике, усиливая влияние как государств, так и корпораций. Некоторые исследования подчеркивают, что крупные технологические компании обладают транснациональным влиянием, которое может конкурировать с властью правительств.

Все представленные примеры, показывают, насколько важно разрабатывать законодательство или предпринимать правовые методы регулирования ИИ, так как они могут создавать риски и угрозы для безопасности населения и всего государства. Управление технологиями ИИ требует новых подходов, так как их трансграничный характер и сложность работы затрудняют традиционные формы регулирования [Turk 2024]. Требуют рассмотрения вопросы создания международных стандартов, внедрения этических принципов и необходимости сотрудничества между государствами для управления последствиями использования ИИ в политике [Clauberg 2020].

Применение искусственного интеллекта в политике открывает значительные возможности для оптимизации процессов, анализа данных и прогнозирования, однако содержит в себе потенциальные угрозы. Неконтролируемое использование ИИ может привести к манипуляциям общественным мнением, подавлению свободы информации, усилению социального неравенства и даже к ограничению демократических процессов. Поэтому необходимы дальнейшие исследования и обсуждения в области регулирования использования ИИ и нейросетей в политике для минимизации рисков и негативных последствий внедрения данных технологий.

Методы и материалы исследования

С целью определения основных угроз и возможностей применения технологий искусственного интеллекта в современной российской политике в августе-сентябре 2024 г. были проведены:

1. Интервью с 32 экспертами (представители академического сообщества, специалисты в области IT-технологий, сотрудники органов власти, а также эксперты в области реализации и внедрения цифровых технологий) из 7 регионов страны: Москва, Санкт-Петербург, Костромская область, Волгоградская область, Алтайский край, Краснодарский край, Ярославская область. Гайд для проведения интервью состоял из открытых вопросов по следующим направлениям: ключевые характеристики ИИ; особенности работы ИИ с пользователями; результаты выдачи и ограничения ИИ; угрозы и возможности внедрения и использования ИИ; ИИ в контексте политики современной России; особенности регулирования ИИ в России; перспективы развития ИИ.
2. 5 фокус-групп (в каждой — по 10 респондентов). Три фокус группы были разделены по возрастному критерию: молодежь: 18–35 лет; средний возраст: 36–59 лет; старший (пенсионный) возраст: 60 лет и более. Еще 2 фокус-группы всех возрастов репрезентативных по полу и возрасту. Гайд для проведения фокус-групп состоял из открытых вопросов по следующим категориям: ключевые характеристики ИИ; особенности работы ИИ с пользователями; результаты выдачи и ограничения ИИ; угрозы и возможности внедрения и использования ИИ; ИИ в контексте политики современной России; перспективы развития ИИ.

Восприятие технологий искусственного интеллекта в политике

Результаты исследования демонстрируют, что с помощью технологий ИИ формируются более точные и адаптированные к аудитории политические сообщения. Алгоритмы могут проанализировать поведение пользователей в социальных сетях, их реакции на различные сообщения, позволяя уделять больше внимания наиболее восприимчивым аудиториям. Вместе с тем эксперты предупреждают, что такая персонализация пользователей потребует осторожного подхода, так как может повлечь за собой проблемы, связанные с манипуляцией сознанием.

Значительная часть участников фокус-групп (особенно среди молодежи) отметила, что характерной особенностью применения ИИ в политике является использование нейросетей для симуляции и предсказания политических процессов и событий. Эти модели могут быть нацелены на оценку влияния конкретных решений или действий, что позволяет заранее подготовиться к возможным вызовам. На уровне государственного управления ИИ может оптимизировать процессы принятия решений, обеспечивая доступ к актуальной информации и предоставляя полезные аналитические данные, повышая качество управления и расширяя взаимодействие с гражданами.

В то же время, по мнению участников фокус групп, внедрение ИИ в политику ставит ряд этических вопросов. Отсутствие прозрачности в алгоритмах принятия решений порождает недоверие граждан к политикам и институтам. Непредсказуемость и неопределенность реакций ИИ могут привести к нежелательным социальным последствиям, где общественное мнение и доверие могут оказаться под угрозой. В такой ситуации важно, чтобы разработки ИИ были четко регламентированы, включая право граждан знать, как и на каких основаниях принимаются решения, которые затрагивают их интересы (*«Эту работу, писанину и выступления должны делать они [политики] или их сотрудники, а не компьютер» — цит., муж., средние, респондент фокус-группы*). При этом демонстрируется запрос не только на само регулирование, но и общественную дискуссию по ключевым проблемам в данной сфере.

Возможности использования искусственного интеллекта в общественно-политическом пространстве

По мнению экспертов, современные политические процессы уже включают в себя инструменты искусственного интеллекта. Так, часть экспертов считает, что использование нейросетей для анализа данных о предпочтениях и интересах граждан стало обычной практикой. Главная возможность, которую дают системы, работающие на основе ИИ, — быстрая обработка информации и выделение ключевых идей (трендов), что делает их полезными в условиях динамичных политических реалий. Субъекты (в том числе в политике), использующие такие технологии, могут достигать более высокой степени персонализации контента (*«Самый главный плюс ИИ — это то, что он все делает быстрее: считает, читает, пишет быстрее, чем*

люди, и это можно использовать как возможность в будущем» — *цит., жен., преподаватель, эксперт*). Кроме того, ИИ помогает автоматизировать взаимодействие с гражданами (избирателями), в том числе посредством чат-ботов, которые отвечают на запросы и предлагают необходимую информацию. Тем самым не только сокращаются затраты на человеческие ресурсы, но и создается ощущение индивидуального подхода.

Несомненным преимуществом ИИ и нейросетей, по мнению участников фокус-групп, является способность генерации новых идей и прогнозирования результатов. На основе работы с большими данными, зачастую непосильными для осмысления одним или несколькими людьми, искусственный интеллект способен генерировать новые идеи, на основе которых человек сможет трансформировать современное общество. При этом он способен прогнозировать дальнейшее развитие событий, предупреждая человека при принятии того или иного решения о потенциальных рисках (*«Они [нейросети] уже сейчас подсказывают и даже предсказывают, что мне делать дальше. Это помогает спланировать свою работу»* — *цит., муж., молодежь, респондент фокус-группы*).

Еще одной возможностью внедрения ИИ в политику может являться потенциальное укрепление национальной безопасности и кибербезопасности. Системы искусственного интеллекта применяются в оборонных целях и в разработке систем противодействия кибератакам. По мнению экспертов и респондентов, создание независимых национальных систем искусственного интеллекта укрепит цифровую инфраструктуру и создаст условия для развития гражданских технологий в этой области. При этом большинство экспертов отмечало в первую очередь успешность в этой сфере именно коммерческих, а не государственных корпораций.

Еще одним немаловажным преимуществом использования технологий ИИ в политике является формирование дополнительных условий для развития гражданского участия: участники фокус-групп и эксперты сошлись во мнении, что с помощью ИИ создаются (будут создаваться) платформы для более активного взаимодействия между гражданами и государством посредством разработки систем обратной связи, онлайн-голосований, а также платформ для коллективного обсуждения законопроектов и инициатив. (*«Я думаю, ИИ можно будет использовать для проверки и упрощения процедуры ДЭГ или для онлайн-петиций»* — *цит., муж., средние, респондент фокус-группы*). В целом эксперты и участники фокус-групп сошлись во мнении, что инструменты, способствующие внедрению ИИ в политические процессы, должны совершенствоваться вместе с развитием их функциональности. Поскольку политические процессы и решения базируются в основном на результатах анализа данных, важно учитывать мнения всех заинтересованных сторон, включая экспертов в области технологий, правозащитников и общественности.

Угрозы использования искусственного интеллекта в общественно-политическом пространстве

Несмотря на очевидные преимущества, необходимо учитывать и риски, связанные с применением ИИ в политике. Среди них следует отметить чрезмерную зависимость от алгоритмов, которая может привести к ошибкам в оценках и интерпретациях данных. Алгоритмы могут непреднамеренно усиливать существующие предвзятости, основываясь на недостоверных или неполных данных, в том числе формулируя недостоверные прогнозы.

Государству и обществу также крайне важно рассмотреть вопросы безопасности данных при использовании ИИ. С неизбежным ростом цифровых атак риск утечек информации увеличивается. Технологии ИИ, которые собирают и обрабатывают обширные массивы данных о своих пользователях, становятся привлекательными целями для киберпреступников. Современные алгоритмы ИИ могут создавать и распространять фейковые новости с высокой скоростью и точностью. Нейросети генерируют текст, изображения и даже видео, которые невозможно отличить от реальных (deepfake). С помощью специальных платформ можно запускать общественные кампании, которые ориентированы на определенные социальные группы, что не только подрывает традиционные механизмы проверки информации, но и ставит под сомнение саму идею общественного диалога.

Кроме того, нейросети создают и поддерживают определенный дискурс, который может быть использован для манипулирования общественным мнением и конструирования новой реальности. С ростом влияния этих технологий множатся угрозы формирования искусственной среды, в которых манипуляторы способны направлять коллективные представления и восприятие в нужное русло. Это актуализирует вопросы о подлинности и достоверности создаваемой информации и увеличивает риски искажения представлений о действительности.

Таким образом, ИИ оказывает значительное влияние на национальную безопасность, включая возможности киберзащиты и предсказания угроз. Однако усиление зависимости от ИИ создает риски, связанные с уязвимостью систем и потенциальным использованием технологий для атак.

Также одной из наиболее острых угроз является проблема прозрачности алгоритмов, на которых основывается функционал ИИ. Соответствующие технологии часто воспринимаются как «черные ящики», внутренние процессы которых непонятны обычным пользователям. По мнению экспертов, отсутствие понимания того, каким образом принимаются решения, вызывает озабоченность, особенно когда речь идет о политических процессах. Механизмы обработки информации могут порождать предвзятости, основанные на искаженных данных или неправильно настроенных алгоритмах, что в конечном итоге может отразиться на политических процессах и общественном мнении.

Еще одной угрозой использования технологий ИИ в политике является проблема зависимости от иностранных решений в сфере ИИ (имеет значение для многих технологически зависимых государств). В частности, значительная

часть технологий ИИ в России основана и спроектирована на базе иностранных технологий. Санкции могут затруднить развитие внутреннего производства и снизить международную конкурентоспособность, а также сделать отечественных производителей зависимыми (*«...как понимаю какие-то софты и первоисточники цифровых технологий находятся и разработаны не в нашей стране. Это не очень приятно, вдруг они могут на нас повлиять»* — цит., жен., средние, респондент фокус-группы).

При этом большинство участников фокус-групп отметили угрозу потери необходимости человеческого труда в отдельных сферах. По мнению респондентов, искусственный интеллект способен выполнять простейшие задачи некоторых реальных профессий, что формирует угрозу для текущей занятости и необходимости использования ресурсов человека в производстве товаров и услуг. Более того, отмечается, что он способен это делать быстрее и качественнее среднестатистического работника, тем самым стимулировать внедрение искусственного интеллекта взамен человеческого.

При этом обозначенная угроза может породить проблему упрощения процесса человеческого мышления. Здесь отмечается риск чрезмерного использования искусственного интеллекта при формировании новых знаний самим человеком. Респонденты опасаются, что человек просто откажется от критического осмысления поступающей информации и будет использовать выдачу искусственного интеллекта как итоговый результат своей собственной мыслительной деятельности.

Таким образом, Российскому государству необходимы четкие стандарты и правила, которые регулировали бы использование ИИ в политической сфере. Прозрачность алгоритмов и обработка данных должны стать ключевыми аспектами регулирования. Унифицированные протоколы, позволяющие оценивать и отслеживать влияние ИИ на политические процессы, помогут создать необходимые гарантии. Общественное обсуждение и открытость в отношении применения технологий позволит не только снизить уровень недоверия со стороны граждан, но и повысить общий уровень грамотности в вопросах ИТ-этики.

В конечном итоге успех внедрения технологий ИИ в политические процессы напрямую зависит от способности общества и государства сбалансированно подходить к их регулированию. Только выстраивая системный подход к вопросам прозрачности и этики, можно обеспечить работу ИИ во благо общества. Постепенное формирование этических стандартов для применения технологий в политике станет необходимым условием для функционирования здорового демократического пространства. Продуманные и адекватные меры регулирования позволят максимально использовать возможности ИИ, минимизируя негативные последствия для граждан.

Потенциал развития применения технологий ИИ в политике

Значительная часть опрошенных считает, что значимых изменений в политике (и в других сферах) в ближайшие годы из-за технологий ИИ не предвидится. В то же время часть экспертов отмечала, что будущие политические стратегии будут зависеть от того, смогут ли государственные органы и организации выработать оптимальные законодательные меры по обеспечению прозрачности и защите прав граждан в сфере развития ИИ.

Не менее важным аспектом использования ИИ в политике является влияние технологий на политическую коммуникацию. Виртуальные помощники и чат-боты уже сейчас находят все большее применение как во взаимодействии государства с гражданами, так и в процессах автоматизации некоторых задач. В будущем эти технологии станут более совершенными и смогут сделать политическую дискуссию более доступной и простой. Однако, по мнению экспертов, может появиться новая угроза: последствия *deepfake* технологий и дезинформации способны подорвать доверие к традиционным медиа и институтам власти.

При этом часть экспертов считает, что если не определить законодательные рамки использования ИИ, то может сформироваться новая сегрегация. Данное предположение связано с тем, что алгоритмы часто обучаются на существующих данных, что может усилить предвзятости и даже создать неравенство в доступе к политической информации.

В целом можно подчеркнуть, что развитие искусственного интеллекта характеризуется следующими прогнозными сценариями:

1. Дальнейшее развитие ИИ и нейросетей, создание полноценных систем искусственного интеллекта и их более масштабная адаптация в общественную жизнь. В этом сценарии эксперты склонны считать, что точка невозврата в развитии искусственного интеллекта пройдена и невозможно вернуть общество к состоянию до нейросетей и искусственного интеллекта. Некоторые хотя и с долей иронии, но все же допускают негативные сценарии развития, свойственные научной фантастике конца XX — начала XXI в. (например, фильмы «Терминатор» и «Особое мнение»).
2. Нейросети достигли точки невозврата, но при этом возможности технологии исчерпаны. Эксперты аргументируют данную позицию тем, что создание более сложных систем, способных полностью имитировать человеческое мышление, попросту невозможно.
3. Нейросети не прошли точки невозврата, и сложно предположить, как искусственный интеллект будет развиваться в ближайшем будущем. Придерживаясь данной точки зрения, эксперты склонны отмечать, что совершенствование цифровых технологий будет отражаться и на развитии ИИ. Видение будущего является лишь представлением человека реального времени с его текущими возможностями и технологическим развитием, которые не способны предположить весь потенциал нового феномена.

Таким образом, можно предположить, что успешное внедрение технологий в политические процессы будет зависеть от способности регуляторов

и самих политиков учитывать новые реалии и адаптироваться к ним. Будущее применение ИИ в политике, таким образом, представляет собой сложную мозаичную конструкцию. Она требует многослойного анализа, с точки зрения этики, технологий, безопасности и общественного доверия. Важно превратить угрозы в возможности для создания более открытой, инклюзивной и отзывчивой политической среды, что потенциально может привести к улучшению качества жизни и более устойчивым инклюзивным практикам.

Заключение

Применение технологий искусственного интеллекта в политике представляет собой многогранный и сложный процесс, который открывает как новые возможности, так и серьезные угрозы. В условиях стремительного технологического прогресса ИИ и нейросети становятся неотъемлемой частью политической сферы, изменяя привычные механизмы взаимодействия политиков и граждан, а также трансформируя способы формирования и анализа общественного мнения. Эти изменения, безусловно, могут привести как к повышению эффективности управленческих решений, так и к серьезным рискам.

В результате можно выделить следующие позитивные возможности, которые формируют технологии ИИ в общественно-политической жизни:

- повышение эффективности государственного управления: использование ИИ может значительно улучшить работу государственных органов за счет автоматизации рутинных процессов, анализа больших данных и принятия более адекватных решений;
- обеспечение информационной безопасности: искусственный интеллект способен анализировать большие объемы информации и выявлять потенциальные угрозы национальной безопасности;
- оптимизация трудовой деятельности: ИИ помогает в решении рутинных задач и способствует автоматизации постоянных рабочих процессов;
- улучшение качества обработки информации: внедрение ИИ способствует более быстрому анализу больших данных, а также позволяет их оперативно структурировать и сортировать по блокам;
- генерация новых идей и предложений: технологии ИИ при правильном использовании могут подсказать человеку, как правильно решать сложные вопросы и проблемы.

Проведенные исследования также позволили выявить негативные стороны и угрозы, которые формируют технологии ИИ в общественно-политической жизни:

- снижение востребованности человеческого труда: искусственный интеллект способен выполнять задачи некоторых реальных профессий, что формирует угрозу для текущей занятости и снижает потребность в человеческих ресурсах;

- упрощение процесса человеческого мышления: риск чрезмерного использования искусственного интеллекта при формировании новых знаний человеком;
- безопасность данных граждан: результаты общения с ИИ и нейросетями могут использоваться для формирования портрета пользователя и дальнейшего его использования, в том числе третьими лицами;
- манипуляции общественным мнением: ИИ может быть обучен на искаженной информации для влияния на сознание граждан;
- сложность технической реализации собственных (национальных) технологий искусственного интеллекта: несмотря на то, что технологии искусственного интеллекта разрабатываются и используются во многих развитых странах мира, они часто основываются на готовых решениях конкретных разработчиков, преуспевших в создании языковых моделей.

Перспективы применения технологий ИИ в политике также вызывают определенные опасения. С одной стороны, мы можем ожидать дальнейшего развития и интеграции ИИ в политические процессы, что приведет к более эффективному управлению и более точному учету интересов граждан. С другой стороны, необходимо быть готовыми к новым вызовам, связанным с этическими и правовыми аспектами использования ИИ. Важно, чтобы общество, политики и ученые работали вместе над созданием безопасной и этичной среды для применения технологий ИИ в политике. Обеспечение справедливой и открытой политической среды должно стать приоритетом для всех заинтересованных сторон. В противном случае возможности, открываемые ИИ, могут обернуться угрозами для всех участников политического процесса.

Поступила в редакцию / Received: 20.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 03.12.2024

Принята к публикации / Accepted: 19.12.2024

Библиографический список

- Агеев А.И., Золотарева О.А., Золотарев В.А. Россия в глобальном мире искусственного интеллекта: оценка по мировым рейтингам // Экономические стратегии. 2022. № 2 (182). С. 20–31 <http://doi.org/10.33917/es-2.182.2022.20-31>; EDN: QAYTDY
- Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 2. С. 23–33. <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>; EDN: FCGCZO
- Володенков С.В. Нейросетевые алгоритмы в актуальных процессах трансформации традиционных мировоззренческих и идеологических систем // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Том 17. № 2. С. 6–30. <http://doi.org/10.31249/kgt/2024.02.01>; EDN: BCFLDQ
- Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.

2024. Т. 26. № 2. С. 406–424. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424>; EDN: LWSYCV
- Выходец Р.С. Стратегия США и Канады в области искусственного интеллекта // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 7. С. 110–122. <http://doi.org/10.31857/S2686673022070094>; EDN: GTLHJS
- Гуськова А.Б., Калимуллин Н.Р. Современные угрозы обществу с внедрением искусственного интеллекта // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2020. Т. 12. № 1. С. 275–281. EDN: PDSIFC
- Изильева Л.О., Васильев Я.К., Мирокиянц К.С., Ясавиева А.И. Возможности и риски применения искусственного интеллекта в сфере политических отношений Российской Федерации // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 1. С. 136–139. <http://doi.org/10.34773/EU.2024.1.24>; EDN: CZSMPT
- Ри М.А. Эволюция искусственного интеллекта — реальные и гипотетические социальные угрозы // Социология и право. 2024. Т. 16. № 3. С. 380–390. <http://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-3-380-390>; EDN: LHXCHI
- Селиверстова А.Д. Возможности и риски, этические проблемы использования искусственного интеллекта в публичном управлении // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 3. С. 56–60. <http://doi.org/10.23672/SAE.2024.88.31.023>; EDN: PWECRW
- Соломонов Е.В. Понятие и признаки искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2023. Т. 4. № 4. С. 57–65. [http://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(4\).57-65](http://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(4).57-65); EDN: OAEOBP
- Birgit S. Artificial Intelligence and Democratic Politics // Political Insight. 2020. Vol. 11, no. 1. P. 32–35. <http://doi.org/10.1177/2041905820911746>; EDN: ISDTMB
- Clauberg R. Cyber-physical systems and artificial intelligence: chances and threats to modern economies // World Civilizations. 2020. Vol. 5, no. 3–4. P. 107–115. EDN: GTWIMJ
- Dunleavy P., Margetts H. Data science, artificial intelligence and the third wave of digital era governance // Public Policy and Administration. 2023. Vol. 40, no. 2. P. 185–214. <https://doi.org/10.1177/09520767231198737>; EDN: MLOOYR
- Kreps S., Kriner D. How AI Threatens Democracy // Journal of Democracy. 2023. Vol. 34, no. 4. P. 122–131. <http://doi.org/10.1353/jod.2023.a907693>; EDN: L XKFNX
- Pinell P. Does Artificial Intelligence Speak Our Language?: A Gadamerian Assessment of Generative Language Models // Political Research Quarterly. 2024. Vol. 77, no. 3. P. 713–728. <https://doi.org/10.1177/10659129241243038>; EDN: FIJAIE
- Starke C., Lünich M. Artificial intelligence for political decision-making in the European Union: Effects on citizens' perceptions of input, throughput, and output legitimacy // Data & Policy. 2020. Vol. 2, no. 16. P. 917–926. <http://doi.org/10.1017/dap.2020.19>; EDN: PPKCGD
- Turk Ž. Regulating artificial intelligence: A technology-independent approach // European View. 2024. Vol. 23, no. 1. P. 87–93. <https://doi.org/10.1177/17816858241242890>; EDN: APMQML

References

- Ageev, A.I., Zolotareva, O.A., & Zolotarev, V.A. (2022). Russia in the global world of artificial intelligence: assessment by world ratings. *Economic strategies*, (2), 20–31. (In Russian). <http://doi.org/10.33917/es-2.182.2022.20-31>; EDN: QAYTDY
- Birgit, S. (2020). Artificial Intelligence and Democratic Politics. *Political Insight*, 11(1), 32–35. <http://doi.org/10.1177/2041905820911746>; EDN: ISDTMB
- Bykov, I.A. (2020). Artificial intelligence as a source of political judgments. *Journal of Political Research*, 4(2), 23–33. (In Russian). <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>; EDN: FCGCZO

- Clauberg, R. (2020). Cyber-physical systems and artificial intelligence: chances and threats to modern economies. *World Civilizations*, 5 (3–4), 107–115. EDN: GTWIMJ
- Dunleavy, P., Margetts, H. (2023). Data science, artificial intelligence and the third wave of digital era governance. *Public Policy and Administration*, 40(2), 185–214. <https://doi.org/10.1177/09520767231198737>; EDN: MLOOYR
- Guskova, A.B., & Kalimullin, N.R. (2020). Modern threats to society with the introduction of artificial intelligence. *Actual problems of law and the state in the XXI century*, 12(1), 275–281. (In Russian). EDN: PDSIFC
- Izilyaeva, L.O., Vasiliev, Ya.K., Mirokiyants, K.S., & Yasavieva, A.I. (2024). Opportunities and risks of using artificial intelligence in the field of political relations of the Russian Federation. *Economics and Management: scientific and practical journal*, (1), 136–139. (In Russian). <http://doi.org/10.34773/EU.2024.1.24>; EDN: CZSMPT
- Kreps, S., & Kriner, D. (2023). How AI Threatens Democracy. *Journal of Democracy*, 34(4), 122–131. <http://doi.org/10.1353/jod.2023.a907693>; EDN: LXXFNF
- Pinell, P. (2024). Does Artificial Intelligence Speak Our Language?: A Gadamerian Assessment of Generative Language Models. *Political Research Quarterly*, 77(3), 713–728. <https://doi.org/10.1177/10659129241243038>; EDN: FIJAIE
- Ri, M.A. (2024). The evolution of artificial intelligence — real and hypothetical social threats. *Sociology and Law*, 16(3), 380–390. (In Russian). <http://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-3-380-390>; EDN: LHXCHI
- Seliverstova, A.D. (2024). Opportunities and risks, ethical problems of using artificial intelligence in public administration. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 3, 56–60. (In Russian). <http://doi.org/10.23672/SAE.2024.88.31.023>; EDN: PWECRW
- Solomonov, E.V. (2023). The concept and features of artificial intelligence. *Bulletin of Omsk University. Series: Law*, 4(4), 57–65. (In Russian). [http://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(4\).57-65](http://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(4).57-65); EDN: OAEOBP
- Starke, C., & Lünich, M. (2020). Artificial intelligence for political decision-making in the European Union: Effects on citizens' perceptions of input, throughput, and output legitimacy. *Data & Policy*, 2(16), 917–926. <http://doi.org/10.1017/dap.2020.19>; EDN: PPKCGD
- Turk, Ž. (2024). Regulating artificial intelligence: A technology-independent approach. *European View*, 23(1), 87–93. <https://doi.org/10.1177/17816858241242890>; EDN: APMQML
- Volodenkov, S.V. (2024). Neural network algorithms in the actual processes of transformation of traditional worldview and ideological systems. *Contours of global transformations: politics, economics, law*, 17(2), 6–30. (In Russian). <http://doi.org/10.31249/kgf/2024.02.01>; EDN: BCFLDQ
- Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., & Pechenkin, N.M. (2024). Risks, threats and challenges of the introduction of artificial intelligence and neural network algorithms into the modern system of socio-political communications: based on the materials of an expert study. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, 26(2), 406–424. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424>; EDN: LWSYCV
- Vykhodets, R.S. (2022). Strategy of the USA and Canada in the field of artificial intelligence. *USA and Canada: economics, politics, culture*, (7), 110–122. (In Russian). <http://doi.org/10.31857/S2686673022070094>; EDN: GTLHJS

Сведения об авторах:

Соколов Александр Владимирович — доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (e-mail: alex8119@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7325-8374)

Фролов Александр Альбертович — кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (e-mail: a.a.froloff@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-8775-016X)

Бабаджян Папик Артурович — стажер-исследователь, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (e-mail: babajanyanpapik@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-2828-5581)

About the authors:

Alexander V. Sokolov — Doctor of Political Sciences, Docent, Head of Socio-Political Theories Department, P.G. Demidov Yaroslavl State University (e-mail: alex8119@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7325-8374)

Alexander A. Frolov — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Socio-Political Theories, P.G. Demidov Yaroslavl State University (e-mail: a.a.froloff@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-8775-016X)

Papik A. Babajanyan — research intern, P.G. Demidov Yaroslavl State University (e-mail: babajanyanpapik@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-2828-5581)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ DIGITAL TRANSFORMATION

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-638-653
EDN: JKKOVG

Научная статья / Research article

Концептуальная модель оптимизации взаимодействия государства и граждан в условиях цифровой трансформации современной России

С.С. Морозова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская
Федерация

✉ s.s.morozova@spbu.ru

Аннотация. Оптимизация взаимодействия государства и граждан в условиях цифровой трансформации России требует комплексного подхода, выходящего за рамки технологических решений. Для системного анализа этой проблемы предложена и теоретически обоснована интегративная пятикомпонентная концептуальная модель, включающая технологическую инфраструктуру, институционально-правовое обеспечение, механизмы гражданского участия, информационную открытость и среду доверия. Апробация модели, основанная на серии экспертных фокус-групп с представителями власти, бизнеса и научного сообщества, выявила существенную асимметрию в развитии ее компонентов. При технологическом прогрессе фиксируются дефицит доверия к цифровым инициативам государства, скептицизм в отношении реального влияния механизмов электронного участия и слабость диалога между властью и обществом. Обоснован вывод, что эффективная оптимизация взаимодействия невозможна без фундаментальных изменений, направленных на построение доверия, обеспечение реального участия граждан, повышение прозрачности и совершенствование институтов. На основе анализа сформулированы практические рекомендации для государственной политики.

Ключевые слова: цифровая трансформация, взаимодействие государства и граждан, концептуальная модель, электронное правительство, цифровое доверие, электронное участие, цифровая политика, цифровая этика, государственное управление

Благодарности. Исследование выполнено за счет средств гранта РНФ № 22-78-10049 «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности».

© Морозова С.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Морозова С.С. Концептуальная модель оптимизации взаимодействия государства и граждан в условиях цифровой трансформации современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 638–653. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-638-653>

Conceptual Framework for Enhancing Government-Citizen Engagement Amid Digital Transformation in Contemporary Russia

Svetlana S. Morozova

Saint-Petersburg University, *St Petersburg, Russian Federation*

✉ s.s.morozova@spbu.ru

Abstract. Optimizing government-citizen engagement amid Russia's digital transformation requires a comprehensive approach that extends beyond technological solutions. To systematically analyze this issue, this study proposes and theoretically substantiates an integrative five-component conceptual model, which includes: technological infrastructure, an institutional and legal framework, mechanisms for civic participation, informational openness, and an environment of trust. The model's validation, based on a series of expert focus groups with representatives from government, business, and the academic community, reveals a significant asymmetry in the development of its components. Despite technological progress, the research identifies a profound deficit of trust in the state's digital initiatives, skepticism regarding the actual impact of e-participation mechanisms, and a weak dialogue between the authorities and society. The study argues that effective optimization is impossible without fundamental changes aimed at building trust, ensuring genuine citizen participation, increasing transparency, and improving institutions. Based on this analysis, practical recommendations for public policy are formulated.

Keywords: digital transformation, state-citizen interaction, conceptual model, e-government, digital trust, e-participation, digital policy, digital ethics, public administration

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-78-10049 «The State and the citizen in the new digital reality»).

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Morozova S.S., (2025). Conceptual framework for enhancing government-citizen engagement amid digital transformation in contemporary Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 638–653. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-638-653>

Введение

Современный этап общественного развития характеризуется беспрецедентной по своим масштабам и глубине цифровой трансформацией, оказывающей всеобъемлющее влияние на все сферы жизни, включая фундаментальные основы политических систем и механизмы государственного управления. Процессы

цифровизации не только открывают новые возможности для повышения эффективности административных процедур и расширения доступа граждан к государственным услугам, но и кардинально меняют саму природу взаимодействия между государством и обществом. В этих условиях проблема оптимизации данных взаимоотношений приобретает особую актуальность, становясь ключевым фактором обеспечения легитимности власти, социальной стабильности и устойчивого развития страны.

Цель исследования — разработка и теоретическое обоснование концептуальной модели оптимизации взаимодействия государства и граждан в условиях цифровой трансформации современной России. Предлагаемая модель призвана систематизировать ключевые элементы, принципы и механизмы такого взаимодействия, выявить основные барьеры и точки роста, а также сформулировать направления для совершенствования государственной политики в данной сфере.

Теоретико-концептуальные основы исследования

Разработка концептуальной модели оптимизации взаимодействия государства и граждан в условиях цифровой трансформации требует обращения к широкому спектру теоретических подходов и концепций, накопленных в рамках политической науки, теории государственного управления, социологии, коммуникативистики и исследований науки и технологий (STS). Сложность и многоаспектность изучаемого феномена предопределяют необходимость междисциплинарного синтеза и критического осмысления существующих парадигм.

Фундаментальной основой для анализа служат классические и современные теории демократии и гражданского участия. Концепции делиберативной [Parkinson, Mansbridge 2012; Алимов 2020], партисипаторной [Pateman 2012; Сморгунов 2019] и представительной [Alonso, Keane, Merkel 2011; Володенков 2016] демократии позволяют оценить потенциал и риски цифровых технологий для трансформации форм политического участия, вовлечения граждан в процесс принятия решений и подотчетности власти. Работы Р. Даля [2000], Ю. Хабермаса [2001], Б. Барбера (Barber 1995) и других теоретиков задают нормативные ориентиры для оценки качества взаимодействия государства и общества, которые необходимо адаптировать к цифровой среде. В этом контексте особое значение приобретает осмысление феномена *электронной демократии (e-democracy)* и *электронного участия (e-participation)*, анализ их реального влияния на демократические процессы, а также выявление факторов, способствующих или препятствующих их эффективной имплементации (см. работы С. Коулмана [2018], Дж. Блумлера (Blumber 2015) и др.).

Не менее важным является обращение к *теориям государственного управления и публичной администрации*. Эволюция моделей управления — от традиционной бюрократии Вебера к Новому государственному менеджменту (New Public Management), концепциям Good Governance, сетевого управления (Network Governance) и, наконец, к парадигме Цифрового государственного

управления (Digital Era Governance, DEG) — отражает изменяющуюся роль государства и его взаимоотношений с обществом. Парадигма DEG, предложенная П. Данливи и Х. Маргеттс (Dunleavy, Margetts 2025), акцентирует внимание на реинтеграции функций, цифровизации процессов «изнутри наружу» (digitalization from within) и ориентации на потребности граждан, что представляется эвристически ценным для понимания логики современной цифровой трансформации госсектора. В рамках этого направления анализируются модели электронного правительства (e-government) [Malodia, Dhir, Mishra, Bhatti 2021], их стадии развития (от информирования к транзакциям и трансформации) и критерии эффективности [Морозова 2024].

Для понимания социокультурных и поведенческих аспектов взаимодействия в цифровой среде релевантны подходы *социологии технологий* [Sassen 2022; Щекотин 2020] и теории *диффузии инноваций* [Rogers, Singhal, Quinlan 2019; Носонов 2015]. Концепция *цифрового разрыва* (digital divide) [Van Dijk 2012, Добринская, Мартыненко 2019] в ее многомерном понимании (доступ, навыки, мотивация, результаты использования) критически важна для анализа барьеров на пути к инклюзивному цифровому взаимодействию. Особую значимость также приобретает исследование доверия [Mircică 2020; Морозова 2025] — как институционального доверия к государству в целом, так и специфического доверия к цифровым платформам, государственным данным и алгоритмам.

Несмотря на богатство существующих теоретических наработок, ощущается потребность в их интеграции для создания целостной модели, ориентированной именно на *оптимизацию* взаимодействия в специфических условиях современной России. Многие существующие модели либо фокусируются на отдельных аспектах (технологии, участие, услуги), либо носят преимущественно описательный характер, либо разработаны для иных политико-культурных контекстов. Предлагаемое исследование стремится преодолеть эту фрагментарность, синтезируя ключевые элементы рассмотренных подходов для построения концептуальной модели, обладающей как объяснительной, так и нормативно-практической ценностью.

Концептуальная модель совершенствования государственно-гражданских отношений в условиях цифровизации

На основе проведенного анализа теоретико-методологических подходов и с учетом специфики российских реалий предлагается концептуальная модель оптимизации взаимодействия государства и граждан в условиях цифровой трансформации. Данная модель носит интегративный и многоуровневый характер, объединяя ключевые измерения, факторы и принципы, определяющие качество и эффективность этого взаимодействия. Ее основная цель — служить не только инструментом анализа, но и эвристической рамкой для выработки практических рекомендаций по совершенствованию государственной политики.

В условиях повсеместной цифровизации общественных отношений и трансформации государственного управления научное осмысление механизмов взаимодействия государства и общества в цифровой среде приобретает особую актуальность. Для системного анализа данного феномена предлагается концептуальная модель, структурирующая экосистему цифрового взаимодействия вокруг пяти ключевых, имманентно взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов (измерений). Эвристический потенциал данной модели раскрывается через соотнесение ее теоретических конструкторов с конкретными эмпирическими референциями из российской и международной практики.

Первый компонент — *технологическая инфраструктура и цифровая доступность* — формирует необходимый материально-технический и программный базис цифрового взаимодействия. Его состояние определяет саму возможность и масштаб такого взаимодействия. Ключевыми элементами здесь выступают развитие и надежность государственных цифровых платформ и сервисов. В российском контексте флагманским примером является эволюция Единого портала государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ) «Госуслуги» из информационного ресурса в многофункциональную экосистему сервисов. Международный опыт представлен, в частности, эстонской платформой X-Road, обеспечившей высокий уровень интероперабельности и безопасного обмена данными в рамках концепции «электронного государства».

Неотъемлемой частью данного компонента является обеспечение широкополосного доступа к сети Интернет, без которого цифровые сервисы остаются недоступными для значительной части населения. Российская Федерация решает эту задачу через реализацию федерального проекта «Информационная инфраструктура», направленного на устранение цифрового неравенства. Примером страны с высочайшим уровнем проникновения ШПД, ставшим основой для цифровизации, является Южная Корея. Однако наличие инфраструктуры недостаточно без повышения уровня цифровой грамотности и компетенций пользователей. И в России (через программы обучения старшего поколения, интеграцию в образовательные стандарты), и в странах-лидерах, чьи успехи отражаются в международных рейтингах вроде Индекса цифровой экономики и общества ЕС (DESI) (где, к примеру, Финляндия стабильно показывает высокие результаты по компоненту «Человеческий капитал»), уделяется значительное внимание формированию необходимых цифровых навыков у населения. Наконец, эффективность инфраструктуры определяется *юзабилити и клиентоориентированностью интерфейсов*. Периодические редизайны портала «Госуслуги» с фокусом на пользовательский опыт и внедрение проактивных сервисов отражают эту тенденцию в России. В международной практике образцом считается работа британской Government Digital Service (GDS), поставившей во главу угла принципы user-centred design при разработке госсервисов.

Вторым ключевым измерением выступает *Институционально-правовое обеспечение*. Эффективное и легитимное цифровое взаимодействие невозможно без четко определенных и адекватных реалиям «правил игры». Данный компонент охватывает, прежде всего, нормативно-правовое регулирование, которое

должно не просто формализовать существующие практики, но и стимулировать дальнейшее развитие, адаптируясь к технологическим новациям. В России базовую рамку задают Федеральный закон № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», законодательство об электронной подписи и персональных данных (№ 152-ФЗ), при этом ведется постоянная работа по регулированию новых сфер (ИИ, большие данные). На международном уровне значимым примером является европейский Общий регламент по защите данных (GDPR), установивший глобальные стандарты в области приватности. Важным аспектом является четкое распределение полномочий между органами власти за разработку, внедрение и эксплуатацию цифровых систем; в РФ координирующую роль играет Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Наконец, критически важна стандартизация и интероперабельность систем, позволяющая обеспечить бесшовный обмен данными и комплексное предоставление услуг. Российским инструментом для этого служит Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), в то время как на уровне ЕС реализуются инициативы по трансграничной интероперабельности, например регламент eIDAS.

Третий компонент акцентирует внимание на *механизмах гражданского участия и обратной связи*. Цифровизация рассматривается не только как средство оптимизации сервисной функции государства, но и как инструмент расширения возможностей для реального влияния граждан на процессы принятия решений. Это предполагает развитие цифровых платформ для реализации гражданского участия. Примерами могут служить как общероссийский портал «Российская общественная инициатива» (РОИ), так и многочисленные региональные проекты: московский «Активный гражданин», подмосковный «Добродел» (фокусирующийся на решении конкретных проблем по заявкам жителей), «Народный контроль Татарстана», портал «Наш Санкт-Петербург», «Наш Север» Мурманской области, платформа «Лобачевский» Нижний Новгород и др. На международном уровне можно отметить такие площадки, как **Decide Madrid** (Испания), объединяющую сбор инициатив, обсуждения и партисипаторное бюджетирование, **Better Reykjavik** (Исландия), где жители предлагают идеи по улучшению города, или систему электронных петиций парламента Великобритании.

Другой важной составляющей третьего компонента является внедрение механизмов электронных публичных консультаций, позволяющих гражданам и экспертному сообществу участвовать в обсуждении проектов нормативных актов, как это реализовано на российском портале regulation.gov.ru. Не менее значимо обеспечение эффективной работы цифровых каналов обратной связи, предоставляющих гражданам удобные инструменты для сообщений о проблемах и внесения предложений. Примерами служат российская Платформа обратной связи (ПОС) и британская система **FixMyStreet**. Наконец, к этому компоненту относится и внедрение инструментов электронной демократии в узком смысле, включая электронное голосование (эксперименты с ДЭГ в России, многолетний опыт Эстонии) и электронные петиции.

Четвертое измерение — *информационная открытость и коммуникационная среда*. Прозрачность деятельности органов власти и качество выстраиваемой ими коммуникации с обществом формируют фундамент доверия и легитимности в цифровую эпоху. Ключевым направлением здесь является реализация принципов «Открытого правительства», прежде всего, через публикацию государственных данных в машиночитаемых форматах и обеспечение транспарентности процессов принятия решений. В России это находит отражение в работе портала открытых данных data.gov.ru; на международном уровне действует инициатива Open Government Partnership (OGP), участником которой является и Россия, а также существуют национальные порталы вроде американского data.gov. Современная коммуникационная среда требует развития многоканальной системы коммуникации, активного использования органами власти не только официальных сайтов, но и социальных сетей, мессенджеров для оперативного информирования, что наблюдается как в России, так и за рубежом. Принципиальным является переход от монологового информирования к построению диалоговой модели коммуникации, предполагающей не только донесение информации, но и получение обратной связи, ответы на запросы, вовлечение граждан в обсуждение, что пока остается скорее целью, чем повсеместной практикой, хотя отдельные примеры (прямые линии, активность в соцсетях) существуют.

Пятый, но не по значимости, компонент охватывает вопросы *доверия, безопасности и этики*. Технологические решения и институциональные рамки окажутся неэффективными без доверия со стороны пользователей и наличия гарантий безопасности их данных и прав. Первостепенное значение имеет обеспечение кибербезопасности и защиты данных как персональных, так и государственных информационных систем. В России этим занимаются профильные ведомства (ФСТЭК, ФСБ), внедряются сертифицированные средства защиты. Важным элементом защиты государственных ресурсов и критической информационной инфраструктуры является Государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА), координируемая ФСБ России. Международный опыт включает создание национальных центров кибербезопасности (NCSC в Великобритании, CISA в США) и уроки, извлеченные из крупных кибератак (например, в Эстонии в 2007 г.). Техническая безопасность неразрывно связана с формированием и поддержанием институционального доверия — уверенности граждан в надежности, предсказуемости и добросовестности государства при цифровом взаимодействии. Уровень доверия к таким платформам, как российские «Госуслуги», напрямую зависит от их стабильности, защищенности и реальной пользы, тогда как инциденты (сбои, утечки) его подрывают. Этот принцип универсален: международный опыт показывает, что именно высокий уровень институционального доверия, как, например, в странах Северной Европы, является ключевым фактором, способствующим активному использованию

электронных госуслуг населением. Наконец, все более актуальной становится разработка этических норм использования прорывных технологий, особенно искусственного интеллекта, биометрии, анализа больших данных. Принятие в России Кодекса этики в сфере ИИ и общественная дискуссия вокруг технологий распознавания лиц, а также разработка в ЕС проекта Акта об искусственном интеллекте (AI Act) являются примерами движения в этом направлении.

Принципиально важно подчеркнуть, что выделенные пять компонентов модели находятся в состоянии синергетической взаимосвязи и имманентной взаимозависимости. Прогресс в одном измерении способен катализировать позитивные изменения в других, равно как и стагнация или дефициты в одном компоненте могут существенно ограничить или даже нивелировать достижения в остальных. Так, самая современная и удобная технологическая платформа (Компонент 1) не достигнет своего потенциала без высокого уровня институционального доверия пользователей (Компонент 5) и адекватного нормативно-правового регулирования, гарантирующего защиту их прав и данных (Компоненты 2 и 5). Эффективные механизмы гражданского участия и обратной связи (Компонент 3) не могут полноценно функционировать без надежной и доступной технологической инфраструктуры (Компонент 1) и достаточной информационной открытости со стороны органов власти (Компонент 4). Следовательно, построение и оптимизация экосистемы цифрового взаимодействия государства и общества представляют собой сложный, нелинейный процесс, требующий не просто последовательного улучшения отдельных элементов, а комплексного, сбалансированного и стратегически выверенного развития всех пяти компонентов. Игнорирование или недооценка любого из них неизбежно приводят к возникновению диспропорций, ограничивая тем самым потенциал цифровой трансформации в достижении ее декларируемых целей: повышения эффективности государственного управления, улучшения качества предоставляемых услуг, укрепления демократических институтов и повышения доверия между государством и обществом.

В основе функционирования модели лежат ключевые принципы: гражданоцентричность (ориентация на потребности и удобство граждан), инклюзивность (вовлечение всех групп населения), транспарентность (открытость процессов и данных), подотчетность (ответственность власти за свои действия), респонсивность (способность государства реагировать на запросы общества), безопасность (защита данных и инфраструктуры), эффективность (достижение целей с минимальными издержками) и доверие (как основа легитимности и сотрудничества).

Данная концептуальная модель призвана стать отправной точкой для дальнейших эмпирических исследований и разработки конкретных политических мер, направленных на построение гармоничных и продуктивных отношений между государством и гражданами в стремительно меняющемся цифровом ландшафте современной России.

Методология исследования

В рамках реализации исследования «Государство и гражданин в условиях новой цифровой реальности», поддержанного Российским научным фондом, нами были проведены 8 экспертных фокус-групп с представителями научного сообщества, органов государственной власти и бизнес-среды, активно вовлеченными в процессы цифровой трансформации или изучающими их. Выбор Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Краснодара, Екатеринбурга, Пятигорска, Иркутска и Владивостока для исследования продиктован необходимостью обеспечить широкий географический охват России и представить ключевые федеральные округа. В выборку вошли города разного масштаба и статуса: федеральные центры, крупные миллионники, важные региональные столицы Сибири и Дальнего Востока, а также административный центр СКФО. Это позволило зафиксировать различные уровни и модели цифровой трансформации, учесть региональную социально-экономическую специфику и обеспечить доступ к концентрированному в этих центрах экспертному сообществу (власть, наука, бизнес), вовлеченному в изучаемые процессы. Такой подход дает возможность получить репрезентативную и многоаспектную картину цифровизации и ее влияния на отношения государства и граждан в стране. Структура фокус-группы «Особенности взаимодействия государства и гражданина в цифровой среде» включала такие разделы, как восприятие цифровой среды и ее роль в повседневной жизни, государство как участник цифровых взаимодействий, цифровые государственные услуги и электронное голосование, проблемы и риски цифровизации для граждан, представления о будущем «цифрового государства». Полученные в ходе исследования результаты были обработаны, закодированы, проинтерпретированы на основе дискурс-анализа и послужили эмпирической базой для проверки и углубленного анализа нашей концептуальной модели.

Эмпирическое подтверждение: результаты экспертных фокус-групп

Результаты серии экспертных фокус-групп предоставили ценные инсайты о восприятии цифрового взаимодействия государства и граждан в России, во многом подтвердив и уточнив наши предыдущие выводы.

Анализ данных фокус-групп, в частности, выявил ряд ключевых, часто противоречивых тенденций:

1. Амбивалентность восприятия технологической инфраструктуры (Компонент 1): с одной стороны, эксперты единодушно признают потенциал и достигнутые удобства цифровых сервисов, особенно в упрощении административных процедур и экономии времени. Платформа «Госуслуги» часто упоминается как пример, который *«очень сильно упрощает жизнь»*, позволяя *«из дома решить очень много вопросов»*, а цифровизация в целом — как то, что *«экономит время»* и *«ускоряет процессы»*. В то же время эксперты указывают на многочисленные технические сбои (*«портал лег, ничего не обрабатывается»*), *«неинтуитивные»* и *«недружелюбные интерфейсы»* (*«недружелюбный интерфейс, он просто убивает все»*),

- которые вызывают отторжение у пользователей (*«не все понимают как использовать технологии»*). Отмечается и отсутствие интеграции сервисов: *«проблема отсутствия принципа одного окна для цифровых сервисов»*.
2. Глубокий дефицит доверия и экзистенциальные опасения (Компонент 5): это, пожалуй, наиболее остро и эмоционально обсуждавшаяся группа проблем. В дискуссиях доминировали серьезные опасения относительно рисков усиления *тотального контроля* со стороны государства (*«проблема контроля населения с помощью цифровых сервисов»*, *«Большой брат, он действительно будет все больше и больше»*) и восприятие цифровизации как антиутопии (*«Я очень не хочу жить в таком обществе, где все в интернете контролирует государство... для меня это антиутопия»*). Звучали прямые указания на угрозы базовым свободам: *«эта цифровизация масштабная... это угроза демократии. Угроза свободе выразить мнение»* и возможность появления *«социальных рейтингов»*. Внедрение новых технологий, особенно сбор биометрических данных (*«внедрение биометрии»*, *«в подъезд вы свой не сможете войти, если биометрию не сдали»*), воспринимается многими как инструмент тотального контроля и *«вмешательства в личную жизнь»*. Фундаментальное недоверие к мотивам государства проявляется в скепсисе относительно защиты данных (*«риск утечки персональных данных»*, *«государство не очень эффективно и безопасно хранит данные граждан»*) и опасениях их неправомерного использования (*«данные... могут быть использованы против них»*, *«мы постоянно передаем данные сервисам и не можем контролировать ее использование»*). Усугубляют ситуацию проблемы мошенничества (*«Проблема телефонного мошенничества»*, *«мошенники получили доступ»*) и ощущение незащищенности (*«Себя нельзя защитить от воровства информации»*).
 3. Скептицизм в отношении цифрового участия (Компонент 3): среди экспертов существует выраженный консенсус относительно преимущественно *имитационного характера* многих существующих механизмов электронного участия. Цифровые платформы для голосований и инициатив зачастую воспринимаются не как инструменты реального влияния, а как *«электронные жалобные книги»* или даже *«приманка, инфоповод»*. Подчеркиваются *«фиктивный характер влияния гражданина на принимаемые решения»* и *«подмена понятий»*. Это порождает *«низкую рациональную мотивацию гражданина»* к участию. В целом, по мнению экспертов, государство *«неверно интерпретирует форму гражданского участия»*, сводя его к пассивным жалобам (*«Гражданин жалуется. Это пассивность»*).
 4. Институциональные и коммуникационные барьеры (Компоненты 2 и 4): хотя и менее акцентировано, эксперты затрагивали широкий спектр институциональных и коммуникационных проблем. Отмечалось неэффективное расходование ресурсов (*«неоправданная трата времени и ресурсов государства на поддержку аналогов цифровых сервисов»*), риски,

связанные с отсутствием технологического суверенитета (*«Без технологического суверенитета полная цифровизация не нужна», «чужое железо можно дистанционно отключить», «Риск отключения цифровых сервисов извне»*). Распространен формализм (*«стандартные отписки и ответы роботов», «проблема бюрократических отписок», «имитационный характер работы отдельных сервисов»*) и низкое качество работы исполнителей на местах (*«сотрудники МФЦ не смогли помочь с оформлением документов», «проблема отсутствия необходимых коммуникативных навыков на местах»*). В сфере коммуникации, несмотря на ее *«избыточность»* (*«избыточность цифровой коммуникации, нехватка времени»*), сохраняются проблемы с достоверностью информации (*«проблемы верификации правдивой информации»*) и опасения относительно манипулирования общественным мнением (*«Цифровая среда позволяет манипулировать общественным мнением, боты»*). Также указывалось на десоциализирующий эффект цифровой среды (*«Ослабляют социальные связи», «Цифровизация атомизирует людей»*) и утрату навыков живого общения (*«люди не готовы общаться вживую»*).

Результаты фокус-групп эмпирически подтверждают и значительно углубляют ключевой вывод проведенного нами теоретического анализа: несмотря на определенный технологический прогресс и признание удобства отдельных сервисов, оптимизация взаимодействия государства и граждан в цифровой России сталкивается с серьезнейшими, системными, барьерами. Эти барьеры лежат не столько в технологической плоскости, сколько в сферах глубокого недоверия к государству, опасений за базовые права и свободы, скептицизма в отношении реального участия и повсеместной критики качества реализации цифровых инициатив. Мнения экспертов подчеркивают фундаментальный разрыв между декларируемыми целями цифровизации (удобство, эффективность, участие) и ее восприятием гражданами (контроль, имитация, небезопасность, некачественность). Это указывает на срочную необходимость смещения фокуса с чисто технологических аспектов на институциональные, этические и социально-политические измерения цифровой трансформации.

Анализ и обсуждение: апробация модели в российском политическом пространстве на основе эмпирических данных

Предложенная концептуальная модель оптимизации взаимодействия государства и граждан обретает особую эвристическую ценность при ее апробации в контексте современной российской политической действительности. Системный анализ, дополненный результатами экспертных фокус-групп, позволяет не только верифицировать релевантность модели, но и выявить ключевые точки напряжения, подтвержденные эмпирическими данными, а также потенциальные векторы для гармонизации государственно-гражданских отношений.

1. *Измерение технологической инфраструктуры и цифровой доступности:* теоретические предположения о значительных успехах в создании базовой

инфраструктуры (ЕПГУ, ШПД) находят свое подтверждение в эмпирических данных: участники фокус-групп признают, что «те же самые госуслуги очень сильно упрощают жизнь» и обеспечивают «экономии времени». Однако это признание сопровождается широкой критикой качества и доступности, что полностью соответствует теоретическим опасениям.

2. Измерение институционально-правового обеспечения: теоретические опасения относительно ригидности институциональной среды и отставания законодательства находят свое отражение в экспертных оценках. Участники фокус-групп указывали на формализм и некомпетентность на местах, что свидетельствует о проблемах имплементации цифровых решений. В целом эмпирические данные подтверждают наличие барьеров в Компоненте 2, связанных как с формальными правилами, так и с практикой их применения.
3. Измерение механизмов гражданского участия и обратной связи: скептицизм относительно эффективности цифрового участия, отмеченный в теоретическом анализе, получил явное эмпирическое подтверждение. Участники фокус-групп практически единодушны в оценке имитационного характера многих существующих механизмов (Компонент 3). Эмпирика ясно показывает: формальное наличие инструментов участия не означает его реального влияния.
4. Измерение информационной открытости и коммуникационной среды: теоретический вывод о преобладании односторонней коммуникации и недостаточной открытости (Компонент 4) также подтверждается эмпирически. Эксперты отмечают дефицит реального диалога, несмотря на активное использование государством цифровых каналов для информирования. Потребность в «повышении уровня прозрачности и открытости» и обеспечении доступа к данным неоднократно подчеркивалась как фактор доверия, однако реализация этих принципов оценивается как недостаточная.
5. Измерение доверия, безопасности и этики: эмпирические данные убедительно доказывают, что именно это измерение (Компонент 5) является ключевым узлом проблем. Теоретически обозначенный дефицит доверия проявляется в полной мере в высказываниях экспертов — участников фокус-групп.

Анализ данных фокус-групп не оставляет сомнений в существующей асимметрии развития компонентов модели в России. Технологический прогресс (Компонент 1) очевиден, но его позитивный эффект нивелируется серьезными проблемами в качестве, доступности, а главное — колоссальным дефицитом доверия (Компонент 5) и неэффективностью механизмов реального участия и диалога (Компоненты 3 и 4). Институциональные проблемы (Компонент 2) дополнительно усугубляют ситуацию. Эмпирические данные ясно показывают: оптимизация взаимодействия государства и граждан требует не столько наращивания технологических мощностей, сколько фундаментальных изменений в подходах к управлению, ориентированных на открытость, подотчетность, безопасность, этику и построение доверительных отношений с обществом.

Заключение и рекомендации

Цифровая трансформация, пронизывающая все сферы современного общества, ставит перед Российской Федерацией сложные задачи по переосмыслению и оптимизации фундаментальных механизмов взаимодействия между государством и гражданами. Настоящее исследование было посвящено разработке и обоснованию концептуальной модели этого взаимодействия, которая была апробирована не только теоретически, но и эмпирически через анализ мнений экспертов — участников фокус-групп.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие рекомендации, направленные на оптимизацию взаимодействия государства и граждан в условиях цифровизации:

1. Повышение качества и инклюзивности цифровой среды: наряду с преодолением цифрового неравенства (доступ, грамотность) необходимы системные усилия по повышению качества, стабильности и удобства государственных цифровых сервисов, устранению «глюков» и «сырости», отмеченных пользователями.
2. Совершенствование институтов и права: требуется не только адаптация законодательства, но и повышение прозрачности госуправления, развитие независимых механизмов контроля и оценки, а также реальное преодоление формализма и бюрократии в цифровом взаимодействии.
3. Переход к реальному цифровому участию: необходимо развивать механизмы партисипации, обеспечивающие реальное влияние граждан на решения, уходя от «имитации» и «сомнительных способов вовлечения», отмеченных экспертами. Важно гарантировать прозрачность процедур и развивать культуру диалога.
4. Обеспечение подлинной открытости и диалога: реализация принципов «Открытого правительства» должна стать приоритетом. Государству следует переходить к двусторонней коммуникации, активно используя обратную связь и демонстрируя готовность к диалогу.
5. Восстановление и укрепление доверия (ключевой приоритет). Для решения этой задачи необходимы комплексные меры: гарантии кибербезопасности и защиты данных; максимальная прозрачность алгоритмов (особенно ИИ); разработка и внедрение четких этических норм; создание независимых механизмов контроля; крайне осторожное внедрение технологий, связанных с чувствительными данными или основными правами граждан, с обеспечением общественного контроля, дабы не усиливать опасения «тотального контроля».
6. Комплексный подход и учет региональной специфики: политика цифровой трансформации должна быть сбалансированной по всем пяти компонентам модели и учитывать значительные региональные различия в уровне и качестве цифровизации, отмеченные экспертами.

В заключение необходимо вновь подчеркнуть: успех цифровой трансформации взаимодействия государства и граждан в России определяется не только технологиями, но прежде всего способностью и готовностью государства

выстраивать отношения с обществом на принципах доверия, открытости, подотчетности и реального партнерства — именно на дефицит этих качеств указывают полученные эмпирические данные.

Поступила в редакцию / Received: 23.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 10.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 19.04.2025

Библиографический список

- Алимов Э.В., Помазанский А.Е. Делиберативная демократия: новые вызовы и возможности в условиях развития информационного общества // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 4 (83). С. 47–66. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2020.031> EDN: UWKRAR
- Володенков С.В. Эволюция традиционных институтов представительной демократии в условиях постинформационного общества: проблемы и перспективы // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 3. С. 47–51. EDN: YPMUPP
- Даль Р. О демократии. Москва : Аспент пресс, 2000. 203 с.
- Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108–120. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120> EDN: VUHAGN
- Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию. Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. 132 с.
- Морозова С. Формирование динамической модели оптимизации электронного правительства в Российской Федерации в условиях новых вызовов и рисков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 19. № 3. С. 415–430. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.304> EDN: HTLNOC
- Морозова С.С. Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином // Креативная экономика. 2025. Т. 19. № 1. С. 9–30. <https://doi.org/10.18334/ce.19.1.122329> EDN: VJBIQK
- Носонов А.М. Теория диффузии инноваций и инновационное развитие регионов России // Псковский регионологический журнал. 2015. № 23. С. 3–16. EDN: UWPERL
- Сморгунов Л.В. Партиципаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество // Власть. 2019. Т. 27. № 5. С. 9–19. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6712> EDN: ULUOEO
- Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. Санкт-Петербург: Наука, 2001. 417 с.
- Щекотин Е.В. Цифровые технологии в социальных науках: предмет и метод цифровой социологии // Социология и право. 2020. № 1 (47). С. 49–59. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-1-49-59> EDN: EVEDKP
- The future of representative democracy. Cambridge / S. Alonso, J. Keane, W. Merkel (eds.). Cambridge University Press, 2011. URL: https://assets.cambridge.org/97811070/03569/frontmatter/9781107003569_frontmatter.pdf (accessed: 07.04.2025).
- Barber B. Participatory Democracy // Encyclopedia of Democracy. New York, 1995. Vol. 3. P. 923.
- Blumler J.G., Coleman S. Democracy and the Media — Revisited // Javnost — The Public. 2015. Vol. 22, no. 2. P. 111–128. <https://doi.org/10.1080/13183222.2015.1041226>
- Deliberative systems: Deliberative democracy at the large scale. Cambridge / J. Parkinson, J. Mansbridge (eds.). Cambridge University Press, 2012. URL: <https://voidnetwork.gr/wp-content/uploads/2016/09/Deliberative-Systems-by-John-Parkinson-and-Jane-J-Mansbridge-.pdf> (accessed: 07.04.2025).

- Dunleavy P., Margetts H. Data science, artificial intelligence and the third wave of digital era governance // *Public Policy and Administration*. 2025. Vol. 40, no. 2. P. 185–214. <https://doi.org/10.1177/09520767231198737>
- Malodia S., Dhir A., Mishra M., Bhatti Z. Future of e-Government: An integrated conceptual framework // *Technological Forecasting and Social Change*. 2021. Vol. 173. P. 121102. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121102>
- Mircică N. Restoring public trust in digital platform operations: machine learning algorithmic structuring of social media content // *Review of Contemporary Philosophy*. 2020. Vol. 19. P. 85–91. <https://doi.org/10.22381/RCP1920209>
- Pateman C. Participatory democracy revisited // *Perspectives on politics*. 2012. Vol. 10, no. 1. P. 7–19.
- Rogers E., Singhal A., Quinlan M. Diffusion of innovations // *An Integrated Approach to Communication Theory and Research*. 3rd ed. 2019. P. 415–433. <https://doi.org/10.4324/9780203710753-35>
- Sassen S. Towards a sociology of information technology // *Current Sociology*. 2002. Vol. 50, no. 3. P. 365–388. <https://doi.org/10.1177/0011392102050003005>
- Van Dijk J. The evolution of the digital divide-the digital divide turns to inequality of skills and usage // *Digital enlightenment yearbook* 2012. IOS Press, 2012. P. 57–75. <https://doi.org/10.3233/978-1-61499-057-4-57>

References

- Alimov, E.V., & Pomazanskiy, A.E. (2020). Deliberative democracy: New challenges and opportunities in the information society. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 83(4), 47–66. <https://doi.org/10.12737/jfcl.2020.031> EDN: UWKRAR
- Alonso, S., Keane, J., & Merkel, W., (Eds.). (2011). *The future of representative democracy*. Cambridge University Press. Retrieved from https://assets.cambridge.org/97811070/03569/frontmatter/9781107003569_frontmatter.pdf
- Barber, B. (1995). Participatory democracy. In *Encyclopedia of Democracy* (vol. 3, p. 923). Routledge.
- Blumler, J.G., & Coleman, S. (2015). Democracy and the media — Revisited. *Javnost — The Public*, 22(2), 111–128. <https://doi.org/10.1080/13183222.2015.1041226>
- Coleman, S. (2018). Can the Internet strengthen democracy?. *Aletheia*.
- Dahl, R. (2000). On democracy. Aspent Press.
- Dobrinskaya, D.E., & Martynenko, T.S. (2019). Prospects for the Russian information society: Levels of the digital divide. *RUDN Journal of Sociology*, 19(1), 108–120. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-108-120> EDN: VUHAGN
- Dunleavy, P., & Margetts, H. (2025). Data science, artificial intelligence and the third wave of digital era governance. *Public Policy and Administration*, 40(2), 185–214. <https://doi.org/10.1177/09520767231198737>
- Habermas, J. (2001). The inclusion of the other: Studies in political theory. Nauka.
- Malodia, S., Dhir, A., Mishra, M., & Bhatti, Z. (2021). Future of e-Government: An integrated conceptual framework. *Technological Forecasting and Social Change*, 173, 121102. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121102>
- Mircică, N. (2020). Restoring public trust in digital platform operations: Machine learning algorithmic structuring of social media content. *Review of Contemporary Philosophy*, 19, 85–91. <https://doi.org/10.22381/RCP1920209>
- Morozova, S. (2024). Formation of a dynamic model for optimizing e-government in the Russian Federation under new challenges and risks. *Political Expertise: POLITEX*, 19(3), 415–430. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.304> EDN: HTLNOC

- Morozova, S.S. (2025). Digital dialogue: The role of social media and digital platforms in communication between the state and the citizen. *Creative Economy*, 19(1), 9–30. <https://doi.org/10.18334/ce.19.1.122329> EDN: VJBIQK
- Nosonov, A.M. (2015). The theory of diffusion of innovations and the innovative development of Russian regions. *Pskov Journal of Regional Studies*, 23, 3–16. EDN: UWPERL
- Parkinson, J., & Mansbridge, J. (Eds.). (2012). *Deliberative systems: Deliberative democracy at the large scale*. Cambridge University Press. Retrieved from <https://voidnetwork.gr/wp-content/uploads/2016/09/Deliberative-Systems-by-John-Parkinson-and-Jane-J-Mansbridge-.pdf>
- Pateman, C. (2012). Participatory democracy revisited. *Perspectives on Politics*, 10(1), 7–19.
- Rogers, E., Singhal, A., & Quinlan, M. (2019). Diffusion of innovations. In *An integrated approach to communication theory and research* (3rd ed., pp. 415–433). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203710753-35>
- Sassen, S. (2002). Towards a sociology of information technology. *Current Sociology*, 50(3), 365–388. <https://doi.org/10.1177/0011392102050003005>
- Shchekotin, E.V. (2020). Digital technologies in the social sciences: The subject and method of digital sociology. *Sociology and Law*, 1(47), 49–59. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-1-49-59> EDN: EVEDKP
- Smorgunov, L.V. (2019). Participatory public governability: Platforms and cooperation. *Power*, 27(5), 9–19. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6712> EDN: ULUOEO
- Van Dijk, J. (2012). The evolution of the digital divide: The digital divide turns to inequality of skills and usage. In *Digital enlightenment yearbook 2012* (pp. 57–75). IOS Press. <https://doi.org/10.3233/978-1-61499-057-4-57>
- Volodenkov, S.V. (2016). Evolution of traditional institutions of representative democracy in the post-information society: Problems and prospects. *Electoral Legislation and Practice*, 3, 47–51. EDN: YPMUPP

Сведения об авторе:

Морозова Светлана Сергеевна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры российской политики, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: s.s.morozova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0002-7069-7208)

About the author:

Svetlana S. Morozova — PhD in Political Sciences, Senior Researcher, Docent, Department of Russian Politics, School of Political Science, Saint Petersburg University (e-mail: s.s.morozova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0002-7069-7208)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-654-672

EDN: JIGVMA

Научная статья / Research article

Цифровой имидж и социально-политическая деятельность губернаторов российских регионов в условиях специальной военной операции

А.А. Гнедаш , Е.И. Бирючева

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

 anna_gnedash@inbox.ru

Аннотация. В условиях активной цифровизации и медиатизации общественной политической жизни общества всё большее значение приобретают цифровые коммуникации между гражданами и представителями власти прежде всего с использованием социальных медиа. Цифровой имидж, а также его позиционирование становятся не второстепенным направлением деятельности политического актора, а основным, поскольку транслируемая ими информация, в том числе социально-политическая, напрямую влияет на восприятие гражданами окружающей действительности. Онлайн-пространство сегодня становится первичной площадкой для функционирования, позиционирования и выстраивания оценки восприятия политических субъектов гражданами — онлайн-пользователями, поскольку интернет-пространство признано в качестве социального института, наделенного всеми институциональными признаками и значениями. Цель данной работы состоит в исследовании имиджа и социально-политической деятельности российских губернаторов, вынужденных действовать в новых кризисных реалиях; в изучении процессов трансформации цифрового имиджа данных глав регионов; в оценке эффективности информационного освещения социально-политической деятельности губернаторов в цифровом пространстве в условиях СВО. Исследование было проведено с использованием следующих методов: контент-анализ, визуальный анализ и лингвистический анализ. Эмпирической базой являются открытые данные восьми Telegram-каналов, принадлежащих российским губернаторам в период 2023 г.: «Настоящий Гладков», «AV БогомаZ», «Гусев», «Вениамин Кондратьев», «Роман Старовойт (эмодзи флага РФ)», «Аксёнов Z 82», «Василий Голубев», «PaZVoжаев», включающих корпус текстов, видео- и фотоматериалов, а также все комментарии и «реакции», содержащиеся в данных аккаунтах за период июнь 2023 г. Основные результаты проведенного исследования заключаются в описании системы цифрового имиджа губернаторов, сталкивающихся с кризисными ситуациями, в определении направлений социально-политической деятельности, которые они продолжают развивать,

© Гнедаш А.А., Бирючева Е.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

несмотря на сложившиеся условия. Описанная исследовательская методика позволила выявить, как губернаторы российских регионов в нестандартных геополитических условиях конструируют свой цифровой имидж, какие социально-политические темы поднимают, как именно взаимодействуют с гражданами и проектируют информационное освещение своей деятельности в социальных медиа.

Ключевые слова: цифровой имидж, российский губернатор, антикризисный менеджмент, социально-политическая деятельность в цифровом пространстве, цифровые коммуникации, условия СВО, регионы с режимом среднего уровня реагирования

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гнедаш А.А., Бирючева Е.И. Цифровой имидж и социально-политическая деятельность губернаторов российских регионов в условиях специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 654–672. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-654-672>

Digital Image and Socio-Political Activities of the Russian Governors in the Context of a Special Military Operation

Anna A. Gnedash , Ekaterina I. Birucheva

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 anna_gnedash@inbox.ru

Abstract. In the context of active digitalization and mediatization of the social and political life of society, digital communications between citizens and government representatives, primarily using social media, are becoming increasingly important. The digital image, as well as its positioning, are becoming not a secondary activity of a political actor, but the main one, since the information they broadcast, including socio-political information, directly affects citizens' perception of the reality. Today, the online space is becoming the primary platform for the functioning, positioning and assessment of the perception of political actors by citizens — online users, since the Internet space is recognized as a social institution endowed with all institutional features and meanings. The purpose of this article is to study the image and socio-political activities of Russian governors who are forced to act in new crisis realities; to study the processes of transformation of the digital image of these heads of regions; in assessing the effectiveness of information coverage of the socio-political activities of governors in the digital space in the conditions of their own. The study was conducted using the following methods: content analysis, visual analysis and linguodiscursive analysis. The empirical base is the open data of eight telegram channels belonging to Russian governors in the period 2023: “Nastoyashchij Gladkov”, “AV BogomaZ”, “Gusev”, “Veniamin Kondratiev”, “Roman Starovoit (emoji of the flag of the Russian Federation)”, “Aksenov Z 82”, “Vasily Golubev”, “Razvozhaev”, including a corpus of texts, video and photographic materials, as well as all comments and “reactions” contained in these accounts for the period June 2023. The main results of the study are to describe the digital image system of governors facing crisis situations, to identify areas of socio-political activity that they continue to develop, despite the prevailing conditions. The described research methodology made it possible to identify how the governors of Russian regions

in non-standard geopolitical conditions construct their digital image, which socio-political topics they raise, how they interact with citizens and design information coverage of their activities in social media.

Keywords: digital image, Russian governors, crisis management, socio-political activity in the digital space, digital communications, conditions of a special military operation, regions with a medium-level response mode

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Gnedash, A.A., & Birucheva, E.I. (2025). Digital image and socio-political activities of the Russian governors in the context of a special military operation. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 654–672. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-654-672>

Введение

По данным компании Mediascope, совокупная аудитория Интернета в 2022 г. составила 81 % населения России старше 12 лет, а в среднем житель нашей страны в этот период тратил на пребывание в сети более 3 ч в день¹. Нельзя не отметить активную цифровизацию и транспонирование окружающей реальности, в том числе и политической, в новое измерение, которое работает иначе, основываясь на своих правилах. Продолжительная вовлеченность граждан в сетевое пространство — это одна из главных причин цифровизации публичной политики и актуальности изучения аспектов цифрового имиджа политических деятелей и представителей власти.

Кроме того, на актуальность изучаемой проблемы указывает внешнеполитический контекст. Кризис — это индикатор, своеобразная «лакмусовая бумага», которая демонстрирует реальные навыки и умения политика как управленца — антикризисного менеджера.

Функции и роли российских губернаторов претерпели серьезные изменения в ответ на современную политическую и социально-экономическую повестку. Прежде всего стоит описать социально-политический контекст — за последние три года страна столкнулась с беспрецедентным количеством кризисных ситуаций. Острый санитарный кризис Covid-19 и его последствия, начало специальной военной операции и введенные в связи с этим санкции, а также объявление в сентябре 2022 г. частичной мобилизации — все эти явления переформатировали контекст регионального управления. В связи с указанными обстоятельствами приобретают важность ответы на следующие исследовательские вопросы: какие деятельностные роли как антикризисного менеджера стали выполнять губернаторы в условиях СВО? Как трансформировался цифровой имидж глав субъектов РФ, находящихся «около и/или на передовой»? Как оценивать эффективность информационного освещения социально-политической деятельности губернаторов в цифровом пространстве в условиях СВО?

¹ Mediascope на Digital Communications Day: как россияне пользуются интернетом. URL: <https://mediascope.net/news/1567182/> (accessed: 12.04.2025).

Теоретико-методологические рамки исследования

Проблематика данного исследования находится на пересечении нескольких предметных полей — антикризисного политического управления, цифрового пространства и особенностей его функционирования в публично-политической среде, а также процессов, связанных с построением, позиционированием и восприятием имиджа государственных субъектов. Отдельно следует выделить степень изученности проблемного поля вокруг процессов, связанных со специальной военной операцией.

Изучены различные модели антикризисных коммуникаций государственных органов, а также выделены и описаны особенности определенных этапов развития различных кризисных коммуникаций: докризисный, начальный, содержательный и посткризисный — в работах Р. Улмера, Т. Селлнау, М. Сиджера [Ulmer, Sellnow, Seeger 2006].

Рассмотрение антикризисного менеджмента, который демонстрируют губернаторы территорий с режимом среднего уровня реагирования, также происходило на основе исследований Х. Саломонсена и П. Харта, интерпретирующих кризис как «окно возможностей» [Salomonsen, Hart 2020].

Не менее значимым сюжетным полем является изучение антикризисных коммуникаций как определяющего компонента системы адаптивного и устойчивого государственного управления, способствующего стрессоустойчивости государства [Kozakov 2021].

Теоретические рамки данного исследования составляют теории политической коммуникации, впервые сформированные и представленные К. Дойчем и Ю. Хабермасом. Но более важен современный опыт развития теорий политических коммуникаций, так как сегодня можно наблюдать тенденции к возрастанию роли технико-информационных средств в организации политической жизни [Habermas 1989]. Особенно это касается появления дополнительных технических возможностей для проведения голосований, повышения роли и значения СМИ в политическом процессе, разрушения многих прежних иерархических связей в государственном управлении, усиления автономности низовых структур управления в государстве и т. д.

Системообразующей также является концепция сетевого общества, предложенная М. Кастельсом. Его позиция заключалась в следующем: роль информации чрезвычайно велика, ее необходимо обрабатывать и эффективно использовать, но вместе с тем информационные технологии и достижения микроэлектронной революции изменили социальную структуру общества, которая теперь преимущественно основана на сетях. Сети имеют собственную внутреннюю структуру, причем власть в сетевых организациях все больше увеличивается и сетевые структуры не только дают возможности для развития, но и выстраивают определенные ограничения для дальнейшего функционирования [Castells 2004].

Переходя к рассмотрению степени изученности такого явления, как «специальная военная операция», необходимо прежде всего обратиться к исследованиям Н.М. Великой и А.А. Зайцевой, которые изучали изменение информационного

пространства под влиянием СВО. Исследователи обратили внимание, что упрощение и однообразие новостной повестки, вытеснение альтернативных точек зрения может вести к тому, что граждане начнут обнаруживать несоответствие реальности и сформированной с помощью СМИ картины дня, что чревато не только отчуждением общества от процесса обсуждения и принятия политических решений, но и угрозой стабильности всей системы [Великая 2023].

Также достаточно активно изучается специальная военная операция как кризис-катализатор, под воздействием которого формируются новые условия стабильности. Профессионализм, порядочность и патриотизм — это концепция «трёх П», которая может обусловить эффективность управления в стрессовых кризисных условиях [Марков 2023]. Вместе с тем исследуется процесс консолидации российского общества вокруг данного кризисного явления [Мерзликин 2022]. Другой важный сюжет состоит в том, что процесс де-консолидации, а также раскола гражданского общества, не только в России, но и во всем мире, удалось преодолеть, повышая информационную грамотность населения [Шушпанова 2022].

Губернатор как антикризисный менеджер: геополитический контекст исследования

После выборов в сентябре 2022 г. обозначился новый этап политической реконфигурации регионального управления, который характеризуется принятием трех ключевых решений:

- 1) вхождение четырех новых регионов в состав субъектов Российской Федерации (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Херсонская область, Запорожская область);
- 2) введение военного положения в присоединенных территориях и введение различных режимов реагирования в других субъектах РФ;
- 3) объявление частичной мобилизации, которое становится причиной вовлечения в данную повестку всего общества.

В описанных условиях губернаторы приобрели больше полномочий и рычагов управления кризисными ситуациями, которые со своей спецификой разворачиваются в каждом регионе. Во-первых, главы стали возглавлять призывные комиссии по частичной мобилизации. После соответствующего документа, подписанного Президентом РФ, сразу ряд регионов заявили о готовности решить поставленные главой государства задачи по мобилизационным предприятиям². Во-вторых, опять же вернемся к Указу Президента № 756 от 19 октября 2022 г.: согласно этому нормативно-правовому акту, региональные главы должны были создать оперативные штабы субъектов, куда в числе прочих представителей различных структур должны были также входить и представители

² Интерфакс: Главы ряда регионов ЮФО возглавили призывные комиссии. URL: <https://www.interfax-russia.ru/south-and-north-caucasus/main/glavy-ryada-regionov-yufo-vozglavili-prizyvnye-komissii>

силовых ведомств. Таким образом, мы видим, что сформировалась уникальная ситуация, когда губернаторы могут оказывать влияние на силовые структуры, поскольку, согласно вышеназванному указу, все решения губернатора в рамках штаба являются обязательными к исполнению — «являются обязательными для исполнения... территориальными органами федеральных органов исполнительной власти». В-третьих, в зависимости от режима реагирования, введенного в регионе, главы наделяются специальными «точечными полномочиями» — они могут формировать отряды территориальной обороны, организовывать охрану объектов критической инфраструктуры и принимать меры по мобилизации экономики³.

Однако указанные выше полномочия хотя и усиливают влияние губернаторов, но также и расширяют зоны их ответственности. Сложившаяся в нынешних реалиях модель позволяет, минуя межведомственные издержки, оперативно и эффективно решать срочные задачи. Но при этом сохраняются вызовы со стороны социально-экономической сферы. И если в вопросах, касающихся безопасности, мобилизации и мер реагирования на внештатные ситуации, главы регионов приобрели значительные полномочия, то в устранении социально-экономических рисков их возможности не столь обширны.

Основные риски в социальной и экономической сферах российского общества вызваны последствиями недавних событий: производственный кризис в части регионов, отток человеческого капитала, снижение экономической активности, дефицит кадров. И для минимизации возникших социально-экономических проблем у губернаторов не так много инструментов и ресурсов.

Губернаторы современной России выполняют роль антикризисного менеджера, курирующего в основной массе вопросы, посвященные безопасности и преодолению формирующихся социально-политических кризисов и их последствий. Российский глава сегодня — это также координатор, который непременно должен достичь KPI, заданные федеральным центром. Основные функции губернатора, как мы уже упоминали выше, в этих специфических условиях связаны с аспектами обеспечения безопасности. Первая функция — это контроль за выполнением норматива по количеству мобилизованных граждан от региона. Вторая — руководство и координация оперативного штаба, отвечающего за решение острых кризисных ситуаций в регионе. Третья функция губернатора — это точечное воздействие — создание территориальной обороны, мобилизация экономики, охрана специальных объектов инфраструктуры. Полномочия российского губернатора в области купирования социально-экономических кризисов существенно ограничены, а имеющиеся инструменты не дают возможностей справиться с теми вызовами, которые стоят перед ними. В этих условиях губернаторам приходится тщательно расставлять приоритеты

³ Указ Президента РФ от 25.08.2023 № 641 «О дополнительных мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455483/ (дата обращения: 05.04.2025).

и становиться антикризисными управленцами не благодаря, а вопреки, и нести ответственность за все возможные последствия принимаемых ими решений в условиях повсеместно нарастающей турбулентности.

Методика и результаты эмпирического исследования

Эмпирической базой описываемого исследования стали открытые данные социальной сети Telegram, аудитория которой за последние два года увеличилась в два раза и достигла 75 млн человек в месяц. На сентябрь 2023 г. среднедневной охват данной социальной сети составил 45,8 % населения нашей страны, увеличившись почти на 10 % за год⁴. Такой рост связан еще и с тем фактом, что наиболее сильный конкурент Telegram — социальная сеть Instagram была признана экстремистской, а ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации⁵. Следовательно, Telegram на сегодняшний день является популярной и востребованной площадкой, куда люди обращаются как в поисках новостной информации, так и развлекательного контента.

Всего было проанализировано восемь Telegram-каналов по числу субъектов РФ, которые отражены в Указе Президента РФ⁶ как «регионы среднего уровня реагирования»: «Настоящий Гладков»⁷, «AV БогомаZ»⁸, «Гусев»⁹, «Вениамин Кондратьев»¹⁰, «Роман Старовойт»¹¹, «Аксёнов Z 82»¹², «Василий Голубев»¹³, «PaZВожаев»¹⁴.

Эмпирическая база исследования: текстовый контент 8 Telegram-каналов за период с 1 по 30 июня 2023 г. Этот временной отрезок был выбран

⁴ Tgstat: исследование аудитории Telegram 2023. URL: <https://tgstat.ru/research-2023> (дата обращения: 05.04.2025).

⁵ РБК: В России признали экстремистскими и запретили Facebook и Instagram. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/03/2022/623882d99a79476d9ca054ab?from=copy> (дата обращения: 05.04.2025).

⁶ Российская газета: Путин ввел режим «среднего уровня реагирования» в восьми регионах России. URL: <https://rg.ru/2022/10/19/putin-vvel-rezhim-srednego-urovnia-reagirovaniia-v-osmi-regionah-rossii.html> (дата обращения: 05.04.2025).

⁷ Настоящий Гладков // Официальный Telegram-канал Губернатора Белгородской области. URL: <https://t.me/vvgladkov> (дата обращения: 05.04.2025).

⁸ AV БогомаZ. URL: <https://t.me/avbogomaz> (дата обращения: 05.04.2025).

⁹ Гусев: официальный Telegram-канал губернатора Воронежской области Александра Гусева. URL: https://t.me/gusev_36 (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁰ Вениамин Кондратьев: Официальный Telegram-канал Губернатора Краснодарского края. URL: <https://t.me/kondratyevvi> (дата обращения: 05.04.2025).

¹¹ Роман Старовойт // Официальный Telegram-канал губернатора Курской области. URL: https://t.me/gubernator_46 (дата обращения: 05.04.2025).

¹² Аксёнов Z 82 // Официальный Telegram-канал Главы Республики Крым. URL: <https://t.me/Aksenov82> (дата обращения: 05.04.2025).

¹³ Василий Голубев // Губернатор Ростовской области. URL: https://t.me/golubev_vu

¹⁴ PaZВожаев // Официальный канал губернатора Севастополя Михаила Развожаева. URL: <https://t.me/razvozhaev> (дата обращения: 05.04.2025).

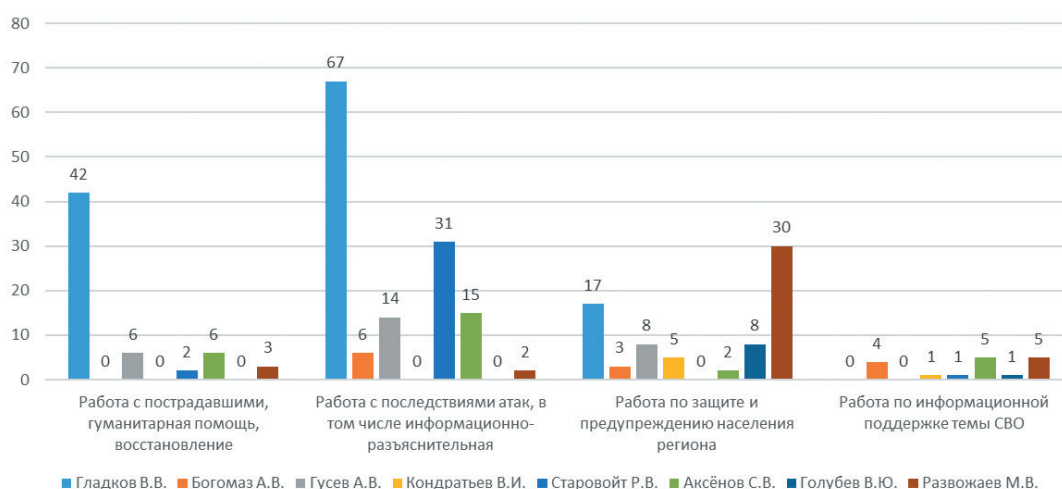
по следующим причинам: во-первых, прошел определенный период после начала СВО, который позволил этой теме встроиться в постоянную политическую повестку; во-вторых, в июне 2023 г. произошло несколько событий, непосредственно связанных с СВО, поэтому представилась возможность изучить, как информационный фон от таких происшествий повлияет на стратегию поведения губернаторов в цифровом пространстве. Такими значимыми событиями в контексте данного исследования являются разрушение Каховской ГЭС, которое произошло в ночь на 6 июня 2023 г. и мятеж ЧВК «Вагнер», случившийся 23–24 июня 2023 года.

Исследование было проведено с использованием следующих методов: сплошная выгрузка данных, предобработка данных, сетевой анализ, контент-анализ, визуальный анализ и лингводискурсивный анализ

Собранный эмпирический контент (публикации), которые каким-либо образом затрагивали дискурс специальной военной операции, были поделены на четыре категории (рис.):

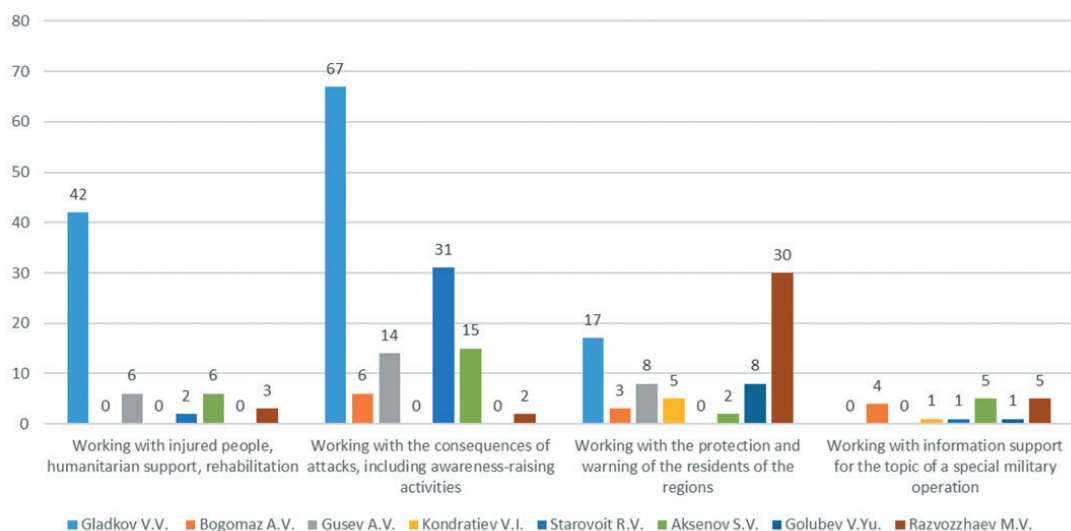
- 1) работа с пострадавшими непосредственно, сюда также было включено обеспечение гуманитарной помощью и освещение вопросов восстановления материальных объектов после разрушений;
- 2) работа с последствиями атак, в том числе информационно-разъяснительная;
- 3) работа по защите и предупреждению населения региона;
- 4) работа по информационной поддержке темы СВО.

Отметим, что последнюю категорию можно выявить не у всех губернаторов и в ее рамках мы рассматриваем публикации, которые связаны с СВО, но не вписываются ни в одну из первых трех категорий. Например, трансляция встречи президента с военными корреспондентами или новость о том, что отдельным полкам присвоены почетные наименования.

Тематика публикаций губернаторов по темам, связанным с СВО

Источник: составлено А.А. Гнедаш и Е.И. Бирючевой по данным исследования.

The subject of the governors' publications on topics related to SMO
 Source: compiled by A.A. Gnedash and E.I. Birucheva based on research data.

В Telegram-канале главы Белгородской области Валерия Гладкова в 2023 г. сложилась целостная «фронтовая хроника», опирающаяся на строгую регулярность публикаций и продуманную речевую экономию. Из шестидесяти семи сообщений почти половина — ежедневные оперативные сводки, которые выходили с почти метрономической точностью и имели устойчивый макет. Сначала перечислялись муниципалитеты в алфавитном порядке, затем лаконично фиксировались виды обстрелов и их последствия. Такая алфавитная верстка преднамеренно устраняла любые инсинуации о том, что одни территории получают больше внимания, чем другие, и одновременно придавала тексту вид «протокольной таблицы».

Ключевой лексический прием — бинарная связка «к счастью» и «к сожалению» — стал мгновенным маркером наличия или отсутствия пострадавших. Одно-двухсловная формула экономил когнитивные ресурсы аудитории: еще до того, как читатель вникнет в детали, он уже знает, повышать ли внутренний уровень тревожности. Если речь в постах шла о ранениях, губернатор указывал зону поражения и тип боевого воздействия, демонстрируя готовность называть вещи своими именами. Текст, благодаря такой «холодной конкретике», субъективно воспринимался как достоверный инженерный отчет, а не как политическое заявление.

Эта подчеркнутая фактичность сочеталась с тщательно дозированной эмпатией. Гладков регулярно называл точное число жителей, остающихся в наиболее уязвимых районах, приводил короткие истории людей, отказавшихся покидать дома, появлялся в пунктах временного размещения и публиковал видеоролики оттуда. Таким образом, в жесткую канву статистических данных вставляются «человеческие» вкрапления, которые корректно сигнализируют о его личной вовлеченности, не скатываясь к патетике. Это прием «встроенной

эмпатии»: эмоциональное послание интегрируется внутрь безупречно выстроенной информационной рутины и не разрушает ее структурной строгости.

Такой тандем «точного хроникера» и «заботливого собеседника» порождает высокий уровень доверия, но несет и риск привыкания: регулярность и однотипность сообщений способны притупить чувствительность аудитории, если эскалация действительно усилится. Тем не менее при интенсивности угроз в 2023 г. выбранная стратегия обеспечивала Белгородской области виртуальное «информационное убежище», где люди получали проверенную минимально-необходимую информацию и одновременно ощущали присутствие неравнодушного лидера.

Коммуникационный стиль губернатора Брянской области Александра Богомаза в 2023 г. обозначим как «рационально-диспетчерский». Его канал почти полностью был лишен визуальных новаторств: не было «кружочков», видеоконтента, а сопровождающие фотографии выглядели как иллюстрации к протокольным новостям. Тексты были подчинены жесткому шаблону, который условно можно свести к четырем последовательным элементам: место происшествия, характер повреждений, информация о пострадавших, статус работы экстренных служб. Описательная часть строилась преимущественно безличными или пассивными конструкциями: *«повреждены линии электропередачи»*, *«ведутся восстановительные работы»*, — что выводило самого губернатора из фокуса и превращало его в модератора процессов, а не героя повествования.

Показательно, что эмоциональные маркеры времени (*«немедленно»*, *«срочно»*, *«прямо сейчас»*) употреблялись редко. Такая темпоральная нейтральность намеренно снижает драматизм и удерживает публику в состоянии «делового чтения». Когда речь заходил о тематике СВО в широком смысле, акцент автоматически смещался на систему социальной защиты: компенсации семьям, психологическая поддержка, бытовое сопровождение бойцов. То есть Богомаз формировал не фронтовой, а социально-государственный фрейм: важен не сам удар, а то, как эффективно институты рассеивают его последствия внутри гражданской ткани региона.

Из-за умеренной интенсивности обстрелов в Брянской области аудитория объективно меньше нуждалась в постоянной тревожной «военной» риторике. Губернатор, демонстративно избегал эмоциональных всплесков и визуального драматизма, перенаправлял внимание жителей с потенциального страха на процессы послестрессового восстановления, тем самым подкрепляя образ управленца-технократа. Однако такая аскеза может создавать эффект информационной дистанции: граждане видят работающую бюрократию, но могут недополучить ощущение человеческого участия, которое в стрессовой среде зачастую оказывается столь же важным, как и сами меры поддержки.

В совокупности канал Богомаза выступает примером минимизированного эмоционального стиля, противопоставленного фронтовой хронике Белгородчины. Он стирал личностный ракурс, делал ставку на стандартизированную рациональность и социальные гарантии, превращая губернатора из «смотрителя за угрозой» в «менеджера безопасности после угрозы». Этот

нарратив закономерно коррелировал с более спокойной, хотя всё еще приграничной, реальностью Брянской области, но оставлял вопрос: насколько подобный холодный формат способен оперативно включить сочувствие, если атаки усложнятся и населению потребуется не только протокол, но и живое эмоциональное сопровождение.

Telegram-канал губернатора Воронежской области Александра Гусева демонстрировал коммуникационную стратегию, в которой военная тема присутствовала, но была подчинена персоналистскому нарративу «лидер — щит». В каждом сообщении, посвященном атакам или их последствиям, глава области фиксировал факт собственного личного участия: «*прибыл на место*», «*выясняю детали*», «*собираю совещание*», «*ситуацию держу на личном контроле*». Повторяемость этих формул превращала их в ритуальное подтверждение управленческой вовлеченности и, что важно, компенсировало относительную редкость реальных обстрелов: даже скудная информация о происшествии «оживлялась» за счет акцента на фигуре губернатора.

Предупредительная работа строилась главным образом на репостах официального Telegram-канала региона, где уже содержались базовые сведения о тревогах или возможных рисках. Гусев добавлял к таким репостам небольшой собственный комментарий, неизменно завершающийся фразой: «*Ситуация на контроле, доверяйте только проверенным источникам*». По сути, это слоган, задающий каналу порядок интерпретации: власти знают, что происходит, и предписывают аудитории доверять официальной информации. Однообразие финальной формулы работает как психологический якорь, создающий ощущение стабильной процедуры реагирования.

Тематика прямой поддержки СВО проявлялась прежде всего через заботу о семьях военнослужащих. Гусев подчеркнуто обещал, что «*без поддержки не останутся*» те, у кого на фронте погибли или служат родственники. Здесь губернатор выступал в роли медиатора социальных гарантий, а не военного комментатора; внимание переносилось с самой войны на социальное благополучие участников и их близких.

Отдельного упоминания заслуживают публикации о мятеже ЧВК «Вагнер». Их всего пять, но они были насыщены эмоциональным тоном. Кульминацией стал видеоролик, в котором губернатор говорил на повышенных тонах: «*Никакие попытки не смогут сбить нас с курса*». В отличие от текстовых сводок видеоформат позволял Гусеву добавить вербальную и невербальную экспрессию, мгновенно консолидируя лояльную аудиторию вокруг фигуры президента и тем самым универсализируя свою собственную позицию: он не просто администратор региона, а политик, который встроен в общегосударственный вертикальный нарратив.

При этом утилитарные, не связанные с военной тематикой посты — о развитии транспортной инфраструктуры, промышленных парков, социальной сфере — продолжали выходить параллельно. Они усиливали образ «хозяйственника-земляка», который, будучи «одним из своих», защищает регион, но не растворяется в военной повестке. Отказ от упоминания разрушения

Каховской ГЭС иллюстрирует строгий принцип релевантности: тема, не влияющая напрямую на Воронежскую область, исключается, чтобы канал не превращался в хронику внешних катастроф. В итоге формируется сбалансированная модель: губернатор — это и «свой парень», и «первый защитник», и при этом менеджер долгосрочного развития, а военная информация служит лишь критическим тестом на его способность действовать решительно и публично.

Информационная стратегия главы Краснодарского края Вениамина Кондратьева принципиально отличалась от фронтовых губернаторских модулей: в его канале СВО практически отсутствовала как отдельная, системно развернутая тема. Регион был представлен прежде всего как крупный социально-экономический центр и «главный курорт страны»; подавляющее большинство публикаций было посвящено агропромышленному комплексу, строительству, подготовке к туристическому сезону, транспортным развязкам, экспортным проектам. Тем самым канал оформлял «мирный» облик Кубани, дистанцируя аудиторию от хронической тревожности, характерной для приграничных субъектов.

Такой выбор логичен с точки зрения географии: край расположен вне непосредственной зоны интенсивных обстрелов, а реально уязвим только Ейский район, и то эпизодически. Поэтому СВО всплывало лишь фрагментарно и всегда контекстно, словно проверочный сигнал о том, что админресурс способен отреагировать, если угроза станет материальной. Самый яркий пример — пять сообщений, посвященных мятежу ЧВК «Вагнер». Первая реакция Кондратьева: декларация безоговорочной поддержки президента, зафиксированная в те же часы, когда приходили первые тревожные новости. Лишь после этого появилось уточнение о *«стабильности в крае»* и уверенность, что ситуация *«на контроле»*. Структура сообщения демонстрирует приоритетность лояльности федеральному центру, за которой следует обязательная обычная функция регионального лидера — обеспечить гражданам безопасность.

О разрушении Каховской ГЭС Кондратьев не упоминал вовсе. Для аудитории, сфокусированной на экономике, туризме и сельхозповестке, такая деталь могла бы лишь расширить «зону страха» без реального управленческого ресурса в ответ. Выбор молчания здесь соответствует логике «перегородок»: губернатор отсекает темы, не пересекающиеся с жизнью Кубани, чтобы сохранить информационный порядок и позитивную инвестиционно-туристическую идентичность региона.

Визуальный ряд канала также служит этой же цели. Фотоотчеты — это яркие кадры с открытия школ, посевной, выставок, спортобъектов; они формируют у аудитории устойчивый образ надежного «тылового» субъекта федерации, где работа и отдых продолжаются, несмотря ни на что. Военная лексика возникла фактически один раз, и то лишь для обозначения шефства края над новыми территориями, но не развивалась в сюжеты о снабжении или гуманитарной поддержке.

Таким образом, цифровой имидж Кондратьева строится на принципе *«мир востребованнее войны»*. Губернатор позиционировал себя как проводника

«нормальности» и экономического роста, подчеркивая, что истинная роль Краснодарского края в сложной геополитической реальности — быть надежной ресурсной базой государства и оплотом туристической отрасли, а не генератором тревожных новостей. Небольшое число военных публикаций выполняло функцию страховки: при необходимости глава показывает готовность к быстрой мобилизационной реакции, но до тех пор вся энергичная риторика остается в сфере аграрной статистики, развития дорог и рекордов по урожаю, формируя безопасную брендовую «курортность» Кубани от информационного «обстрела».

Коммуникационная манера курского губернатора Романа Старовойта в 2023 г. формировалась на избыточном эмоциональном фоне, который он сознательно капитализировал, превращая собственный канал в «адреналиновую» ленту. Главный эффект достигался прежде всего лексикой. Восклицательные знаки расставлены почти в каждом абзаце, а ключевые обороты: *«Парни, вы лучшие!»*, *«Очередную птичку ВСУ приземлили»* — имитировали дословные реплики радостного очевидца. Такое намеренное непротокольное звучание разрушает привычную вертикаль «сухая власть — рассерженные граждане» и создает ощущение, что глава области говорит с аудиторией «на одной частоте».

При этом за экзальтированной оболочкой пряталась выверенная структура сообщения. В каждом посте сначала шла новость о конкретном инциденте: обнаружение беспилотника, сработавшее ПВО, поврежденный объект. Далее следовал акцент на приоритетах: защита курян, восстановление инфраструктуры, компенсации пострадавшим. И только после этого — эмоциональная «разрядка»: благодарность расчетам, дружеские обращения, словесные «кулачки». Таким образом, Старовойт удерживал двойную оптику: он и «свой парень», и кризис-менеджер, умеющий быстро оформить бюрократические решения.

Особого внимания заслуживает его позиция по мятежу ЧВК «Вагнер». Поддержка федерального центра подчеркивалась безусловно, но губернатор не обесценивал вклад самой ЧВК; напротив, он писал, что *«нельзя умалить заслуги этих ребят»*. Такой баланс демонстрирует прагматичный политический расчет.

В блоке *«защита прав участников СВО»* Старовойт нередко прибегал к практике «публичного суда»: называл полные ФИО человека, укравшего дрова, предназначенные бойцам. Это не столько сигнал правосудия, сколько элемент убеждения: губернатор подтверждает, что любая попытка нажиться на войне будет обнародована и осуждена.

Такая модель коммуникации действительно приближала его к идеалу «отзывчивой власти», но на собственных условиях. Он не столько смягчал тревогу, сколько разделял ее с жителями, превращая эмоцию в основную валюту доверия. Риск стратегии очевиден: постоянная экспрессивность привлекает внимание, и любая более сдержанная реакция может показаться людям неполной или равнодушной.

Глава Крыма Сергей Аксёнов формировал самый «милитаризованный» цифровой портрет из всей восьмерки губернаторов. Его канал — это

медиапространство, в котором гражданская повестка практически полностью была растворена в логике прифронтового тыла. Из пятнадцати тематических публикаций треть была посвящена повреждениям железнодорожных путей: точный километровый пикет, данные о ремонтных бригадах, сроки восстановления. Следующий тематический блок — влияние разрушения Каховской ГЭС. Аксёнов систематически объяснял, какие параметры водозабора, энергоснабжения и орошения могут пострадать, демонстрируя компетенцию в межотраслевой технике безопасности и одновременно подготавливая аудиторию к потенциальному ухудшению условий.

Гуманитарное измерение подавалось через прямые примеры: крымские лагеря принимают детей из Белгородской области; гуманитарная колонна уходит в Херсон. Так губернатор использовал принцип «витринной прозрачности»: сообщал точное количество детей, названия лагерей, объем гуманитарных грузов, закрепляя образ «ответственного тыловики», который распределяет ресурсы в пользу наиболее уязвимых зон.

Что касается общей информационной поддержки СВО, то Аксёнов обращался к ней чаще, чем коллеги: он пересказывал встречи президента с военкорами, упоминал производство беспилотников в крымских ОПК, сообщал о присвоении почетных наименований полкам. В этих сообщениях СВО фигурирует как «большой национальный проект», частью которого Крым является органично и легитимно, а губернатор — проводник фронтовой мифологии в региональную реальность.

На мятёж ЧВК «Вагнер» Аксёнов реагировал минимально: сделал репост видео президента и опубликовал одно предложение поддержки. Отсутствие развернутого комментария рационально: колонна не шла на полуостров, и губернатор избегал давать населению лишнюю пищу для тревожных слухов, чтобы удерживать информационный фокус на прямых военных рисках, а не на политических коллизиях.

Суммарно ключ крымской медиатактики: модель «регион — щит». Угроза внешняя, но реальная; реакции оперативные, но не истеричные; патриотизм подчеркнут, но строго функционален. Так создается образ губернатора-военачальника, который держит под контролем стратегический плацдарм, распределяет гуманитарные потоки и одновременно не дает гражданскому сектору утратить ощущение нормальности. В этом смысле Аксёнов превратил канал в информационный аналог фортификационного сооружения: «бетон» фактов и «броня» патриотической символики, где каждое сообщение — это новая плита оборонительной кладки.

В Telegram-канале ростовского губернатора Василия Голубева военная тема парадоксально отсутствовала там, где ее ждали прежде всего. За весь исследуемый период губернатор не опубликовал ни одной записи о фактических обстрелах или повреждениях, хотя область прилегает к зоне боевых действий и периодически принимает беженцев и транзитные потоки техники. Медиапространство создавалось вокруг подчеркнутого молчания: события есть, но они оказываются «вне кадра». Такой прием формировал своеобразную

«серую зону информационного небытия», в которой угроза словно растворена, а публичную сцену занимают лишь выхолощенные сигналы о «спокойствии и порядке».

Единственное исключение: восемь сообщений, посвященных мятежу ЧВК «Вагнер». Именно Ростов-на-Дону стал эпицентром кризиса, и Голубеву пришлось отреагировать. Однако и здесь он выбрал стратегию формального минимализма. Посты информировали о решениях оперативного штаба: были отменены массовые мероприятия, изменены маршруты транспорта, организована помощь на трассе М-4. Лексика предельно сухая, а в видеообращении глава области не смотрел в камеру и проговаривал формулы поддержки президента без эмоциональных акцентов. Публичная осанка создала впечатление человека, старающегося «не расширять воронку»: каждая лишняя эмоция могла быть расценена как политическая позиция или сигнал паники.

Подобная тактика считается как управленческая «обеззараживающая изоляция». Голубев «вынимал» события из политической повестки дня, чтобы не быть втянутым в дискуссию, где губернаторский мандат не предусматривает силовых решений. Он демонстрировал: его зона ответственности — бытовая безопасность и гражданская защита, а военной ситуацией управляют федеральные структуры. В краткосрочном горизонте такой «деэмоционализированный протокол» снижает риск словесных ошибок и юридических уязвимостей; в долгосрочном же создает опасность репутационного вакуума. Общественность, лишенная официального нарратива об угрозах, может начать заполнять пустоту альтернативными, менее лояльными интерпретациями.

В итоге цифровой образ Голубева складывался из двух слоев. Снаружи: холодная бюрократическая оболочка, где каждая публикация выполняла функцию «минимально достаточного информполя». Внутри: старательная осторожность человека, избравшего стратегию «не ошибается тот, кто ничего не делает» в ущерб публичной харизме и эффекту личного лидерства. Ростовская аудитория получала гарантированно выверенные, но эмоционально обесчелоченные сигналы: регион защищен, решения приняты, лишних слов не будет.

ТГ-канал севастопольского главы Михаила Развожаева, напротив, погружал в оборонительную тематику настолько, насколько это возможно без ежедневных сообщений о прямых ударах. Наибольший массив публикаций был посвящен превентивной коммуникации. Развожаев регулярно предупреждал жителей о «хлопках», которые могли раздаваться из-за тренировок Черноморского флота, будто заранее приучал горожан к акустике милитаризованного порта, снимая у них рефлекторную тревогу. В параллель продвигался чат-бот для сообщений о подозрительных предметах и людях; губернатор подчеркивал, что информация моментально поступает силовикам. Так формируется модель «crowdsourced security»: каждое устройство с интернет-доступом превращается в сенсор городской обороны.

Работа с последствиями атак была выражена прежде всего оценкой рисков от разрушения Каховской ГЭС: гидрологические сценарии, потенциальные угрозы снабжению и экосистеме бухты. Развожаев говорил техническим

языком, детализируя уровни воды, пропускную способность насосных станций, сроки восстановления, тем самым конвертировал народную тревогу в инженерный план действий, переводя эмоцию в алгоритм.

Гуманитарная составляющая звучала через помощь Белгородской области и новым территориям. Грузовые колонны, сбор вещей, питание для детей — каждое действие фиксировалось публично, с конкретикой объема и адресата. Таким образом, оборонительный дискурс переплетался с социальным патернализмом: Севастополь — это и военный узел, и тыловой донор гуманитарной поддержки.

Особую репутационную грань задала политика открытых комментариев. В среде, где большинство приграничных губернаторов отключило обратную связь из-за возможных фейков и острого негатива, Развожаев оставил комментарии доступными. Это жест «публичной уязвимости», который сигнализировал готовность слышать и спорить, а заодно работал как краудсорсинговый барометр: правительство субъекта РФ оперативно считывает тревожные тренды и корректирует риторику.

О мятеже ЧВК «Вагнер» губернатор написал пять раз. Сначала — нейтральный призыв *«не доверять никаким источникам»*; затем, уже после стабилизации: эмоциональное обращение с просьбой к молодым бойцам *«не делать глупостей»* и примкнуть к большинству, поддержавшему президента. Структура реагирования выстроилась по восходящей: от информационной стерильности к точечной эмоциональной мобилизации, что позволило соблюдать и принцип недооповещения во время острой фазы, и требование публичной позиции после ее завершения.

В сумме цифровое лицо Развожаева напоминало логотип, в котором технический круг безопасности опоясывает социальный квадрат заботы. Губернатор одновременно инженер и медиатор: предупреждал о звуке учебных выстрелов, запустил бота-наблюдателя, обсуждает характеристики водохранилищ, публикует имена погибших бойцов, благодарит волонтеров, а в комментариях спорит с критиками. Такая многослойная риторика удерживает баланс между военной дисциплиной и гражданским диалогом, превращая канал в динамичную «панель ситуационной осведомленности», где каждый подписчик — соавтор местной безопасности и свидетель того, что власть остается в разговоре даже во время тревог.

Заключение и основные выводы

По результатам проведенного исследования стало очевидным, что кризисная коммуникация губернаторов — не «единый протокол», а набор адаптивных моделей, которые формируются под давлением трех ключевых переменных: частота прямых атак, психологический запрос аудитории и личный управленческий стиль главы.

Белгород и Курск представляют «передовую» модель. Гладков и Старовойт ежедневно работали с реальным огневым давлением, но реагировали

диаметрально: первый — холодной инженерной хроникой, второй — экспрессивной «солдатской» риторикой. Их общий знаменатель: предельная плотность контента и принцип «сначала факт, потом эмоция». Однако сама эмоция дозируется по-разному: у Гладкова она была встроена между цифрами, у Старовойта — была вынесена на передний план для катарсиса аудитории. Оба, тем не менее, решили центральную социально-политическую задачу – удержали доверие населения в условиях ежедневной угрозы: один через алгоритмическую прозрачность, другой — через ритуал совместного переживания.

Брянск и Воронеж заняли промежуточную позицию «приграничной, но реже атакуемой» территории. Здесь выявились стратегии «диспетчера» (Богомаз) и «личного щита» (Гусев). Богомаз минимизировал эмоциональные маркеры, погружая людей в язык процедур и социальных гарантий, что решило задачу «не накалять там, где нет постоянной эскалации». Гусев, напротив, повысил персональную заметность на фоне редких инцидентов, напоминая аудитории о своей «физической» готовности встать между угрозой и населением. Обе траектории показывают, что при невысокой интенсивности риска губернатор может позволить себе выбрать: либо «охладить» политическую повестку дня, либо, наоборот, нарастить персональный капитал, не превращая канал в военную хронику.

Краснодар и Ростов продемонстрировали две версии «большого южного тыла». Во внешне мирном Краснодаре Кондратьев сознательно демилитаризовал канал, укрепляя экономический и курортный бренд края; коммуникационная стратегия была направлена на сохранение инвестиционной и туристической привлекательности. Ростовский Голубев, оказавшись в эпицентре мятежа ЧВК «Вагнер», выбрал противоположное средство: резкое сужение публичных сообщений и почти полное молчание об опасностях. Оба кейса иллюстрируют, что отсутствие регулярных обстрелов еще не гарантирует коммуникационного спокойствия: руководитель либо заполняет повестку позитивом, либо «закрывает клапан» информации, чтобы не усилить риски.

Крым и Севастополь сформировали особый кластер «военного тыла с фронтовым духом». Аксёнов выстроил канал как витрину милитаризации территории, совмещая отчет об инцидентах с демонстрацией оборонно-промышленного потенциала; Развожаев, напротив, сконцентрировался на превентивной безопасности и открытом диалоге, превращая жителей в со-охранителей города через инструменты краудсорсинга. Оба сформировали образ «плацдарма, который держит удар», но разными способами: Аксёнов через фронтовую символику, Развожаев посредством технологии публичной вовлеченности.

Таким образом, единица измерения эффективности кризисной коммуникации для губернатора — это не столько количество упоминаний СВО, сколько точность соответствия тональности реальному уровню опасности и социально-психологическому запросу региона. Там, где угрозы частые, стратегия строится на стабильной ритмике и прозрачности; где угрозы эпизодические — на выборе между «консервацией тревоги» и капитализацией личного лидерства; где

угрозы косвенные — на защите экономического имиджа или удержании информационного баланса молчанием.

В результате мы вывели восемь разных «кризисных диалектов», каждый из которых одновременно решил две задачи: оперативно снизил неопределенность «сегодняшнего дня» и сконструировал политическую репутацию губернатора в долгосрочном горизонте. Различие форм не отменяет общего принципа: в условиях СВО цифровая площадка главы субъекта РФ становится не просто медиаканалом, а инструментом социально-политического управления риском, где точность дозы информации равноценна точности артиллерийского расчета.

Поступила в редакцию / Received: 16.09.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 12.03.2025

Принята к публикации / Accepted: 19.04.2025

Библиографический список

- Великая Н.М., Зайцева А.А. Репрезентация специальной военной операции в печатных СМИ в контексте консолидации российского общества // *Caucasian Science Bridge*. 2023. № 5(4). С. 160–172. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.16> EDN: WYPMGS
- Марков А.А., Марков Ал.А., Краснова Г.В. Критерии социальной стабилизации в кризисные и чрезвычайные периоды // *Известия СПбГЭУ*. 2023. № 3 (141). С. 137–143.
- Мерзлякин Н.В., Иванов А.В. Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) // *Наука. Культура. Общество*. 2022. № 4. С. 85–95. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7> EDN: UAVMUP
- Шушпанова И.С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // *Наука. Культура. Общество*. 2022. № 4. С. 97–107. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.8> EDN: KARUHB
- Castells M. *Galaxy Internet: reflections on the Internet, business and society*. E.: U-Factory, 2004.
- Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, 1989. 301 p.
- Kozakov V., Kovalenko N., Golub V., Kozryieva N., Shchur N., Shoiko V. Adaptation of the Public Administration System to Global Risks // *Journal of Management Information and Decision Sciences*. 2021. Vol. 24, no. 2. P. 1–8.
- Salomonsen H.H., Hart P. *Communicating and Managing Crisis in The World of Politics* // *Crisis Communication (Handbooks of Communication Science, Vol. 23)* / ed. by F. Frandsen, W. Johansen. 1 ed. Berlin : Mouton de Gruyter, 2020.
- Ulmer R., Sellnow T., Seeger M. *Effective crisis communication: moving from crisis to opportunity*. Thousand Oaks, CA : Sage, 2006.

References

- Castells, M. (2004). *Galaxy Internet: reflections on the Internet, business and society*. A. Matveyev (Transl.), V. Kharitonov (Ed.). Ekaterinburg: U-Factory, 328 p. (In Russian).
- Habermas, J. (1989). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge. 301 p.

- Kozakov, V. Kovalenko, N., Golub, V., Kozyrieva, N., Shchur, N., & Shoiko, V. (2021). Adaptation of the Public Administration System to Global Risks. *Journal of Management Information and Decision Sciences*, 24(2), 1–8.
- Markov, A.A., Markov, A.A., & Krasnova, G.V. (2023). Criteria for social stabilization during crisis and emergency periods. *Izvestiya SPbGEU*, (3), 137–143. (In Russian).
- Merzlikin, N.V., & Ivanov, A.V. (2022). Social consolidation in the context of a special military operation (expert assessment). *Science. Culture. Society*, 28(4), 85–96. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7>
- Salomonsen, H.H., & Hart, P. (2020). Communicating and Managing Crisis in The World of Politics. In: F. Frandsen, W. Johansen (Eds.), *Crisis Communication (Handbooks of Communication Science, (vol. 23.)1 ed.* Berlin: Mouton de Gruyter.
- Shushpanova, I.S. (2022). Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the conditions of a special military operation: sociological analysis. *Science. Culture. Society*, 28(4), 97–108. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.8>
- Ulmer, R., Sellnow, T., & Seeger, M. (2006). *Effective crisis communication: moving from crisis to opportunity*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Velikaya, N.M., & Zaitseva, A.A. (2023). Representation of a special military operation in print media in the context of consolidation of Russian society. *Caucasian Science Bridge*, 5(4), 160–172. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.16>

Сведения об авторах:

Гнедаш Анна Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и публичного управления, Кубанский государственный университет (e-mail: anna_gnedash@inbox.ru). ORCID: 0000-0002-3516-107X)

Бирючева Екатерина Ильинична — преподаватель кафедры политологии и политического управления, соискатель кафедры государственной политики и публичного управления, Кубанский государственный университет (e-mail: biriu4yova.ek@yandex.ru) (ORCID: 0009-0002-4094-3989)

About the authors:

Anna A. Gnedash — PhD of Political Science, Associate Professor of the Department of State Policy and Public Administration, Kuban State University (e-mail: anna_gnedash@inbox.ru) (ORCID: 0000-0002-3516-107X)

Ekaterina I. Birucheva — Lecturer of the Department of Political Science and Political Management, External PhD student at the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (e-mail: biriu4yova.ek@yandex.ru) (ORCID: 0009-0002-4094-3989)

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-673-691

EDN: RSBNGC

Научная статья / Research article

Ценностные основания цифрового политического участия современной российской молодежи: результаты эмпирического исследования

О.В. Лагутин ✉, А.В. Шентякова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская
Федерация

Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ o.lagutin@spbu.ru

Аннотация. Современные мегаполисы представляют собой особые социально-экономические агломерации, в которых качество жизни, комфортная городская среда, развитие инфраструктуры, высокий уровень информационных технологий и доступность интернета создают привлекательный имидж территорий для молодого поколения. Особенности коммуникации и социализации городской среды современного мегаполиса определяются высоким уровнем цифровизации, скоростью и объемом информационных потоков. Все эти факторы влияют на ценностные ориентации и политические предпочтения молодых горожан. Актуальность исследования обусловлена влиянием цифровизации на процессы формирования политических норм, ценностей и моделей поведения у представителей молодого поколения. Цель исследования — выявление связи между ценностными предпочтениями молодежи, степенью их включенности в процессы сетевой коммуникации и цифровыми формами политического участия. Методологической основой исследования были выбраны ценностные концепции Р. Инглхарта, М. Рокича, теория гражданской культуры Г.А. Алмонда и С. Верба, теория ценностных расколов С.М. Липсета — С. Роккана. Эмпирической базой исследования стали результаты онлайн-опроса молодежи крупных городов РФ. Многомерные методы анализа позволили выявить связь между моделью политического участия с использованием цифровых технологий и типами ценностных ориентаций городской молодежи. Результаты кластерного анализа выявили две политически активные группы, которые имеют разные идеологические и ценностные векторы деятельности. Основой размежеваний между двумя сегментами выступает ось с индивидуалистическими и коллективистскими полюсами, которые сочетаются с либеральными и консервативным ценностными приоритетами.

© Лагутин О.В., Шентякова А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: молодежь, политические ценности, модели политического онлайн-участия, цифровизация

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лагутин О.В., Шентякова А.В. Ценностные основания цифрового политического участия современной российской молодежи: результаты эмпирического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 673–691. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-673-691>

The Value Bases of Digital Political Participation of Modern Russian Youth: Results of Empirical Research

Oleg V. Lagutin , Anna V. Shentyakova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

 o.lagutin@spbu.ru

Abstract. Modern megalopolises are special socio-economic agglomerations in which the quality of life, comfortable urban environment, infrastructure development, high level of information technology and Internet accessibility create an attractive image of the territories for the younger generation. The conditions of communication and socialization of the urban environment in a modern megalopolis are determined by the high level of digitalization, speed and volume of information flows. All these factors influence the value orientations and political preferences of young citizens. The influence of digitalization on the formation of political norms, values and forms of political participation among the younger generation determines the relevance of the study. The purpose of the study is to identify the relationship between the value preferences of young people, the degree of inclusion in network communications and digital forms of political participation. The methodological basis of the study was the value concepts of R. Inglehart, M. Rokeach, the theory of civic culture of G.A. Almond and S. Verba, the theory of value schisms of S.M. Lipset — S. Rokkan. The empirical basis of the study was the results of an online survey of young people in large cities of the Russian Federation. Multivariate analysis methods allowed us to identify the connection between the model of political participation using digital technologies and the types of value orientations of urban youth. The results of the cluster analysis revealed two politically active groups that have different ideological and value vectors of activity. The basis for the divisions between the two segments is the axis with individualistic and collectivist poles, which are combined with liberal and conservative value priorities.

Keywords: youth, political values, models of political online participation, digitalization

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31753 «Youth of Metropolis as a Social Basis for Public Protest: Prerequisites, Technologies, Forms, Risks and Effects of Political Online Mobilization».

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

For citation: Lagutin, O.V., & Shentyakova, A.V. (2025). The value bases of digital political participation of modern Russian youth: Results of empirical research. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 673–691. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-673-691>

Введение

Молодежь как социально-демографическая группа обладает системой ценностей, норм и установок, которые еще не сформировались окончательно и быстро трансформируются в меняющихся условиях. Качество жизни, комфортная городская среда, развитие инфраструктуры, высокий уровень информационных технологий и доступность интернета в современных крупных городах создают привлекательный имидж территорий для молодого поколения. Одновременно с этим высокая плотность населения, жесткая конкуренция на рынке труда, сложная полиэтническая и мультикультурная структура существенно влияют на формирование поведенческих моделей и ценностных картин мира горожан. Молодые люди, проживающие в крупных городах, обладают определенным уровнем культурного и социального капитала, активно используют интернет-платформы, нейросети и технические возможности мобильной коммуникации для общения, развлечения и самоорганизации. Условия жизни в городах в значительной степени связаны с процессами цифровизации, которые предполагают включение цифровых технологий в различные сферы жизни. Распространение новых технологий, а с одной стороны, расширяет возможности социально активных граждан, а с другой стороны — актуализирует опасность вторжения государства в частную жизнь человека. Новые коммуникационные технологии влияют на гражданскую активность в современном обществе, вовлекая в свою орбиту чаще всего молодежь крупных городов и мегаполисов [Баранов Н.А. 2020: 67]. Цифровизация — в первую очередь появление информационной инфраструктуры, которая выступает его основным признаком и радикально изменяет общественное бытие [Шевченко 2022: 192].

Цель исследования — с помощью многомерных методов анализа выявить связь между формами цифрового политического участия и каналами коммуникации, политическими предпочтениями и ценностями у молодежи.

Теоретико-методологические основания исследования

Появление сетевых обществ, быстрое развитие и широкое применение различных цифровых технологий, медиатизация и платформатизация каналов коммуникации актуализировали дискуссии о формах политического участия и ценностных ориентациях, которые существенно влияют на все элементы политической культуры. Для достижения цели исследования были сформированы два теоретических блока. В рамках первого блока методологической основой были выбраны ценностные концепции Р. Инглхарта, М. Рокича, теория

гражданской культуры Г.А. Алмонда и С. Верба, теория ценностных расколов С.М. Липсета — С. Роккана. Термин «политическая культура» отсылает к глубоко политическим ориентациям — установкам по отношению к политической системе и различным ее частям, представлениям о роли личности в системе. Оно охватывает собой: (1) «когнитивную ориентацию»; (2) «эмоциональную ориентацию»; (3) «оценочную ориентацию» — суждения и мнения о политических объектах, обычно основанные как на ценностных установках и критериях, так и на информации и эмоциях [Алмонд, Верба 2010: 131].

Таким образом важными структурными элементами политической культуры выступают ценности, предпочтения, установки, модели и формы политического поведения. При этом важно учитывать, что все эти компоненты под влиянием быстро развивающихся информационных технологий подверглись трансформации.

В условиях цифровизации проблемные аспекты, связанные с типами ценностных картин мира и моделями политического поведения, актуализировались в новом ракурсе исследований. В последние десятилетия исследователями были разработаны новые типологии и концепции, объясняющие изменения ценностей [Abramson 2014, Рындина 2021], но исследование Р. Инглхарта сохраняет статус фундаментального и актуального [Артёмов, Пинкевич 2018: 253]. В качестве теоретической основы для выявления и анализа взаимосвязи между формами цифрового политического участия и ценностными ориентациями используется концепция Р. Инглхарта, в которой смена ценностных приоритетов связывается с переходом общественного развития к постиндустриальной фазе [Инглхарт 1997].

Важной составляющей теоретического базиса исследования также выступает теория ценностных расколов С.М. Липсета — С. Роккана. Согласно классической концепции расколов выделяются четыре ключевых размежевания: («центр — периферия», «государство — церковь», «город — село», «собственники — рабочие» [Lipset, Rokkan 1967]. Общественные расколы, продолжая логику и незначительно меняя окраску исходных размежеваний, действуют в новых условиях глобализации и цифровизации, создавая новые векторы поляризации. Территориальные размежевания «центр — периферия» и «город — село» реализуются сегодня на наднациональном уровне в форме раскола «глобализация — суверенизация». В то же время размежевания «государство — церковь» и «собственники — рабочие» сублимировались сегодня в ценностный постматериальный раскол «выживание — самовыражение». При этом в каждую эпоху сосуществуют два доминирующих принципа раскола — территориальный, который проецирует идеологическую ось «эгалитаризм — элитизм» и функциональный, поддерживающий идеологическую ось «индивидуализм — коммунизм» [Окунев 2022: 52].

Еще одним теоретическим блоком в рамках исследовательского проекта были теории политического участия. Несмотря на то, что термин «политическое участие» широко используется в научных исследованиях, однозначного определения к его интерпретации нет. Как в зарубежной, так и в отечественной

литературе не существует общепризнанного определения категории «политическое участие» [Пфетцер 2013: 104]. Всю совокупность теорий политического участия можно разделить на две основные группы. В рамках первого подхода политическое участие рассматривают как инструмент влияния на органы власти и другие социально-политические институты, группы. Немецкий исследователь Дж. Ван Дет дает определение политическому участию — действия граждан, влияющие на политику, — и определяет 4 признака политического участия:

1) действие, а не просто просмотр политических передач или чтение политической литературы;

2) деятельность простых граждан, а не политиков;

3) добровольность участия;

4) связь с правительством, политической системой или направленное на них [Van Deth 2014: 352]. Согласно второму подходу политическое участие является важной составляющей политической социализации и политического идентичности. Под влиянием процессов цифровизации интенсивно развиваются новые формы участия, которые очень популярны у представителей молодого поколения. Я. Теохарис и Дж. Ван Дет используют термин «цифровое политическое участие» для характеристики современных форм политической активности, к которым можно отнести подписание петиций на цифровых платформах, активность в социальных сетях, микроблогах и на авторских платформах, просмотр сторис и сторителлинг в социальных медиа, подкастинг, хештег — активизм [Баранов 2020: 69–70]. Политическое участие молодых людей в основном ограничивается новыми формами участия, поскольку традиционная политика кажется непредставительной и неспособной решать проблемы, связанные с современной молодежной культурой [Михайлова 2018: 170].

Эмпирический анализ ценностного выбора молодежи в контексте моделей цифрового политического участия

Цель нашего исследования заключается в эмпирическом поиске моделей политического участия российской молодежи с использованием современных средств интернет-коммуникаций с учетом влияния ценностных факторов. Задачами исследования являются:

- расчет ценностных моделей политического участия;
- расчет факторов формирования моделей политического онлайн-участия молодежи;
- на основе полученных факторов с использованием процедуры кластеризации К-средними выявление кластерных групп молодежи, различающихся по ценностным установкам и формам политического участия;
- построение матрицы с наложением кластерной переменной (как зависимого признака) на факторные признаки (как независимые переменные), включая социально-демографические, для выявления статистических зависимостей между ними.

В качестве данных были использованы результаты онлайн-опроса молодежи, проведенного коллективом кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ в рамках гранта РФФИ «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации». Было опрошено 1700 респондентов в возрасте от 14 до 30 лет в семнадцати городах-миллионниках России.

Для решения первой и второй задач исследования используем метод главных компонент в пакете SPSS по следующим тематическим признакам:

- ценностные ориентации современной российской молодежи;
- формы политического онлайн-участия молодежи;
- интересы пользовательской информации молодежи в Интернете;
- формы политического участия молодежи.

На основе полученных новых латентных тематических признаков в ходе использования метода снижения размерности сделаем попытку далее сформировать модели политического участия определенных кластерных групп, используя методы классификации.

Для выявления типов ценностных ориентаций молодежи был использован набор переменных, представленных в табл. 1.

Таблица 1

Факторы — «Типы ценностных ориентаций» молодежи

Переменные	Факторы		
	1	2	3
Сохранение традиций	,669		
Интересы государства	,565		
Интересы своей этнической группы	,511		
Свобода	-,363		
Самопожертвование	,350		
Общение		-,570	
Хорошие отношения с людьми		-,545	
Законность		,461	
Семья		-,443	
Права человека	-,355	,413	-,371
Реформы в обществе			
Личный успех			,606
Высокие доходы			,558
Справедливость			-,504
Авторитетность			,342
Работа			,327

Источник: составлено О.В. Лагутиным и А.В. Шентяковой по результатам исследования.

Table 1

Factors — «Types of value orientations» of youth»

Variables	Factors		
	1	2	3
Preserving traditions	,669		
The interests of the State	,565		
Interests of your ethnic group	,511		
Freedom	-,363		
Self-sacrifice	,350		
Communication		-,570	
Good relationships with people		-,545	
Legality		,461	
Family		-,443	
Human rights	-,355	,413	-,371
Reforms in society			
Personal success			,606
High incomes			,558
Impartiality			-,504
Authority			,342
Work			,327

Source: compiled by O.V. Lagutin, A.V. Shentyakova.

В ходе проведения факторного анализа были получены три фактора — это новые признаки, отражающие латентную ценностную структуру объекта исследования.

Первый фактор включает такие ценностные ориентации, как сохранение традиций, интересы государства, интересы своей этнической группы, самопожертвование, имеющие значимый положительный коэффициент факторной нагрузки и отражающие в совокупности государственническую идеологическую позицию. Ценностная ориентация в этом факторе — свобода — имеет значимый отрицательный коэффициент факторной нагрузки, то есть обратную зависимость с вышеупомянутыми государственническими признаками и отражает либертарианский фланг данного размежевания. Следовательно, этот фактор условно можем назвать — «Государственничество — Либертаранство» с уклоном к государственническим ценностям, так как именно они получили положительные коэффициенты факторной нагрузки.

Второй фактор включает такие ценностные ориентации, как законность и права человека с полученными положительными коэффициентами факторной нагрузки, отражающие приверженность законности в государстве и обществе, и в первую очередь в отношении прав человека. В противовес этим ценностям с обратной зависимостью на противоположном полюсе сконцентрированы такие ценности с отрицательными коэффициентами факторной нагрузки, как общение, семья, хорошие отношения с людьми, то есть категории, отражающие здоровые и гармоничные семейные отношения. Данный фактор условно можем назвать — «*Законность и права человека — Семейные ценности*». Положительные коэффициенты факторной нагрузки отражают приоритетность молодежи ценностных ориентаций, направленных на соблюдение законности и прав человека, нежели семейных ценностей.

Третий фактор включает ценностные ориентации постматериалистического свойства — личный успех, высокие доходы, авторитетность, работа с одной стороны, и ценностная ориентация — справедливость с другой. Этот фактор условно можем назвать — «*Личный успех — Общее благо*».

Таким образом, ценностное политическое пространство современной российской молодежи, проживающей в российских мегаполисах структурируется по трем линиям ценностных расколов: «*Государственничество — Либертаранство*»; «*Законность и права человека — Семейные ценности*»; «*Личный успех — Общее благо*». В целом все три линии ценностных размежеваний объединяет контрастность более общих феноменов, формирующих систему измерения культур — «*Индивидуализм — Коллективизм*».

Далее нам необходимо рассчитать факторы политического онлайн-поведения представителей молодого поколения. Блок признаков, отражающий деятельность политического характера в интернет-пространстве, представлены следующими переменными:

- 1) вел блог на политические темы;
- 2) делал репосты наиболее интересных политических материалов;
- 3) занимался организацией волонтеров для участия в политических акциях;
- 4) обсуждал, давал комментарии и оценки различным политическим событиям и проблемам;
- 5) оказывал материальную поддержку политикам, их проектам;
- 6) организовывал сбор средств в политических целях;
- 7) ставил лайки понравившимся материалам о политических событиях;
- 8) участвовал в голосовании на выборах (референдумах) в случае возможности электронного голосования;
- 9) участвовал в сборе подписей для поддержки чего-либо в отношении каких-либо событий, действий/бездействий физических или юридических лиц и т. д.

Для получения новых латентных признаков (факторов), характеризующих формы онлайн политического участия молодежи был также использован факторный анализ с методом главных компонент, результаты которого представлены в табл. 2.

Таблица 2

Факторы — «Формы онлайн политического участия молодежи»

Переменные	Факторы	
	1	2
Обсуждал, давал комментарии и оценки различным политическим событиям и проблемам в последний год	,687	
Ставил лайки понравившимся материалам о политических событиях в последний год	,684	
Делал репосты наиболее интересных политических материалов в последний год	,672	
Участвовал в сборе подписей для поддержки чего-либо в отношении каких-либо событий	,479	
Участвовал в голосовании на выборах (референдумах) в случае возможности электронного голосования в последний год	,391	
Занимался организацией волонтеров для участия в политических акциях в последний год	,735	
Организовывал сбор средств в политических целях в последний год	,732	
Вел блог на политические темы в последний год	,520	
Оказывал материальную поддержку политикам, их проектам в последний год	,478	

Источник: составлено О.В. Лагутиным и А.В. Шентяковой по результатам исследования.

Table 2

Factors — «Forms of online political participation of youth»

Variables	Factors	
	1	2
He discussed, commented, and evaluated various political events and issues over the past year	,687	
I liked the materials I liked about political events in the last year	,684	
I've been reposting the most interesting political materials over the past year	,672	
Participated in collecting signatures to support something in relation to any events	,479	
Participated in voting in elections (referendums) in case of possibility of electronic voting in the last year	,391	
He has been organizing volunteers to participate in political actions over the past year	,735	
Organized fundraising for political purposes in the last year	,732	
I've been blogging on political topics for the last year	,520	
I have provided financial support to politicians and their projects over the past year	,478	

Source: compiled by O.V. Lagutin, A.V. Shentyakova.

Путем снижения размерности переменных, выражающих различные формы онлайн политического участия молодежи, сформировалось два новых фактора.

Первый фактор — «активный онлайн-участник политической коммуникации». Данную компоненту составили переменные, отражающие активный интерес к политической информации в сетях, работу с этой информацией в виде обсуждений, комментариев на те или иные события в политической сфере, реагирование на них в виде лайков и репостов. Также в эту компоненту включаются определенные действия в онлайн-пространстве, направленные на сбор информации и электорального действия в виде электронного голосования.

Второй фактор — «онлайн-организатор политического процесса». Этот фактор сгенерирован корреляционными связями признаков, выраженных в организации политического процесса через интернет-ресурсы, создании смыслового политического контента.

Далее, мы используем полученные нами факторы — типов ценностных ориентаций молодежи, форм онлайн политического участия молодежи с уже рассчитанными факторами по этой базе данных в другом исследовании [Лагутин 2021. С. 13–17], которые включают в себя:

- типы информационных интересов молодежи в интернете:

Фактор 1 — «Интерес в инете к социально-политическим проблемам»;

Фактор 2 — «Интерес в инете к профессиональному, развлекательному, общеинформационному контенту».

- формы политического участия молодежи для защиты своих интересов:

Фактор 1 — «Готовность и участие в акциях протеста при активной деятельности в социальных сетях»;

Фактор 2 — «Готовность и участие в работе общественно-политических организаций»;

Фактор 3 — «Готовность обращаться в общественные и государственные органы»;

Фактор 4 — «Обращение в государственные и общественные институты»;

Фактор 5 — «Электоральное участие»;

Фактор 6 — «Использование личных связей».

Сочетание признаков готовности к определенным формам политического участия и видов политических практик для отстаивания своих интересов путем снижения размерности образовал нам шесть латентных новых признаков.

Следующий этап нашего исследования — расчет кластеров — групп респондентов в количественном выражении, объединенных в определенные модели политического участия, включая политическую онлайн-деятельность, виды предпочтительности использования политического информационного контента и ценностные ориентации, и сформированных на основе факторных значений, полученных компонент. Используя факторные значения полученных компонент произведем кластерный анализ методом *K*-средних, результат которого представлен в табл. 3. В табл. 4 приведено количественное распределение респондентов по кластерам.

Таблица 3

**Сегментация респондентов по формам политического участия
на основе ценностных ориентаций**

Переменные	Кластеры			
	1	2	3	4
Интерес в инете к социально-политическим проблемам	1,36048	-,51107	,84711	-,00586
Интерес в инете к профессиональному, развлекательному, общеинформационному контенту	-,24981	-,40573	-,46440	,63141
Готовность и участие в акциях протеста при активной деятельности в социальных сетях	1,45768	-,31861	,24062	-,20947
Готовность и участие в работе общественно-политических организаций	,66365	-,12861	1,56561	-,26940
Готовность обращаться в общественные и государственные органы	,31713	-,55325	-,44543	,58608
Обращался в общественные и государственные органы	,19365	-,17080	,88890	,03501
Электоральное участие	,31853	-,20932	-,15060	,44288
Использование личных связей	-,25909	-,06337	,96016	,07445
«Государственничество — Либертарианство»	,01226	,07628	,59868	-,14887
«Законность и права человека — Семейные ценности»	,55842	-,46808	,21584	,32057
«Личный успех — Справедливость»	-,27804	,15463	,17971	-,09624
Активный онлайн-участник политической коммуникации	1,47784	-,48609	-,01842	,01051
Онлайн-организатор политического процесса	-,02044	-,13881	3,02904	-,25317

Источник: составлено О.В. Лагутиным и А.В. Шентяковой по результатам исследования.

Table 3

Segmentation of respondents by forms of political participation based on value orientations

Variables	Clusters			
	1	2	3	4
Online interest in socio-political problem	1.36048	-,51107	,84711	-,00586
Online interest in professional, entertainment, and general information content	-,24981	-,40573	-,46440	,63141
Willingness and participation in protest actions with active social media activity	1.45768	-,31861	,24062	-,20947
Willingness and participation in the work of socio-political organizations	,66365	-,12861	1.56561	-,26940
Willingness to apply to public and government agencies	,31713	-,55325	-,44543	,58608
I applied to public and state bodies	,19365	-,17080	,88890	,03501
Electoral participation	,31853	-,20932	-,15060	,44288
Using personal connections	-,25909	-,06337	,96016	,07445
“Statesmanship — Libertarianism”	,01226	,07628	,59868	-,14887
“Legality and human rights — Family values”	,55842	-,46808	,21584	,32057
“Personal success — Impartiality”	-,27804	,15463	,17971	-,09624
Active online participant in political communication	1.47784	-,48609	-,01842	,01051
Online organizer of the political process	-,02044	-,13881	3.02904	-,25317

Source: compiled by O.V. Lagutin, A.V. Shentyakova.

В табл. 3 представлена оценка кластерных центров в виде средних значений факторов, которые варьируются ориентировочно в пределах от -3 до $+3$. Поскольку изначальная кодировка ответов по переменным, включенным в факторный анализ, имеет биномиальную структуру, большое положительное значение фактора в соответствующем кластере означает максимальную степень его проявления, а большое отрицательное значение фактора подразумевает низкую степень его проявления. На основе полученных результатов были выявлены четыре кластера, представляющих различные модели политического онлайн-участия на основе ценностных ориентаций, которые можно охарактеризовать следующим образом:

кластер 1 — группа респондентов достаточно политически активная, проявляет интерес в интернете к социально-политическим проблемам, имеет выраженную тенденцию готовности к участию в протестных акциях при активной деятельности в социальных сетях. В меньшей степени для защиты своих интересов имеет практику деятельности в общественных и политических организациях. Готовность обращаться в общественные и государственные органы для защиты своих интересов и электоральное политическое участие выражены слабо. В ценностном аспекте данная группа склонна выбирать законность и права человека, нежели семейные ценности;

кластер 2 — группа индифферентных, отчужденные от политики людей, которые не интересуются политической информацией в интернете, не участвуют и не собираются участвовать в каких-либо формах проявления политического участия;

кластер 3 — группа самая малочисленная в количественном отношении, но наиболее активная и деятельная в политическом плане. Представители данного кластера интересуются в интернете социально-политическими проблемами. У группы сильно выражены факторы организации политического процесса онлайн, участия в работе общественно-политических организаций. В ценностном аспекте наиболее явно выражена ориентация к государственничеству. Также можно добавить, что для отстаивания своих интересов представители данной группы склонны обращаться в общественные и государственные органы за поддержкой, и использовать личные связи;

кластер 4 — группа респондентов, формирующая модель пассивного политического участия. Данную молодежную группу в интернете информация по социально-политическим проблемам практически не интересует. Эта группа больше интересуется профессиональным, развлекательным, и общеинформационным контентом. А для защиты собственных интересов она выразила только готовность обращаться в общественные и государственные органы, а также может голосовать на выборах. В ценностном отношении группа сориентирована в приоритете к законности и правам человека.

Таким образом, полученные кластеры представляют собой модели политического участия с использованием цифровых технологий. Первую модель (1) условно можем назвать — «активный онлайн-участник информационного сопровождения политического протеста с ценностями либерального свойства». Вторая модель (2) — «абсентеисты». Третья модель (3) — «организаторы политического процесса». Четвертая модель (4) — «пассивные участники политического процесса» (табл. 4).

Таблица 4

Число наблюдений в каждом кластере		
Кластеры	1	245,000
	2	756,000
	3	67,000
	4	632,000
Допустимо		1700,000

Источник: составлено О.В. Лагутиным и А.В. Шентяковой по результатам исследования.

Table 4

The number of observations in each cluster		
Clusters	1	245.000
	2	756.000
	3	67.000
	4	632.000
Acceptable		1700.000

Source: compiled by O.V. Lagutin, A.V. Shentyakova.

В табл. 4 представлено количественное распределение респондентов в каждом кластере. Кластер «абсентеистов» самый многочисленный в количественном отношении — 44,5 %, а кластер «организаторы политического процесса» самый малочисленный — 4 %.

Далее полученную кластерную переменную используем в качестве зависимой переменной в сопряжении с независимыми признаками — «возраст», «уровень образования», «предпочтительные принципы организации жизни в своем государстве». Установление статистической зависимости между этими переменными позволит охарактеризовать данные кластеры в социально-демографическом и идеологическом аспектах.

Таблица 5

Сопряженность кластерных групп молодежи с возрастными когортами, уровнем образования, предпочтительными принципами организации жизни в своем государстве

Переменные	Кластеры			
Возрастные когорты	активный онлайн-участник информационного сопровождения политического протеста (1)	абсентеисты (2)	организаторы политического процесса (3)	пассивные участники политического процесса (4)
14–17	49	281	10	170
	2,9 %	16,5 %	0,6 %	10,0 %
	–2,9	3,6	–2,3	–1,4
18–24	122	267	35	256
	7,2 %	15,7 %	2,1 %	15,1 %
	2,4	–2,0	1,6	,2
Уровень образования				
Ниже незаконченного высшего образования	105	501	40	344
	6,2 %	29,5 %	2,4 %	20,2 %
	–3,2	2,9	,2	–1,3
Незаконченное высшее, высшее образование	140	255	27	288
	8,2 %	15,0 %	1,6 %	16,9 %
	3,7	–3,4	–,2	1,5
Предпочтительные принципы организации жизни в своем государстве				
Либеральные принципы	87	184	18	211
	5,1 %	10,8 %	1,1 %	12,4 %
	1,8	–2,6	–,4	1,8
Социал-демократические принципы	70	97	18	164
	4,1 %	5,7 %	1,1 %	9,6 %
	2,8	–2,7	1,1	3,0
Для меня это не имеет значения	3	102	5	20
	0,2 %	6,0 %	0,3 %	1,2 %
	–3,6	2,8	–,1	–4,1
Никогда об этом не думал	16	234	3	105
	0,9 %	13,8 %	0,2 %	6,2 %
	–5,0	2,9	–3,0	–2,4

Источник: составлено О.В. Лагутиным и А.В. Шентяковой по результатам исследования.

Table 5

Conjugation of cluster groups of young people with age cohorts, education level, and preferred principles of organizing life in their state

Variables	Clusters			
Age cohorts	an active online participant in the information support of political protest	the absenteeists	organizers of the political process	passive participants in the political process
14–17	49	281	10	170
	2.9 %	16.5 %	0.6 %	10.0 %
	–2.9	3.6	–2.3	–1.4
18–24	122	267	35	256
	7.2 %	15.7 %	2.1 %	15.1 %
	2.4	–2.0	1.6	,2
Education level				
Below the incomplete higher education	105	501	40	344
	6.2 %	29.5 %	2.4 %	20.2 %
	–3.2	2.9	,2	–1.3
Incomplete higher education, higher education	140	255	27	288
	8.2 %	15.0 %	1.6 %	16.9 %
	3.7	–3.4	–,2	1.5
Preferred principles of organizing life in one’s own state				
Liberal principles	87	184	18	211
	5.1 %	10.8 %	1.1 %	12.4 %
	1.8	–2.6	–,4	1.8
Social democratic principles	70	97	18	164
	4.1 %	5.7 %	1.1 %	9.6 %
	2.8	–2.7	1.1	3.0
It doesn’t matter to me	3	102	5	20
	0.2 %	6.0 %	0.3 %	1.2 %
	–3.6	2.8	–,1	–4.1
I’ve never thought about it	16	234	3	105
	0.9 %	13.8 %	0.2 %	6.2 %
	–5.0	2.9	–3.0	–2.4

Source: compiled by O.V. Lagutin, A.V. Shentyakova.

В табл. 5 выделены жирным шрифтом ячейки, в которых на пересечении значений переменных установлена статистическая зависимость (в ячейках указаны наблюдаемая частота, процент по слою, стандартизованный остаток). Первый кластер — «активный онлайн-участник информационного сопровождения политического протеста с ценностями либерального свойства» представляет собой молодежную возрастную группу когорты — 18–24 лет с высшим и незаконченным высшим образованием, предпочитающую либеральные принципы организации жизни в государстве. Группу «абсентеистов» в большей степени характеризует возрастная когорта 14–17 лет, нежели 18–24, наличие довузовского образования, нежели высшего. Также представители данной группы более склонны не задумываться на предмет принципов организации жизни в своем государстве, которые для них не имеют значения, нежели выбирать принципы организации либерального или социал-демократического свойства. Третья кластерная группа — организаторы политического процесса не получили статистической зависимости по факторным признакам, вероятно, в силу ее малочисленности. Четвертая кластерная группа — «пассивные участники политического процесса» — характеризуется только наличием четко выраженных устремлений в отношении либеральных и социал-демократических принципов организации государства.

Выводы

Результаты комбинированных многомерных эмпирических расчетов позволили выделить четыре группы молодежи, стратифицированные по типу предпочтительной информации в интернете, которую выбирает респондент, ценностным ориентациям, формам политического участия с использованием цифровых технологий, типам политической деятельности в сетях. В ценностном аспекте фактор размежевания «Государственничество — Либертарианство», где акцент делается на традиционный уклон, приоритеты интересам государства, самопожертвование и т.д., характерен для группы организаторов политического процесса — это молодежная группа, профессионально занимающаяся политикой в политико-институциональных структурах и организацией политического процесса в цифровом пространстве. Это люди, способные работать со смыслами, формировать информационный фон политических событий. Можно констатировать, что в России сложилась молодежная группа политиков-профессионалов с государственным идеологическим вектором, для которого коллективистские ценности являются приоритетными. Данная группа, скорее всего, организационно аморфна и работает на сетевом уровне взаимодействия. Группа четкими социально-демографическими характеристиками не определена. Однако эмпирически она имеет место быть, и данный молодежный кластер необходимо исследовать в дальнейших исследованиях, возможно с использованием качественных методов.

Ценностное размежевание — «Законность и права человека — Семейные ценности» с уклоном на первую категорию свойственно для двух полученных кластеров — «активный онлайн-участник информационного сопровождения политического протеста с ценностями либерального свойства» и «пассивные

участники политического процесса». Представители обеих групп выбрали либеральные принципы организации жизни в своем государстве, имеют либеральную идеологическую идентификацию. То есть у обеих групп с разным уровнем политического участия присутствуют либеральные предпочтения индивидуалистического свойства в ущерб, в частности, коллективистским, семейным ценностям, и они выбирают либеральные ценности в качестве идеологической основы государственного строительства. Эти два кластера, вероятно, взаимодействуют в политическом информационном процессе в субъектно-объектных отношениях. Однако кластер — «пассивные участники политического процесса» не совсем однороден в идеологическом отношении, поскольку наряду с либеральными имеется четкая статистическая зависимость с социал-демократическими принципами организации жизни в своем государстве, то есть кластер разнообразен в идейных основаниях организации политической жизни в стране. Таким образом, данный кластер может быть потенциальным объектом влияния первого и третьего кластеров, сориентированных на организацию политического процесса и информационного влияния.

Полученный фактор постматериалистического характера в размежевании — *«Личный успех — Справедливость»* не внес статистического вклада ни в один из четырех кластеров.

Таким образом, можно утверждать, что в молодежной среде сложились две политически организованные группы, активно действующие в цифровом пространстве, отчасти его формирующее. Они имеют разные идеологические и ценностные векторы деятельности. В основу ценностных размежеваний этих групп положены индивидуалистические и коллективистские полюса с соответствующим либеральным и консервативным их наполнением. Государственничество как идеологический концепт сформировался не только как латентный признак, но и как социальный кластер пусть и небольшой молодежной группы. Сильны позиции либерально настроенных в ценностном аспекте молодежных групп, как политически активных, так и пассивных, но многочисленных в количественном отношении.

Полученные результаты исследования предполагают дальнейшее эмпирическое изучение уже в исторической динамике, что позволит в перспективе исследовать эволюцию социально-политического становления молодого поколения России.

Поступила в редакцию / Received: 10.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 14.04.2025

Принята к публикации / Accepted: 15.09.2025

Библиографический список

- Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Полития. 2010. № 2 (57). С. 122–144. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-57-2-122-144>
- Артёмов Г.П., Пинкевич А.Г. Опыт изучения взаимосвязи ценностных конфликтов и социальной напряженности на основе данных Всемирного исследования ценностей //

- Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 251–263. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.209>.
- Баранов Н.А. Цифровое политическое участие как форма политической мобилизации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). С. 66–72. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072>
- Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–23. EDN: ESCOIL.
- Лагутин О.В. Модели онлайн-мобилизации политического протеста современной российской молодежи (результаты эмпирического исследования) // Конфликтология. 2021. Т. 16. № 1. С. 13–17. <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2021-16-1-9-20>
- Михайлова В.В. Новые информационно-коммуникационные технологии как фактор активизации политического участия молодежи // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 169–175. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-169-175>
- Окунев И.Ю. Цикличность идейно-политических размежеваний в электоральном пространстве: к новому прочтению концепции Липсета-Роккана // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. № 16 (3). С. 52–62 // Bulletin of Perm University. Political Science. Vol. 16, no. 3. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-3-52-62>
- Пфетцер С.А. Теоретико-методологические основания анализа проблемы политического участия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 1, № 3 (55). С.103–110.
- Рындина А.С. Крупномасштабные исследования ценностей: возможности и ограничения // Теория и практика общественного развития. 2021. № 6. С. 63–69. <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.6.9>
- Шевченко Л.В. Трансформация общественно-политической коммуникации в условиях цифровизации общества // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 6 (58). С. 191–200. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.6.11> EDN DKAJFW.
- Abramson P.R. Value Change over a Third of a Century. The Evidence for Generational Replacement // *The Civic Culture Transformed: From Allegiant to Assertive Citizenship* / ed. by R.J. Dalton, Ch. Welzel. New York: Cambridge University Press, 2014. P. 19–34.
- Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction // *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives* / ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. New York : Free Press, 1967. P. 1–64.
- Rokkan S. Citizens, Elections, Parties: Approaches to the Comparative Study of the Processes of Development. Oslo: Universitetsforlaget. 1970. 470 p.
- Van Deth J.W. A conceptual map of political participation // *Acta Politica*. 2014. Vol. 49. P. 349–367. <https://doi.org/10.1057/ap.2014.6>

References

- Abramson, P.R. (2014). Value Change over a Third of a Century. The Evidence for Generational Replacement. In R.J. Dalton & Welzel, Ch. (Eds.), *The Civic Culture Transformed: From Allegiant to Assertive Citizenship* (pp. 19–34). New York: Cambridge University Press.
- Almond, G.A., & Verba, S. (2010). Civic Culture. An Approach to the Study of Political Culture. *Politeia*, 2, 122–144. (In Russian). <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2010-57-2-122-144>
- Artemov, G.P., & Pinkevich, A.G. (2018). The experience of studying the relationship between value conflicts and social tension on the base of the World Values Survey data. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 34(2), 251–263. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.209>.
- Baranov, N.A. (2020). Digital political participation as a form political mobilization. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 3, 66–72. (In Russian). <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2020-64-3-066-072>

- Inglehart, R. (1997). Postmodernity: Changing Values and Changing Societies. *Polis. Political Studies*, (4), 6–23. (In Russian). EDN:ESCOIL.
- Lagutin, O.V. (2021). Models of online mobilization of political protest of modern Russian youth (results of an empirical study). *Konfliktologia*, 16(1), 13–17. (In Russian). <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2021-16-1-9-20>
- Lipset, S.M., & Rokkan, S. (1967). Cleavage structures, party systems and voter alignments: An introduction. In Lipset, S.M., & S. Rokkan. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives* (pp. 1–64). New York: Free Press
- Mikhaylova, V.V. (2018). New Information and Communication Technologies as a Factor in Increasing the Youth Political Participation. *Administrative Consulting*, (10), 169–175. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-169-175>
- Okunev, I.Yu. (2022). Cyclicity of ideological and political cleavages in the electoral space: Towards a new reading of the Lipset-Rokkan concept. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 16(3), 52–62. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-3-52-62>
- Pfetser, S.A. (2013). Theoretical and Methodological Bases of Analyzing the Problem of Political Participation. *SibScript*, 1(3), 103–110. (In Russian).
- Rokkan, S. (1970). Citizens, Elections, Parties: Approaches to the Comparative Study of the Processes of Development. Oslo: Universitetsforlaget.
- Ryndina, A.S. (2021). Large-scale values research: opportunities and limitations. *Theory and Practice of Social Development*, 6, 63–69. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/tipor.2021.6.9>
- Shevchenko, L.V. (2022). Transformation of Socio-Political Communication in the Context of the Digitalization of Society. *Humanities of the South of Russia*, 11(6), 191–200. (In Russian.). <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.6.11> EDN DKAJFW.
- Van Deth, J.W. (2014). A Conceptual Map of Political Participation. *Acta Politica*, 49, 349–367. <https://doi.org/10.1057/ap.2014.6>

Сведения об авторах:

Лагутин Олег Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. (e-mail: o.lagutin@spbu.ru) (ORCID: 0000-0001-8746-7217)

Шентякова Анна Владимировна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (e-mail: a.shentyakova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0002-2389-8162)

About the authors:

Oleg V. Lagutin — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University (e-mail: o.lagutin@spbu.ru; +79500217418) (ORCID: 0000-0001-8746-7217)

Anna V. Shentyakova — PhD in Political Science, Senior Lecturer of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University. Associate Research Fellow, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. (e-mail: a.shentyakova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0002-2389-8162)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
